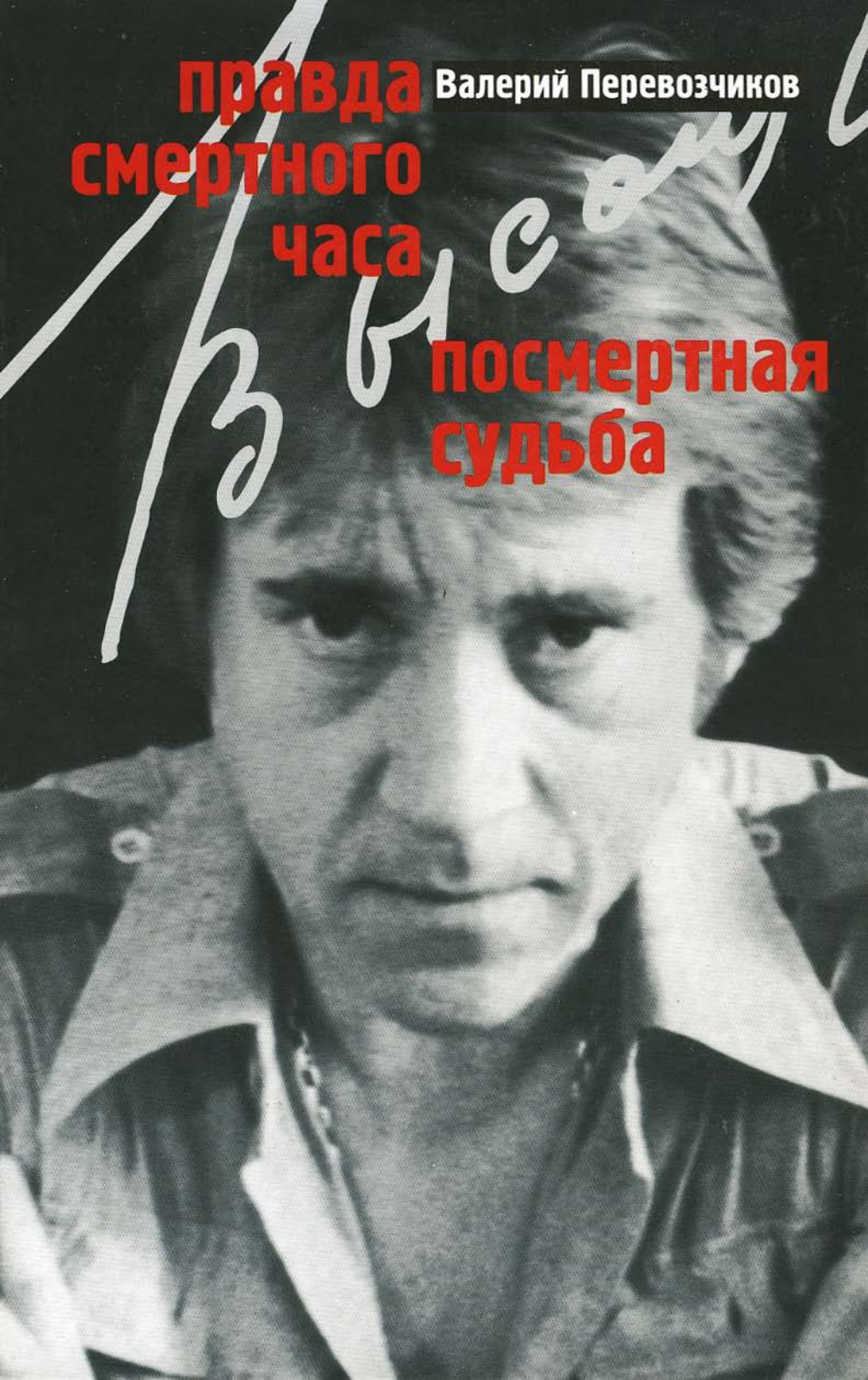

правда смертного часа
Валерий Перевозчиков
посмертная судьба

Светлой памяти моих родителей
Гордеевой Пелагеи Порфирьевны
и Перевозчикова Кузьмы Кирилловича

правда смертного часа

Валерий Перевозчиков

посмертная судьба

Москва
ПОЛИТБЮРО
2000

УДК 882
ББК 84Р7
П 26

Издательство выражает благодарность Алексею Денисову за помощь в подготовке книги.

В оформлении обложки использована работа фотохудожника А.Саакова.

В книге использованы фотографии М.Пазия, В.Меклера, М.Гаркавого, Л.Лубяницкого, В.Мурашко, В.Нисанова, А.Денисова, В.Плотникова, А.Стернина, Д.Чижкова, Ю.Кадобного, Ю.Пустовалова, П.Бернара, из архивов объединения «Ракурс», журнала «Вагант—Москва», Ю.Гурова и В.Перевозчикова.

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 5-89756-035-8

© Издательство «Политбюро», 2000
© В. Перевозчиков, автор, 2000

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

правда смертного часа

Истина не может быть никакой, потому что нет ничего выше истины. Пушкинскому «возвышенному обману» хочется противопоставить нас возвышающую правду: надо учиться и чтить, и любить замечательного человека со всеми его слабостями и порой даже за самые слабости. Такой человек не нуждается в прикрасах, он от нас требует гораздо более трудного — полноты понимания.

В.Ходасевич

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Михаил Барышников в фильме, посвященном памяти Владимира Высоцкого, рассказывал, что еще в Ленинграде В.В. повел его на Черную речку (место дуэли Пушкина) и сказал:

— Вот отсюда все началось...

Высоцкий остро чувствовал — переживал — человеческое существование как «жизнь от смерти». Вообще — «жизнь создана смертью», — сказал Иосиф Бродский.

«Очень часто у Высоцкого про смерть, свою и чужую. Но это же именно от серьезного отношения к жизни, от могучей жажды ее, от неутолимого голода работы: успеть! успеть! И когда беспрестанно упрекают наше искусство в том, что оно, дескать, отрывается от жизни, то мне хочется сказать и другое: не слишком ли оно оторвано от смерти?» (Ю.Карякин).

Отношение к смерти Высоцкого — это вначале отношение к непоправимости ухода другого — близкого по крови или духу...

Смерть самых лучших намечает
И дергает по одному...

В последние два-три года — а Высоцкому всего сорок лет — в стихах и песнях, в разговорах с друзьями и близкими все чаще возникает тема смерти:

«Сколько осталось?»
«Я скоро умру...»

В пятигорском интервью В.В. точно формулирует главный вопрос, который он хотел бы задать самому себе: «Сколько мне еще осталось лет, месяцев, дней и часов творчества? — вот какой я хотел бы задать себе вопрос... Вернее, знать на него ответ».

Высоцкому осталось жить девять с половиной месяцев...

Михаил Шемякин: «В последние два года постоянно говорили о смерти. Я не знаю, какой он был в России, но во Франции Володя был очень плохой. Я просто уговаривал его не умирать».

Марина Влади: «Все чаще станет появляться в наших беседах вопрос о смерти. Многих близких уже нет в живых...»

Отношение к добровольной смерти... Напомним, что древние считали, что возможность самоубийства — при непереносимых, позорящих условиях жизни — условие человеческой свободы. Отметим, что у Высоцкого было несколько попыток суицида... Разумеется, тут многое связано с болезнью, но напомним мысль Гегеля, что только человек, способный рисковать своей жизнью, может в полной мере считаться личностью.

Кстати, несколькими друзьями Высоцкого его смерть была воспринята как самоубийство.

«Его смерть для меня — не просто неожиданность, для меня эта смерть — самоубийство» (М.Шемякин). А все, кто хорошо знал В.В. в последний год, в общем-то понимали, что его жизнь — медленное самоуничтожение...

«Никакие — даже самые трагические, самые ужасные биографические подробности для судьбы Высоцкого не имеют значения. Нет таких подробностей, которые снизили бы значение Высоцкого в русской литературе. Но если мы не будем знать всех обстоятельств его ухода, многие стихи и песни — особенно последние — останутся красивыми абстракциями» (Л.Абрамова).

Сколько великих выбыло —
Их выбивали нож и отрава.
Что же, на право выбора
Каждый имеет право.
В.Высоцкий

В этой книге попытка рассказать о последних шести месяцах жизни В.Высоцкого. В ней «правда смертного часа» (Томас Манн) — уж какой бы горькой и обидной она ни была...

ЯНВАРЬ 1980 ГОДА

2 декабря 1979 года Валерий Золотухин записывает в дневнике: «Высоцкий занял 2500 рублей. Володька улетел сегодня на Таити к Марине». На самом же деле Высоцкий летит на очередную свадьбу второго мужа Марины Влади — Жана Клода Бруйе, летчика и владельца небольшой авиакомпании на Таити. Марина, трое ее детей, жених и невеста с нетерпением ждут Высоцкого... Но «нас огорчает твоя телеграмма: ты не получил визы на Таити и ждешь нас в Лос-Анджелесе» (Марина Влади. Владимир, или Прерванный полет).

Из архива Театра на Таганке: «Владимиру Высоцкому предоставить отпуск без содержания сроком на две недели для лечения за границей». Эти две недели В.В. проводит у Майкла Миша — певца и композитора — в доме на берегу океана. (М.Миш был в гостях у Высоцкого летом 1978 года — В.В. пробовал «пробить» его диск на фирме «Мелодия».) По всей вероятности, отказ в визе — только предлог. Причина в другом — в болезни, от которой одинаково страдают и Высоцкий, и Майкл Миш. После свадьбы прилетает Марина, — и хотя Высоцкий ведет себя более чем странно, она еще ни о чем не догадывается...

Игорь Шевцов (киносценарист, в это время вместе с В.В. он работает над сценарием «Зеленый фургон» по повести Козачинского) в начале декабря звонит на Малую Грузинскую. Мама Высоцкого — Нина Максимовна — говорит, что он улетел до 14—15 декабря. 15 декабря — Высоцкий уже в Москве, вместе с ним в самолете (вероятно, В.В. летел в Москву через Париж. — *В.П.*) Бриджит Анжерер — молодая французская пианистка, ученица и подруга Станислава Нейгауза. Как заметила потом Марина Влади, Нейгауз — «твой собрат по саморазрушению». Высоцкий и Анжерер говорят и об этом — о «срывах» Нейгауза... И В.В. рекомендует «своего» врача — Анатолия Федотова.

Возвращаясь домой, Высоцкий уже знал «о событиях в Афганистане». В США его поразила одна телепередача: когда-то операторы снимали красочную свадьбу в одной афганской деревне... А после начала войны сняли эту же деревню, сожженную советским напалмом, — показали и мертвую обезображенную девушку-невесту... Высоцкий с возмущением рассказывал об этом своим друзьям.

М.Шемякин: «События в Афганистане потрясли его. Он с болью говорил, как потрясла его фотография девочки, обожжен-

ной советским напалмом. Закрыв лицо руками, он почти кричал:

— Я не могу после этого жить там! Не могу больше!»

И вот 29 декабря 1979 года появляется официальное сообщение ТАСС:

«Кабул. 28. Кабульское радио передало сегодня заявление правительства Демократической Республики Афганистан. В нем говорится:

«Правительство ДРА, принимая во внимание продолжающееся и расширяющееся вмешательство и провокации внешних врагов Афганистана... обратилось к СССР с настоятельной просьбой об оказании срочной политической, моральной, экономической помощи, включая и военную помощь, с которой правительство Демократической Республики Афганистан ранее неоднократно обращалось к правительству Советского Союза.

Правительство Советского Союза удовлетворило просьбу афганской стороны».

В.Абдулов: «Афганистан... Это было такое страшное потрясение для Володи, что не до разговоров было. Я сейчас не вспомню каких-то конкретных слов, но ощущение, что его страна дошла до такой мерзости! — это подействовало на него страшно».

На следующий день на Малую Грузинскую приезжает Игорь Шевцов: «Не помню точно, что он говорил, но мизансцену запомнил очень хорошо... Там, где у него обычно лежали пластинки, стоял почему-то приемник. Уже не в первый раз передавали это сообщение об Афганистане. Володя ругался, отчаянно ругался, узнав о вводе войск... А потом у нас был очень серьезный разговор по поводу Афганистана...»

Через несколько месяцев в парижском госпитале Шарантон (май 1980 года) Высоцкий напишет в одном из последних своих стихотворений:

Смелее! В облака!
Брат мой, ведь я — в сутане,
А смерть — она пока
Еще в Афганистане..

В самом конце декабря в Москву прилетает Марина Влади — для встречи Нового года и «для серьезного разговора». Кстати, в книге

«Владимир, или Прерванный полет» Марина Влади вообще не упоминает об этом последнем приезде в Москву, хотя событий было много, в том числе и чрезвычайно драматических... Почти сразу же после прилета Марина уезжает на дачу, которая к этому времени полностью готова.

31 декабря 1979 года. Вспоминает Валерий Павлович Янклович — тогда главный администратор Театра на Таганке, организатор многих концертов В.В. В последние годы он входил в очень узкий круг самых близких людей.

«...Марина уже на даче. А Володя едет получать телевизор для одной девушки, отвозит его к ней домой.

(Тут я должен сказать, что в последние годы Володя очень серьезно относился к этой девушке. Хотя меня она тогда немного раздражала... Но я видел Володино отношение: он принимал участие в ее жизни, вникал в ее студенческие дела... Конечно, она сыграла в жизни Высоцкого определенную роль.)»

После смерти Высоцкого Валерий Золотухин — актер Театра на Таганке и одно время близкий друг Высоцкого — записывает в своем дневнике: «К. Что это за девица? Любил он ее, оказывается, и два года жизни ей отдал...

Ничего не знал... Ничего... Совершенно далек я оказался в последние годы от него...»

И нам не обойтись без воспоминаний этой девушки. Оксана Афанасьева, тогда студентка одного из московских вузов, а теперь художник по театральным костюмам.

Кто-то сказал, что самая удивительная в мире память — это память влюбленной женщины. Но дело даже не в точности, хотя точность эта действительно поражает... Дело в том, что Оксана является, по существу, единственным «независимым» свидетелем очень многих и очень важных событий. Итак, рассказывает Оксана:

«31 декабря вечером Володя заехал ко мне. Он как раз ехал на дачу. К Новому году Володя подарил мне телевизор: этот телевизор уже привезли, поставили, и он у меня работал. Приехал Володя, и я кормила его пельменями. Вид у него был какой-то несчастный, пуговица на рубашке оторвана...

— Ну, давай я тебе хоть пуговицу пришью...

И вот сижу я, с грустью пришиваю эту пуговицу — Володя ест пельмени, смотрит телевизор. И вдруг спрашивает:

— Да, кстати, а телевизор ты куда поставила?

— Володя, да ты же его смотришь!

Потом он говорит:

— Может быть, поедешь со мной?

— Нет уж, Володя, у тебя — своя компания, у меня — своя...

Вот в таком безрадостном настроении он поехал встречать Новый год».

Продолжает Валерий Янклович: «Так вот — Марина ждет на даче, а у нас еще ничего нет. (Встречать Новый год должны были на даче у Володарского. — *В.П.*) Мы заезжаем в магазин, покупаем огромный кусок мяса. Володя едет на дачу. А нас с Севой просит захватить знакомых девушек. Мол, собирали компанию, мотались по всей Москве...»

Приглашен и Вадим Иванович Туманов с женой. В.И.Туманов — один из самых близких друзей Высоцкого последних лет, в то время председатель золотодобывающей артели. В тот день Римма Васильевна плохо себя чувствовала, и они не поехали...

В.Янклович: «Приезжаем на дачу, мясо уже готово. У Володарского — Трифонов, Аксенов... Настроение праздничное. Все идет нормально, Володя немного размяк...»

Этой новогодней ночью Высоцкий, по всей вероятности, последний раз видится с Василием Аксеновым, которого буквально вынуждают эмигрировать. (После публикации альманаха «Метрополь» за границей Аксенов становится «запрещенным» человеком... В «Метрополе» была опубликована первая и единственная подборка стихов Высоцкого с правкой автора... Аксенов уезжает за несколько дней до смерти Высоцкого. Его отклик на эту смерть мы услышим уже «из-за бугра».)

В.Аксенов: «В новогоднюю ночь 1980 года мы оказались с Володей в одном доме. Он был трезв и веселился грустновато».

А вот как вспоминает об этой новогодней ночи Юрий Трифонов: «...Это был Новый год — этот трагический для него, — мы его встречали вместе. Запомнил эту ночь только потому, что там был Володя, и я видел, как проявилось другое Володино качество — его необыкновенная скромность. Это, может быть, пошло звучит, но, может быть... Образовалась довольно большая компания, какая-то очень пестрая. Это было в одном доме, здесь, на Пахре. Пришли Володя с Мариной. Володя принес гитару. И вот вся эта публика, пестрая какая-то, я не знаю, чем она была объединена, за всю ночь даже ни разу не попросила его спеть, хотя он пришел с гитарой. А он был очень приветлив со всеми, всем хотел сделать приятное, спрашивал о делах, предлагал помощь, потом даже повез кого-то в Москву, никто другой не вызвался». (28 июля во время похорон Высоцкого Юрий Валентинович скажет: «Как умирать после Высоцкого...»)

В воспоминаниях Трифонова — небольшая неточность, В.В. повез в Москву Абдулова и Янковича на следующий день — 1 января 1980 года. В.Абдулов: «На Новый год все было хорошо: и природа, и люди... А потом перешли к Володе, и первую ночь провели на его даче. Встали поздно, смотрели прекрасный фильм Захарова, по-моему, «Мюнхгаузена». Потом гуляли... Вечером снова сидели за столом, снова была большая компания... В общем, провели там целый день... Часов в десять мы с Валерой (Янковичем) собрались ехать, — на следующий день у нас были спектакли. Спокойно собрались, а Володя говорит:

— Я вас отвезу...

— Да ладно, оставайся...

— Нет, я сам собирался, у меня — дело...

Мы его долго уговаривали, мол, выйдем на шоссе и сами поймаем машину...

— Нет, мне надо в Москву.

Мы выехали, темное шоссе, Володя ехал очень плохо. Я начал скандалить в машине. Володя немного сбавил скорость. (Он очень по-разному водил машину, это зависело от его состояния.) А потом мы въехали в Москву...»

Несколько по-другому об этом рассказывает В.Янклович: «Володя подходит ко мне и говорит:

— Скажи Марине, что тебе срочно надо в Москву.

И я понимаю, что ему самому нужно в Москву — кончилось «лекарство»... Подхожу к Марине:

— Ты знаешь, мне надо в театр на утренний спектакль...

А Володе говорю:

— Ты подбросишь меня до трассы?

— Да, конечно.

Марина:

— Но только до трассы?

— Да, только до трассы.

Мы садимся в машину (Сева и девушки поехали тоже), и Володя гонит на скорости двести километров в час, не обращая внимания ни на светофоры, ни на перекрестки...

На Ленинском проспекте, прямо напротив Первой Градской больницы, машина врезается в троллейбус. Сева ломает руку, у меня — сотрясение мозга. Сам Володя невредим».

В.Абдулов: «Володя правой рукой обхватил мою голову и прижал к подголовнику. Меня вмазало в дверцу... Если бы это был не «Мерседес», мы бы погибли».

Через несколько минут на место аварии подъезжает Владимир Шехтман — двоюродный брат Всеволода Абдулова (ему позвонил Высоцкий): «Гололед, да еще со снежком. Они ехали на маленьком «Мерседесе», Володя гнал. Сева сидел рядом, Валера и две девушки — сзади. И когда Володя понял, что не вывернет, — бросил руль и обхватил Севину голову руками. Закричал: «Ложитесь! Погибаем!» И они врезались в троллейбус.

Я потом спросил Володю:

— Ты зачем бросил руль?

— Я вдруг вспомнил, что Сева уже разбивал голову. Ему больше нельзя».

В.Янклович: «Володя одной рукой прижал голову Севы к подголовнику, а другой — продолжал выворачивать руль...»

В.Шехтман: «Почти сразу же подошла машина ГАИ. Они «шли» за «Мерседесом»... И один «гаишник» другому еще говорил:

— Смотри, как гонит. Наверняка разобьется!»

Дело в том, что В.Абдулов в 1977 году попал в очень серьезную автокатастрофу в городе Ефремове Тульской области. Высоцкий возвратился из Франции и сразу же поехал навестить своего друга... В стихах к 50-летию Олега Ефремова (1977 год), главного режиссера МХАТа — в этом театре тогда работал В.Абдулов — есть такое четверостишье:

Здесь режиссер в актере умирает,
Но вот вам парадокс и перегиб:
Абдулов Сева — Севу каждый знает —
В Ефремове чуть было не погиб.

В.Янклович: «Подъезжает «скорая». Володя пересаживает нас в машину скорой помощи, а сам на десять минут уезжает на такси. Через десять минут, просветлевший, появляется в больнице — поднимает на ноги всех врачей! Мне делают уколы, Севе вправляют руку... Начинается дело об аварии...»

В.Шехтман: « У Первой Градской все еще стоит машина дежурного по городу. Обычно он выезжает «на смерти». Володя в лихорадочном состоянии:

— Надо съездить в ГАИ, отвезти пластинку!

Съездили, отвезли... Но все равно дело об аварии завели. Да, в деле должна быть интересная бумажка... Троллейбусное управление потом прислало счет за ремонт: 27 рублей 25 копеек».

Как прореагировала Марина Влади на эту аварию, мы не знаем. Высоцкий об этом никому не говорил, промолчала в своей книге и Марина... Во всяком случае, машины ей не жалко, к авариям она привыкла... Свою первую машину — «Жигули» — В.В. быстро разбил; после аварии практически перестает существовать «Рено-16» — первая иномарка В.В.; на БМВ он перевернулся, а теперь разбиты оба «Мерседеса» (первый — большой «Мерседес» попал в аварию летом 1979 года — не по вине Высоцкого, — стоит на седьмой станции техобслуживания).

Итак, вечером 1 января Абдулов и Янклович в больнице, а Высоцкий остается без машины. И со 2 января до конца апреля его возит на своей машине Владимир Шехтман. Делает это по просьбе Туманова, у которого он тогда работал...

Точно неизвестно, что делал Высоцкий 2 января, но легко предположить, что он был в больнице (вообще, бывал там практически каждый день до выписки своих друзей). Наверное, съездил на дачу — повидаться с Мариной и подробно обо всем рассказать... И конечно, он пытается через своих знакомых «закрыть» дело об аварии...

3 января вечером — спектакль «Вишневый сад».

Аркадий Высоцкий: «Отец пригласил меня на этот спектакль... Он вышел, было сильно поцарапано лицо. Рассказывал об аварии...»

В этот же день — телефонный разговор с ФРГ: 25 минут. (Сведения о телефонных переговорах Высоцкого предоставлены московским КСП.) Высоцкий разговаривает со своим хорошим знакомым Романом Фрумзоном, просит срочно купить запчасти для ремонта маленького «Мерседеса».

Роман Фрумзон — тогда еще недавний эмигрант из СССР, но с Высоцким они знакомы давно... Когда-то Р.Фрумзон работал на

«Мосфильме». А за границей он помогал Высоцкому в покупке машин, участвовал в проведении гастролей в США...

А пока Высоцкий пытается ускорить ремонт большого «Мерседеса», который уже давно стоит на седьмой станции техобслуживания. Это была особая станция.

«У начальника стояла «вертушка», и по ней заказывали стапель. Поставить машину на стапель — вот была главная проблема. Тогда и произошла эта история со Щелоковым...» (В.Шехтман).

О том, что произошло на станции, есть две противоположные версии: Туманова и Янкловича. В.И.Туманов утверждает, что Высоцкий сам позвонил Щелокову.

В.Янклович: «Высоцкий никогда бы не набрал телефон Щелокова... Все шло своим чередом: вначале закончили машину сына Щелокова, а потом поставили Володин «Мерседес». Я помню, что он взял даже фотографию Марины с Брежневым, чтобы припугнуть директора этой станции, но это не помогло... А потом мы поехали к начальнику всех московских станций техобслуживания, его фамилия, кажется, Ращупкин. Они были в хороших отношениях, и Володя говорит:

— Давай уберем всех шишек на этой седьмой станции?!

А тот отвечает:

— Ну уберу я его завтра... А послезавтра будет другой — может быть, еще хуже».

Разумеется, все эти события происходили позже, но начались они после аварии 1 января...

4 или 5 января в Москву приезжает Марина Влади, — все это время она жила на даче...

В.Шехтман: «Марина приезжает, говорит мне:

— Давай попроведаем Севу и Валеру...

Вначале поехали в «Березку», накупили всякой вкусной жратвы».

В.Абдулов: «Мы лежали в одном из старых корпусов Первой Градской... XIX век: толстые стены, узкие своды...»

В.Шехтман: «Подъезжаем. Я закрываю машину. Марина впереди, а я с сумками — за ней. Заходим в больницу, — и я чуть не лбом ей в спину! Зашла — и тут же поворачивает обратно!

— Марина, в чем дело?

— Нет, я туда не пойду! Это же ужас! У нас такие больницы для самых бедных! Не пойду, — у меня будет испорчено настроение на весь приезд... Не могу, — я спать не буду!»

Усилия «закрыть» дело об аварии не дают никаких результатов, хотя В.В. обращался к братьям Вайнерам, к своему школьному другу, который занимал высокий пост в ГАИ, по некоторым сведениям, даже к генералу Крылову — начальнику академии МВД... Ситуация осложняется тем, что идет следствие по «ижевскому» делу, и вначале надо поподробнее рассказать о нем...

Суть этого уголовного дела, как и многих ему подобных, заключалась в том, что самые знаменитые гастролеры того времени (Магомаев, Хазанов, Толкунова, Пугачева и, конечно, Высоцкий) имели очень маленькие концертные ставки. А «собирали» они громадные Дворцы спорта и даже целые стадионы... И чтобы привлечь «звезду», администраторы обещали платить (и платили) по договоренности и наличными. Способов было много, об одном из них рассказывает актер и режиссер, ведущий многих концертов Высоцкого — Николай Тамразов:

«...Высоцкому платили 200 рублей за концерт (иногда 300. — *В.П.*). Сегодня так зарабатывает самый плохой артист (интервью 1990 года). Каким образом? Воровали. Палили билеты. Допустим, билетов продано на десять тысяч — часть оприходовали, а часть билетов сжигали. (То есть часть зрителей проходила в зал «организованно» — деньги собирали по организациям и учреждениям. — *В.П.*) Расплачивались с залом, что-то отдавали государству, что-то оставляли себе. Эту «кухню» знала вся страна. Такой метод давал возможность заработать администраторам, а также можно было заплатить артистам не по их нищенской ставке...»

Оксана: «Ведь дело не в том, что кто-то получил на двести рублей больше... Это был принцип отношения системы к людям: можно ли им зарабатывать деньги. Актерам, музыкантам — нельзя! А нам, начальникам, — можно! Ведь через некоторое время этого никто не поймет: ну почему Высоцкому нельзя было платить столько, сколько он зарабатывал».

Иван Бортник — актер Театра на Таганке и близкий друг Высоцкого, в 77—79-м годах часто ездил с В.В. в концертные поездки: «Володя часто брал меня с собой... И по своей широте, и от моего тогдашнего безденежья. Мы делали такой блок: военные стихи и песни».

Иван Сергеевич рассказывал мне, что сжигание билетов — это был целый ритуал, праздник. «Администраторы брали бутылку коньяка, и когда билеты сгорали, выпивали за это... Все, дело сделано: билетов нет, и ничего уже не докажешь».

Именно по такой схеме действовали администраторы в Ижевске, а организовывал эти концерты Высоцкого Василий Васильевич Кондаков, — с Кондаковым работали самые крупные гастролеры страны. Концерты В.В. в Ижевске и Глазове состоялись ранней весной 1979 года, — подробно обо всей этой истории рассказано в воспоминаниях В.Янковича, опубликованных в третьей книге «Живая жизнь. Штрихи к биографии В.Высоцкого» (М.: Петит, 1992).

Но «все началось с того, что посадили одного администратора. Это был молодой парень, а работал он в группе В.В.Кондакова. Его взяли и «раскрутили». Он рассказал все: кто, как и когда деньги получает» (Н.Тамразов).

И вот летом 1979 года Высоцкий неожиданно узнает, что арестованы все организаторы концертов в Ижевске, что началось следствие. Узнает и уезжает на гастроли в Тбилиси. В Тбилиси прилетает следователь из Ижевска и допрашивает Высоцкого и Янковича. И здесь же, в Тбилиси, Высоцкого случайно находит адвокат Генрих Павлович Падва. Высоцкий и Янклович рассказывают ему суть дела...

Г.Падва: «Да, вот что меня еще поразило в Тбилиси... Володя, когда мне все это рассказывал, то очень беспокоился и за Кондакова, и за Любимова, и за Янковича. В общем, я понял, что он больше озадачен судьбой других, чем своей собственной. Володя говорил, что все надо хорошо продумать: чем он сам может помочь, кто еще может вмешаться, что могу сделать я... Говорил очень заинтересованно, очень активно и очень, скажем так, альтруистически».

В.Янклович: «Володя больше всего переживал, что и Любимова будут допрашивать. Ведь и Юрий Петрович получил деньги в Ижевске как режиссер-постановщик спектакля «В поисках жанра». А в это время в Тбилиси с театром был Федор Абрамов... И все-таки Любимова допросили.

Театр возвращается в Москву, и нас с Володей вызывают в Ижевск. Советуемся со знакомым юристом — судьей: ехать или не ехать? Эта женщина говорит: ни в коем случае!».

После нескольких повесток и телефонных звонков в театр Высоцкий и Янклович находят Г.Падву и уговаривают его взять на себя защиту Кондакова (он — главный обвиняемый). Так что приведем мнение об этом деле профессионального адвоката и очень известного теперь человека:

«Что же было у Кондакова? Выяснилось, что Кондаков был очень крупным администратором и очень талантливым человеком с точки зрения этого дела...»

Из книги П.Леонидова «Высоцкий и другие»:

«...Возил меня Вася Кондаков, ты его помнишь?

— Помню, — говорю я Володе, ибо никогда не забуду Васю Кондакова, прекрасного администратора, который из принципа не хотел работать на советскую власть. На актера — пожалуйста, на эту власть — ни за что».

Г.Падва: «В 1979 году он проводил в Ижевске концерты Толкуновой, Хазанова и Высоцкого. Кондаков обвинялся в том, что во время этих концертов происходил «съем денег». То есть, продавалось билетов большее количество, отчитывались за меньшее, — а часть денег присваивалась.

Из этих денег платились дополнительные суммы артистам — за гроши туда бы никто не поехал, — а часть денег присваивал Кондаков и еще группа администраторов. А так как к концертам Высоцкого имел отношение Янклович, то шла речь о его возможной причастности... Вот в чем суть дела. И я принял поручение».

А причем здесь Высоцкий? Дело в том, что администраторы утверждали, что все деньги они отдавали Высоцкому, а себе не брали ничего. Более того, в деле должна быть фотография надписи на стене тюрьмы (один администратор советует другому): «Вали все на Высоцкого. Ты был пьян. Он тебя вытащит».

И вот 5 или 6 января в Первой Градской появляется следователь по особо важным делам из Ижевска — Кравец. Он пытается допросить Янковича и Абдулова.

В.Янклович: «Кравец зацепился за показания администраторов, а Володю и меня уже не слушал... А поскольку это якобы было хищение, то все было очень серьезно...

И вот Кравец вызывает меня из палаты на допрос, Сева звонит Высоцкому (мы с Севой в одной палате). Высоцкий с Вадимом Тумановым появляются через двадцать минут. Врываются в палату, где идет допрос! Мне Володя говорит:

— Возвращайся в палату!

Кравец:

— Владимир Семенович, что это такое?

Володя:

— А Вы, вообще, — давайте отсюда! Какое Вы имеете право допрашивать человека в больнице?! У Вас что — есть разрешение?

— Нет, но я его получу.

— Вот получите, тогда другое дело.

— А между прочим, Владимир Семенович, у меня есть санкция прокурора допросить и Вас...

— Что-о!? Да пошел ты...!»

То есть Высоцкий буквально выгнал следователя по особо важным делам. Всеволод Абдулов вспоминает об этом эпизоде более подробно и эмоционально:

«Кравец... Фигура типичная для тех времен. Ему важно не дело и не работа — важна собственная значимость... И внимание к тому невероятно важному делу, которое он совершает, — ведь будет спасена честь и финансовое благополучие страны!

Проходит час (допроса В.Янкловича), я начинаю скандалить, поднимаю врачей. Говорю, что у человека сотрясение мозга, что ему это вредно... Но врачи боятся. И тут заходит Володя с Вадимом. Я говорю:

— Володя, они там пытают Валеру!

— Где-е?

Дальше он несется туда, распахивает дверь... Мы с одним врачом отстаем, и когда прибываем в район событий, то видим... Володя Кравца гонит! От Высоцкого идет какая-то страшная сила, прямая волна, на гребне которой несется этот полковник! За ним — Володя и его рев!»

«На следующий день Кравец снова приходит в больницу, но уже в сопровождении московского человека и с разрешением на допрос в присутствии врача. Вместе с ним — полковник Сарычев из московского ОБХСС» (В.Янклович).

В.Абдулов: «Сарычев — бодрящийся, разыгрывающий из себя чекиста, рыцаря без страха и упрека... Попытка разговора со мной, — что-то очень нелицеприятное с моей стороны. Потом они берут Валеру и требуют у врачей какой-нибудь кабинет...»

Надо добавить, что Сарычев был не рядовой фигурой, он был заместителем начальника московского ОБХСС и «специализировался» на культуре... Вел дела артистов, певцов, художников... Итак, В.Янковича допрашивают сразу двое следователей...

«Тогда Высоцкий поехал к начальнику следственного отдела прокуратуры Союза. (Вероятно, это был первый заместитель начальника Главного следственного управления МВД СССР В.П.Илларионов, консультант фильма «Место встречи изменить нельзя». — *В.П.*) Через десять минут — звонок в больницу. К телефону подходит московский полковник. Их обоих (его и ижевского следователя) вызывают к этому генералу. И когда их вызвали на ковер за противозаконные действия, то один из них сказал:

— Товарищ генерал! Вы знаете, в больнице Высоцкий козырял Вашим именем... Называя Вашу фамилию, грозил, что сгноит нас.

Чего на самом деле не было... Но они хотели скомпрометировать Высоцкого перед этим начальником, и тот потом не принял Володю...» (В.Янклович).

Итак, прямо в Первой Градской допрошены Абдулов и Янклович (и попытки новых допросов еще будут). Кравец ухватился за Высоцкого, потому что в деле был еще эпизод с несостоявшимися концертами, за которые В.В. получил деньги (такая была договоренность с администраторами), — это во-первых. А во-вторых, имя громкое...

«И дело Высоцкого он решил «дожать» во что бы то ни стало... Уезжая в Ижевск, Кравец «делает бумагу» о том, что Высоцкий специально(!) разбил машину, чтобы укрыть в больнице свидетеля Янковича. Свидетеля по делу, ведущемуся в Ижевске. Мы поднимаем на ноги всех своих знакомых, чтобы закрыть это дело... Но уже никто помочь не мог» (В.Янклович).

6 января Высоцкий играет Гамлета. В театре никто ничего не знает ни о следствиях, ни о полковниках и подполковниках. Высоцкий уже очень далек от своих бывших друзей по театру, которые потом написали о нем статьи и книги... Достаточно сказать, что в последние годы никто из них ни разу не бывал в его доме на Малой Грузинской, за исключением И.Бортника. Вообще — это большая и особая тема: статус В.В. в Театре на Таганке, — диапазон отношения к нему: от любви и восхищения до зависти и даже ненависти.

Но даже с женой Высоцкий не обсуждает эти проблемы. Позже Марина Влади заметит, что «мы эти темы не очень обсуждали, тогда у нас были другие сложности». А ведь было еще «харьковское» дело, летом 1979 года возникло дело о подделке билетов в Минске... Можете себе представить, сколько времени, нервов стоило это Высоцкому. Когда я сказал об этом Вадиму Ивановичу Туманову, он ответил: «Ты думаешь, Валера, только эти следствия мешали ему жить?! Ему портили кровь постоянно! Ему все в этой стране мешало жить».

7 января. Юрий Петрович Любимов подписывает заявление Высоцкого *«о предоставлении ему творческого отпуска сроком на один год»*. То есть Высоцкий практически уходит из театра. В общем, В.В. давно говорил об уходе из театра, но это были только разговоры. Правда, в последнее время Высоцкий отказался от участия в нескольких спектаклях...

Ситуация осложняется личными отношениями В.В. и Любимова. У Высоцкого, конечно, были внутренние обязательства перед «шефом». В конце 1979 года (придется немного вернуться назад) у В.В. появляется реальная возможность «сделать свое кино». (Первая попытка — неделя работы вместо С.Говорухина на съемках фильма «Место встречи изменить нельзя» — была успешной.) На предложение Игоря Шевцова написать песни для фильма «Зеленый фургон» Высоцкий неожиданно отвечает:

— Почему только песни?! Я с удовольствием и сам снял бы картину.

— Как?! Режиссером-постановщиком?

— Ну да! Я эту книжку знаю, люблю...

Получено разрешение на Одесской киностудии, начинается работа над сценарием... Скорее всего, это укрепило желание Высоцкого уйти из театра. Вспоминает Валерий Янклович: «Володя поехал к Любимову (для разговора об уходе. — *В.П.*) на машине. Он поднялся к Петровичу, я остался в машине. Вернувшись, он рассказал:

— Знаешь, мне все-таки трудно разговаривать с шефом. Он сказал, что я не имею права «подставлять» театр...»

Наверное, таких разговоров было несколько... Содержание еще одного передает И.Шевцов — со слов Высоцкого: «Я Юрию Петровичу сказал:

— Вы начали в сорок лет и сделали театр. А я хочу начать в сорок два».

И Высоцкий пишет заявление об уходе из театра. Возможно, заявлений было два. Первое — о полном уходе из театра, — по мнению В.Янковича, никто не видел. «Любимов с Высоцким поговорили один на один, и Петрович сделал вид, что заявления вообще не было». О втором — «творческий отпуск на год» — знают все.

Иван Бортник: «Любимов подписал заявление...

— Ну что же, Володя, решайте сами... Только я Вас прошу: играйте Гамлета.

Володя этого, по-моему, не ожидал. Он был поражен, что шеф так легко согласился».

Теперь приведем свидетельства «официальных» лиц: директора театра Николая Лукьяновича Дупака и заведующей отделом кадров Елизаветы Иннокентьевны Авалдуевой.

Н.Л.Дупак: «Я знаю только об одном заявлении, где Владимир очень четко излагает мотивы. Он просил творческий отпуск на год в связи с работой над фильмом «Зеленый фургон». Он очень тянулся к работе в кино и вообще к самостоятельной работе, и, наверняка, у него бы получилось».

Е.И.Авалдуева: «7 января Володя взял творческий отпуск на год. Он собирался снимать фильм в Одессе. И был устный договор с Юрием Петровичем, что он будет играть только Гамлета».

Но в 1980 году Высоцкий играл не только в «Гамлете», но и в «Преступлении и наказании». В.Янклович считает, что «Петровичу Володя отказать не мог, а в театре то японцы, то французы... И если бы не Олимпиада, летом он бы вообще не играл».

8 января — интервью И.Шестаковой, корреспонденту иновещания Московского радио. «Но я ведь не очень люблю актерскую профессию и сейчас ухожу из нее потихоньку, — из театра и из кино. Буду сам делать фильм. Я предпочитаю исполнительской работе творческую, авторскую, когда сам делаешь и сам воплощаешь». Автор интервью И.Шестакова рассказывала, что Высоцкий долго отказывался... Это последнее интервью Владимира Высоцкого.

9 или 10 января из Москвы улетает Марина Влади. Она еще ничего не знает о болезни, Высоцкий умеет скрывать. Но говорить о наркотиках придется (заранее прошу прощения у всех, кого это заденет или обидит, а особенно у тех, кому это может причинить боль). Потому что без этого многие события будут просто непонятны... Кстати, совсем недавно выяснилось, что близкие друзья В.В. после его смерти договорились ничего и никому не говорить о наркотиках. Впервые об этом написала Марина Влади и рассказала, по-моему, сдержанно и тактично. Итак, в середине января 1980 года Марина улетает из Москвы, чтобы вернуться сюда поздно вечером 25 июля...

После 10 января (точная дата неизвестна) из больницы выписываются Абдулов и Янклович. После их выписки Высоцкий дает концерт для персонала Первой Градской больницы.

В.Шехтман: «Я сидел в коридоре, а там такая акустика потрясающая... И Володя так пел, что у меня мурашки по коже».

По всей вероятности, об этом концерте Высоцкий вспоминает 25 февраля во время выступления в «Олимпийской поликлинике»:

«...Вы знаете, как приятно в больнице петь, а не лежать! Когда смотрю на белые халаты, которые сидят в зале, у меня просто сердце радуется, потому что я неоднократно видел их наоборот — из положения лежа. Нет, правда, — я с удовольствием всегда в больницы езжу выступать. Сейчас у меня такое турне по больницам. В некоторых больницах я по разным отделениям даже ухитрился пробежаться. Где друзья лежат мои, там я пою, чтобы их лучше лечили. Пока удается, все вышли, живут».

После 11 января начинается второй — самый интенсивный этап работы над сценарием «Зеленого фургона» (первый, по словам Игоря Шевцова, — последняя неделя декабря). Игорь помнит, что работа началась сразу после школьных каникул и продолжалась пять-шесть дней:

«Что значит интенсивная работа? Я записывал прямо у него, сидя в спальне, а чаще в кабинете. Он шел спать, а я расшифровывал запись...

Однажды звоню ему днем:

— Володя, как ты сегодня?

— Сейчас приезжай!.. Я тут много напридумывал, даже записал. Когда будешь?

— Через тридцать минут.

Я задержался. В двери записка: «Игорь, извини, срочно пришлось уехать. Жду вечером. В».

Звоню вечером.

— Ты же не пришел через тридцать минут. Ладно, вот что я придумал...

По телефону следует целый фонтан выдумки, и опять все невозможно втиснуть в один сценарий.

Приезжаю. Он дает мне листки с текстами:

— На. Разберешься».

13 января в театре на доске объявлений вывешен приказ: «В.Высоцкому предоставить творческий отпуск сроком на один год для съемки фильма «Зеленый фургон» на Одесской киностудии».

Валерий Золотухин записывает в дневнике (Золотухин датирует запись 15.01.80): «14-го пошел в театр. Сразу встретил шеф. В три минуты он меня обсрамил: «Я не буду с вами работать, я уйду от вас. Неужели нельзя позвонить, прийти сказать, что меня не будет несколько дней и т.д. Это же хамство. Один дохамился — Высоцкий. Вторым хотите быть Вы? Пожалуйста!»

Видно, нелегко далась Любимову подпись под этим приказом...

Между тем происходит еще одно событие: к Высоцкому приходит его старый друг — еще по Большому Каретному — Артур Макаров. В последние годы они встречались редко. У Макарова произошла неприятная история с переводчиком Мильштейном. Проще говоря, они подрались, и потерпевшей стороной был Мильштейн. Он подает заявление в милицию. Макаров думает, что Мильштейн живет в одном доме с В.В., и приходит узнать, в каких они отношениях и нельзя ли все решить мирным путем...

Артур Сергеевич Макаров рассказывал мне, что он обратил внимание «на Володины стеклянные глаза», но о наркотиках ничего не знал. «Знал бы, обязательно вмешался». Когда-то очень давно он сказал Высоцкому одну фразу, которую тот запомнил, — и не просто запомнил... «Володя, если ты не остановишься, то будешь полтинники сшибать у ВТО на опохмелку...»

История же с Мильштейном закончилась благополучно.

В.Янклович: «Володя мне рассказывал, — действительно неприятная история... И Мильштейн, в общем, хороший парень...

— Надо будет позвонить ему, — сказал Володя. Но позвонил ли? Возможно, что позвонил...»

15 или 16 января закончена песня для кинофильма «Зеленый фургон» — «Проскакали всю страну». А в этот — точно пока не установленный день — Высоцкий говорит Шевцову: «Написал уже песню, то есть текст. Хотел сесть, подобрать мелодию (именно так и сказал), да народ все...»

И.Шевцов: «Я беру листок, там — стихи. Читаю, а он взахлеб рассказывает, как будет идти песня. И если рассказ слушать, то стихи не поймешь, не запомнишь. Я и запомнил тогда только первое четверостишье, да и то, как оказалось, не совсем точно:

Проскакали всю страну,
Да пристали кони. Буде!
Я во синем во Дону
Намочил ладони, люди...»

17 или 18 января (мы долго бились над датами вместе с Игорем Шевцовым, но приблизительность осталась, правда, дальше все будет точнее) закончена работа над сценарием.

«Сценарий был переписан полностью. От прежнего осталось несколько эпизодов... Но соединить, да еще на скорую руку, два совершенно разных стиля мне, конечно, не удалось. Я быстро перепечатал эти полторы сотни страниц и отнес Володе». (И.Шевцов).

20 января в ЦДЛ — творческий вечер братьев Вайнеров. (Братья Вайнеры — авторы сценария телесериала «Место встречи изменить нельзя». Высоцкий мечтал продолжить этот сериал, разговаривал об этом с Вайнерами.)

Перед началом вечера произошел неприятный эпизод... Высоцкий пригласил В.И.Туманова. Вадим Иванович пришел с сыном, а пригласительный билет был «на одно лицо». Дежурным был поэт Поженян, который Туманова тогда не знал и сына его не пропускал. Ссылки на Высоцкого не помогали...

В.Туманов: «Он должен был выступать на писательском юбилее. И в последний момент узнал, что людям, которых он пригласил, не оставили входных билетов. Высоцкий не выносил пренебрежительного отношения к людям, кто бы они ни были. Он сразу понял, что тут сыграло свою роль элитарное чванство писательской братии по отношению к «непосвященным». И высказал все это хозяевам и распорядителям банкета. Немедленно и на «устном русском». Спев одну песню, более продолжать не захотел, уехал».

Высоцкий спел на вечере песню «Жора и Аркадий Вайнер...» и прочитал четверостишие:

Не сочтите за труд выступленье мое,
Не сочтите его и капризом.
Все, братьями моими содеянное,
Предлагаю назвать «вайнеризмом»

21 января. Высоцкий прочитал сценарий, звонит Шевцову: «Он сам позвонил мне и устроил чудовищный разнос! Кричал, что это полная ... ! Что я ничего не сделал! Что если хочу делать *такое* кино — пожалуйста, но ему там делать нечего!

— Ты думаешь — если поставил мою фамилию, то уже все?! — орал он. Я не мог вставить в этот бешеный монолог ни слова. Его низкий мощный голос рвал телефонную трубку и — душу. И я решил, что наша совместная работа кончилась».

Но через два часа Игорь позвонил сам, «чтобы достойно распрощаться»:

«Но когда Володя взял трубку, он ничего не дал мне сказать. Он опять выругался, потом опять, а потом добавил совершенно спокойно:

— Будем работать по-другому. Сядешь у меня и будешь писать. Вместе будем. Сегодня. У тебя машинка есть? Ты печатаешь? Вот и хорошо. Жду вечером.

Вечером все стало на свои места. Он сказал, что в сценарии много ерунды, но времени нет: надо отдавать, чтобы читало начальство.

— В Одессу посылать не будем. Я сам поеду к Грошеву (тогда главному редактору объединения телефильмов «Экран». — *В.П.*). Так двинем быстрее.

— Володя, чего тебе ездить, — предложил я, — ты ему позвони, я отвезу, а за ответом уже поедешь сам.

Так и сделали».

22—23 января — видеозапись для «Кинопанорамы», — в сюжете, посвященном телефильму «Место встречи изменить нельзя», Высоцкий должен спеть несколько песен. Несколько раз звонит Говорухин, просит приехать на запись... 22 января Высоцкий едет в Останкино, чтобы записать песни.

В.Абдулов: «Я помню, что было перед записью: Володя жутко не хотел ехать, — и плохо себя чувствовал, и с голосом что-то было...

— Да ладно, Сева, ты же знаешь, что ничего этого не будет.

Я говорю:

— Володя, а вдруг?!

— Да нет... Еду только потому, что Слава очень просил это сделать».

Оксана: «А как он собирался на «Кинопанораму», — он же волновался, как ребенок... Выбирал рубашку, куртку, — он так готовился! И хотя телевидение наше он терпеть не мог, тем не менее к записи готовился очень серьезно».

Диапазон отношения В.В. к советскому телевидению (телевизор в квартире работал постоянно): от «мне это необходимо», «надо для работы» до «где только они находят такие рожи?!» или ответа на вопрос: «Зачем ты смотришь эту ерунду?» — «Пропитываюсь ненавистью».

Но вернемся к 22 января.

В.Шехтман: «Запись была часов в одиннадцать. Володя вышел:

— Подожди немного, я тут пару слов скажу...

Я прождал его часа три, уже собрался уезжать, даже развернулся... Володя выскакивает, — обнял меня, поцеловал:

— Извини! Так получилось... Записал концерт часа на полтора. Он никуда не пойдет, но пусть лежит».

На этой записи Высоцкий говорит: «Я очень серьезно готовился к сегодняшней «Кинопанораме», к сегодняшней нашей встрече...

В письмах, которые я получаю сейчас, есть упрек в том, что я не пишу любовной лирики. Это неправда. Я писал песни о любви... И безусловно писал всем своим женам. Особенно теперешней жене. Но это наши личные песни».

Высоцкий действительно готовился к записи. Рассказывает Борис Акимов, который помогал В.В. работать с рукописями: «В конце декабря Высоцкий обратился ко мне с просьбой сделать подборку песен по циклам... Причем выбрать так, чтобы, допустим, одна песня прошла, а одна нет, то есть предполагалась какая-то цензура. Я печатал эти тексты и отдавал Владимиру Семеновичу, только тогда я думал, что это для какой-то публикации. Так вот, то, что было тогда отобрано, он спел на «Кинопанораме». То есть я хочу сказать, что он готовился к этой записи и готовился заранее».

Юрий Федорович Карякин: «Я видел, как он записывался для «Кинопанорамы». Пел «Мы вращаем землю». Первая попытка — неудача. Вторая, третья, четвертая — тоже. Лишь пятая его немного удовлетворила. По напряжению — даже только физическому — не уступал он никаким олимпийцам-тяжелоатлетам, скажем, когда они рвут свои штанги».

В.Янклович: «Почему Володя забывал текст? Кончалось действие наркотика, и он слабел... Ему надо было прерваться, чтобы сделать укол. Поэтому были остановки».

Вспоминает режиссер «Кинопанорамы» Ксения Маринина:

«По окончании съемки он поднялся в аппаратную видеозаписи, чтобы увидеть, как все получилось, и, посмотрев, сказал:

— Как я рад, что мы это сняли и что это теперь останется на пленке.

Мы завершили съемку, когда вечерняя смена уже кончилась, а для того чтобы показать снятое Высоцкому, надо было видеоинженерам задержаться далеко за полночь — и никто не ушел, все остались...»

Оксана: «Вернулся, и с таким восторгом обо всем рассказывал:

— Все побросали работу, сбежались в этот павильон!

И хотя сказал: «Нет, меня никогда не покажут», но все равно радовался и, конечно, надеялся... Он думал, что наконец-то происходит легализация его песен... Его признают! Ну, казалось бы, ему глубоко наплевать на это... А на самом деле это было не так».

В момент возвращения В.В. с записи, в квартире на Малой Грузинской находится и Анатолий Павлович Федотов, уже несколько лет он здесь «свой человек» (А.П.Федотов — врач-реаниматолог, кандидат медицинских наук. Тот самый врач, который спас Высоцкого в Бухаре, когда В.В. побывал в состоянии клинической смерти. Высоцкий полностью доверял Федотову. А.П.Федотов умер в ноябре 1992 года.)

А.Федотов: «После записи приехал такой радостный, возбужденный. Но сама запись... (Запись полностью несколько раз показана по ЦТ под названием «Монолог». — *В.П.*) Это не тот Володя... Я же видел его на концертах. — Он *не в тонусе*».

Оксана: «Володя был «из выхода», — состояние было не очень... А еще распухала нога, и там видно, как он еле ходит... Нога не гнется...»

Дополнительные детали сообщает Игорь Шевцов:

«Вот как Володя рассказывал об этой своей записи для «Кинопанорамы»:

— Маринина (режиссер видеозаписи. — *В.П.*) мне говорит: «Владимир Семенович, я обо всем договорилась. Мы запишем, и будет полтора часа вашего концерта в эфире». Мне и раньше предлагали одну-две песни для каких-то программ, но я отказывался. Если авторский вечер — да, а с отдельными номерами — нет. Ну, сделали запись. Я час с лишним, как полный..., выкладывался. А потом она подходит и говорит: «Владимир Семенович, Вы не могли бы организовать звонок к Суслову?» Я аж взвился:

— Да идите вы... Стану я звонить! Вы же сказали, что все разрешено!

— Да, но...»

По мнению В.Янковича, этот разговор с Ксенией Марининой был позже...

Запись «положили на полку», ни одной песни не прошло и в «Кинопанораме». А «полка» оказалась такой далекой, что можно рассказать целую детективную историю о том, как в начале 80-х И.Шевцов и В.Шехтман «умыкнули» с помощью одного хорошего человека бобину с этой записью из владений Центрального телевидения...

23 января. Утром Высоцкий едет в Останкино к главному редактору «Экрана» Грошеву. Хотя Грошев обещал дать ответ позже, но убедить В.В., что ехать рано, Шевцову не удалось:

«Днем я позвонил ему.

— Ну как?

— Никак! *Я отказался от постановки, — мрачно заявил он мне в* трубку.

Я кинулся к нему. Володя лежал на тахте. Что-то бурчал телевизор, почти всегда у него включенный. Тут же сидел Сева Абдулов с рукой в гипсе, задранной к подбородку... Кто-то еще, кажется, Иван Бортник. У всех вид такой, точно объелись слабительного. Я стал у стены...

— Ну что стоишь! — рявкнул Володя. — Снимай пальто! В общем, я отказался от постановки.

— Ты не спеши.

— Да что ты меня уговариваешь! Я пришел к этому ... Грошеву, а он, видите ли, за три дня не мог прочитать сценарий! Я, Высоцкий, мог, а он — не мог, твою мать!

— Да он и не обещал...

— Да ладно тебе! А как он меня встретил! «Владимир Семенович, я Вас прошу больше в таком виде ко мне не показываться...»

— А в каком виде? Я-то трезвый, а он — пьяный! И он мне такое говорит! М Н Е!

(К слову сказать, Володя действительно тогда не был пьян, но очень болен. А уж Грошев тем более не был пьян.)»

Ситуацию разъясняет В.Янклович: «В этот день у Володи не было наркотиков. Он принял седуксен и не мог четко разговаривать. С Грошевым был очень неприятный разговор...»

Продолжение монолога Высоцкого в изложении Игоря Шевцова:

«Больше с этим сраным телевидением дела иметь не хочу! Удавятся они! И сегодня на «Кинопанораму» не поеду! Пусть сами обходятся! Ничего, покрутятся! Я на первой записи был, а сегодня — нет».

Высоцкий на вторую запись действительно не поехал. Вспоминает Эльдар Александрович Рязанов — ведущий «Кинопанорамы»:

«На следующий день, когда была назначена запись беседы со съемочной группой фильма, Высоцкий не пришел. Что случилось, мы не знаем. Твердо обещал прийти, но не явился. С.Говорухин, В.Конкин и я вместе с бригадой, делавшей «Кинопанораму», прождали его напрасно. Пытались разыскать, звонили по разным телефонам, но безуспешно».

Удалось дозвониться только Ксении Маринииной: «Ждем записывать Высоцкого. Его нет и нет. Я звоню, попадаю на него. Говорю:

— Володя! В чем дело! Эльдар Александрович, Конкин, Говорухин и я ждем тебя!

— Я давно приехал!

— Как приехал, когда ты дома!

— Дело в том, что, когда я подошел к студии, я вспомнил, что на мне не тот костюм, в котором я был на записи. Я сейчас переоденусь и приеду.

Прошел еще час — нет. И мы поняли, что он уже не приедет».

(В том, что этот разговор все-таки состоялся, есть большие сомнения... Иначе о нем знали бы Э.Рязанов и С.Говорухин. — *В П*)

В.Янклович: «Не поехал он не только потому, что поругался с Грошевым. Повторяю, у него в этот день не было «лекарства». Коекак достали, — что было делать... И он поехал в театр, а потом домой... Я позвонил:

— Как ты можешь! Там тебя люди ждут...

— А пошли они все... !»

И.Шевцов: «Вот эти два события — видеозапись и неудачный визит к Грошеву, — я думаю, и вывели его из себя надолго. Конечно, были и другие причины, но о них я осведомлен плохо...»

Одна из возможных причин — ссора с Говорухиным.

С.Говорухин: «Володя не смог приехать на запись из-за нездоровья своего. Тогда мы поссорились. И где-то до июля не встречались».

В.Янклович: «Напряженка со Славой началась еще во время съемок «Места встречи...». Во-первых, Говорухин не вставил его «Песню о конце войны». Второе: когда Володя отснял «свой кусок фильма», в группе стали поговаривать, — вот Высоцкий может лучше... Славу это раздражало... Третье: тонирование (озвучивание) фильма. Озвучивали на телевидении, я поехал вместе с Володей... Володя говорит Славе:

— Слава, готовь кольца, я за три смены все это запишу.

— Нет, Володя, это невозможно.

— Для тебя невозможно, а для меня — возможно. У меня нет времени... За три дня я тебе все запишу, — готовьте...

И Володя настоял на своем — все записал за три дня. А Говорухин, конечно, хотел получше, говорил, что это не профессионально, что Володя «не попадает»... Был резкий разговор. После этого они не встречались... Да, за несколько дней до Володиной смерти я встретил Славу в Доме кино и привез на Малую Грузинскую. Они поговорили».

Но ни неприятности на телевидении, ни ссора с Говорухиным — не это главное. Действительно, Высоцкий на несколько дней исчезает из поля зрения знакомых и даже близких людей. Оксана тоже думает, что В.В. «подкосил» отказ Грошева или, точнее, их неприятный разговор... Но дело совсем в другом — Высоцкий впервые решает лечиться...

24 января на Малой Грузинской состоялся очень серьезный разговор. Болезнь Высоцкого прогрессировала, дозы «лекарства» все увеличивались. По существу, В.В. убивает себя, — и друзья это понимают.

В.Янклович: «Володя еще боялся, что попадется... Я ему говорил:

— Володя, ты все время на грани... Вот попадешься, и они скажут: «Напиши это!» И ты за ампулу это сделаешь. А они тогда скажут: «Вот, смотрите, какой он — ваш кумир...»

Володя никого не предал и не продал, но я скажу одну, может быть, кощунственную вещь: по-моему, он ушел вовремя. И вот состоялся этот разговор».

В.Абдулов: «Значит, это конец января, около дня рождения Володи... Мы находимся в большой комнате — слева стоял диванчик, на котором сидел я, еще по пояс в гипсе... Справа у полок стоят Туманов, Янклович, немного подальше — Володя. И был обычный уже — и ненавистный мне — разговор...

Говорили Вадим и Валера:

— Володя, это невозможно...

— Надо что-то делать...

— Ты должен лечиться...

Володя:

— Да ладно, перестаньте!

В общем, все доводы были высказаны, и ничего они не изменили, и ничего не было решено...

А у меня вдруг какое-то абсолютное внутреннее спокойствие, — предельная сосредоточенность и спокойствие. Внешне я бледнею, даже белею... У меня такое бывает, — не часто, но бывает. Я сказал:

— Володя, смотреть на то, как ты умираешь, я не могу. И не буду. Поэтому я ухожу. Если понадобится — звони, я появлюсь и все сделаю. Но просто присутствовать при твоем умирании — не буду.

Я встал и пошел к двери. Это абсолютно не было шантажом, — я сказал то, что думал... Володя это понял».

В.Янклович: «Сева ему говорил:

— Володя, ты понимаешь, что убиваешь себя! Я не могу на это смотреть!

И Вадим тоже:

— Ты же гибнешь! Они же купят тебя таким!»

В.Абдулов: «И была реакция, которой я не ожидал, что-то произошло... Во всяком случае, после этого они запираются с Федотовым, и Володя начинает лечиться...

А потом мне напоминали: «Ты же бросил Володю!» — Но это не так. Я бы ушел совсем, если бы Володя не начал лечиться...»

25 января. Высоцкому исполняется 42 года.

В.Шехтман: «Грустное было настроение, сидели втроем: Володя, Валера и я...»

Но была еще Оксана: «На день рождения я подарила Володе такую смешную «бабу» на чайник. Сама сшила... После Володиной смерти я видела ее на кухне у Володарских...»

В.Янклович: «На дне рождения Володя твердо решил:

— Все! Запираемся с Федотовым, никого не принимаем, — лечимся!

Федотов принес капельницу, лекарства... Колол успокоительное. Володю ломало, он мучился, — но терпел... Он же дал слово...»

А.Федотов: «В конце января мы с ним закрылись на неделю в квартире на Малой Грузинской. Я поставил капельницу — абстинентный синдром мы сняли. Но от алкоголя и наркотиков развивается физическая и психическая зависимость. Физическую мы смогли снять, а вот психическую... Надо было расслабиться, а Володя не мог. Тут еще надо учитывать и индивидуальную предрасположенность...»

В.Янклович: Я прихожу дня через 3—4... Смотрю, а Володя накапал эфир на вату и дышит... Ему и неудобно, и стыдно, — он же дал слово...»

Оксана ничего об этом не знает: «На мой день рождения — 29 января — Володи не было, он лежал в больнице... Как не уверена?! В начале февраля он же ходил с перевязанными венами, — ему переливали кровь...» (Возможно, перевязка была после капельницы. — *В П.*)

Заканчивается первый месяц последнего года жизни Владимира Семеновича Высоцкого, заканчивается неожиданно. Вспоминает Елизавета Иннокентьевна Авалдуева: «В январе 80-го из Управления культуры пришла бумага: готовьте документы на присвоение звания Высоцкому... В таких случаях листок по учету кадров заполняется лично. Я подошла к Володе:

— Надо заполнить...

— Нет, Елизавета Иннокентьевна, я еще не заработал... Вот не дадут — Вам будет больно, а мне — обидно...»

Следует отметить, что Ю.П.Любимов несколько раз «выдвигал» Высоцкого на присвоение звания заслуженного артиста РСФСР. Обычно фамилию Высоцкого вычеркивали первой.

ФЕВРАЛЬ

Февраль 80-го в жизни Владимира Семеновича Высоцкого — месяц для нас достаточно «пустой»... С 1 по 20 февраля — ни одного спектакля, ни одного концерта. Только 1 февраля — выступление во ВНИИЭТО... Вот анализ этого концерта — по фонограмме — Всеволода Ковтуна:

«У Высоцкого затруднена речь — особенно вначале (примерно, как на концерте в Навои: речь не очень внятная, но и не замедленная). Через пять минут после выхода на сцену он просит воды...

Спев «Песенку о слухах» (в концерте — третья), Высоцкий начинает традиционный рассказ — преамбулу к «Песенке о переселении душ», — но снова начинает «Песенку о слухах». Спохватывается только в конце второго куплета: «Это я вам уже пел, да?»

Фрагменты фонограммы, связанные с состоянием здоровья: «Дорогие мои товарищи! Я прошу прощения за то, что я не приехал к вам в прошлый раз. Но там были обстоятельства совсем другие — я был настолько болен, что у меня просто не было голоса. Сегодня у меня другая болезнь, но она не влияет на голосовые связки. Поэтому вы сегодня не будете обижены... (Покачнулся.) Вот видите, — у меня с ногой плохо... Нет, вы напрасно. Вы думаете, что тут «другого рода болезнь», — но ошибаетесь глубоко. У меня очень плохо, просто действительно плохо с ногой. Но я уже не мог отменить выступление...

(Из зала предлагают сесть и петь сидя.) Не надо... Это мне хуже... Мне ж перебинтовали — не беспокойтесь. Нет-нет, ничего...

Я еще хотел спеть вам две шуточные песни и потом еще одну серьезную. Если позволите, я на этом закончу, потому что я не могу стоять больше, к сожалению.

(Кажется, предлагают сделать перерыв и продолжить выступление.) Вы думаете, я устал? У меня не в этом дело... Какая усталость? Разве вы думаете, что я устаю когда-нибудь? Никогда! Просто у меня с ногами случилась неприятность. Просто перетянуты ноги...»

В том концерте Высоцкий спел одиннадцать песен и отвечал на вопросы из зала... Сказал, что в предстоящей «Кинопанораме» он постарается ответить на вопрос: как он относится к Глебу Жеглову из «Места встречи изменить нельзя». Хотя, как мы уже знаем, на записи интервью его не было...

К этому времени Высоцкий тяжело болен. И дело не только в больной ноге... Наркомания. Страшная — и тогда почти неизлечи-

мая болезнь. Да и сейчас — при современных методах лечения и новейших препаратах — излечивается не более 10 процентов наркоманов. Попробуем установить: когда и как Высоцкий начал употреблять наркотики?

В «парижском» дневнике (начало 1975 года) В.В. много места уделяет болезни старшего сына Марины Влади — Игоря. В это время Игорь лежал в специальной клинике для наркоманов Шарантоне. (Через пять лет сюда попадет сам Высоцкий.)

«Увидели Игоря. Он сидел и что-то калякал, даже не встал. Под лекарствами он — бледный и безучастный, глаз — остановлен, все время на грани слез. Я даже испугался, увидев. Говорили с ним».

Судя по характеру записи, В.В. знает о наркотиках и наркоманах только по разговорам, да еще по собственным наблюдениям в различных больницах (в том числе и психиатрических)... Вспомним песню 1969 года:

Не писать мне повестей, романов,
Не читать фантастику в углу, —
Я лежу в палате наркоманов,
Чувствую — сам сяду на иглу.

И вот еще одно — далеко идущее — замечание-признание Высоцкого из дневника 1975 года: «Спасать надо парня, а он не хочет, чтобы его спасали, — вот она и проблема, очень похожа на то, что и у меня. Хочу пить — и не мешайте. Сдохну — мое дело и т.д... очень примитивно, да и у Игоря не сложнее».

Приведем предположение Валерия Павловича Янковича о том, когда и как начались наркотики: «Володя сам говорил мне, что вначале укол наркотика — это был выход из запоя. Это еще не болезнь. А наркотики всерьез у него начались в конце 1975 года. Я в этом уверен».

Квалифицированное мнение врача института Склифосовского Леонида Сульповара: «Понимаете, когда мы выводили Володю из тяжелых состояний (запоя. — *В.П.*), то знали, что можно, а что нельзя. Ведь в этом процессе используются вещества наркотического ряда. Володя попадал в разные места, и где-то, скорее всего, передозировали. Тогда «выход» проще. Думаю, что вкус наркотика он ощутил на фоне «выхода из пике». Где и когда — я не знаю».

Еще приведем свидетельство Оксаны, которой Высоцкий, безусловно, доверял, но что-то мог преуменьшить или преувеличить: «Володя мне как-то рассказал, что первый раз ему сделали наркотик в Горьком(?), чтобы снять синдром похмелья. Врач-женщина сказала ему, что у мужа бывают запои... И она легко выводит его из этого состояния одним уколом... Это было в 1977 году. Я точно помню, что Володя сам сказал, что в 1977 году».

Эту дату подвергают сомнению практически все люди, которые хорошо знали В.В. в последние годы жизни. Врач-реаниматолог Анатолий Федотов: «Когда мы познакомились с Володей в самом конце 1975 года, он уже хорошо знал, что и как... Есть ряд препаратов, которые способны восстанавливать работоспособность нервной клетки... Можно снять чувство похмелья. Привыкание развивается очень быстро, организм истощается — это очень коварное лекарство. Долго на него надеяться нельзя».

Совсем недавно В.Аксенов на вечере памяти Высоцкого сказал по поводу злоупотребления алкоголем (как он выразился, «этого самоуничтожения»):

«Это были — и у Володи, и у меня — отчаянные попытки вернуть уходящую молодость...»

А еще — возможность удержать то счастливое всемогущество, которое может дать только творчество.

Вспоминает В.Янклович: «Я много говорил с Володей на эту тему. Он мне сказал:

— Вот ты не был на Западе, а там все творческие люди это делают. Это ведь стимулирует творчество. Я же не злоупотребляю, а только для поддержания формы... И мне это помогает».

Неожиданные сведения сообщает Людмила Абрамова, вторая жена Высоцкого, мать двух его сыновей...

«1976 год. Нина Максимовна у меня на старой квартире, я спрашиваю ее:

— Ну, как Володя?

— Ничего, хорошо...

— Не пьет?

— Нет, не пьет... Ему теперь и не нужно, он сам научился делать уколы...

— Какие уколы!?

— Амфитамины. Марина привозит их из Франции».

(Амфитамины — это такие стимуляторы, которые, как правило, синтезируются из эфедрина. Это очень мощное средство, их используют спортсмены.)

Оксана: «По-моему, Нина Максимовна до конца ничего не понимала в Володиной болезни. По-моему, она считала, что это витамины. Просто наркотики были для нее страшным словом».

Вряд ли мы сможем установить точную дату: скорее всего, В.В. стал употреблять наркотики — еще не систематически — в самом конце 75-го или в начале 76-го года. Но серьезной зависимости тогда еще не было: ни по записям, ни по фотографиям это не чувствуется...

Но как это стало привычкой, а потом и потребностью? Тут надо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, наркотики вначале действительно стимулировали творческий процесс... И во-вторых, привыкание к наркотикам происходит во много раз быстрее, чем к алкоголю... Итак, почему?

Версия первая... Работа на больших — громадных! — аудиториях требует колоссальной траты энергии — и нервной, и физической. В.В. всегда работал на полной отдаче, всегда тратился до конца: и в театре, и на концертах. Некоторое время наркотики могут компенсировать эти затраты. Косвенно эту версию подтверждал сам Высоцкий...

Версия вторая — вернее, целая теория — принадлежит врачу-реаниматологу из института Склифосовского Станиславу Щербакову: «Любое живое существо — и человек тоже — само себя вознаграждает. Вознаграждает чувством радости или каким-то удовольствием. Высоцкий не получал от общества адекватного вознаграждения: зажимали, травили, не давали работать в полную силу... И он вознаграждал себя этим способом...

Кроме того, в некоторых случаях наркомания является социальной защитой, особой формой социальной защиты... Может быть, наше общество и не убило Высоцкого, но оно его выталкивало! У него была не банальная наркомания — это была, повторяю, форма социальной защиты, — своеобразный химический костыль... Так у него шла настройка на наше социальное дерьмо».

И третья версия принадлежит Оксане. Объяснение простое и, может быть, самое верное... «Понимаете, Валера, к этому времени у него был уже совершенно другой — очень высокий — социальный статус. Он мог войти в любой кабинет... И Володя уже не хотел и не мог пить... А наркотики вначале позволяли внешне нормально жить и работать. Я знаю, что вначале он делал укол только после «Гамлета», чтобы восстановить силы».

Долгое время никто ничего не знал о наркотиках...

Марина Влади: «Венгрия, конец семьдесят седьмого года... У меня очень болит голова, и от твоего отсутствующего вида мне становится совсем грустно Я на всякий случай тайком принюхиваюсь, но от тебя не пахнет водкой, и я уже ничего не понимаю. Ты смотришь как-то сквозь меня, и в твоих глазах меня пугает какая-то пустота... Прошло много лет. И только теперь я понимаю причину моего беспокойства Холодная паника, которую я увидела тогда у тебя в глазах, возникает у наркоманов, когда они вовремя не получают своей дозы наркотика».

Леонид Сульповар: «От меня Володя очень долго это скрывал... Я только в 79-м году догадался — сам понял, — что дело тут уже не в алкоголе, а совсем в другом. Для меня это было очень грустным открытием: с наркотиками бороться куда труднее .. Но Высоцкий боролся»

В Баранчиков (заведующий отделением Центральной республиканской больницы, хороший знакомый Высоцкого). «При заболевании наркоманией слабеет, теряется воля... Больной умом понимает, что надо лечиться, а не может. Допустим, наркоман попал в тюрьму на пять лет, и все эти пять лет он ждет, когда выйдет и уколется. Высоцкий же сам несколько раз пытается вылечиться».

В сущности, вся эта книга — о его мучительных и, увы, безуспешных попытках вылечиться, о том, что, несмотря на болезнь, Высоцкий практически до самых последних дней продолжает работать: не только играть в театре и давать концерты, но и писать новые стихи и песни...

В феврале продолжается следствие по «ижевскому» делу, не закрыто и дело об автомобильной аварии 1 января 1980 года. Друзья Высоцкого пытаются помочь... В.Янклович: «Мы звонили Вайнерам, звонили Володарскому, звонили Володиному приятелю, который работал в ГАИ... Тот сказал, что ничем не может помочь, — дело из ГАИ передали в Октябрьский райотдел милиции...» Вадим Иванович Туманов вспоминал, что за Высоцкого заступался генерал Крылов, который вскоре покончил жизнь самоубийством... Итак,

дело об аварии в Октябрьском райотделе... И Высоцкий приглашает к себе домой следователя из этого райотдела...

В.Янклович: «Позвал этого следователя с женой, угощал... И этот дурак учил Высоцкого жить... А дело, как потом выяснилось, уже передали на Петровку...»

Красочный рассказ Оксаны, которая присутствовала на этом «вечере»: «Пришел милиционер, совершенно одноизвилистый человек, с женой — красивой блондинкой в кримплене... Она как зашла в квартиру, так сразу потеряла дар речи. Сидела в кресле, абсолютно не двигаясь... А он нес абсолютный бред, шутки были такого уровня:

— Ты, Володя, у меня еще на дыбу пойдешь!

В конце концов он «развязался», — ходил, хлопал всех по плечу, даже читал свои стихи, — ужас!»

А вот как об этом вспоминал сам Высоцкий в изложении Леонида Сульповара: «Шло следствие, связанное с аварией... Володя позвонил:

— Тут люди приехали с Севера, привезли строганины, — приезжай.

Я приехал... А накануне у него был следователь, который вел дело об аварии, — Володе посоветовали: ты пригласи его, угости... И вот Володя об этом рассказывал:

— Следователь пришел с женой, чувствует себя хозяином... Первый вопрос: «Где тут коньяк?» А уже прошел фильм «Место встречи изменить нельзя». И следователь говорит: «Вот ты снялся в фильме... Разве это похоже на правду? Ты приди ко мне в кабинет, посиди, посмотри... Если когда-нибудь будешь играть следователя, «делай с меня»! Вот жена скажет...» Володя все это показал в лицах — и следователя, и жену...»

В феврале продолжает усилия допросить Янковича следователь по особо важным делам — полковник Кравец. Это происходило в Измайловской больнице, там лежал В.Янклович: «Все это было связано со следствием... Но тогда все совпало: у меня обострение болезни, мы приходим к Баранчикову. Он положил меня в свое отделение. Но бумаги — направления из какого-нибудь министерства — у меня не было...

Мне сделали повторную операцию, и у меня даже поднялась температура. А тут приезжает следователь и говорит, что меня надо срочно выписать. Мы позвонили Володе».

Высоцкий берет Алексея Штурмина (А.Штурмин — основатель московской школы каратэ, некоторое время в этой школе занимался старший сын В.В. — Аркадий.) Вспоминает Алексей Штурмин: «Володя мне звонит:

— Валера там умирает! Давай поедем, сделаем что-нибудь!

И вот зимой, уже почти ночью, мы поехали в эту больницу... Володя врубил дальний свет и попер против движения! Я спокойно отношусь к опасности, но тогда мне было очень неуютно».

Продолжает В.Янклович: «Володя приехал очень быстро. У меня действительно очень высокая температура, я был в каком-то полубессознательном состоянии... Я помню, что Володя приехал, меня повезли куда-то вниз, стали еще делать уколы... И Володя выскочил на дежурный пост и тут же уговорил девочек-медсестер сделать ему укол... А тут следователь. Баранчиков наорал на медсестер:

— Выгоню с работы!»

В.Баранчиков: «Как делал Володя? Он же гениальный актер! Ложился у двери: «Помогите, у меня почечная колика!» И у него действительно пена на губах, он синел... Мне сестра говорит: «Высоцкий приезжал с почечной коликой ..» Я приказал — Высоцкого больше не пускать! А тот случай тоже хорошо помню... Валеру «таскали» по судебному делу, он лег в больницу. Приехали следователи, я их не пустил... Потом звонили с Петровки...»

Однако через некоторое время Янковичу приходится выписаться из больницы... Но дело об аварии на Петровке уже ведет новый — молодой — следователь, который быстро во всем разобрался (то есть понял, что авария была непредумышленной).

Перед началом суда на Малую Грузинскую приходит «официальная» бумага — повестка, подписанная каким-то уполномоченным, примерно такого содержания:

«Ввиду того, что Владимир Высоцкий привлекается к уголовной ответственности, прошу ЖЭК номер такой-то дать на него характеристику...»

По свидетельству В.И.Туманова, Высоцкий был в бешенстве.

В конце концов, Высоцкого по делу об аварии оправдали, несмотря на все старания следователей Сарычева и Кравца... Это произошло, во-первых, благодаря тому, что адвокатом Высоцкого на этом суде был Генрих Павлович Падва — известный высококвали-

фицированный юрист. Во-вторых, дело заканчивал здравомыслящий следователь, — ведь любому нормальному человеку было ясно, что не мог Высоцкий специально разбить машину только для того, чтобы скрыть свидетелей в больнице... И наконец, в Театре на Таганке состоялось заседание товарищеского суда...

«ПРИСУТСТВОВАЛИ:
Председатель товарищеского суда — Докторова М.Н.
Славина З.А.
Смехов В.В.
Золотухин В.С.

СЛУШАЛИ: О совершении 1 января 1980 года дорожно-транспортного происшествия артистом Высоцким В.С.
ПОСТАНОВИЛИ: Осудить совершенное Высоцким В.С. нарушение. Учитывая полное признание своей вины и то, что Высоцкий В.С. дисциплинарного взыскания не имел и не допускал дорожно-транспортных нарушений, — товарищеский суд вынес ему общественное порицание, призвал его быть особо внимательным за рулем.
ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА дана для предъявления в Главное управление внутренних дел по адресу: Москва, 103006, Петровка, 38".

Валерий Золотухин говорил, что никакого заседания не было, просто В.В. нужна была эта бумага: «Ко мне подошла Докторова, и я расписался...»

Тем не менее эта «выписка из протокола» сыграла свою роль...

Г.П.Падва: «Районный суд, учитывая чистосердечное признание В.В. и принимая во внимание решение товарищеского суда Театра на Таганке, оправдал Высоцкого...»

Вспомним, что 1 февраля на концерте Высоцкий говорит: «Плохо с ногой, но не мог отменить выступление...»

В.Шехтман: «Числа 23-24 января Володе сделали укол в бедро. Или игла была плохая, или еще что, но у него образовался нарыв. Ногу разнесло очень сильно».

И.Шевцов: «В феврале начался какой-то абсцесс, колено распухло так, что стало вдвое толще нормального. Ему делали несколько

разрезов, загоняли туда какие-то «турынды» (он так рассказывал), но улучшения не было.

— А мне в «Гамлете» становиться на колени! — злился он».

Все близкие люди в один голос говорят, что Высоцкий боялся двух вещей: больниц вместе с людьми в белых халатах. (По всей видимости, после того, как один из друзей из самых благих побуждений устроил В.В. в больницу закрытого — почти тюремного — типа. Высоцкий с громадным трудом вырвался оттуда.) И второе — боялся замкнутых пространств: скорее всего, эта фобия еще более позднего происхождения.

Нога болит, рана загноилась, и В.Шехтман решает действовать:

«Больниц Володя почему-то боялся и ни за что не хотел обращаться к врачам. Вообще, пока его не испугаешь, лечиться не будет!

— Володя, тебе же ногу могут оттяпать!

Еле уговорил его показаться моему отцу, он — хирург. Отец взял саквояж, надел зеленую шапочку, и мы поехали на Малую Грузинскую. Отец осмотрел Володю, все увидел и все понял. Мы вышли из дома, садимся в машину...

— А теперь говори, сколько твой друг этим занимается?

А я уже был более или менее в курсе дела. Рассказываю, на что отец замечает:

— Я могу сказать, от чего он умрет: или от передозировки, или от нехватки...

— Как же так, отец! Что же делать?!

— Вот так. Что-то делать надо. Жить ему осталось не более трех-четырех месяцев...»

Эта первая операция на бедре — она была сделана на следующий день в 67-й больнице — помогла (26 февраля В.В. играет «Гамлета»), но ненадолго: в апреле — новое обострение, еще одна операция... Но об этом — в свое время...

В.Янклович: «Были же и светлые моменты .. Я помню, как приехал наш хороший знакомый Алик Степанян, привез сухого вина. Очень хороший был вечер, но когда же это было?»

А.Степанян: «Это зима восьмидесятого года, сразу после Володиного дня рождения... Самое начало февраля. Я приехал. Действительно, была очень хорошая атмосфера...

В это время я уже жил в Москве, а познакомились мы с Володей

в Тбилиси. И у меня дома он всегда нормально себя чувствовал. Никто его не теребил, никуда он не спешил — все было безо всяких комплексов и без претензий...»

Во второй половине февраля Высоцкий часто звонит в Париж. О чем он говорит с женой? Скорее всего, мы об этом никогда не узнаем точно. Если что-то помнит Марина Влади, вряд ли станет говорить об этом — у нее теперь другая жизнь... Так что мы можем только предполагать, о чем говорили 16, 18, 19 и 21 февраля Владимир Высоцкий и Марина Влади... Марина собирается на съемки в Италию, там они предполагают встретиться... И только там Высоцкий, наконец, расскажет жене все...

Для лечения ноги нужен сильный антибиотик — «кефлекс», его производят только в США... Вспоминает Барбара Немчик, в это время невеста В.Янкловича: «Возможно, что такое лекарство доставала жена Леши Зубова... (Алексей Зубов — известный музыкант, когда-то он работал в оркестре Гараняна и делал аранжировки некоторых песен В.В. — *В.П.*) Но я лично получила «кефлекс» от врача американского посольства. Вообще, без рецептов такие препараты не выдают, но когда он узнал, что это лекарство для Высоцкого, то дал без лишних разговоров».

21 февраля — первый после долгого перерыва концерт: Московский физико-технический институт в подмосковном городе Долгопрудном... Концерт был под угрозой срыва... Афишного концерта с билетами в театральных кассах в Москве Высоцкий так и не дождался, он выступал главным образом в закрытых НИИ, учебных заведениях и в различных «секретных» учреждениях... И большинство этих концертов (кроме «лекций» по линии общества «Знание») были договорными. То есть заранее оговаривалась сумма, которую должен был получить Высоцкий, — обычно никаких билетов не было... В начале 70-х годов случилось так, что концерт проходил в одном из институтов, где училась дочка работника московского ОБХСС. Она пришла домой и рассказала, что у них был замечательный концерт Высоцкого и что на билеты собирали по рублю. Папа тут же заинтересовался сколько получил Высоцкий... Могли быть крупные неприятности, но тогда все обошлось...

Итак, 21 февраля Высоцкий, Янклович вместе с другом В.В. — капитаном дальнего плавания Феликсом Дашковым — подъехали к зданию МФТИ. Вспоминает Валерий Янклович: «Я помню этот концерт... Мы договаривались, что они не будут продавать биле-

тов... Они платят, а как будут собирать деньги — их дело. А когда мы приехали, я увидел, что билеты продают... Я говорю: «Володя, *не работаем. Они продают билеты*». Но организаторы стали биться в истерике: то да се... Мы даже повернули назад, но потом вернулись...»

Ф.Дашков: «Мы подъехали, стоит огромная толпа. Кое-как мы протиснулись через это скопление людей. Многие просто не смогли попасть в зал...

Тогда меня просто поразили студенты, — поразили своими лицами... Были прямо-таки фантастические лица — такие бывают у итальянских «тиффози».

А вот версия Высоцкого — почему концерт начался с небольшим опозданием, — это он сказал в самом конце выступления: «Я ехать не хотел, потому что мне улетать в восемь утра совершенно неожиданно, и, в общем, получилась масса нарушений каких-то. Я думал, что еду совсем в другое место, куда поехали мои друзья — несколько человек, приехавших издалека. Я их бросил, оставил, приехал к вам — вашему товарищу удалось меня убедить. И я не только об этом не жалею, а наоборот — очень рад».

Вообще, концерты были, пожалуй, главным источником существования для В.В. Тем более что в 1980 году у него образовались крупные долги. Об этих долгах мы расскажем позже — сейчас о концертах...

Первым сольным концертом В.В. стало выступление в Институте русского языка в 1966 году. А через некоторое время, как вспоминает Людмила Абрамова, после репетиций и спектаклей Высоцкого на служебном входе постоянно ждали... Приглашений было много, но в этих выступлениях не было никакой системы. Первыми «официальными» концертами (с билетами!) были выступления по путевкам общества «Знание». За одно выступление, если билеты были проданы (а все билеты были проданы всегда!), В.В. получал по 75 рублей. Эти концерты организовывал В.П.Янклович, тогда — администратор Театра на Таганке: «Иногда оформляли по две путевки... И за первый месяц Володя получил 450 рублей. В «Знании» был даже небольшой скандал: «Как так, у нас даже академики столько не получают...»

С конца семидесятых годов концертные выступления становятся основным источником доходов... Владимир Гольдман — администратор из уже известной нам группы Кондакова — рассказывает:

«Концерты — это был для Володи практически единственный способ заработать деньги. В театре он получал копейки, за пластинки в Союзе — ничего, ну, может быть, — кино... Но главное — концерты...»

В.Янклович: «Все деньги, которые Высоцкий получал в театре, он отдавал своим детям».

В последние годы Высоцкий, конечно, «знал себе цену» — и в высоком человеческом смысле, но знал и цену своей работы... Владимир Шехтман: «Очень много дали Володе поездки за рубеж. Он приобрел не только знание мира, но и чувство собственного достоинства, ценности своей работы. Он мне говорил:

— Понимаешь, на Западе звонит репортер: «Запись будет шестьдесят минут, — это стоит три тысячи долларов».

Скорее всего, В.В. имеет в виду запись популярной передачи компании Си-би-эс «60 минут»...

В 1979 году Высоцкий записывался для итальянского телевидения. Вспоминает В.Янклович: «Последнее время Володя понимал свою величину и очень точно знал, «сколько он стоит». Его пригласили сниматься на итальянском телевидении, спрашивают:

— Сколько стоит Ваш съемочный день?

— А сколько получали за день работы Мастроянни, Пол Ньюмен?

— Примерно тысячу долларов...

За эту съемку Высоцкий получил тысячу долларов».

Мы не знаем, сколько получил В.В. за концерт в МФТИ, но этот концерт оказался не совсем обычным... Как правило, В.В. редко и очень коротко отвечал на вопросы из зала, но здесь он разговорился...

Итак, 21 февраля 1980 года, концерт в МФТИ. Вопрос из зала: «Какова роль жизненного опыта в художественном творчестве?»

В.Высоцкий: «Большая роль. Но это — только база. Все-таки человек должен быть наделен фантазией для того, чтобы творить. Он — творец. Если он, основываясь на фактах, что-то там рифмует или пишет... В общем, реализм такого рода был и будет, но это не самое интересное. Я больше за Свифта, понимаете? Я больше за Булгакова, за Гоголя, и поэтому... Жизненный опыт — я прекрасно понимаю... Но вы представьте себе: какой был такой уж гигантский жизненный опыт у двадцатишестилетнего Лермонтова? Однако

он — творец, настоящий, великий. Правда? Прежде всего, мне кажется, должно быть свое видение мира. В общем, все опять сводится к одному: личность, индивидуальность. Вот что главное. Можно создавать произведение искусства, обладая повышенной чувствительностью и восприимчивостью. Можно и не имея жизненного опыта. Можно... Но лучше иметь его. Немножко... Под жизненным опытом вы, наверное, понимаете больше всего то, что жизнь нас била молотком по голове, а если говорить серьезно — страдания. Верно? Конечно, искусства без настоящего страдания нет. Необязательно, чтобы человека притесняли, стреляли в него, мучили, забирали родственников и т.д. Нет, если даже в душе, даже без этих наших проявлений — испытывал вот это чувство сострадания за людей, за близких, за ситуацию и т.д., то уже очень много значит. То есть база — это создает жизненный опыт, а страдать могут даже очень молодые люди, и очень сильно. Это я так думаю. Другие, может быть, — по-другому. Это не постулат».

На этом же концерте был задан и такой вопрос: «Имеют ли смысл пластинки, которые издаются «там» и не доходят сюда?»

В.Высоцкий: «Они очень доходят, и если доходят, то только сюда. Безусловно, они мало интересны французам, но не настолько мало, как вы думаете. Они интересны некоторым людям, которые вообще интересуются искусством, Россией. Они им интересны, они их беспокоят, волнуют так же, как и нас. Поэтому они так просят перевода слово в слово. Единственное, что, конечно, для них непонятно: почему человек так тратится, даже в маленьком узком кругу? Вы знаете, я ведь одинаково пою, что в компаниях, где два-три человека, что на гигантских аудиториях. Они никак не могут понять, почему человек с набухшими жилами сидит дома перед несколькими людьми... Что это? Почему? Что его так беспокоит? И когда ты им переводишь... Конечно, очень многое до них не доходит, не знают они этих проблем, вернее, они их не волнуют. Особенно они не понимают, зачем песне заниматься этими проблемами, — вообще, поэзии. Она должна заниматься прекрасным...»

Высоцкий записывал французские диски с разными музыкантами, но чаще всего аранжировщиками были Костя Казанский и Клод Пави... Об этом гитаристе (в другом концерте) В.В. говорит так: «...Клод Пави приехал в своем фургоне, там у него было семнадцать гитар. Он заставил меня полностью перевести все песни, которые предстояло записать. Трое суток на это ушло.

Иногда он не понимал смысла: почему я, собственно, так волнуюсь по поводу того, что «идет охота на волков»? Мы ему объясня-

ли, он говорил: «А-а-а!» И записывал каждую строку. Он был обескуражен — как это можно в песне говорить о таких вещах, — и сидел совершенно пришибленный... Так получилась, на мой взгляд, удачная обработка — чисто гитарная, с наложениями. Он прекрасно играл, мне редко приходилось видеть что-либо подобное...

Мы тоже можем заинтересовать их, только нужно дать им идентичные образы и — чтобы они поняли, о чем в песне поется. Французы считают, что песня не должна заниматься проблемами — это развлекательный жанр, хотя сами больше всего любят настоящих поэтов: Брассенса, Лео Ферре, Максима Лефорестье...»

Кстати, Максим Лефорестье не только знал и ценил песни Высоцкого, но и перевел две из них на французский язык... Марина Влади: «Эти песни перевел Максим Лефорестье — наш очень известный певец. Он перевел их, чтобы сделать Володе сюрприз. Но потом получилось так, что Володя их спел на одной из пластинок. Спел по-французски, ведь в последние годы он хорошо владел французским языком».

И, заканчивая эту тему, приведем совершенно уникальное свидетельство друга Высоцкого — знаменитого польского актера Даниэля Ольбрыхского... Ольбрыхский снимался в одном фильме вместе с Шарлем Азнавуром и однажды поставил ему запись Высоцкого «Две гитары»:

«Я внимательно наблюдал за Азнавуром, слушавшим «Две гитары»... Этот невысокий, очень говорливый мужчина, которого невозможно было прервать, молчал целых пять минут! Столько длится произведение Высоцкого. Потом он встал, налил себе стопку водки. Выпил, по-прежнему молча. И ушел. Я проводил его до самого номера. Прощаясь, он сказал, выдвигая характерным образом нижнюю челюсть: «Он не поет. Он выблевывает! Лучше, чем я».

И в последний раз вернемся на концерт 21 февраля, слишком много важного было сказано на нем... Очередной и очень серьезный вопрос: «Собираетесь ли вы выпустить книгу стихов? Если — да, то как она будет называться?»

В.Высоцкий: «Вот что я вам отвечу на этот вопрос. Это не только от меня зависит, как вы понимаете. Я-то собираюсь. Сколько я пособираюсь, — не знаю. Сколько будут собираться те, от кого это зависит, — тем более мне неизвестно. Как будет называться, — пока даже разговора об этом нет серьезного. Хотя есть предложения и по поводу книги, подборок и т.д.

Вы знаете, чем становиться просителем и обивать пороги редакций, выслушивать пожелания — как переделать строчки, лучше сидеть и писать. Вместо того чтобы становиться неудачником, которому не удается напечататься. Зачем? Можно писать и петь вам. Это — то же самое... А вы не думаете, что магнитофонные записи — это род литературы теперешней? Ведь если бы были магнитофоны при Александре Сергеевиче Пушкине, то я думаю, что некоторые его стихи были бы только на магнитофонах».

Конечно, Высоцкий хотел напечататься, но при жизни его стихи и песни появлялись в малоизвестных и малотиражных — местных — газетах. Все знают, что одно стихотворение Высоцкого «Из дорожного дневника» появилось в «Дне поэзии» 1975 года. Менее известно, что подборка песен В.В. вошла в сборник «Песни русских бардов» — т.4, (Париж: Имка-пресс, 1978). Гораздо больше известно об участии Высоцкого в знаменитом альманахе «Метрополь» (Ардис, 1979)

К участию в «Метрополе» В.В. привлек Василий Аксенов. Вспоминает Марк Розовский: «Помнится, Василий Палыч говорил со мной о «Метрополе», особо упирая на участие в нем Высоцкого. «Мы их «умоем» Володей!» Имелось в виду, что все его стихи известны благодаря магнитофонам, — а ведь не печатают, суки!»

Что касается подбора стихов, то об этом рассказывает В.Янклович: «Когда Аксенов попросил разрешения опубликовать стихи в «Метрополе», Володя сказал: «Пожалуйста!» Но новых стихов не дал. Дал старые со словами:

— Отбери, что хочешь...

И подборку для «Метрополя» они сделали на свой вкус».

Виктор Ерофеев вспоминает, что Высоцкий несколько раз приходил на встречи участников «Метрополя»:

«Звонил в дверь Владимир Высоцкий, на вопрос «кто там?» отзывался: «Здесь делают фальшивые деньги?» Мы хохотали, понимая, что получим за свое дело по зубам...»

Более того, по мнению Ерофеева, была песня, посвященная «Метрополю», что, впрочем, маловероятно. «Метрополь» вышел за границей, начали реагировать официальные инстанции и лица.

М.Розовский: «Аксенов информировал нас, участников, о том, как Союз писателей совместно с КГБ доблестно громит наше общее детище. Решаем, что и как делать, как вести себя дальше. Вы-

соцкий держится тихо и скромно, он не был членом Союза писателей, исключение лично ему не грозило, а поверить, что его будут журить в его родной Таганке было невозможно. Он посидел, послушал, а после исторического фотографирования на память ушел от нас первым в морозную ночь».

Евгений Попов рассказывает, что один известный поэт долго колебался: публиковать свои стихи в «Метрополе» или нет, «быть или не быть»:

«Это же было опасно! И Высоцкий, когда узнал об этом, сказал:

— Ну, конечно, не быть! Не быть!

И своими руками вырвал страницы со стихами этого поэта».

Дополнительную прекрасную подробность приводит Василий Аксенов: «Мы были в унынии после очередного погрома, подташнивало от мерзостей секретаришек, наших же бывших товарищей... Володя спел тогда две песни: старую про Джона Ланкастера и совсем новую «Мы больше не волки». Все переменилось волшебно: волна братства и вдохновения подхватила нас».

25 февраля концерт в 31-й больнице (так называемой олимпийской поликлинике). Вспоминает Игорь Шевцов: «Мы поехали в больницу на проспекте Вернадского. Там что-то напутали, разминулись, и когда, наконец, разобрались и нашли конференц-зал в полуподвале, там уже было битком народу. Мы трое, что были с ним, еле протиснулись, когда Володя уже начал выступление...

Спел первую вещь, вторую, потом вдруг разволновался:

— Моих там устроили?

Увидел нас, успокоился.

— Ну, хорошо...

Пел много, больше обычного, и про больную ногу как будто забыл. Среди ответов на записки запомнился такой: «Что вы думаете о других наших бардах: Окуджаве, Киме и... (назвали какое-то третье имя, которого я не знал, поэтому и не запомнил)? Расскажите о них».

Володя сказал, что с большим уважением относится к Окуджаве и Киму. К сожалению, они сейчас меньше стали работать в этом жанре (авторской песни). Окуджава, как вы знаете, пишет прозу. Ким закончил пьесу в стихах. О Фаусте. Говорят — очень интересная. А третьего — он назвал фамилию — я не знаю, кто он такой. Но раз не знаю, то, наверное, и не нужно. И Володя улыбнулся».

Приведем точный текст ответа Высоцкого:

«Как вы относитесь к творчеству самодеятельных авторов, которые работают несколько в другом ключе — Визбор, Ким, Егоров и другие?

— Я не знаю Егорова. К Визбору отношусь с симпатией, хотя, в общем, я думаю, что он сейчас уже не пишет никаких песен. То, что он делал раньше, одна песня, я довольно хорошо к ней относился, песня про Серегу Санина... И к Киму с большим уважением отношусь. Что я о них знаю, обо всех? Знаю, что Визбор на радио работает, что он там — как режиссер и как корреспондент, возможно. Юлий Ким пишет мюзиклы, пишет пьесы в стихах по известным сюжетам. Например, последняя у него есть такая пьеса — он написал по «Доктору Фаусту» мюзикл, в котором есть и стихотворный текст, и масса песен и музыкальных номеров. Ну а Егорова я не знаю совсем. Кто это такой? Если вы мне расскажете потом, буду вам благодарен».

Высоцкий всегда с уважением говорил о «бардах». Приведем одно из ранних высказываний: «Продолжает работать Булат, который уже больше двадцати лет работает с авторской песней. С большим уважением отношусь к Юлику Киму. Юра Кукин, который сначала занимался этим так, левой ногой, потом увидел, что к этим песням есть большой интерес, и даже стал с ними выступать. И Визбор, я слышал, возобновил свои выступления, понемножечку стал работать. И песни Анчарова всплывают вдруг в каком-то другом исполнении, — значит, все это не забывается, это дело живучее...»

А что касается личных отношений, то близкой дружбы не было, да, наверное, и не могло быть... Во-первых, все «барды» начинали примерно в одно время, а потом появился Высоцкий и «резко вырвался вперед». Скажите, кому могло быть приятно, если на твоем авторском вечере — треть вопросов о Высоцком, — но это уже после смерти В.В. Второе: Мандельштам писал, что в поэзии — всегда вражда, живая вражда, а мир наступает в эпохи общественного идиотизма...

И вся эта ситуация касалась не только «бардов», но и ведущих советских поэтов — «старших братьев» Владимира Семеновича...

В.Янклович: «Помню, как на одном из юбилейных спектаклей «Антимиров» — было, кажется, пятисотое представление... Так вот, я сидел в зале (мы с Володей были еще мало знакомы), Вознесенский читал свои новые стихи. И вдруг в зале раздались крики:

— Высоцкого! Пусть Высоцкий выступит!

Вознесенский насторожился, замолчал... Высоцкий вышел на сцену:

— По-моему, тут происходит какое-то недоразумение. В афишах сказано, что это пятисотый спектакль «Антимиры» ВОЗНЕСЕНСКОГО, а не концерт ВЫСОЦКОГО!

Гром аплодисментов. Вознесенский продолжает читать...»

Отношения Высоцкого и Вознесенского («младшего» и «старшего» братьев) — тема отдельной статьи. Но что касается восьмидесятого года, то в июле Вознесенский отдыхал в Пицунде, на похороны Высоцкого не приехал — прислал телеграмму...

А вот что сказал Любимов после первых прогонов и общественных просмотров спектакля «Владимир Высоцкий»: «Я от многих наших крупных поэтов слышал... и даже видел, что они были немного растеряны. Они говорили: «Вы знаете, мы не ожидали, что он такой необыкновенный поэт».

26 февраля — «Гамлет». Высоцкий нормально играет, становится, когда необходимо, на колени... Скорее всего, помогла операция, которую сделал отец Владимира Шехтмана... Но было и другое обстоятельство...

В.Янклович: «Когда у Володи был абсцесс, какой-то «сумасшедший» пытался лечить его по фотографии...»

Неизвестно, было ли проведено тогда это лечение... Но сама история с экстрасенсом началась гораздо раньше... 16 апреля 1977 года. Запись в дневнике В.Золотухина (Театр на Таганке готовится к гастролям в Париже, Высоцкий лежит в институте Склифосовского. Состояние очень тяжелое. — *В.П.*):

«Позвонил Мережко... Есть очень хорошие люди, занимающиеся провидением. (Слово «экстрасенс» появилось позже. — *В.П.*) Создана на общественных началах лаборатория при Академии художеств... Поговорят с тобой люди с нимбами над головами, и все про тебя знают... Устанавливают связь с твоим энергетическим полем через фотографии. Так, по фото Высоцкого они установили, что у него плохо с головой, легкими, почками и цирроз печени... Ему нельзя терять ни одного дня, кое-что они могут исправить, еще есть возможность... кроме печени... там просто катастрофа».

Золотухин пытается дозвониться, но телефон Высоцкого отключен. Неизвестно, говорили ли они на эту тему...

Гораздо позже Туманов каким-то образом познакомился с Джуной... (Тогда по Москве ходили упорные слухи, что она лечит Брежнева... Действительно, на открытии московской Олимпиады Леонид Ильич говорит внятно и без «шамканья» и других речевых недостатков.) И Вадим Иванович хотел повести к Джуне Высоцкого, но тот отказался.

В.Янклович: «Все последнее время был разговор, что надо поехать к Джуне... Надо! Но Володя так и не побывал у нее»

На одном из выступлений Джуны у нее спросили об этом... Она сказала, что к ней обратились за десять дней до смерти Высоцкого (Непонятно, он сам или кто-то другой? — *В.П.*): «Я дала ему четырнадцать дней на подготовку, но через десять дней он умер».

Нина Максимовна Высоцкая была на приеме у Джуны, которая сказала ей, что, если бы Высоцкий вовремя обратился к ней, она бы его спасла...

Правда, существует такое мнение, что у В.В. было настолько мощное биополе, что оно отталкивало всякие посторонние воздействия...

Февраль приближается к концу, каждый день у Высоцкого либо спектакль, либо концерт (иногда — два). Игорь Шевцов в феврале бывает на Малой Грузинской гораздо реже, чем в январе... Но всякий раз в квартире постоянное движение: приходят и уходят знакомые и незнакомые (Игорю) люди, возникают и гаснут темы — самые разнообразные...

В.Абдулов: «Да, в доме почти всегда были люди... Но не люди, люди, люди... Случайных людей практически не было...»

В.И.Туманов рассказывал, что Высоцкий со многими «раздружился» и даже стал нелюдимым...

По мнению В.Янковича, Высоцкий окружил себя немногими людьми, которым полностью доверял...

Попробуем определить этот круг доверенных людей... Школьные друзья по Большому Каретному уже далеко — у всех давно другая жизнь... Из друзей последних лет часто бывают на Малой Грузинской Вадим Иванович Туманов, Валерий Павлович Янклович, Всеволод Осипович Абдулов. Владимир Шехтман становится одним из самых доверенных людей. Из врачей Высоцкий полностью доверя-

ет двум: Анатолию Федотову и Игорю Годяеву, они часто бывают у него дома. Гораздо реже бывают, но тоже пользуются большим доверием и авторитетом Леонид Сульповар и Олег Филатов... Из близких женщин — одна Оксана: «Друзья приходили... Попить чайку, посмотреть журнальчики... А когда Володе было плохо, сразу же звонил мне: — Немедленно приезжай!»

Возможно, так бывало не всегда — «доставалось» и Янковичу, и другим...

Периодически в доме бывали А.Штурмин, Бабек Серуш, А.Бальчев, В.Нисанов (В.Нисанов — фотохудожник, сосед по подъезду, в последние два месяца бывал особенно часто.)

Разумеется, часто бывала Нина Максимовна Высоцкая, которая помогала чем могла...

А театр? Тесные дружеские отношения с Золотухиным закончились в 75-м году; примерно в этом году — ссора с Дыховичным, точнее, резкий уход Дыховичного; со Смеховым отношений никаких... Остается Иван Бортник, но с ним ссора в последний год...

И.Бортник: «И все-таки мы поссорились, примерно за год до его смерти. Не по-крупному, но поссорились — обычные дела между друзьями. И я считал себя виноватым, но подойти, сказать — как-то не получалось. Гордость заела».

В Театре на Таганке «нормальные» отношения с А.Демидовой, Д.Боровским, Л.Филатовым... Александр Стернин — фотограф театра — рассказывал мне, что перед «Вишневым садом» Высоцкому регулярно расстраивали гитару. «Володя говорил: — Ну вот опять! И кому это надо?!»

Известный факт: пятилетие театра, на экране любительские кадры — всех узнают, смеются... На экране Высоцкий — в зале гробовая тишина. Этот эпизод знают многие, но практически никто не знает, что у Высоцкого на глазах были слезы, когда он рассказывал об этом Володарскому...

Еще одна точка зрения на окружение Высоцкого Артура Сергеевича Макарова — на Малой Грузинской он появляется редко, но все же бывает: «В последние годы из-за своей болезни, скажем так, Володя был окружен людьми другого — особого — рода. Наверное, каждый из них был хорош для него и нужен... Но Володя отлично

знал им всем цену... Все это я понял, когда познакомился с людьми, которые окружали его в последние годы жизни...

Хотя Годяева Игорька я уже знал хорошо и хорошо к нему относился. Я высоко ценю знакомство с Валерием Янковичем. Считаю, что этот человек искренне любил Володю, в отличие от многих других. Он действительно помогал Володе жить и старался быть ему полезным...»

В.Янклович: «Вот я думаю, почему этот узкий — ближний круг? Поэтов и писателей он сторонился... И практически ни с кем не чувствовал себя свободным, даже с нами...

И он — Высоцкий! — перед всеми должен был отчитываться... Перед Любимовым, перед Дупаком, перед Мариной... И, может быть, только с Федотовым он мог почувствовать себя свободным...»

Оксана: «Вот Валера считает, что он сторонился писателей, поэтов... Да ничего подобного! С удовольствием бы общался, если бы не болезнь.

Володя Шехтман — очень хороший человек, Игорек Годяев — хороший приятный человек, Толя Федотов — веселый, хороший человек, да еще и врач, Валера Янклович — самый близкий, хороший человек... С ними можно посидеть, пообщаться... Но связать всю свою судьбу, общаться изо дня в день, практически не расставаясь, на протяжении целого года — почему?! Чем больше была зависимость, тем больше были нужны эти люди. А вот Сева Абдулов — не мог или не захотел доставать, он и исчез на полгода.

А тот же Федотов, — ну не было бы болезни, да разве мог бы Толя днями не выходить из Володиной квартиры?!»

В.Баранчиков: «Наверное, именно с февраля это и началось — постоянные поиски... И вокруг были люди, которые так или иначе были с этим связаны. Да, общались, дружили, любили, — но главное — это...»

Очень важно наблюдение Владимира Шехтмана: «Знаешь, Валера, мы все были все-таки младшими друзьями... В этом все дело... Даже Вадим. А потом, Вадим (Туманов. — *В.П.*) бывал наездами...»

В заключение горькие слова В.Янковича: «Володя был гений — он всех нас объединял и брал от нас то, что ему было нужно... А Володи не стало, — сколько мы продержались вместе?!»

1980 год — високосный. 29 февраля — два концерта: в НИИ капитальных транспортных проблем и еще один концерт в МФТИ.

Вот как начинается один из этих концертов в НИИ капитальных транспортных проблем:

— Сколько времени? Сколько?

— Четверть седьмого... (ответ из зала)

— Занижаете время вы... Что-то я утерял ощущение времени. Обычно очень чувствую — с точностью до минуты — сколько времени. А тут что-то утерял. Может быть, просто поется и поется...

Заметим, кстати, что, по утверждению Ивана Бортника: «Вовка никогда не носил часов, но всегда с точностью до минуты знал время».

Вечером в Доме кино — премьера фильма М.Швейцера «Маленькие трагедии», в котором Высоцкий сыграл Дон Гуана. В этом же концерте он говорит: «Вот сегодня, сейчас, премьера в Доме кино, премьера картины, которая называется «Маленькие трагедии» по Александру Сергеевичу Пушкину. Это Швейцер сделал изумительный, на мой взгляд, монтаж из пушкинских стихов... Смог объединить все «Маленькие трагедии» — получилось как будто единое произведение».

Трехсерийный телевизионный фильм М.Швейцера «Маленькие трагедии» будет показан по Центральному телевидению 1, 2 и 3 июля.

МАРТ

1 марта 1980 года Центральное телевидение показывает очередной выпуск «Кинопанорамы». В передаче был сюжет о телефильме «Место встречи изменить нельзя»: отрывки из фильма, беседа Э.Рязанова с С.Говорухиным и В.Конкиным. Как мы уже знаем, Высоцкий на запись интервью не приехал, так что ни исполнителя одной из главных ролей, ни песен В.В. (а они были записаны) в «Кинопанораме» не было. Вообще, Высоцкий наотрез отказывался говорить и о фильме, и о роли... Может быть, потому что чаще всего его спрашивали, почему вы не спели в этом фильме?

Но все же два раза Высоцкий довольно подробно говорит о фильме «Место встречи изменить нельзя»: на одном из концертов и в самом последнем своем интервью...

«По поводу картины «Место встречи изменить нельзя» я не буду давать интервью. И не потому, что мне нечего сказать, — не выманите, не выудите, я ушлый человек. Если вы обратили внимание, я вообще никаких интервью не даю. Поначалу они не хотели, теперь уже я не хочу, потому что журналисты всегда натягивают, перевирают... Они почему-то всем-всем одинаково дают выражаться — все у них получаются такие умные. Они почему-то думают, что их язык — это язык интеллигентов... Поэтому в их интервью, обратите внимание, все одинаково говорят. Поэтому обещаю вам, что вы не прочтете ни одной строчки о моем отношении к Жеглову. Все видно по тому, как я его сыграл. Я свое дело сделал, а оценивать — дело не мое, а ваше и критиков.

Этот фильм мы делали с друзьями, кланом. Мы работали с режиссером — это мой давнишний, ближайший друг, с которым я начинал: мы «Вертикаль» с ним делали. Я получил удовольствие от работы, не то чтобы удовольствие, а купался в некоторых моментах роли. И больше ничего не скажу».

Действительно, Высоцкий молчал о фильме, но еще раз прервал молчание — в интервью Ирине Шестаковой, корреспонденту иновещания Московского радио:

— Владимир Семенович, теперь вопрос в связи с вашей ролью Жеглова. Вы сами не помните время, то время, когда существовала «Черная кошка» — ведь это не вымысел? Хотя между сороковыми и восьмидесятыми годами уже полвека, но, к сожалению, проблема борьбы с организованной преступностью по-прежнему стоит остро.

— Когда мне было совсем-совсем немного лет, я помню одну облаву. Мы жили в трехэтажном доме напротив Ржевского вокзала (ныне — Рижский). Бандиты собирались ограбить эшелоны, кото-

рые приходили из Германии. И я запомнил стрельбу, колоссальное количество милицейских машин и как мы смотрели в форточку на все это. Я помню эту облаву. Я был настолько малолетка, что еще ничего не понимал, что это такое, но все-таки помню это название «банда».

Теперь очень интересно и важно вообще исследовать эту тему: как вообще нужно бороться с террором? Таким же точно способом, как в двадцатые годы, или все-таки терпеть и находить какие-то гуманные способы борьбы с насилием? Никто на этот вопрос ответить не может. Я и согласился сниматься в картине, чтобы этот вопрос поставить. От имени своего персонажа я утверждаю, что нужно так с ними поступать: давить от начала до конца, если ты уверен на сто процентов, что перед тобой преступник.

— Но ведь в картине «Место встречи изменить нельзя» Шарапов не соглашается с вами, то есть с Жегловым?

— Розовый герой, который призывает к милосердию, к тому, чтобы идти в сторону смягчения, а не ужесточения мер по борьбе с преступностью, он утверждает, что нужно действовать честно, даже с нечестными людьми. Это все, в общем-то, на словах. Но если сейчас кругом посмотреть, поглядеть, что делается в мире: терроризм и «красные бригады», стреляют по ногам детей, а потом на их глазах убивают учителя, — начинаешь сомневаться, кто из двух героев прав.

Если вы обратили внимание, то Вайнеры это как раз ухватили в своей вещи. Когда два персонажа окончательно рассорились и разошлись, Шарапов сказал: «Я не хочу с тобой работать». Жеглов: «Ну иди, как хочешь». Приходит Шарапов в МУР и видит в траурной рамочке портрет своей любимой, которую убили бандиты. В данный момент, если бы они ему попались, он любым способом упрятал бы их за решетку, если бы не уничтожил, правда? Вот Жеглов мой все время находится в этой позиции, в которой Шарапов мог бы оказаться в конце картины.

Я его нигде не оправдывал. Ольга Чайковская очень хорошо написала: «Я не понимаю, нравится он мне или не нравится». Кстати говоря, очень многим людям нравится, что Жеглов специально засунул кошелек в карман вора так ловко, потому что это явный вор. Возможно, Жеглов не стал бы так вести себя с человеком, в вине которого не уверен. Но в одном Жеглов, я думаю, ошибается: если он подозревает в ком-то преступника — все — для него перестает существовать в нем человек. И поэтому с единственно приличным человеком он ошибся, поэтому с ним так себя и ведет, понимаете? Вот в этом есть что-то...

— Вам было интересно работать над ролью Жеглова?

— Братья Вайнеры писали этот характер немножечко с меня — с того образа, который создался в их воображении, благодаря моим песням. Мне в картине проще было работать из-за этого».

Многим своим друзьям и знакомым Высоцкий говорил, что хотел бы сделать фильм «Место встречи изменить нельзя» сериалом на всю жизнь. Более того, у него были конкретные планы продолжения фильма, — об этом вспоминает консультант фильма, тогда первый заместитель начальника главного следственного управления МВД СССР В.П.Илларионов (в книге А.Б.Утевского «На Большом Каретном»):

«Вскоре после триумфальной премьеры фильма «Место встречи изменить нельзя» Высоцкий предложил подумать о сюжете продолжения сериала, который можно будет предложить сценаристам.

На лацкане пиджака Жеглова был орден Красного Знамени. За что он его получил? Высоцкий стал импровизировать возможные сцены. Искал начало.

— Где у вас хоронят ветеранов?

— На Преображенском.

— Представим себе снежную зиму. Наше время. Кого-то хоронят. Старики медленно идут к выходу. Один случайно оступился и смахнул снег с маленького обелиска. На фаянсовом овале — мой портрет во френче со стоячим воротником. (Высоцкий выкатил глаза, изображая себя на фотографии.) Надпись: «Капитан Жеглов. Погиб при исполнении служебных обязанностей». Старики тихо беседуют между собой: кто такой капитан Жеглов? Никто не помнит.

Так, думал Высоцкий, мог начинаться фильм. Запомнилась придуманная им и замечательно разыгранная сцена в тамбуре вагона, где один из подчиненных капитана, штыком открыв банку тушенки, жадно ест, измазав руки и лицо жиром.

— Гад, что ты делаешь! В Москве умирают от голода старики и дети!

Это было сказано на такой ноте душевного страдания, что можно только сожалеть о несбывшихся творческих мечтах Высоцкого».

3 марта 1980 года, Париж. Эта дата стоит под такой надписью:

«Дорогому Моему Другу и Брату Володе Самому Высоцкому с Любовью к Нему и Его Гениальному Творчеству — Миша Шемякин. (Представитель России во Франции и др странах)».

Надпись сделана на каталоге выставки Шемякина в Рио-де-Жанейро. Этот каталог, скорее всего, был передан В.В. Мариной Влади во время их встречи в Италии, в Венеции в конце марта...

Мы уже говорили об окружении Высоцкого в последний год его жизни в России, а за границей, безусловно, Шемякин был самым близким и преданным другом. Причем, что очень важно отметить, во многих ситуациях старшим другом, который мог сказать «нет»...

М.Шемякин: «Мы с Володей поругались только один раз, когда он попросил у меня наркотик...

— Ну у тебя столько знакомых врачей-коллекционеров...

Действительно, это было так. Я бы мог достать хоть ящик — ничего не стоило. Предложил бы гравюру — домой бы принесли. Я говорю:

— Володя, кто тебя «посадил на иглу», вот у тех и проси! Можешь сейчас уйти, хлопнуть дверью — хоть навсегда! У меня не проси».

Из не опубликованных пока набросков Высоцкого:

Мне так не хватало брата
Или хотя бы отца...

(Можно добавить, что в последние годы у Высоцкого в России не было и старшего друга. Кроме, возможно, Вадима Ивановича Туманова.)

В.Янклович: «Да и с Вадимом... Туманов пытался воспитывать:

— Володя, да брось ты это.

— Вадим, не лезь не в свое дело».

В.Туманов: «Ты же знаешь, что на эту тему никто не мог с ним говорить... Но ребята бегали, доставали... Я никогда этого не делал».

Кроме того, Шемякин — сам большой художник — прекрасно понимал масштаб личности В.В.: «У Володи было все, что необходимо для этого «коктейля гениальности». У него была феноменальная работоспособность, колоссальное умение расслабляться... Вот некоторые думают: а-а, он был алкоголиком... Да ни черта подобного! Все его нагрузки по накалу точно совпадали — он безумствовал, когда он пьянствовал, но когда он работал, то нагрузки, которые он нес, тоже были колоссальными!»

На эту же тему — из воспоминаний Олега Филатова, врача-травматолога, хорошего знакомого В.В.:

«Однажды я ему говорю:

— Володя, ну пожалей же ты себя! Ты столько делаешь для людей.

Он ответил:

— Да не могу я жить кислой жизнью! Вот я выхожу из штопора, мне так хочется жить и творить».

Сейчас вернемся к парижскому эпизоду с наркотиками. За границей доставать наркотики и опасно, и дорого... Высоцкий провозил «лекарство» в пузырьках из-под сердечных капель... В критических ситуациях ему передавали наркотики командиры экипажей «Аэрофлота». В России все было проще, да и отношение к наркоманам было тогда другим, более терпимым... К ним относились как к каким-то чудакам, а не как к тяжело больным людям... А с другой стороны, наркомания была какой-то стыдной болезнью. Хотя на Западе давным-давно поняли, что наркомания — это опасное заболевание, которое можно и нужно лечить. Через специализированные клиники и реабилитационные центры прошли многие знаменитые люди. Все они не только не стыдятся — наоборот, гордятся тем, что смогли победить болезнь. Например, Бэтти Форд — жена бывшего президента США, которая сама прошла все круги этого ада, ныне возглавляет организацию помощи наркоманам.

Теперь более или менее точно известны и каналы, и «поставщики» — кто мог отказать Высоцкому?.. Будем снисходительны к этим людям, они рисковали многим, и рисковали ради Высоцкого. Леонид Сульповар — врач-реаниматолог из института Склифосовского: «Конечно, Володя пытался доставать у нас... Но у нас в институте все очень строго. Ну раз мы могли ему помочь, ну — два. Не больше...»

Но бывали и экстремальные случаи, когда все возможности достать наркотик были исчерпаны. В таких ситуациях В.В. действовал по-разному... Мог, например, остановить «скорую помощь» и так убедительно изобразить почечную колику... В одном подмосковном санатории зашел в кабинет знакомого врача, закрыл дверь на ключ изнутри, положил ключ в карман и сказал, что не уйдет, пока не получит ампулу...

Кстати, причиной клинической смерти в Бухаре был не сердечный приступ, как принято считать, а то, что Высоцкий ввел себе лекарство, которое используют при лечении зубов... Спас Высоцкого, как известно, Федотов.

Но у Высоцкого, действительно, было «бычее здоровье» (как в его стихотворении)... В 1979 году в США он прошел полное обследование (вероятно, на томографе), кроме небольших возрастных изменений в миокарде, по его словам, весь организм функционировал нормально... В.В. многим с гордостью рассказывал об этом...

Л.Абрамова: «Это было ранней весной восьмидесятого... И както уж очень он меня убеждал, что у него здоровый, совершенно молодой организм: в Штатах так тщательно его обследовали, просветили все на свете. Как будто ему двадцать лет... Он меня в этом убеждал, а мне совсем наоборот показалось...»

Кроме того, по словам Л.В.Абрамовой, ее поразило обилие замков и запоров в квартире... Высоцкий почему-то заперся в ванной и очень долго не мог открыть замок... Наконец выскочил потный и зеленый. Только тогда вторая жена Высоцкого и мать двух уже взрослых его сыновей поняла, что дело тут не только в алкоголе — наркотики!

В марте пытается что-то сделать Всеволод Абдулов: «К этому моменту я окончательно все понял... Постоянно думал об этом. У меня был знакомый — великолепный нарколог, которому я абсолютно доверял. Я поехал к нему... Мы говорили, разговор шел о дозах. И этот врач сказал:

— Самое страшное: чем сильнее человек, тем ужаснее картина, которую вы нарисовали... Чем сильнее человек, тем ужаснее ситуация.

Я был абсолютно в нем уверен и назвал фамилию...

— Ему осталось жить месяца два...

И добавил:

— Вот все мои телефоны, в любое время суток звоните. Сделать уже ничего нельзя, но я всегда готов помочь».

Абдулов передает этот разговор Янкловичу, тот рассказывает Высоцкому.

8 марта 1980 года. В честь праздника — Международного женского дня — газета «Советская культура» публикует статью Аллы Шишковой «Исповедь четырех сестер»... Два отрывка из этой статьи:

«Мы частые гости в России, много раз выступали по Московскому телевидению, ездили по стране с концертами, участвовали в кинофестивалях... Куда бы мы ни приезжали, нам всегда оказывали фантастический прием. Марине часто задают вопрос:

— Чем вас привлекает жизнь в Москве?

— Прежде всего, в Москве я познакомилась с моим мужем, Владимиром Высоцким. Но и до этого я не ездила бы туда так часто, если бы не была там так счастлива...

— Марина, вот уже несколько лет вы являетесь одним из президентов ассоциации «Франция — СССР», совмещаете общественную работу со съемками, разъездами, заботами о детях.

— В ассоциации я в основном занимаюсь вопросами франко-советского культурного сотрудничества. Конечно, не всегда на все хватает времени, но ограничиться только искусством и семьей я не могу...»

А в 1971 году, когда Марина Влади еще просто активист ассоциации «Франция — СССР», в Париж приезжает Леонид Ильич Брежнев. В программе визита Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР встреча с членами ассоциации «Франция — СССР»... Приглашена и Марина Влади, к этому времени — жена Владимира Высоцкого... Брежнев долго рассказывает об истории дружбы между народами Франции и СССР...

Марина Влади: «Ролан Леруа мне шепчет: «Смотри, как он поворачивается к тебе, как только речь заходит о причинах этой дружбы...» Действительно, я замечаю понимающие взгляды Брежнева. Я знаю, что ему известно все о нашей с тобой женитьбе...

Прежде чем уйти, мы фотографируемся: группа французов вокруг советского главы. Этот снимок сделал гораздо больше, чем все наши хлопоты, знакомства и мои компромиссы, вместе взятые».

Действительно, когда наступает критический момент — Высоцкому в первый раз отказывают в визе для поездки во Францию, — потребовалось вмешательство самого Брежнева... Марина Влади звонит в Париж Ролану Леруа, тот связывается с Жоржем Марше — генеральным секретарем французской компартии. «Позже мы узнали, что Жорж Марше хлопотал за нас перед самим Брежневым...» (Марина Влади.)

Вообще, тема «Высоцкий и Брежнев» достаточно интересна сама по себе... В стихах В.В. есть строки, напрямую посвященные Леониду Ильичу:

Какие ордена еще бывают?» —
Послал письмо в программу «Время» я. —
Еще полно — так что ж их не вручают?!

Мои детишки просто обожают, —
Когда вручают — плачет вся семья.

* * *

Мою страну, как тот дырявый кузов,
Везет шофер, которому плевать...

А как относился Брежнев к Высоцкому и его песням? Существуют только несколько косвенных свидетельств... Один из летчиков правительственного авиаотряда рассказывал В.И.Туманову:

«Когда мы летели с Дальнего Востока — вдруг в салоне зазвучали песни Высоцкого! Мы — к стюардессам: «Вы что, с ума сошли!?» А они говорят, что кассету передали из окружения Брежнева...»

Из воспоминаний зятя Брежнева Ю.Чурбанова мы узнаем противоположное: «А когда внуки крутили кассету с песнями Высоцкого, и его голос гремел по всей даче, Леонид Ильич кривился...»

Но после смерти В.В. в Москве говорили, «что сам Брежнев посочувствовал общему горю и слушал в день похорон на ялтинской даче Володины песни, особенно «Протопи ты мне баньку, хозяюшка...» (Чижков Д. Отражения).

Высоцкий был знаком с личным переводчиком Брежнева Виктором Суходревом и его женой Ингой Окуневской. И когда, после смерти В.В., решался вопрос о передаче квартиры на Малой Грузинской матери Высоцкого — Нине Максимовне — надо было обратиться лично к Брежневу. В.Янклович позвонил Суходреву, и вопрос был решен очень быстро.

Кстати, Высоцкого хоронили в правительственном гробу (изделие номер шесть, или «шестерка») — в таком же гробу через два с лишним года уронили в могилу тело Л.И.Брежнева...

Но вернемся к 8 марта 1980 года. Реакция Высоцкого на статью А.Шишковой неизвестна, а Марина Влади давно уже неоднозначно относится и к Москве, и к Советскому Союзу, о чем достаточно много сказано в ее книге «Владимир, или Прерванный полет». Что касается четырех сестер Поляковых — Марины, Элен, Татьяны и Ольги, — то наиболее тесные отношения у В.В. с Татьяной — Одиль Версуа. К этому времени она смертельно больна — рак. И.Бортник: «Это Володя продлил ей жизнь, много лет он возил ей

мумие...» В особняке Одиль Версуа Высоцкий впервые попал на великосветский прием (муж Одиль Версуа, по одним сведениям — французский, по другим — итальянский аристократ). Вот как сам Высоцкий рассказывал об этом своей тетке — Александре Ивановне: «Бронзовые ручки, мраморные львы, изысканная публика, — а я в курточке и джинсах. И слышу за спиной отчетливый шепот по-русски: «Боже мой, и что она в нем нашла...» Марина это слышит тоже... На следующий день мы с Мариной обошли все лучшие парижские магазины. Самые модные вещи, туфли на платформе... И дальше — все было в порядке».

В этом же особняке происходит знакомство Высоцкого с Михаилом Шемякиным... Вспоминает Ревекка Шемякина: «...Нас всех вместе погрузили в машину, и мы поехали к сестре Марины — Татьяне, к Одиль Версуа. Володя много пел в этот вечер. <...> Володя пел, я ревела. Миша тоже был совершенно потрясен. <...>Очевидно, на следующий день Володя с Мариной были у нас дома...»

Михаил Шемякин: «Нас познакомил Михаил Барышников. Миша жил тогда в роскошном особняке у Одиль Версуа. <...> И я прослушал несколько песен Высоцкого, и меня прежде всего потрясла «Охота на волков». Одной этой песни было достаточно для меня, чтобы понять: Володя — гений! Все, баста! В этой песне было сочетание всего, — как говорят художники: есть композиция, рисунок, ритм, цвет — перед тобой шедевр. То же самое было в этой песне: ни одной фальшивой интонации. Все было, как говорили древние греки, в классической соразмерности. Полная гармония, да плюс к этому — все было на высоченном духовном подъеме! Это гениальное произведение, а гениальные произведения никогда не создают мелкие люди».

Во время гастролей Театра на Таганке в Париже (ноябрь 1977 года) Высоцкий устраивает для труппы сюрприз. В.Смехов: «И вдруг подговорил знаменитую сестру своей знаменитой жены — и мы попали в огромный дом в Латинском квартале... все чинно, просто, великолепно... вот-вот почувствуем себя «месье и мадам»... и тут объяснилось Володино нетерпение, его совершенно детское плутовство в глазах... мы ждали посреди великолепия, что приплывут на столы невиданные, непробованные яства... ночью, после «Гамлета», на левом берегу Сены, на втором этаже старинного замка в честь русских, то бишь иностранных артистов, торжественно внесли два гигантских блюда — горячую гречневую кашу и гору «московских» котлет.. И вкусно, и весело, и экзотично...»

В середине марта в Ижевске начинается суд над организаторами концертов Высоцкого, Хазанова, Толкуновой...

В.Янклович: «...окончательно назначена дата суда, — требуют присутствия Высоцкого. Телеграфируем в Ижевск, что выехать не можем, все свои показания подтверждаем. Суд вроде бы это понимает. Но одного нашего приятеля — Николая Тамразова — все-таки заставляют туда приехать».

Н.Тамразов: «...И когда меня в качестве свидетеля вызвали в Ижевск, то на скамье подсудимых были организаторы концертов Высоцкого... Меня просили помочь, а на самом деле «выбросили на гвозди». Но как ни странно, я и в Ижевске показал то же самое, что Высоцкий и Янклович в Москве. Другого и не могло быть, хотя меня и не предупреждали... Не сошлась только одна деталь.

А судья орал на меня как резаный:

— Сейчас вызову охрану, — и вы получите три года тюрьмы!

И я вынужден был, превышая свои голосовые возможности, напомнить ему, что я — не мальчик...

— Я — руководитель и коммунист, и отвечаю за свои слова!

То есть вынужден был обидеться... Когда судья разрешил мне покинуть зал, один администратор, стоя за барьером, кричал:

— Передайте Высоцкому, чтобы башли привез сюда! А то я выйду и взорву его вместе с «Мерседесом»!

То есть они играли в такую игру: мы — люди честные, а все деньги, которые воровали, отдавали Высоцкому и другим артистам».

Из Ижевска идут повестки в Театр на Таганке и на Малую Грузинскую — суд требует явки Высоцкого и Янковича «для дачи свидетельских показаний».

В.Янклович: «Мы поехали посоветоваться с одним знакомым юристом... Когда Володя разбил первую машину — не по своей вине, — то он судился с каким-то закрытым предприятием. И это дело мог рассматривать только закрытый суд. Мы поехали и там познакомились с судьей — очаровательной женщиной... И вот в марте мы решили с ней посоветоваться. Володя спросил у нее: «Надо нам ехать или нет?» Она ответила: «Никуда ехать не надо. По закону, если им надо, пусть привозят суд в Москву». И вот на основании ее совета мы с Володей решили не ехать».

Напомним, что интересы Высоцкого и Янковича на суде в Ижевске представляет Генрих Павлович Падва. Суд продлится много месяцев — Высоцкого и Янковича оправдают только в самом начале июля... А в марте еще неизвестно, как может повернуться дело, — система давит...

Отношение Высоцкого к системе, разумеется, менялось, но в последние годы это отношение не могло не быть резко отрицательным...

Очень точно поняла отношение В.В. к этой самой системе американка Барбара Немчик. Она описывает сцену в аэропорту Шереметьево:

«...Володя поставил машину у входа — там можно стоять десять минут. Но тут же подъехал милиционер и в свой мегафон кричит:

— Здесь нельзя ставить машину! Уберите!

Толпа людей, много иностранцев... Володя вышел, а милиционер продолжает орать:

— Уберите машину!

И Володя — такой небольшой человек — громко говорит:

— Твою мать! Здесь написано, что я имею право стоять десять минут! И ровно десять минут я буду здесь стоять!

Это была потрясающая сцена. На него все так смотрели! Особенно советские. Все как будто остолбенели. И тогда я поняла, что Володя за каждого из них это сказал. Каждый хотел бы крикнуть милиционеру:

— Твою мать! Я имею право это сделать. И я это сделаю!

Когда мы вышли, милицейской машины уже не было».

Но это уже 1980 год — к этому времени у Высоцкого и высокий общественный статус, и, разумеется, чувство собственного достоинства, которое он умел и смел отстаивать...

Прием на роскошной даче одного замминистра... На фамильярное: «Ну-ка, Володя, спой нам!» — Высоцкий реагирует резко... Рассказывает В.Янклович: «У Володи каменеет лицо, и он говорит:

— Мне немедленно надо домой!

— Володя, да ты что...

— Я же сказал, мне немедленно надо домой!

Мы сразу же уехали».

Марина Влади: «...Твоя всенародная популярность, как бы она ни была велика, не компенсирует в твоих глазах отсутствие офици-

ального признания. Я часто удивляюсь, почему тебя это так беспокоит, но ты с горечью отвечаешь:

— Они делают все, чтобы я не существовал как личность. Просто нет такого — и все!»

В 1973 году Высоцкий пишет письмо кандидату в члены Политбюро, секретарю ЦК КПСС тов.Демичеву П.Н. Это письмо было косвенным ответом на публикацию в газете «Советская культура» статьи М.Шлиффера «Частным порядком» (март 1973 года) и соответствующих негативных комментариев...

«Мне претит роль «мученика», этакого «гонимого поэта», которую мне навязывают... Я отдаю отчет, что мое творчество достаточно непривычно, но также трезво понимаю, что могу быть полезным инструментом в пропаганде идей не только приемлемых, но и жизненно необходимых нашему обществу».

Никаких позитивных последствий это письмо не имело: у Высоцкого до конца жизни так и не было ни одного афишного концерта в Москве...

Запись в дневнике Золотухина (22.01.75):

«Высоцкий с Мариной были у Демичева. Очень имели приятную беседу. Будет пластинка».

Сам Высоцкий позже так описывал этот прием (пересказ Янковича): «Демичев, действительно, поднимал трубку и в присутствии Володи и Марины «давал разнос» кому-то из руководителей «Мелодии»:

— Почему до сих пор не вышла пластинка Высоцкого?!

Ему что-то объясняли...

— Чтобы немедленно! И доложить!»

Но, скорее всего, это был отрепетированный ритуал, запланированная сцена, а потом следовал «отбой»...

Кроме того, «система» — это еще и незримая давящая атмосфера, которую В.В. называл «влажной ватной стеной».

Марина Влади:

«Ты всегда говоришь, что на Западе люди ослеплены историями, которые публикуют газеты, то есть делами Сахарова, отказников, известных диссидентов. Но никто не знает о ежедневном изматывающем давлении на людей. Ты называешь это «борьбой против ватной стены»... Эти непрерывные притеснения измагывают тебя душевно».

Одесский писатель Аркадий Львов, давно живущий в США, вспоминает о встрече с В.В. после концерта в Нью-Йорке: «Я дал ему книжку своих рассказов «Большое солнце Одессы» и спросил, как написать: Одесса — Москва — Нью-Йорк? Он сказал: «Нью-Йорк». И добавил: «У меня два дома — в Москве и в Париже. Книга будет у Марины». Я невольно оглянулся. Он поморщился: «Плевать мне на них (сексотов). Но как душу мотают, как душу они мотают мне».

С другой стороны, В.В. прекрасно знал, «в какой стране нам повезло родиться», очень хорошо знал правила игры, которые предлагала система. А в то время многое решалось на уровне грузчиков, носильщиков, кассиров, которые знали и любили Высоцкого. А в последнее время у В.В. были связи на очень высоком уровне...

Один замминистра подписывал документы на беспошлинный ввоз автомобилей из-за границы. Другой — помогал в строительстве дачи... Один из руководителей московского ОВИРа способствовал быстрому оформлению выездных документов...

Каким образом Высоцкий выходил на этих людей? Чаще всего, они сами находили его — знакомство с легендарным Высоцким было престижным. Кроме того, нескольким близким людям В.В. сказал одну фразу: «Меня любят все дети». Он имел в виду детей партийной верхушки. Например, В.В. неоднократно встречался с Галиной Брежневой, был знаком и с Юрием Брежневым...

В последние годы, пожалуй, не было случая, чтобы система ставила Высоцкого в зависимое или униженное положение. Вот только — болезнь, зависимость от людей, которые доставали наркотики... Фальшь и лицемерие системы сказывались еще и в том, что в стране развитого социализма не могло быть ни алкоголиков, ни наркоманов, ни самоубийц... Кроме того, система насквозь была пропитана халтурой... Приведем очень колоритный рассказ Марии Васильевны Розановой — жены Андрея Донатовича Синявского:

«...И магнитофон мы купили исключительно ради Высоцкого — на моих пленках тогда ничего, кроме Высоцкого и не было.

А когда Синявского арестовали и начался обыск, то решили изъять все эти пленки. <...> Я подняла невероятный крик! Я доказывала, что обыск по делу Синявского, а мои пленки к этому делу никакого отношения не имеют!..

И тем не менее эти пленки они забрали. А потом я очень долго скандалила, чтобы мне эти пленки вернули — и в один прекрасный день я «доскандалилась»! Мне эти пленки вернули. Но предупредили, что один из рассказов Высоцкого стерт, как антисоветский. Это

был рассказ, который мы называли «Рассказом о двух крокодилах». На самом деле было не два, а три крокодила — и один из них стал секретарем райкома КПСС... На этом основании рассказ был стерт.

Как только я пришла домой, сразу же поставила пленку и ожидала «дырку» на месте этого рассказа... И вдруг слышу совершенно нормальное звучание. То есть у них там техника барахлила...

Вот тут я поняла, что мир един и что все в этом нашем мире связано... В стране, где никто не умеет работать, не умеют работать даже в КГБ».

Март — месяц интенсивных телефонных разговоров, Высоцкий звонит в Париж практически ежедневно. 21 и 23 марта два телефонных звонка в Италию, там снимается Марина Влади. Вероятно, после первой неудачной попытки вылечиться Высоцкий решает все рассказать Марине... Прямого рейса в Венецию нет (В.В. давно хотел побывать в Венеции — и это служит «официальным» предлогом), он летит через Париж. Его провожают В.Янклович и Иван Бортник...

В.Янклович: «Я хорошо помню, что мы поехали провожать Володю вместе с Ваней Бортником... Обычно Высоцкого не досматривали, во всяком случае, при мне это было в первый раз... Таможенник спросил его:

— Владимир Семенович, вы везете что-нибудь, не внесенное в декларацию?

Володя ответил:

— Нет.

— Вы точно это знаете?

— Да.

Таможенник вздохнул и сказал:

— Откройте чемодан...

Володя открывает чемодан. Наверху лежала шкурка соболя и картина, кажется, Тышлера. Кроме того, он вез Марине кольцо ленинградской работы. Шкурку он смог отдать мне. А картину и кольцо конфисковали. Еще у Володи в кармане был наркотик в пузырьке из-под сердечных капель... Его отправляют на личный досмотр, и он рукой прямо в кармане раздавил этот пузырек. Порезался, потекла кровь...»

И.Бортник (у него несколько другая версия случившегося): «Володя открыл чемодан, там — соболя... Стоим у барьера, и вдруг — три особиста! Таможенник — раз! этих соболей мне под пиджак! Вовка стоит белый как полотно... Пузырек раздавил в кармане, осколки впились в руку... Кровь... А они там стали что-то искать — «Метрополь» что ли? У Володи отобрали тогда какое-то золотое изделие и еще что-то... Володя этим рейсом не улетел. Позвонил одному знакомому в министерстве внешней торговли, тот обратился выше — к заму Патоличева... Тот сказал:

— Пусть пишет объяснительную...

Едем, везем эту объяснительную... Читаю...

— Вовка, ты с ума сошел... Ошибка на ошибке!

— Это специально. Чтобы они поняли, что я волновался...

— Ну, ты уж слишком... «ДАРАГОЙ»?!

— Да нет... Главное — принцип.

И ему вернули эти вещи!»

Марина Влади подробно рассказывает о Венеции в книге «Владимир, или Прерванный полет» — приведем только несколько отрывков...

«Почему этот город пахнет смертью? Может быть, потому, что он словно зажат между солоноватыми водами и небом — влажный и теплый, как чрево мира...

. .Этой ночью было сказано все, и наконец между нами нет больше тайны.

Очевидно, после очередного срыва ты по преступному совету одного приятеля впервые вкалываешь себе морфий: физическая боль после самой жуткой пьянки — это ничто, в сравнении с психическими мучениями. Чувство провала, угрызения совести, стыд передо мной исчезают как по волшебству: морфий все стирает из памяти. Во всяком случае, в первый раз ты думал именно так. Ты даже говоришь мне по телефону с мальчишеской гордостью:

— Я больше не пью. Видишь, какой я сильный?

Я еще не знаю цены этой твоей «силе»...

Теперь я знаю все. Ты осмелился произнести «запретные» слова.

Я наслаждаюсь этими минутами с болезненным ликованием, как мог бы наслаждаться последними минутами жизни смертельно раненный человек. Мы снова вернулись к началу нашей любви. Мы больше не прячемся друг от друга, нам нечего друг от друга скрывать. Для нас с тобой это — последний глоток воздуха.

Ты всегда мечтал о Венеции, мы часто говорили о ней ночами. <...> Ты говоришь мне, что обязательно поправишься, и чувствуешь сам, что это — конец.

— Я возьму себя в руки. Как только приеду в Париж, мы начнем соблюдать режим, мы будем делать гимнастику, вся жизнь еще впереди.

В конце концов нам всего по сорок два года! Ты обещаешь, что к моему дню рождения в мае «все будет в порядке»...»

Во многих интервью, после выхода своей книги, Марина Влади повторяла одно и то же... Что ее книга — не дневник и не воспоминания — это самостоятельное художественное произведение.

Из стенограммы пресс-конференции М.Влади (1 марта 1990 года, Москва): «Повторяю: это не биография, не дневник — совсем нет. Это мое свидетельство. Наверное, не единственное и не уникальное, просто мое...»

Поэтому несколько дополнительных сведений из «независимых» источников... Через год после смерти В.В. Марина Влади вспоминала, что Высоцкий рассказал ей «все» в катере... Что произошла бурная сцена. «Я его чуть не выбросила из этого катера...» В это можно поверить, во-первых, зная характер Марины Влади... И во-вторых, она знала, что такое наркомания, не по рассказам: ее старший сын Игорь прошел все круги этого ада. Марина боролась вместе с сыном и, кстати, победила

В.Янклович: «К этому времени Володя понял, что сам он с болезнью уже не справится. Кто-то должен ему помочь. И в Италии он все рассказал Марине. Она сказала:

— Ну вот что, Володя. Из этого мало кто выскакивал, но ты — человек сильный. Давай решим так: или ты мне даешь слово, что все это прекратится, или мы с тобой расстаемся. Потому что я знаю, какие ужасы происходили с Игорем: он скитался по свету, сидел в тюрьме...

Высоцкий возвращается в Москву...»

27 марта — концерт в ДК «Коммуны».

Вспоминает Андрей Крылов — тогда председатель московского КСП — Клуба самодеятельной песни: «Концерт организовал Саша Черномордин... Высоцкому заплатили две ставки, чтобы он сделал два отделения, и ожидали, что он споет песни, которые никогда не пел на концертах. А на самом деле он спел свою обычную программу, только, например, вместо одной «антиалкогольной» песни он спел три... В.В. немного обиделся на мою записку о некоторых несоответствиях в песнях... «В 41-м под Курском я был старшиной...», а Курск был в 43-м... Или — в одном концерте Высоцкий пел «Фернандо Кортес», а в другом — «Эрнандо»... А он обиделся на эту записку, это видно по реакции... А я расстроился из-за того, что он

так отреагировал... Хотел подойти к нему после концерта, но он сразу со сцены — в машину...»

Из фонограммы концерта в ДК «Коммуны»: «Он, вы знаете, произносится и Фернандо, и Эрнандо. Вы, вероятно, испанист или испанофил? Поэтому вы меня поправляете? Ну, вы извините, я так привык. Ну хотите я буду петь Эрнандо Кортес для вас, если это вам доставит удовольствие? Но все его знают под Фернандо Кортес».

Еще на концерте Высоцкий говорит: «Надо бы к Олимпиаде несколько расширить репертуар (спортивных песен. — *В П*)... Что я и собираюсь сделать...»

И снова повторяет: «Нет, неправда, что я ушел из театра. Я хочу попробовать сделать картину. Возможно, это выйдет, возможно, нет, — но это у нас в будущем».

30 марта — полчаса телефонного разговора с Мариной Влади.

АПРЕЛЬ

1 и 2 апреля снова телефонные разговоры с Парижем... Отношения Высоцкого и Марины Влади в последний год — на грани разрыва. Проходит несколько спокойных лет, — вначале сила воли и жена удерживают В.В. от «уходов в пике», потом действует «эспераль»... Но он срывается раз, второй, — это происходит и в Париже. Практически на грани отмены первый афишный концерт в зале Элизе-Монмартр в ноябре 1977 года.

М.Влади: «И уже <...> ничто не в силах сдерживать твои разрушительные импульсы. В этом и заключается парадокс, невообразимый для нормального здорового человека: имея, казалось бы, все, ты буквально тонешь в отчаяньи».

В последний раз В.В. очень не хотел лететь в Париж (к этому времени Марина уже знает о наркотиках). Приведем короткий рассказ об этом Владимира Шехтмана: «Он сделал все, чтобы опоздать. Мы приехали в аэропорт, когда закончилась посадка: «Все, опоздали!» Но таможенники Высоцкого, конечно, знали:

— А, Высоцкий! Сейчас поможем... Девочки задержите рейс на Париж. Высоцкий опаздывает.

И Володя улетел».

В своей книге Марина Влади — по вполне понятным причинам — об этом рассказывает очень мало. Но сразу после смерти она признается, что «в последнее время у нас с Володей были несколько натянутые отношения». А однажды у нее срывается: «Да я похоронила его в своем сердце еще полгода назад!» Но это Марина Влади — «полуживая от ревности» (это состояние быстро проходит): Фарида — жена Володарского, близкого друга, а потом «предателя», рассказывает ей о том, что у В В. в последнее время была близкая девушка...

В начале апреля у Высоцкого глобально меняются планы... 7 апреля на концерте в МИЭМ (Московском институте электронного машиностроения) В.В. впервые говорит: «Не буду снимать «Зеленый фургон», не успеваю... Хотя затратил много сил...»

В начале января, напомним, Высоцкий уходит из театра, а в конце января закончен сценарий, но включения в план фильма все еще нет...

Игорь Шевцов: «Дело с постановкой затягивалось — ответа не было. Володя интересовался, но сказать ему мне было нечего. <...>

Когда он вернулся (скорее всего, из Италии. — *В.П.*), я несколько раз звонил, но встречи не получалось: все что-то мешало.

— Знаешь, я, наверное, откажусь снимать картину, — вдруг сказал он однажды по телефону.

— Почему?

— Да не дадут они снять то, что мы хотели. Если такая ерунда тянется со сценарием полгода, так что же будет дальше?

Я надеялся, что у него это минутное настроение, но:

— Да брось ты! — ответил он. — Что я — мальчик?! Я серьезно обдумал».

Вот как объясняет В.В. свое решение в концерте:

«Я просто хотел делать картину, должен был делать, — и не буду делать, потому что не успеваю по времени, хотя затратил много энергии и сил. Хотел делать кино сам, как режиссер, сам сниматься и писать песни, — в общем, все делать самому. Сам придумал, сам воплотил. Сделать кино, как песню. Но у меня не вышло по времени».

Скорее всего, именно в это время у В.В. появляется идея сделать еще одно концертное турне по США — и, может быть, остаться в Нью-Йорке на полгода. Почва, в общем, была подготовлена: первые концерты прошли с успехом, были статьи в американских газетах, американцы увидели его в одной из самых популярных передач Си-би-эс «60 минут»...

Вкратце история первой концертной поездки по США такова... Во Франции В.В. общался с Виктором Шульманом — советским эмигрантом, который в Америке стал импресарио. Шульман и предложил организовать эти концерты. В.В. советуется со своим приятелем, живущим в ФРГ, Романом Фрумзоном... Фрумзон посоветовал провести эти концерты в университетах, в которых изучают русский язык. Он же вместе с женой сопровождал В.В. в этой поездке и вел все финансовые дела... За каждое выступление Высоцкий получил по 3 тысячи долларов. Кстати, в Москве об этих концертах никто не знал, за исключением, разумеется, самых близких людей... В.В. привез из Америки кожаное пальто для Риммы Васильевны Тумановой. «Я же знаю, сколько такие вещи стоят, приготовил деньги... А Володя схватил меня за руку: «Убери свои бумажки! Я за неделю в Америке заработал больше, чем за всю свою жизнь здесь» (В.И.Туманов).

За неделю до смерти Высоцкий говорит И.Шевцову: «Меня хорошо принимали в Америке... Там писали, что после Есенина больше никого из русских поэтов так не принимали». Шевцов добавляет: «Видно было, что ему нравилось сравнение с Есениным».

Для организации новой концертной поездки по США Высоцкому нужен человек, которому он полностью доверял бы и который мог вести все денежные дела. Конечно, это был В.П.Янклович. Весной 1980 года у В.Янковича появляется подруга, а потом и невеста — Барбара Немчик. У нее заканчивается срок научной стажировки в МГУ...

Барбара Немчик: «Времени оставалось все меньше и меньше — мне надо было уезжать из Союза. Естественно, мне этого очень не хотелось... Мы с Валерием Павловичем очень подружились, и возникла идея: нам «расписаться». Просто Володя сел со мной рядом и объяснил ситуацию... Он надолго собирается в Штаты, Валера должен быть с ним:

— Я думаю, что и для тебя это будет не самый плохой вариант. Ты подумай».

А вот как об этом рассказывал сам В.П.Янклович: «В этот период в моей жизни появилась Барбара... И Володя сказал, что, когда я женюсь на ней, мы вместе поедем в Штаты:

— *Мне нужен там свой человек. Попробуем понять, насколько* серьезно американцы интересуются русской культурой...»

Америка, а особенно Нью-Йорк, Высоцкого поразила, он многим говорил об этом: «Побывал в XXI веке. Нью-Йорк — это город для меня».

М.Шемякин: «А вот что он возлюбил сразу и так же естественно, как и я, — это Нью-Йорк...»

Марина Влади подробно рассказывает о первом — вместе с Высоцким — посещении Нью-Йорка, но это все-таки ее впечатления... И слова «здесь ты всего лишь зритель» — верны только для первого приезда. А потом — концерты, статьи в газетах, телепередача... В Нью-Йорке В.В. был в гостях у Иосифа Бродского, и не один раз, а по крайней мере — два... «Мы всячески развлекались, когда Володя бывал в Нью-Йорке», — сказал Бродский в интервью «Независимой газете». Здесь же жил Михаил Барышников, который

обещал помочь перевести сценарий Э.Володарского и В.Высоцкого «Каникулы после войны» на английский язык. «У Володи была мечта работать в американском кино. Но он понимал, насколько это сложно» (М.Шемякин).

В общем, причин стремиться в Нью-Йорк было достаточно... Весной 1980 года — после затяжек с утверждением сценария «Зеленый фургон» — В.В. говорит некоторым своим друзьям, что собирается за границу на полгода.

Высоцкий — О.Халимонову: «И поработать надо, собираюсь прозу писать... И образ жизни надо резко поменять. А там видно будет».

Теперь точно известно, что В.В. собирался лететь именно в Нью-Йорк. Еще в 1978 году он говорит своему родственнику, уже живущему в США, Павлу Леонидову: «Хочу и буду жить в Нью-Йорке. Как? Не знаю как, но догадываюсь. Деньги? Деньги у нас найдутся...» И Высоцкий, несмотря на прогрессирующую болезнь, начинает серьезно «прорабатывать этот вопрос».

В мае 1980 года заключен брак Б.Немчик и В.Янковича. В условиях приближающейся Олимпиады и отказа США принять в ней участие — это было совершенно невозможное дело. Но не для Высоцкого. *Об этом — позже...*

Трудно сказать, на кого конкретно рассчитывал В.В. в Нью-Йорке... Только одно безусловно: Высоцкий надеялся на американских врачей. «Вот они меня вылечат!» — говорил он Янковичу. Марина Влади? Но она, кажется, даже не знает об этих планах В.В....

Возможно, Высоцкий рассчитывал на поддержку Милоша Формана? Это вполне вероятно, потому что В.В. пригласил Формана на московскую Олимпиаду, но тому не дали советскую визу... В.В. был очень огорчен — вероятно, он хотел поговорить с Форманом о сценарии «Каникулы после войны»...

К этому времени в Нью-Йорке уже шесть лет живет Павел Леонидов, но В.В. знает, что на него рассчитывать не приходится. Леонидов болел, бедствовал, даже просился назад в Союз... В 1979 году, после выступлений в США, Высоцкий оставил ему тысячу долларов, но даже не позвонил. . Так что ничего конкретного о намерениях В.В. мы пока не знаем...

9 апреля в «Литературной газете» был опубликован рассказ Л.Измайлова «Синхрофазотрон», в котором, в общем, пересказывается — вольно или невольно — сюжет песни Высоцкого «Товарищи ученые».

И.Шевцов: «— Во, видал, что делают, а? — встретил он меня однажды, размахивая свежим номером «Литгазеты». — И сколько раз так было! Берут мои песни, делают рассказ. Да черт с ними, не жалко.»

Речь шла о каком-то рассказике на 16-й полосе газеты, построенном на материале его песни «Товарищи ученые».

Через несколько дней у Высоцкого был концерт под Москвой в одной из воинских частей. На этом концерте он сказал: «Я хочу спеть песню «Товарищи ученые»... Дело в том, что совсем недавно открываю я «Литературную газету», смотрю сразу 16-ю полосу и вижу... Написан рассказ, где слово в слово пересказано содержание моей песни. Наверное, этот человек решил, что теперь можно, и начал шпарить — ну просто один к одному(...) Поэтому я решил ее снова петь».

Песня заканчивается так:

...Но вы ж ведь там задохнетесь за синхрофазотронами, —
А тут места отличные — воздушные места!

Товарищи ученые, не сумлевайтесь, милые:
Коль что у вас не ладится, — ну, там, не тот эффект, —
Мы мигом к вам заявимся с лопатами и с вилами,
Денечек покумекаем — и выправим дефект!

Приведем — для сравнения — отрывки из рассказа Л.Измайлова «Синхрофазотрон»:

«...У нас раньше в подшефных симфонический оркестр был... Как осень, они у нас картошку роют. А зимой, когда у них запарка, — мы к ним...

А тут председатель говорит:

— С этого года у нас в подшефных надежда нашей науки — атомные физики. Будем помогать. Завтра едем к ним синхрофазотрон налаживать. Работа большая, но трудоемкая...

Две недели пролетели, как один день. К тому времени и синхрофазотрон отремонтировали. Расставались — плакали. Теперь их на уборку ждем. Конечно, трактор — это не реактор, но если поднапрячься, то и его доломать можно».

Вряд ли можно говорить о прямом заимствовании «ну просто один к одному», но совпадения есть.

13 апреля Высоцкий в последний раз играет в спектакле «В поисках жанра» («Срезки»). История появления этого спектакля необычна, но в какой-то мере характерна для Театра на Таганке. Вспоминает бывшая заведующая кадрами театра Елизавета Иннокентьевна Авалдуева:

«8 марта 1978 года должны были играть «Мать» по Горькому. А Зина Славина наглоталась днем каких-то таблеток, чтобы поспать перед спектаклем. Проснулась — такое состояние, что играть не может. И как раз все ребята оказались дома: Высоцкий, Филатов, Васильев... И два часа полный зал слушал их концерт...»

Один из зрителей, так и не попавший на спектакль «Мать», рассказывал об этом: «Целый час нас держали в фойе. Потом вышел на сцену Любимов: или мы вам возвращаем деньги за билеты, или вы смотрите концерт артистов театра. Все закричали: «Концерт!»

В.П.Янклович: «Чтобы не отменять спектакль, задержали начало на час... Вначале был просто концерт, а потом Любимов придумал макет, освещение... Но, конечно, все ждали Высоцкого».

Сам В.В. очень подробно рассказал об этом спектакле во время интервью Пятигорскому телевидению (14 сентября 1979 года): «Это спектакль очень странный. Это даже не спектакль, это новое зрелище. Я считаю, что мы придумали новую форму театрального действа. Нам вдруг стало досадно в какой-то определенный момент, что все, что мы пишем для фильмов, для спектаклей, для других театров, — все пропадает. Получается, что это работа в корзину. И мы решили из этих вещей, которые исчезнут, сделать просто спектакль. Такой концерт, спектакль — я не знаю — как хотите назовите — такое зрелище. Попробовали. Сначала он был с объяснительным текстом — я его произносил. Потом Любимов придумал привозить с нами макет нашего театра, освещать его одним маленьким фонарем: на меня ставят красный свет, на Золотухина — он играл в кино милиционеров, — на него врубают такую зеленую бумажку — ему, значит, везде открыта дорога... То есть мы в этом маленьком зальчике делали еще освещение. Получилось действо. Мы можем этот спектакль — почему он нам удобен — возить в любое место, в любой город. Смотрят его с громадным интересом и удовольствием везде».

Приведем еще точку зрения на этот спектакль тогдашнего директора Театра на Таганке Николая Лукьяновича Дупака: «По разным причинам спектакли уходили из репертуара театра, и финансовое положение стало сложным. Нужен был спектакль популярный, но сделанный малыми силами. «В поисках жанра» — этот спектакль был очень популярным... Печально, что его не поняли в Тбилиси. Зрители просто не пошли... Для Володи тогда это было серьезной травмой».

«Но все было не совсем так, — рассказывает В.П.Янклович — тогда главный администратор Театра на Таганке. — Мы приехали в Тбилиси, и неожиданно выясняется, что зритель во Дворец спорта не идет. Все билеты на «Гамлета», на «Мастера и Маргариту» давно проданы, а на «Поиски жанра» — практически на Высоцкого — никаких аншлагов. Вместо десяти спектаклей прошло всего пять. А вот на концертах — в институтах и других залах — битковые сборы. Это несколько приободрило Володю, а то он очень переживал... Ему стало казаться, что публика к нему равнодушна, что он никому не нужен. И только позже мы узнали, что тбилисцы вообще не любят ходить в свой Дворец спорта».

После смерти В.В. спектакль «В поисках жанра» постепенно трансформировался в творческие вечера ведущих актеров театра...

14 апреля В.В. присутствует на открытии чемпионата Москвы по каратэ. Его пригласил Алексей Штурмин — один из первых тренеров по этому — тогда еще экзотическому — виду спорта, организатор Всесоюзной федерации каратэ. В интервью со Штурминым зашел разговор о физических данных Высоцкого:

«Физически Володя был очень одарен. Ну, например, он «крутил» переднее сальто с места, — в общем, таких людей немного. По физическому развитию В.В. намного превосходил обычный средний уровень».

О невероятной физической одаренности В.В. рассказывал в своих выступлениях Геннадий Полока... Самый яркий пример — когда Высоцкий на кинопробах делал несколько танцевальных па на вертикальной стене.

Далеко не всегда творчески одаренные люди отличаются прекрасными физическими данными, но В.В. — по мнению многих специалистов — вполне мог стать и профессиональным танцором высокого класса, и классным спортсменом. Еще два примера.

Марина Влади: «...Ты делаешь «крокодила на одной лапе» — сложную фигуру, при которой атлет удерживается параллельно земле, опираясь на согнутую в локте руку».

Елена Садовникова — врач-психиатр из института Склифосовского: «Как-то мы были в Дубне. Володя давал там концерт. Мы поднимались по лестнице, он что-то рассказывал Жене (сыну Е.Садовниковой. — *В.П.*). И вдруг произнес:

— Ну вот так...

Встал на руки и пошел вверх по ступеням. Мне потом объяснили, что сделать это необычайно трудно — настоящий акробатический трюк».

Но все эти примеры из начала или середины семидесятых, а к восьмидесятому году многое меняется...

Рассказывает врач-реаниматолог Леонид Сульповар: «Физически Володя был очень развит, в нем всегда чувствовалась невероятная сила. Именно мужская сила. А здоровье? При всей его физической развитости и тренированности в последние годы здоровье, конечно, было подорвано».

Вопрос о физической форме В.В. возникает, когда они с Игорем Шевцовым намечают возможных исполнителей главных ролей в фильме «Зеленый фургон».

И.Шевцов: «Володя собирался сам играть Красавчика (главная роль в фильме. — *В.П.*). Я заметил, что он староват для этой роли. Вот если бы он выглядел так, как на фотографиях Плотникова... На той серии, где он с Мариной, с Говорухиным.

— Чепуха! Только заняться собой немного — и сразу же буду таким, — уверенно сказал он».

С этим согласны самые близкие друзья В.В.

В.Абдулов: «Стоило ему проплыть на корабле и потренироваться в зале, — он спокойно крутил сальто».

В.Янклович: «Даже в самом худшем состоянии он находил время сделать несколько упражнений. Ну, допустим, отжаться...»

Но в 1980 году вопрос стоял уже о жизни и смерти, — к сожалению, тогда мало кто понимал это...

В начале апреля из Ленинграда звонит директор фильма Вячеслава Виноградова «Я помню чудное мгновенье». Он просит В.В.

принять участие в этом фильме и приехать в Ленинград на съемки... Переговоры ведет В.Янклович:

«Я сказал, что нужна гарантия выхода в эфир, чтобы не повторилась история с ЦТ (имеется в виду запись для «Кинопанорамы». — *В П*). Я пока ничего Высоцкому говорить не буду, а вы решите все вопросы. И главное: пойдет это или нет...

Они перезвонили и сказали, что согласовано во всех инстанциях — все обязательно пойдет в эфир Сказали, что съемки будут в БДТ. Я рассказал Володе — надо ехать Мы хотели ехать вместе, но в последний момент не получилось».

16 апреля 1980 года с 15 до 17 часов Высоцкого снимают в малом зале Ленинградского Большого Драматического театра Вначале хотели песни снимать под фонограмму — обычная практика на телевидении, — но не получилось, скорее всего, из-за нехватки времени. Высоцкий пел «живьем». Это последняя съемка поющего Высоцкого, причем съемка на кинопленку... А в самый последний раз В В снимали в Польше для теленовостей.

Режиссер фильма Вячеслав Виноградов рассказывал, что после съемки В.В. предложил оформить «Кони привередливые» как песню, которая исполняется впервые. «Как-то наивно он это предложил...

— Ну что вы, Володя! Эту песню вся страна знает...»

Этот факт подтверждается тем, что текст песни перед Ленинградом переписан набело — черными чернилами на белой линованной бумаге. (Дело в том, что некоторые концертные организации платили В.В. дополнительный гонорар — якобы за песни, специально написанные для тех или иных гастролей.)

Фильм «Я помню чудное мгновенье» был показан летом восьмидесятого года по ЦТ. Эпизода с Высоцким там не было — вырезали... В В. только сказал Янковичу:

— Ну что я тебе говорил?!

После смерти Высоцкого Вячеслав Виноградов включил эти материалы в свой следующий фильм «Я возвращаю Ваш портрет».

В середине апреля (к сожалению, точная дата пока не установлена) Высоцкий делает свою последнюю запись с музыкантами. Он записывает у себя дома песню «О конце войны». Аппаратура у него — высокого класса, и получается практически студийная запись... А история этой записи такова. .

По сценарию Игоря Шевцова на Киевской киностудии снимается фильм «Мерседес уходит от погони». Шевцов предлагает В.В. сняться в этом фильме о военной разведке и написать несколько песен — с этого и начинаются их отношения. Высоцкий отвечает:

— Нет, знаете, я вообще сейчас отказываюсь от всех предложений — хочу год отдохнуть, не сниматься. Потом я только что сделал роль в «Эре милосердия» — это похоже. Нет смысла повторяться..

— Владимир Семенович, ну а песни напишете?

— Нет-нет, ничего писать не буду. А вот у меня есть «Песня о конце войны». Если подойдет — берите...

«Песня о конце войны» была написана для фильма «Место встречи изменить нельзя» («Эра милосердия»), но в фильм не вошла. . Первый разговор об этой песне с Шевцовым состоялся летом 1979 года, а весной возникает острая необходимость: «обычный для кино цейтнот».

Игорь Шевцов вспоминает: «...Я бывал у него — он не отказывался, но и не торопился ..

— Для них ничего не хочу делать, — зло сказал Володя, — у меня в Киеве ни разу ничего не прошло.

Я уговаривал, обещал и клялся, что на этот раз ему дадут карт-бланш.

— Ладно, для тебя сделаю, — сдался он наконец.

Это была удача. Я постарался сделать все, что было в моих силах, и студия, действительно, прислала ему телеграмму, что берет его песню, так сказать, не глядя. (То есть не слушая и не утверждая, как это тогда было принято.) Копия телеграммы и сейчас у меня».

В.В. телеграмму почему-то не получил. Тем не менее он приглашает Шевцова и поет ему песню...

«— Ну что? Пойдет? — вдруг с каким-то недоверием спросил он и, не дождавшись ответа, принялся зачем-то с жаром доказывать, что это — как раз то, что нам надо. Да для меня это было и так очевидно!

— Сегодня вечером запишу, — пообещал он. А разговор происходил утром. — Условия такие: я хочу, чтобы меня считали автором не только текста, но и музыки, а то орут: не композитор, не композитор! Да при чем тут это? Моя песня, моя мелодия, а инструментовка — не их дело. В общем, пусть платят и за музыку тоже!

Я понимал, что дело тут не только в оплате, что ему нужно утвердиться таким образом. И — поразительно — студия приняла его условия!

Вечером он позвал музыкантов и записал песню, записал несколько вариантов. Страшно жалко, что я не смог приехать тогда к нему на запись — не хватило режиссеру одного варианта. А может быть, и не в этом было дело...»

В начале записи В.В. говорит: «Ну, Толя, начинай...»

Анатолий Бальчев — профессиональный музыкант — вспоминает: «Это было начало или середина апреля. Я тогда работал в ресторане «Архангельское», — со мною записывали песню Вася Шубин — гитарист и еще был Володя Витковский...

Володя сам позвонил, попросил помочь:

— Нужны ребята, надо срочно записать песню...

Я сразу позвонил ребятам, договорились на следующий вечер. Володя говорил, что запись нужно послать в Киев... Помню, что в квартире были еще сын Высоцкого — Никита и Валерий Павлович Янклович. Сначала мы записали эту песню «в вальсе», потом вариант «баллады», который, по-моему, оказался самым удачным. Кстати, у Володи было два варианта текста: длинный и короткий».

И.Шевцов: «К сожалению, «Песня о конце войны» в фильм («Мерседес уходит от погони») не попала. Ну, это отдельная история, и ей здесь не место. Володя разозлился, считая, вероятно, что я виноват...»

И еще одна неустановленная дата. вспоминает Л.Абрамова: «А в последний раз я видела Володю, наверное, в апреле. Он приезжал ко мне домой со странным разговором:

— Есть ли у тебя старинные драгоценности?

И чтобы я ему их отдала, а он продаст их за рубежом — за большие деньги...

— Я хочу, чтобы у детей что-то было...

Он тогда привез мне «Чевенгур» Платонова и «Русскую идею» Бердяева».

В апреле Высоцкий предпринимает вторую попытку лечения от наркомании... Еще в конце 1979 года он рассказывает о наркотиках Леониду Сульповару, просит совета, а значит, и помощи.

«И я начал искать, что можно еще сделать. Единственный человек, который этим тогда занимался, был профессор Лужников. К нему я и обратился... У меня была надежда большая — и я Володю убедил, что мы его из этого состояния выведем. Лужников разрабатывал новый метод — гемосорбцию. Я договорился... Но то не было адсорбента, то ребята выезжали в другие города. А Володя ждал, — каждый день звонил: «Ну как? Ну когда?» (Л.Сульповар).

В.Янклович: «Володя так ждал, так надеялся, — ведь все это тянулось довольно долго... Он так хотел вылечиться!»

В.Шехтман: «Володя страшно хотел вылечиться и очень интересовался всеми новшествами. И Леня Сульповар рассказал ему про гемосорбцию:

— Через неделю выходишь — свежий, как огурчик. Полное излечение.

У Володи загорелись глаза:

— Замечательно! Все, Леня, — ложусь».

К этому времени Высоцкий прекрасно понимал опасность ситуации, и, повторим, самым главным желанием его в последний год жизни было «завязать с наркотой». А положение, действительно, было угрожающим...

В последние года полтора В.В. использовал практически всю «гамму» наркотических препаратов: от промедола до героина. Доставать наркотики, естественно, дело трудное и чреватое серьезными последствиями... Но в то время в СССР наркомания считалась принадлежностью только западного образа жизни... У нас ее как бы не существовало, особо строгого контроля за распространением препаратов тоже не было.

В.Янклович: «Володя говорил:

— Дядя болеет... А ты знаешь, сколько им дают... Ему не хватает.

А я работал тогда администратором Таганки, — много народу крутилось вокруг, в том числе и врачей. Я спросил, они как-то странно смотрели, но давали».

Общее мнение, что о болезни В.В. в Театре на Таганке никто не знал... Теперь можно уточнить: не знало подавляющее большинство. Несколько актеров все-таки знали, и не только знали... Но не будем называть их имена.

Е.И.Авалдуева — долгое время она была не только завкадрами театра, но и секретарем Любимова: «Иногда Володя брал ключи и

перед спектаклем закрывался в кабинете. Делал укол, но тогда я не знала какой...»

А.Стернин — фотограф театра: «В гримерной хрустели осколки от ампул... Володя говорил, что уколы от сердца. Правда, я замечал, что перед выходом на сцену он какой-то возбужденный, «на взводе»... А после спектакля — как выжатый».

Даже Ю.П.Любимов узнал о болезни только после смерти В.В., — ему рассказал В.Янклович.

В последний год положение усугубляется тем, что В.В. перестает контролировать себя во время приема...

А.Федотов: «Были моменты, когда Володя уже не мог контролировать себя. Сколько бы мы ни достали — правдами и неправдами, — он мог сразу сделать себе... Мог всадить колоссальную дозу».

В.Шехтман: «В последнее время Володя реально себя не ощущал. Он мне говорил:

— Вот у такого-то есть брат... Много лет он делает одну-две ампулы в день — и ничего.

— Володя, а сколько ты сегодня хватанул? Штук десять уже засадил?!

— Да это же вода! Они туда воду наливают!

Вот тут он себя уже не мог воспринимать реально...»

В.Янклович: «Из ванной зовет меня:

— Валера, смотри, они же не доливают!

Или в другой раз слышу: «дзинь!»

— Валера, я ампулу разбил.

А сам уже успел уколоть и уронил на пол пустую.

Однажды мы смогли достать большое количество, рассчитывая, что этого хватит на месяц... А Володя сделал все это за неделю...»

В общем, ситуация угрожающая... И вот 23—24 апреля в институте Склифосовского Высоцкому делают гемосорбцию — очистку крови...

В.Янклович: «Сульповар договорился с профессором Лужниковым. Профессор попросил Володю обо всем рассказать откровенно, иначе не имеет смысла пробовать... Володя рассказал все: когда, сколько и как... Когда он может бороться, а когда нет. Решили попробовать...»

Л.Сульповар: «И наконец мы это сделали... Я пришел к Володе, посмотрел, понял, что и здесь мы ничего не добились... Мы тогда думали, что гемосорбция может полностью снять интоксикацию... Но теперь ясно, что это не является стопроцентной гарантией...»

Вспоминает Анатолий Павлович Федотов: «Володе сделали гемосорбцию... Кровь несколько раз прогнали через активированный уголь. Это же мучительная операция, и Володя пошел на это... Но гемосорбция не улучшила, а ухудшила его состояние. Мы приехали к нему на следующий день — Володя был весь синий...

— Немедленно увезите меня отсюда!

В общем, снова не получилось».

В.Янклович: «Рано утром приезжаю в больницу — тут Федотов путает, я приехал один... Вижу Володю и понимаю, что ничего не произошло.

Он говорит:

— Забери меня отсюда.

Врачи стоят поникшие...

— Может быть, попробовать еще раз?

Володя сказал:

— Нет, не надо...

И дал расписку, что врачи не несут никакой ответственности, если снова начнет употреблять... Приезжаем домой. Володя говорит, что поедет в больницу. Я — ему:

— Ну ладно, ты о себе не думаешь! Но людей-то подводить нельзя...

Но все же садимся в машину, едем в Первую Градскую. Знакомых врачей нет. Но Володя же — гениальный актер: он мог убедительно изобразить приступ печени, желудочную колику — все, что угодно... И, пока я бегал, чтобы предупредить врачей — Володе давать нельзя, — он сумел убедить девочек медсестер из приемного покоя... Я понял это по его глазам. Смотрит на меня и говорит:

— Ну что, птичка моя... Видишь, ничего страшного не случилось».

В конце апреля вышел из ремонта большой «Мерседес» — и наконец, спустя четыре месяца после аварии, — у Высоцкого «свои колеса»...

Вспоминает мастер станции техобслуживания «Мерседесов» № 7 В.И.Сенин (интервью Л.Симаковой): «Эту машину отремонтировали к лету или раньше: я по одежде помню, что было тепло. И Володя приходил, что-то ему там не нравилось. То ли утром плохо заводилась, то ли что-то стучало — на ней поставили абсолютно новый двигатель. Я говорю:

— Володь, надо пораньше встать и приехать, будем разбираться.

Он отвечает:

— Все, договорились!

А Володя Шехтман:

— Когда это он встанет пораньше?!»

В.Шехтман: «Да, я помню этот день, когда мы его получали. Все было сделано, не хватало только крыльчатки вентилятора. И мы поехали в десятое ГАИ. Мы зашли, а там, на втором этаже — гараж. И стоят мотоциклы сопровождения БМВ-600. Володя их увидел и обалдел:

— Ух ты! БМВ-600! Всю жизнь мечтал о таком мотоцикле.

Он рассказал, как они с Мариной приехали на южное побережье Франции... Все на своих шикарных тачках, а один немец приехал на таком БМВ...

— И все женщины были его...»

Оксана: «Да, в конце апреля появился большой «Мерседес». Мы ездили на дачу — уже была настоящая весна...»

Примерно в это время Барбару Немчик выселяют из общежития — закончился срок ее стажировки, да еще США отказываются участвовать в Олимпиаде: «И я переехала на Володину квартиру. Когда он приехал за мной — мои вещи уже стояли на улице, — я не хотела, чтобы он заходил в общежитие. Володя об этом переезде очень смешно рассказывал, я так, конечно, не смогу...

— Я подъехал, весь тротуар был уставлен ее вещами... И как это Барбара могла за десять месяцев накопить столько вещей! Мы еле-еле затолкали все это в «Мерседес»...»

28 апреля днем — концерт в НИИ «Витамин». Высоцкий четко формулирует свое жизненное и творческое кредо — не в первый, но, скорее всего, в последний раз:

«Я, вообще, должен вам сказать, что когда я выхожу на эту вот площадку, то стараюсь не кривить душой и говорить все, что думаю. Иначе нет смысла сюда выходить. Лучше сидеть дома и там водку пить. Поэтому то, что я вам буду сегодня говорить и петь, — это есть истина, я так думаю, это мое собственное — мое, мое! Сугубо мое мнение. Я говорю только то, что я думаю на самом деле...»

28 апреля — День советской науки. Вечером концерт Высоцкого в подмосковном Доме ученых (г.Троицк). В фойе стояла машина для быстрого тестирования. В.В. попробовал, сказал: «Я, Вань, такую же хочу!» На концерте академик Велихов подарил Высоцкому шуточный диплом и глиняную «медаль с печатью». Все шло хорошо, но после концерта В.В. стало плохо... Как сказала девушка, которая была за кулисами: «Его увезли еле живого...»

Приближается май... Высоцкий обещал Марине Влади, что к ее дню рождения (10 мая) все будет в полном ажуре...

МАЙ

1 мая в квартире на Малой Грузинской привычный — «свой» круг: Валерий Янклович, Анатолий Федотов, Владимир Шехтман, Оксана, ненадолго заезжал Вадим Иванович Туманов. Неизвестно, отмечали ли у Высоцкого День международной солидарности трудящихся, скорее всего, было не до праздника... Но этот день запомнили все, потому что к В.В. неожиданно приезжает Олег Даль.

В.Янклович: «1 мая к Володе приехал Даль «в полном разборе», сказал: — Володя, я не могу идти домой в таком состоянии. Побуду немного у тебя...»

(Пока сведений о каких-то тесных отношениях Высоцкого и Даля нет... Когда-то они вместе снимались в фильме «Плохой хороший человек»... Конечно, хорошо знали и ценили друг друга... Известно, что в эти майские дни Высоцкий читал ему свои последние стихи.

Н.Галаджева: «Давно не слышавший друга, Даль поразился, как сильно вырос и окреп голос поэта. Это была их последняя встреча».

Поражает лицо Даля на фотографиях похорон В.В., а 25-го днем на Малой Грузинской он потерял сознание...)

В.Янклович: «Тогда Володя понял, что надо срочно что-то делать. Он сказал Олегу:

— Ты знаешь, у меня есть друг — врач Толя, он тебя посмотрит...»

Оксана: «В разобранном состоянии — это не то слово... Когда я зашла, — первое впечатление, что человек неживой. К вечеру Даль пришел в себя».

А.Федотов: «Даль приехал... Володя говорит:

— Все! Надо вшиваться!

Есть такие таблетки «тетурам», их вшивают под кожу».

В.Шехтман: «Даль приехал к нему... Володя специально для него держал эти таблетки — «эспераль»:

— Олег, ты что, не можешь «порежимить» неделю?! Я тебе привез — вот они...»

А.Федотов: «Еще эти таблетки называют «эспераль»... Метод лечения основан на страхе: выпьешь — станет очень плохо. Препарат

блокирует фермент печени, который расщепляет алкоголь. Накапливаются кислые продукты — это мучительно...»

Сам Высоцкий впервые узнает про «эспераль» еще в 1971 году... Накануне премьеры «Гамлета» Высоцкий попадает в Центральный госпиталь МВД (там работает двоюродный брат А.Митты — Герман Ефимович Баснер). Перед выпиской прилетает Марина Влади, тогда она впервые привозит этот препарат.

М.Влади: «Эспераль. В этом слове есть иллюзия надежды. Запрет не в состоянии решить элементарных главных проблем. Это не более чем подпорка...»

Г.Баснер: «Эспераль»? Это такие таблетки, которые вшивают под кожу. Действуют они полгода, но мы говорили, что гораздо больше. Они абсолютно безвредны, если не употреблять алкоголь... И вот тогда я в первый раз сделал Володе имплантацию препарата, его привезла Марина».

М.Влади: «Эта имплантация, проведенная на кухонном столе одним из приятелей-хирургов, которому я показываю, как надо делать, — первая из длинной серии».

Г.Баснер: «...То, что описывает Марина в своей книге, — это уже было во второй раз — в квартире на Матвеевской. А после первого раза Володя не пил полтора года.

Однажды звонит Саша Митта:

— Гера, срочно приезжай! Володе плохо! Он перепутал стаканы.

Я сказал:

— Надо немедленно промыть желудок! Пусть пьет воду и — два пальца в рот! Самый элементарный и надежный способ.

Тут же вскочил в машину и приехал. Володя уже более или менее успокоился, сделал себе это «промывание». Но «эспераль» сработала: оставалась гиперемия (краснота) лица и ярко выраженная тахикардия...

Как же это произошло? Володя говорил, что перепутал стаканы. Возможно. <...> Но я думаю, что он тогда сам решил попробовать. И минуты через две ему стало плохо. А Володя сделал всего один глоток! Вот тогда он понял, что «эспераль» действует».

М.Влади: «Периоды затишья длятся от полутора лет — в первый раз — до нескольких недель после последнего вшивания. Ты больше в это не веришь, хуже того, ты начал сам себя обманывать... Через не-

сколько дней ... ты пробуешь немного пить, реакция слабая, ты увеличиваешь дозу, и, видя твое состояние, врач решает удалить препарат».

А.Федотов: «Несколько раз я делал вшивку. Володя строго следил: сколько таблеток, на какой срок. Он привозил их из-за границы. Но потом Володя научился сам их выковыривать...»

М.Влади: «Иногда ты не выдерживаешь и, не раздумывая, выковыриваешь капсулку ножом...»

Г.Баснер: «...У меня где-то лежат его расписки... Под мою диктовку Володя два раза писал примерно такой текст: «Я, Владимир Высоцкий, сознательно иду на эту операцию. Ознакомлен со всеми возможными последствиями, а именно, паралич и даже остановка сердца. Обязуюсь спиртного не употреблять». Ведь ему нельзя было пить даже вчерашний кефир...»

М.Влади: «...Это не более чем подпорка. Но благодаря ей тебе на шесть с лишним лет удается отодвинуть роковую дату, предназначенную судьбой».

«Эспераль» в России быстро переделали в «спираль», а потом и в «пружину»... В 1975 году(?) Высоцкий присылает Ивану Бортнику открытку из Испании со следующим текстом:

Скучаю, Ваня, я Кругом Испания.
Они пьют горькую, лакают джин
Без разумения и опасения,
Они же, Ванечка, все без «пружин».

В.В. привозил «эспераль» не только для себя... Нескольким актерам Театра на Таганке тоже была сделана имплантация этого препарата, то есть «вшивка»... Юрий Петрович Любимов называл этих актеров — «вшивота»!

2 мая 1980 года. А.Федотов: «На следующий день на кухне у Володи я вшил Далю «эспераль».

3 мая Высоцкий в последний раз играет в спектакле «Добрый человек из Сезуана». Некоторые коллекционеры считают, что 3 или 4 мая у Высоцкого был концерт в КГБ, если он действительно состоялся, то это был единственный концерт в мае 1980 года.

Напомним, что В.В. в Венеции обещает Марине, что к ее дню рождения он будет в полном порядке. К 10 мая он должен быть в Париже. Времени остается очень немного.

Высоцкому не хотелось лететь в Париж... Он не сдержал слово, данное Марине, — наркотики остаются по-прежнему... Доставать наркотики в Париже для Высоцкого практически невозможно — они там слишком дороги. Кроме того, он понимает, что контроль со стороны Марины будет очень жестким... Но, с другой стороны, ему хочется покончить с унизительной зависимостью от «лекарств»...

А.Бальчев: «В мае мы с Бабеком встретили Володю на улице.
— Мы летим в Сочи, — давай с нами!
— А что, может быть, действительно? Позвоните из Сочи.
Мы позвонили.
— Нет, не могу. Времени нет».

Времени нет еще и потому, что В.В. занимается оформлением документов для брака американки Барбары Немчик и Валерия Янкловича.

Б.Немчик: «Буквально все сделал Володя — он везде со мной ходил... Ведь все надо было проталкивать.

Мы вместе пошли в Бюро переводов .. Я знаю, как долго там держали американцев, которые женились или выходили замуж в России. Я сама сделала перевод паспорта, а этого делать нельзя — они должны переводить сами. Мы пришли туда, нас встретила женщина — такой очень тяжелый, железный, советский тип. Володя подошел, объяснил ситуацию, и через десять минут все было готово

Она приказала сотруднику:

— Девушка сама перевела паспорт. Перепишите, пожалуйста, ее перевод на наш бланк и поставьте печать.

А для наших это была одна из самых сложных проблем, в Бюро переводов документы задерживались на две-три недели. Володя все сделал за десять минут».

Назначена регистрация, несмотря на все усилия помешать этому браку. В.Янклович: «Директор этого Дворца бракосочетаний сказала мне: «Хотите совет? Даже и не пытайтесь — вас никогда не зарегистрируют!» Специально закрыли на ремонт это учреждение... И все-таки нас расписали...»

В.Шехтман: «На регистрации я был... Где-то лежит фотография... А за документами мы помотались .. Володя же ездил к министру юстиции РСФСР, когда заведующий загсом отказал».

Напомним, Высоцкий надолго собирается за границу, и там ему нужен человек, который мог бы вести дела.

В.Шехтман: «Валера с Барбарой женились вроде бы фиктивно и вроде бы — по любви... Как Леша Зубов. Володя с Валерой собирались в Штаты...»

По утверждению Барбары Немчик, действительно, регистрация состоялась в мае, но ближе к концу месяца... Она точно не помнит дату — 25 или 27 мая.

В один из дней начала мая Высоцкий слушает лекцию известного историка Натана Эйдельмана:

«Читал я лекцию, дело было в начале лета, в начале мая 1980 года, и, стало быть, Высоцкому оставалось жить меньше трех месяцев. Лекция была в Доме архитектора, тема — тайны XVIII века. Я рассказывал увлекший меня сюжет о несчастном Брауншвейгском семействе, о свергнутых с престола в 1741 году родственниках императрицы Елизаветы Петровны, о приключениях и темной борьбе за власть в XVIII веке. Зал полон. И вдруг, я смотрю, у прохода, где-то около заднего ряда, сидит Высоцкий. Я, признаться, не поверил. Не потому, конечно, что не мог себе представить, будто Высоцкий ходит на лекции... Но я решил, что это какой-то человек, на него похожий. Слушал он очень хорошо. А потом ко мне подошли друзья, лекция кончилась, человек, похожий на Высоцкого, исчез.

25 июля он умер, и, естественно, о нем много говорили. И вдруг я получил потрясший меня загробный привет. Очень пожилая женщина — подруга матери Высоцкого — рассказала, как он пришел с лекции и говорил всякие лестные для меня слова, и как ему лекция понравилась, и какой вызвала у него интерес... Привет, полученный уже в августе 1980 года».

6 мая — вечером спектакль «Преступление и наказание».

7 мая — «Гамлет».

8 мая — телефонный звонок в Ижевск. В этот же день телефонный разговор с Италией. В Ижевске продолжается суд — скорее всего, Г.П.Падва рассказывает о процессе.

Б.Немчик: «8 или 9 мая я прилетела из Средней Азии, пробыла там 10 дней. А поехала туда, чтобы мне продлили визу. Володя и Валера встречали меня...

Я поехала с ними на Малую Грузинскую и там узнала, что Володя купил мне путевку в Москву! Путевку в Москву, чтобы мне на неделю продлили визу. И стажировка, и советская виза у меня давно закончились, тогда мы даже не знали: состоится ли брак вообще.

И еще Володя решил, что самое разумное — пожить у него: «Там тебе не будут мешать...»

9 мая — сборы в Париж, в этот же день Высоцкий заезжает к В.Баранчикову: «В самый последний раз Володя был у нас 9 мая 1980 года... (Баранчиков жил тогда на Бауманской, рядом Елоховская церковь. — *В.П.*) Сидели на кухне, окна были открыты. Володя запел «Купола»... И тут зазвонили в Елоховской. Это было нечто...»

10 мая — ранним утром Высоцкий вылетает в Париж. У В.В. договор с «Аэрофлотом» о том, что он будет рекламировать советские авиалинии за рубежом, поэтому он платит за билеты половину стоимости.

И.Шевцов: «В день отъезда я его провожал. Были Валера Янклович и Оксана. Было очень рано, часов шесть утра. Я знал, что потом будут гастроли в Польше. Потолкались у парадного... Какие-то разговоры, — у меня было то же самое:

— Как будем дальше действовать? (О фильме «Зеленый фургон».)

В аэропорт я не поехал».

В.Шехтман: «...Мне кажется, ему снова не хотелось лететь в Париж. Он же опоздал в Шереметьево!

— Ну, все — опоздали.

Но рейс задержали, и Володя улетел».

Б.Немчик: «Володя позвонил Марине, что встречать его не надо, он доедет сам... А на другой день Марина звонит в Москву:

— Где Володя? Он не прилетел! Я не знаю, где он!»

Марина Влади: «...Мое беспокойство, когда ты не приехал в назначенный день, бесполезные звонки, ожидание, бессилие, твое исчезновение между Парижем и Москвой и — однажды ночью — звонок моей подруги. Ты уже несколько часов в Париже — в одном из русских ресторанов, — и дело плохо, надо ехать за тобой. Я бужу Петю (средний сын Марины Влади. — *В.П.*), — мне нужна помощь. Мы находим тебя на банкетке, обитой красным плюшем, в самом темном углу. С тобой гитара и чемодан, ты похож на отставшего от поезда пассажира».

М.Шемякин: «...Был жуткий запой, его напоили свои же доброхоты: Высоцкий едет с нами! Ну как не выпить с Высоцким! — на всю жизнь сувенир! Две бутылки коньяка ему дали в самолете. <...> Володька попал в сумасшедший дом».

11 мая. Марина Влади: «Наш добрый доктор Поль Онигман не может ничего сделать — тебя нужно класть в больницу. В коридоре доктор Дюгарен смотрит на меня и спрашивает:

— На этот раз кто это?

— Мой муж.

— Бедняжка.

В этом же коридоре несколько лет назад находился мой старший сын».

Речь идет о клинике Шарантон под Парижем. Именно эту специализированную клинику описывает Высоцкий в «парижском дневнике» 1975 года, когда они с Мариной навещали ее старшего сына — Игоря: «Поехали в больницу. Похоже на наши дурдома, только вот почище, и все обитатели — вроде действительно больные. Ко мне разбежался кретин в щетине и потребовал закурить. Я дал».

Шемякину Шарантон представляется громадным мрачным зданием с железными дверями, железными лестницами и маленькими окнами.

«Бывают странные сближенья...» В трехтомнике Шемякина, в примечаниях читаем: «В 1968 году после протеста Питера Вайса против советского вторжения в Чехословакию не была поставлена его пьеса «Марат-Сад» («Преследование и убийство Жана-Поля Марата, представленное труппой дома умалишенных в Шарантоне под руководством маркиза де Сада»). Высоцкий ничего не забывал — на капустнике к восьмилетию Театра на Таганке он спел:

Удивлю сегодня вас
Вот такою штукою:
Прогрессивный Питер Вайс
Оказался сукою.

* * *

Этот ветер — мимо сада,
А в саду растут дубы.
Пусть его «Марата-Сада»
Ставят «Белые Столбы».

На станции Белые Столбы в Подмосковье расположена одна из самых известных и больших психиатрических больниц...

13 или 14 мая. В.Янклович: «Марина приехала за Володей в «Распутин», потом положила в госпиталь. Позвонила мне, сказала, что в Польшу он приехать не сможет.

В театре я сказал об этом Дупаку. А коллектив должен был на следующий день выезжать в Польшу. В коридоре стояли артисты, я увидел Пыльнову, Жукову, Додину... Одна из актрис говорит:

— Знаем мы, как Высоцкий болен... Он там на фестиваль в Каннах поехал с Мариной. А нас потом никуда из-за него пускать не будут.

Я сказал им:

— Вы, наверное, забыли, что вас еще потому и приглашают за рубеж, что в театре есть Высоцкий...

А ведь тогда Володя чуть ли не умирал в Париже. Они как бы отказывали ему в праве на болезнь... Так что на совести у труппы кое-что есть...»

На совести у труппы — не только полное непонимание Высоцкого, но и активная — черная зависть... Не у всех, конечно, но...

Н.Л.Дупак: «Вот расскажу вам, опять кто-нибудь обидится... Актеры... Да они же угробили его завистью. Все эти Петровы, Сидоровы, Ивановы...

— Мы — черная кость, а он — белая!»

Ю.П.Любимов во время работы над спектаклем «Владимир Высоцкий» собрал друзей В.В. и сказал им: «Вы же понимаете, как трудно сделать спектакль с людьми, которые Владимира не любили».

Конечно, Высоцкий знал об этом... Вначале взрывался, возмущался, а в последние годы отвечал почти полным равнодушием...

В.Шехтман: «Я спросил у него:

— Володя, ты не жалеешь, что ушел из театра?

— Нет. Здесь (он показал на сердце) ничего не осталось».

В.Баранчиков: «Володя говорил (о театре и об актерах. — *В.П.*):

— Было время, когда мы друг друга посылали... И это было ближе к истине. А теперь... Все абсолютно чужие...»

С 11 по 21 мая Высоцкий лечится в специальной клинике Шарантон. Вероятно, у французских врачей более эффективные методы —

через несколько дней В.В. начинает работать. Фломастером на линованной бумаге написаны несколько стихотворений:

«Алфавит» (Общаюсь с тишиной я...)
«Неужто здесь сошелся клином свет...»
«Жан, Жак, Гийом...»
«Мог бы быть я при теще, при тесте...»
«В стае диких гусей был второй...»
«Как зайдешь в бистро-столовку...»

По воспоминаниям Михаила Шемякина, Высоцкий в клинике Шарантон был в пунцовой (малиновой?) байковой пижаме, а в стихотворении «Общаюсь с тишиной я...» есть такое четверостишье:

Жизнь — алфавит: я где-то
Уже в «це-че-ше-ще».
Уйду я в это лето
В малиновом плаще.

Сергей Жильцов, работавший с рукописями Высоцкого, которые хранятся в ЦГАЛИ, сообщает, что все эти рукописи — на линованной белой бумаге... Тексты написаны тонкой шариковой ручкой, предположительно типа «Пилот»... Все они написаны до 30 мая 1980 года. Сюда же можно отнести беловик стихотворения «Две просьбы» и текст «Как зайдешь в бистро-столовку...»

16 мая — Театр на Таганке в Польше. Отмена (замена?) спектакля «Гамлет». В этот день В.Золотухин записывает в своем дневнике:

«Мы в Польше. Вроцлав. Сразу событие — у Володи в Париже предынфарктное состояние, отменяется «Гамлет». Шеф на проводе:

— Как текст? Бери Боровчика — знаешь, кто такой Боровчик? (Д.Боровский — главный художник Театра на Таганке) — и ко мне.

Отказался, самоубийство...»

Позже Золотухин напишет об этом подробнее (18.03.1985):

«Вспоминали (вместе с Полокой) Володю. Венька (В.Смехов) сказал ему в посольстве польском, что я в Польше Гамлета хотел сыграть. Вот, оказывается, что он имел в виду в своем письме: «Я простил тебе, но не простит покойный...» Знал бы он, какой был разговор у меня с Любимовым. Да ведь он знал. Я не мог ему не рассказать об этом, не похвастать, как я отказался, ссылаясь на то, что Польша не Рязань, что Польша ждет Высоцкого, и мне с бухты-барахты только выучить за ночь текст, играть и позорить Таганку негоже... и как шеф был благодарен мне за это... Ну, Веня!»

Разумеется, Высоцкий очень не хотел подвести Любимова — пришлось бы отменять еще два спектакля. В общем, на грани срыва все гастроли Театра на Таганке. В.В. в Шарантоне, на выписку из этой больницы, вероятно, требуется согласие жены...

Марина Влади: «Прошло время. Ты приходишь в сознание, а дальше — угрызения совести, отчаянье и, наконец, откровенный разговор со мной. Я отказалась, несмотря на советы врачей, оставить тебя в специальной клинике. Быть может, я должна была на это решиться. Но могла ли я посягнуть на твою свободу, которой ты дорожил больше жизни?..»

Высоцкий умел убеждать, Марина Влади забирает его из клиники 18 или 20 мая, но до этого происходит несколько событий... Михаил Шемякин, узнав, что В.В. в больнице, навещает своего друга:

«И вот я стою перед громадным мрачным таким зданием. А там, где-то в середине, сидит Вовчик, к которому мне надо пробиться, но как? Во-первых, у меня — такой первобытный страх, по собственному опыту знаю, что такое психиатрическая больница; во-вторых, там же, в клинике, все закрыто. Я перелезаю через какие-то стенки, ворота, бочком, прячусь между кустов сирени... Вижу, какая-то странная лестница, я по ней поднимаюсь, почему — я до сих пор не могу понять, это чисто звериная интуиция! — поднимаюсь по этой лестнице до самого верха, почему-то — там железная дверь и железные оконца в решетках. Я в них заглядываю — и вдруг передо мной выплывает морда такого советского психбольного. Он мне подмигивает так хитро из окошечка: «Э-э-э!»

Этот больной впускает Шемякина, и в первом же коридоре тот встречает Высоцкого... «...Вовчик у окна стоит. Он обернулся — а он тогда в каком-то фильме снимался — волосы такие рыжеватые, и все так сплетается, в таком ван-гоговском колорите, сумасшедшем. И мне навстречу:

— Миша!

А я — после запоя, в еще более сентиментальном настрое:

— Вовчик!

Он повел меня к себе в палату... в какой-то закуток. Я говорю:

— Что? Вот так-то...

А он:

— Да... Да... Вот напоили!..

И вот так он сидит, а я говорю:

— Ну что? Все будет хорошо...

А он — мне:

— Мишка, я людей подвел!

И заплакал вдруг. Я спрашиваю:

— Каких людей?

— Да понимаешь, я там обещал кому-то шарикоподшипник достать для машины...

(Не то колесо там или покрышку.)

— ...Я так людей подвел!

...Воду на нем возили... Потом он вдруг опомнился, говорит:

— Мишка, тебе надо уходить!

— А что такое?

— Да ты знаешь, это все-таки настоящая психиатричка, ну — повяжут тебя, повяжут.

...Он прислонился к окошечку, а там идет другая жизнь, никакого отношения к нам не имеющая — там солнышко, которое на нас абсолютно не светит и нас не греет... Вот так мы стоим, прислонившись лбами к стеклу, и потихонечку воем... Жуть! Вот этого — не передать! Этой тоски его перед самой смертью, которая его ела!

...Самая жуткая из наших последних встреч была — в дурдоме этом жутком! И как я пробрался туда — не могу понять! Казалось, невозможно туда прорваться, — это больница для наркоманов — самых страшных... Ну, судьба!»

И еще из воспоминаний М.Шемякина: «Я говорю:

— Знаешь, Вовка, я всегда думаю, что мы с тобой какие-то никому не нужные птицы...

А он меня схватил за руку — у него есть такая песня о подстреленных лебедях — и говорит:

— Мишка, этого не может быть! Я здесь, в больнице, стал думать об этом и вспомнил эту свою песню».

Вспомнил? А может быть, написал... Приведем два четверостишья из стихотворения «В стае диких гусей был второй...»:

Все мощнее машу: взмах — и крик
Начался и застыл в кадыке!
Там, внизу, всех нас — первых, вторых —
Злые псы подбирали в реке.

Может быть, оттого, пес побрал,
Я нарочно дразнил остальных,
Что, во «первых» я жизнью играл,
И летать не хотел во «вторых».

В клинике (или, может быть, во время гастролей Театра на Таганке в Польше) написано и посвящено Шемякину стихотворение «Две просьбы» — «М. Шемякину — другу и брату — посвящен сей полуэкспромт»:

Зачем цыганки мне гадать затеяли?
День смерти уточнили мне они...
Ты эту дату, Боже сохрани, —
Не отмечай в своем календаре или
В последний миг возьми и измени...

Вернемся в Москву. 13 мая Нина Максимовна Высоцкая заходит на Малую Грузинскую. У нее свои ключи, она открывает дверь и видит Барбару, с которой, конечно, не знакома.

Б.Немчик: «Зашла Нина Максимовна, а я выхожу из ванной. Она удивилась, даже испугалась... Валера ей все объяснил...»

18 мая Нина Максимовна уезжает в Польшу, в Москву она возвратится только 10 июля.

17 мая — официальное открытие гастролей Театра на Таганке в Польше. 19 мая во Вроцлаве «Гамлет» заменен «Добрым человеком из Сезуана».

Высоцкий рвется в Польшу. Но только ли в Польшу?

Оксана: «Когда Володя был в Париже, я себе места не находила, — и не могла понять, отчего это происходит...

Однажды ночью со мной просто случилась истерика. А в семь часов утра приехала моя тетя и сказала, что ночью умер папа (он покончил жизнь самоубийством)... И я занималась всеми этими похоронными делами — не самыми приятными в этой жизни, — а Володя в это время лежал в госпитале в Париже».

В.Шехтман: «Володя часто звонил... Мы с Валерой жили у него, он все время звонил:

— Найдите Оксану! Я чувствую, что у нее что-то случилось...

А ее не было».

В.Янклович: «Из госпиталя звонил мне, спрашивал, что случилось у Оксаны, — а у нее умер отец... Я говорю:

— Ты что, обалдел? Что там могло случиться...

— Нет, там что-то произошло.
— Да ничего не произошло. Ты что?!
— Нет, я чувствую — что-то случилось!
Это его провидение потрясло меня...»

18 или 19 мая. Оксана: «И когда, после похорон отца, я в первый раз вошла в свою квартиру, тут же раздался звонок:
— Наконец я тебя поймал! Что случилось?
Я чувствую, что он сам в какой-то панике, но не могу врать... У меня льются слезы, комок в горле...
— Володя, ты знаешь, умер мой папа. Я только что его похоронила.
Он сказал:
— Все. Завтра я буду в Москве.
И Володя прилетел, пробыл в Москве одни сутки и улетел в Польшу. Это было 18 или 19 мая».

Оксана ошибается, В.В. прилетел в Москву 22 мая. 20 мая В. Янклович звонит в Париж (значит, Высоцкий уже вышел из больницы) и вот по какому поводу:
«Я передавал ему ампулы — через командира самолета «Аэрофлота», который летал в Париж... Это было до приезда в Москву. Передавал в пузырьках от сердечных капель. Ездил к этому летчику, даже дом запомнил...»
Если Янклович передает «лекарство» в мае 80-го — вполне возможно и раньше Высоцкий пользовался этим каналом...
Золотухин записывает в дневнике, уже после смерти В.В.:
«Люди рисковали, вернее, не подозревали пилоты наши, что в бутылочках из-под облепихового масла они привозили ему наркотик».

То есть лечение в клинике Шарантон — очень кратковременное — не помогло. Потребность в наркотиках осталась. Возможно, Марина Влади — она дает согласие на выписку из клиники — упускает реальный шанс помочь мужу вырваться из круга болезни, покончить с наркотиками. Но пришлось бы отменять еще два спектакля в Польше...

Приведем мнение — мнение, разумеется, субъективное — Аллы Демидовой:
«Володя тогда мог умереть каждую секунду. («Гамлет» в Марселе — спектакль, известный по многочисленным воспоминаниям.) Это знали мы. Это знала его жена. Это знал он сам — и выходил на

сцену. И мы не знали, чем и когда кончится этот спектакль. Тогда он, слава Богу, кончился благополучно.
Можно было бы заменить спектакль? Отменить его вовсе? Можно. Не сыграть его в июне (мае. — *В.П.*) 1980-го в Польше? Не играть 13 и 18 июля — перед самой смертью? Можно. Но мы были бы другие. А Высоцкий не был бы Высоцким».

22 мая Высоцкий вылетает из Парижа в Москву, его провожает Михаил Шемякин:
«Никогда не забуду, как я видел Володю в последний раз. Была весна, он только что вышел из психиатрической больницы, французской... Я его обнял — я собирался в Грецию, он уезжал обратно в Москву...
— Володька, — говорю, — вот ты видишь, корабли плывут, деревья там... Кто-то гудит: у-у-у... Давай назло всем — люди ждут нашей смерти — многие... И ты доставишь им радость. А давай назло! Вдруг возьмем и выживем! Ну смотри — цветут деревья, Париж, Риволи, Лувр рядом! Вовка, давай выживем, а?!
А у него уже такая странная-странная печать смерти в глазах, он меня обнял и сказал:
— Мишенька, попробуем!
Сел в такси, помахал мне рукой из машины, а я смотрел на него и думал: «В последний раз я его вижу или еще нет?» И оказалось — в этой жизни — именно в последний раз. Я улетел в Грецию, и больше — ни-ко-гда...»

Когда Шемякин вернулся из Греции, на своем письменном столе он нашел стихотворение «Как зайдешь в бистро-столовку...», заканчивающееся словами:

Мишка! Милый! Брат мой Мишка!
Разрази нас гром! —
Поживем еще, братишка,
Pogiviom!

Итак, 22 мая Высоцкий прилетел в Москву. Оксана: «Он прилетел, а утром улетел в Польшу. Все это время он провел со мной... О чем говорили? Такая была ситуация, что не до разговоров...»

В.Янклович: «Между Парижем и Польшей Володя на один день прилетел в Москву. Повидал Оксану, сделал свои дела — и улетел...»

Дата вылета В.В. из Москвы — 23 мая. Н.М.Высоцкая (в передаче Э.Рязанова «Четыре вечера с Владимиром Высоцким»): «Я сама

пыталась узнать, что это за билет... И определила. Значит, здесь так: Москва — Варшава — Москва, 23 мая 1980 года. Я думаю, это неиспользованный билет на гастроли в Польшу в 80-м году».

С 23 по 30 мая Высоцкий в Польше. Д.Ольбрыхский: «Он прилетел прямо из Парижа(?) уже в очень плохом состоянии. До конца не было известно, приедет ли он вообще. Собирались даже отменить «Гамлета», а «Добрый человек из Сезуана» должен был играть его дублер. Но я упросил Марину погрузить Володю в самолет, чтобы он все-таки приехал».

Судя по воспоминаниям Ольбрыхского («Поминая Владимира Высоцкого»), в этот приезд он мало общался с В.В.... И вряд ли его разговор с Мариной сыграл решающую роль в приезде Высоцкого в Варшаву. Но тем не менее его свидетельства очень важны — в Варшаве Высоцкий практически ни с кем не общался... Тем более что здесь же он поссорился с одним из своих друзей — актером Театра на Таганке.

26 мая — «Добрый человек из Сезуана».

В.Золотухин: «Приехал Володя и великолепно играл. Спектакль имеет совершенно иной уровень с его участием. Не шибко здоров мастер, но... Хочется, чтобы он выдюжил два самых ответственных «Гамлета». Этими спектаклями мы закрываем фестиваль «Варшавские встречи».

27 мая — «Гамлет».

Д.Межевич: «Володя появился под конец гастролей.. Пробыл в Варшаве дня четыре, отыграл «Гамлета» и два раза — «Доброго...» Жил он в гостинице. Помню, за кулисы к нему приходил пообщаться Ольбрыхский. Куда Володя уехал потом — не помню».

Д.Ольбрыхский: «Мы наконец могли увидеть его в самой знаменитой роли. Это был очень уставший человек, но играл он феноменально. Без единого лишнего жеста, гримасы. Он был абсолютно сосредоточен на смысле шекспировского шедевра и на том, что он самолично вносил в этот спектакль. К сожалению, он был не в состоянии продемонстрировать все свои актерские возможности и те возможности, которые дает эта роль. Заметно экономил силы, чтобы выдержать до конца. Высоцкий — блистательный актер — использовал свое состояние с максимальной точностью и чистотой. Это была

борьба и одновременно бег наперегонки с собственной жизнью. Чтобы успеть. Как те кони из его знаменитой песни...»

28 мая — второй спектакль «Гамлет».

В.Золотухин: «Смотрел второго «Гамлета»: не понравилось. Не могут эти люди играть такую литературу, такую образность, поэзию... Вовка еще как-то выкручивается, хорошо-грубо-зримо текст доносит...»

Д.Ольбрыхский: «Он из последних сил хватался за край, зубами... Это дало невероятный результат. Особенно для меня, друга, это было потрясающее переживание. Вместе с ним я напрягал все силы и поэтому не помню подробностей его игры. Особое внимание я обратил лишь на то, как Володя произносил самый знаменитый и, как говорят, самый важный монолог «Быть иль не быть», который в действительности стал таковым лишь в XIX веке (могу указать в «Гамлете» ряд других фрагментов, более существенных и важных, чем проблема «быть иль не быть», между тем именно она сделала карьеру).

В своем исполнении Володя сознательно преуменьшал эту проблему, словно удивляясь Шекспиру, который пожертвовал ей столько места Более того, в какой-то момент он начал буквально издеваться над монологом и его автором. Как будто язвил: о чем речь? что тут так рассусоливать? убить себя или нет? С яростью, равной ярости его песен, он начал рубить текст, словно давая понять: если быть — то действовать, если не быть — то уж лучше поскорее. Это говорил мужчина зрелый, мятежный, сознающий что делает, эмоционально и интеллектуально много старше шекспировского Гамлета. Гамлет Высоцкого после Шекспира пережил еще несколько адских столетий на земле».

А.Демидова: «После окончания гастролей в Польше в начале июня (30 мая. — *В П*) 1980 года мы сидели на прощальном банкете за огромным длинным столом. Напротив меня сидели Володя и Даниэль Ольбрыхский с женой. Володя, как всегда, быстро съедал все, что у него было на тарелке, а потом ненасытно и жадно рассказывал. Тогда он рассказывал о том, что они хотят сделать фильм про трех беглецов из немецкого концлагеря. Эти трое — русский, которого должен был играть Володя, поляк — Ольбрыхский и француз (помоему, Володя говорил, что договорился с Депардье). И что им всем нравится сценарий и идея, но они не могут найти режиссера. Все ре-

жиссеры, которым они предлагали этот сценарий, почему-то отказывались...»

Сценарий «Каникулы после войны» написан Высоцким вместе с Эдуардом Володарским: «Мы показали сценарий многим серьезным режиссерам. Они читали, вздыхали, разводили руками:

— Ребята, вы же понимаете, что это совершенно непробиваемо.

Марина Влади перевела в Париже сценарий на французский язык, показала его знаменитому артисту Жерару Депардье. Он прочитал, пришел в восхищение и заявил при встрече с Володей, что готов сниматься без гонорара».

Жерар Депардье (интервью М.Максимовой): «Мы с ним встретились в 1978 году в Париже, просидели вместе две ночи, и это было невероятно. Вихрь какой-то! Мне страшно нравится такой темперамент».

Интервью Ж.Депардье в журнале «Советский экран» № 18, 1987 год: «Да, еще будет фильм о детях войны по сценарию Владимира Высоцкого. Десять лет тому назад, когда мы с ним встретились в Париже, он сказал, что пишет сценарий, где для меня есть роль. Я тогда сказал «да». И вот на днях я снова сказал «да» советским кинематографистам, предложившим мне сняться по этому сценарию».

Интервью М.Максимовой:

«— А что случилось со сценарием «Венские каникулы» — проектом Высоцкого?

— Не знаю, это еще одна загадка. Он так интересно все задумал. Я хотел участвовать в проекте и сделал все, что от меня зависело».

М.Шемякин: «У Володи была масса творческих планов. К примеру, его сценарий «Каникулы после войны». Он мечтал сняться в фильме по этому сценарию с нашим общим другом Даней Ольбрыхским и Жераром Депардье. Все уже было написано. Этот фильм о том, как трое солдат — француз Жерар, поляк Даниэль, русский Володя — убежали из немецкого концлагеря и начали шкодить на дорогах и т.д. А под конец украли американский самолет. И все бесшабашные хулиганства, которые они проделывают по пути, им в конце прощаются.

Володя просто жил этим фильмом».

Д.Ольбрыхский: «В фильме, сценарий которого Высоцкий написал вместе со своим приятелем, мы должны были играть вместе. Мы мечтали об этом. Третья роль предназначалась для приятеля Марины, а потом и нашего общего — замечательного французского актера, ныне суперзвезды — Жерара Депардье».

А.Демидова: «Вдруг посредине разговора (о фильме «Каникулы после войны») Володя посмотрел на часы, вскочил и, ни с кем не прощаясь, помчался к двери... За ним вскочил удивленный Ольбрыхский и, извиняясь за него и за себя, скороговоркой мне: «Я сегодня играю роль шофера Высоцкого, простите...»

Спустя десять лет, сам Ольбрыхский вспоминает об этом несколько по-другому: «После гастролей Таганки в Варшаве состоялся прощальный банкет. У Володи уже не было сил петь, хотя все его очень просили. На следующий день он улетел в Париж и вернулся в Москву 11 июня, хотя был обязан послушно вместе со всей труппой отправиться домой сразу. Но он уперся: нужно в Париж обязательно, к Марине, словно боясь, что может уже никогда не увидеть ее. Просил помочь ему. Благодаря людям из нашего «Погара», удалось устроить ему место в самолете. Я провожал его и Любимова, который летел в Будапешт, до самого трапа. <...> Мы махали друг другу, пока Володя не исчез в дверях самолета».

30 или 31 мая Высоцкий возвращается в Париж. Вместе с Мариной он сделает еще одну попытку «выскочить» — избавиться от наркотиков.

ИЮНЬ

30 мая Высоцкий прилетел из Варшавы в Париж, прилетел, скорее всего, вечером. У него появился план — уехать с Мариной в какое-то уединенное место и попробовать жить без наркотиков.

1 июня В.В. переписывает набело стихотворение «Две просьбы»...

В эти дни серьезный разговор с женой: «Ты попросил меня: уедем вдвоем, уедем далеко, ты вылечишь меня, как раньше, как всегда...»

Это была последняя попытка вылечиться самостоятельно, без помощи врачей.

Марина Влади: «И вот — мы на юге Франции, в маленьком доме моей сестры Одиль. (Одиль Версуа смертельно больна раком, жить ей остается чуть больше трех недель. Марина оставляет ее на попечение врачей и едет спасать мужа. — *В.П.*) Тишина, холод, спрятанные в саду бутылки, успокоительные пилюли, которые никого не успокаивают, и вокруг — огромное пространство, которое для тебя не более чем пустота.

(Возможно, Марина Влади посоветовалась с врачами, которые лечили Высоцкого в Шарантоне, а может быть, еще раз — а получилось в последний — поверила в силу В.В... Но этой силы хватило ненадолго.)

И обрывки фраз: «Я уеду, я больше не могу, я больше не хочу, это слишком тяжело, хватит». И моя сила воли изнашивается как тряпка, меня охватывает усталость, и отчаяние заставляет меня отступить. Мы уезжаем».

Марина отступает во второй — и для нее — в последний раз. Но она действительно уже ничего не может сделать.

В Москве В.В. никому не рассказывал об этой поездке. Никому, кроме В.П.Янковича. Вернее, тот сам знал об этом: «Марина увезла Володю в какой-то замок на море. И оттуда он звонил в Москву».

Перед отъездом Высоцкий заезжает к Шемякиным и оставляет стихотворение «Как зайдешь в бистро-столовку...»

М.Шемякин: «Он просто написал это стихотворение и оставил. Оно лежало на столе. Когда я вернулся, я его нашел». На стихотворении — в сущности, прощальном — такое посвящение: «М. Шемякину, чьим другом посчастливилось мне быть».

M.Chemiakin — всегда, везде Шемякин, —
А посему французский не учи!
Как хороши, как свежи были маки,
Из коих смерть схимичили врачи.

До отъезда из Парижа (11 июня) Высоцкий написал два текста. Марина Влади рассказывает о возвращении в Париж с южного побережья Франции: «В дороге ты дремлешь, быть может пользуясь предоставленной тебе отсрочкой. Строфы последнего стихотворения упорядочиваются у тебя в голове:

И снизу лед, и сверху — маюсь между.
Пробить ли верх иль пробуравить низ?
Конечно, всплыть и не терять надежду,
А там — за дело, в ожиданьи виз.

Ты читал мне эти стихи всего один раз, и они отпечатались у меня в памяти».

Стихотворение написано на бланке (почтовой карточке?) парижского отеля «Виазур», написано неровным, скачущим почерком — в машине? в поезде? Теперь ясно, что это не самое последнее поэтическое произведение Высоцкого, но это самое известное из последних стихотворений. В.П.Янклович утверждает, что оно было написано раньше — еще в Венеции. Подробнее о судьбе этого стихотворения — в последней главе книги.

Второй текст — это последнее письмо Высоцкого Марине Влади, она нашла его уже после смерти В.В.:

«Мариночка, любимая моя, я тону в неизвестности. У меня впечатление, что я могу найти выход, несмотря на то, что сейчас я нахожусь в каком-то слабом и неустойчивом периоде.

Может быть, мне нужна будет обстановка, в которой я чувствовал бы себя необходимым, полезным и не больным. Главное — я хочу, чтобы ты оставила мне надежду, чтобы ты не принимала это за разрыв, ты — единственная, благодаря кому я смогу снова встать на ноги. Еще раз — я люблю тебя и не хочу, чтобы тебе было плохо.

Потом все станет на свое место, мы поговорим и будем жить счастливо. Ты. В.Высоцкий».

С Мариной Влади Высоцкий еще несколько раз говорил по телефону, с Шемякиным больше не разговаривал. 11 июня В.В. в последний раз уезжает из Парижа.

М.Шемякин: «...Оказывается и Володя знал, что в последний раз... Может быть, он предчувствовал?

Вспоминай: быть может, Вовчик —
Поминай, как звали...

Марина Влади: «Одиннадцатое июня восьмидесятого года. Чемоданы в холле, ты уезжаешь в Москву. (На самом деле В.В. уезжал в Бонн. Либо М.В. забыла, либо Высоцкий не сказал ей об этом. — *В.П.*) Нам обоим тяжело и грустно. Мы устали. Три недели мы делали все, что только было в наших силах...

Последний поцелуй, я медленно глажу тебя по небритой щеке — и эскалатор уносит тебя вверх. Мы смотрим друг на друга. Я даже наклоняюсь, чтобы увидеть, как ты исчезаешь. Ты в последний раз машешь мне рукой. Я больше не вижу тебя. Это конец».

Высоцкий едет к своему хорошему знакомому Роману Фрумзону. Роман Фрумзон эмигрировал из СССР в середине 70-х, до эмиграции работал на «Мосфильме». Вспоминает Оксана: «Володя общался с Романом здесь, в Союзе, еще до отъезда. Рома был близким Володиным знакомым. Он устраивал Володе какие-то концерты, Володя зарабатывал деньги. Володя к нему очень нежно относился, называл его «Ромашка».

Когда Оксана говорит о «каких-то концертах», она имеет в виду, вероятно, гастроли В.В. по США и Канаде. Напомним, что организовывал эти концерты Виктор Шульман, которому Высоцкий по каким-то причинам не очень доверял. Теперь известно, что Шульман без ведома В.В. выпустил пиратский диск «Нью-Йоркский концерт»... Поэтому все финансовые дела во время американских гастролей вел Фрумзон. Но вполне вероятно, что Роман мог организовать и какие-то приватные выступления Высоцкого — точных сведений о таких концертах пока нет.

Фрумзон помогал Высоцкому в приобретении машин, а потом, после двух аварий в 1979—1980-х годах, покупал запчасти. Приведем отрывок из книги Марины Влади: «Однажды вечером мы подъезжаем к большой гостинице в Мюнхене. Мы должны здесь встретиться с твоим другом Романом. Он эмигрировал несколько лет назад и теперь торгует автомобилями, а это — одна из твоих страстей.

...Мы в Мюнхене, и нам нужно найти подходящую машину... Мы с Романом бегаем по огромным стоянкам машин в комиссионных магазинах, и ты останавливаешься перед той, которая станет Твоей Первой Машиной: огромный «Мерседес» серо-стального цвета с четырьмя дверцами. По сравнению с новой машиной он просто ничего не стоит».

Итак, 11 июня Высоцкий приезжает (прилетает?) в Бонн. Он проводит у Фрумзона не больше суток, жена Романа должна передать в Москву какие-то вещи. 12 июня поездом Высоцкий выезжает в Москву.

12-го же июня в парижском еженедельнике «Пари-Матч» появляется небольшая статья Агаты Гокар «Марина Влади: «Я без ума от Владимира, потому что вижу его раз в два дня». Статья иллюстрирована фотографиями, сделанными, по всей вероятности, еще в декабре 1979 года, тогда же и было записано интервью с М.В. Статья из разряда «светской хроники», ее содержание в резком контрасте с содержанием жизни В.В. и Марины Влади в июне 1980 года.

«Эти мирные картины жизни счастливой четы по-своему уникальны, так как Марина Влади (сыгравшая у Альберта Сорди в «Мнимом больном») и ее муж Владимир Высоцкий, женатые вот уже десять лет, видятся всего шесть месяцев в году — то есть как бы через день. Причина очень простая: общая профессия забрасывает их кого в Париж, кого в Москву. Но несмотря на долгие месяцы разлуки, Высоцкие уверенно опровергают старинную поговорку «С глаз долой — из сердца вон», их супружеская жизнь идет хорошо. Дважды или трижды в год разделенные расстоянием супруги в который раз с наслаждением встречаются в мезон-лаффитском особняке Марины или в московской квартире Владимира.

«В Москве у нас большая квартира с гостиной и двумя комнатами. Мы встретимся там этим летом, потому что Владимир <...> вновь уехал к себе на родину — играть в «Преступлении и наказании». Мы увидимся снова в начале лета. Наша жизнь была простой: когда я работала, он был со мной при малейшей возможности. А когда работал он, я старалась быть рядом».

В 41 год Марина оказалась в отсутствие мужа, одна в Мезон-Лаффите с Туки и Микой, немецкими овчарками, таксами Песиком и Точкой, а также с сыном Пьером, которому уже 20 лет, обучающимся в консерватории по классу гитары. Старший сын Игорь проводит

каникулы на Таити, а Владимир, младший сын 16-ти лет, собирает жемчужные раковины в Полинезии, где живет его отец Жан-Клод Бруйе.

«Быть вместе — каждый раз праздник для нас. Мы не знаем черствости и скуки. Разлуки укрепляют нашу любовь, — утверждают супруги. — Мы счастливы такой жизнью»

(Перевод М.Левковой)

Наверное, очень непросто было прочитать это Марине Влади на следующий день после отъезда Высоцкого.

Приезд Высоцкого в Москву запомнили все, кто его встречал или видел в этот день.

Барбара Немчик: «В два часа ночи из Бреста позвонили таможенники. Они сказали, что Володя пересек границу и что его надо встречать на вокзале... Они говорили какими-то странными голосами, видимо, все вместе выпили. Естественно, Валера и Володя Шехтман поехали его встречать».

В.Шехтман: «Перед приездом, ночью, звонок из Бреста. Валера говорит:

— Послушай, я ничего не пойму.

Я взял трубку. Звонили таможенники — «под энтим делом». Володя их упоил! Потом весь вагон готов был носить его на руках, потому что никого не «шмонали». А еще он попросил таможенников позвонить в Москву, чтобы мы его встретили.

Едем на Белорусский — Сева Абдулов, Валера и я. Встреча была знаменательная — Володя был совершенно «в умат». Проводник завел нас:

— Быстро-быстро забирайте его...

Володя вышел на перрон: тут народ, тут милиция, тут вокзал — Белорусский! — а он ничего сказать не может».

Оксана: «Я тоже там была — просто приехала сама на такси. И когда мы его увидели издали — все стало сразу ясно. Володя стоял на перроне, держась за столб. Рядом — гора чемоданов. По-моему, мы поехали на Малую Грузинскую».

Б.Немчик: «Я осталась в квартире, вдруг позвонила Марина. Позвонила еще до их приезда, с ней разговаривала я. Она уже чувствовала, что что-то не в порядке...

Я открыла дверь и увидела Володю: просто сердце замерло. Он еле-еле стоял на ногах, просто — ужас! У ребят лица были подавленные».

В.Янклович: «Володя позвонил мне из Германии, звонил от Фрумзона, жена Романа передала два чемодана с вещами. Мы встречали Володю на Белорусском вокзале, — он был в ужасном состоянии... А дома он стал раздаривать эти вещи. А потом сказал, что у него отобрали таможенники. А когда он все это осознал, — это был, наверное, самый стыдный день в его жизни».

Сын В.Янковича — Илья Порошин — тоже был в это время в квартире, он тогда еще учился в школе... «Володя привез два чемодана шмоток. На стульях, на дверях — везде были развешаны роскошные платья... И Оксана, как в Доме моделей, их примеряла...»

Б.Немчик: «Настроение было такое плохое, что было не до шмоток. Илья сказал «Дом моделей», по-моему, в отрицательном смысле... Что это похоже на базар».

Оксана: «Володя же видит, что мы все с такими кислыми рожами, — и он просто попросил, чтобы я примерила два платья, вышла и показала ребятам».

Через некоторое время после приезда Высоцкого в квартиру еще раз звонит Марина Влади.

В.Янклович: «Володя в таком состоянии, а тут звонит Марина:

— Пусть он подойдет к телефону...

— Марина, он спит.

— Не ври. Пусть подойдет.

Конечно, она все поняла».

На следующий день, а точнее, еще ночью Высоцкий и Янклович едут в институт Склифосовского — нет «лекарства»...

Вспоминает врач-реаниматолог Станислав Щербаков: «Я хорошо помню, когда я видел Высоцкого в предпоследний раз. Это было, когда он прилетел из Парижа от Марины Влади. Высоцкий приехал среди ночи вместе с Валерием Янковичем...

У нас был такой «предбанник» — там стоял стол, за которым мы писали истории болезни, сюда же — в «предбанник» — закатывали каталки. В эту ночь было полно больных. И вот открывается дверь,

заходят Высоцкий и Янклович... Таким Высоцкого я никогда не видел. Он же всегда — подтянутый, аккуратный, а тут... Небритый, помятый, неряшливо одетый — в полной депрессии.

Бывали случаи, когда он не входил — врывался в ординаторскую! Когда действие препаратов кончалось, начиналась абстиненция, — а это самый страшный период для наркоманов. Они могут сделать все, что угодно, но достать наркотик любыми средствами! Так вот — врывался совершенно ошалевший человек: зрачки расширены, моторное возбуждение, — и было ясно, что с ним происходит.

А тут он тихо вошел, сел на стул. Я — за столом, писал историю болезни. Высоцкий даже глаз не поднимал. Но раз приехал — ясно зачем. Но уже было лето восьмидесятого, приближалась Олимпиада, и мы знали, что нас «пасут»... И договорились: «Все, больше не даем!» И Высоцкий знал об этом. Я ему говорю:

— Володя — все. Мы же договорились, что — все.

— Стас, в последний раз...

— Нет, уходи. Валера, забирай его.

А у Высоцкого чуть ли не слезы на глазах... И тут бригада «взорвалась» на меня!

— Стас! Ты что! Зачем заставляешь человека унижаться?!

А я говорю:

— А-а... Что хотите, то и делайте.

Повернулся и ушел. Со мной вышел Валера Янклович. И пока ребята оказывали «помощь», он мне сказал, что Володя в подавленном состоянии, что его выгнала Марина... Да, Высоцкий сказал мне, уже вслед:

— Стас, это в последний раз...

Вот видите, и тут он оказался прав».

Конечно, Янклович несколько преувеличивает — «Марина выгнала...», — этим он как бы оправдывает В.В. Но повторим еще раз — если не «окончательный разрыв», то «отношения на грани разрыва». Свидетельство Барбары Немчик, которая около двух месяцев прожила в квартире на Малой Грузинской:

«Володя один раз признался:

— Что делать? С ней уже не могу... И без нее тоже не могу...

Марина звонила, а он — в таком тяжелом состоянии... Они часто ругались. Володя боялся, что это навсегда. Марина говорила ему, что просто пойдет в посольство и разведется с ним...»

Оксана: «В последнее время у Володи испортились отношения с Мариной. Марина... Мое отношение к ней... Она — Володина жена, Володя ее любит — значит, это очень хороший человек. Вообще, все люди, которые были близки Володе, которых он принимает и держит около себя, — это замечательные люди. И Марина — прежде всего.

Но в последнее время Володя наших отношений не скрывал, он даже их афишировал. <...> Я страшно переживала, я понимала, что Марина для него — человек близкий и необходимый, несмотря на все сложности в их отношениях. И ломать их отношения ни в коем случае нельзя».

Еще один факт — в июне-июле друзья несколько раз просили Марину прилететь. В июне она не могла — умирала сестра. А потом ко всем сложностям прибавилась обида, что В.В. не прилетел на похороны Одиль Версуа.

Не нам судить о тайных движениях души другого: с одной стороны, куплен билет в Париж на 29 июля, а с другой — и примерно в это же время — попытка обвенчаться с Оксаной... Но обо всем этом — позже.

13 июня три телефонных разговора: Париж, Польша, Ижевск.

Ижевск: продолжается процесс, и среди обвиняемых — Высоцкий. Польша: у жены Янковича, Барбары, нет советской визы — надо уезжать. И разговор с Мариной — скорее всего, попытка загладить вчерашнее впечатление. Возможно, именно тогда Марина сказала — «разведусь».

13 или 14 июня — ссора с А.Федотовым.

Илья Порошин: «Володя был во Франции — в последний раз. Мы жили у него — отец, я и Анатолий Павлович. (Жила еще Б.Немчик. — *В.П.*) И пропали две коробки кассет — или Володе так показалось...

— А-а! Вечно у меня все тащат! Пошли вон из моего дома!

Орал на Федотова... А потом сам ему звонил — извинялся. Выяснилось, что он отдал их кому-то...»

В.Янклович: «Да, он поругался с Толей... И Федотов несколько дней не появлялся. Володя же сам позвонил:

— Толя, приезжай... Я не могу без тебя.

Он действительно не мог без Федотова».

Федотов тоже вспоминал об этом: «Володя потом позвонил:

— Толян, приезжай. Ну чего не бывает между друзьями!»

Дело в том, что Высоцкий уже многое забывает — может полчаса искать ключи, которые лежат у него в кармане... Но с другой стороны, Марина Влади пишет, что много французских дисков В.В. «увели» прямо из квартиры...

«Конечно, Высоцкий никого не предал и не продал — честь ему и хвала за это, но наркотики разрушают не только память...» (А.Макаров).

В.Янклович: «Он мог Марине одно сказать по телефону — поворачивался и нам говорил другое: Оксане — одно, мне — совершенно другое...»

Оксана: «Вообще, это время жуткого вранья. Володя врал Марине. Мы врали ему и друг другу: да, вроде бы состояние ничего...»

14 или 15 июня Оксана улетает в Сочи... «Когда Володя вернулся, почти все время он был в плохом состоянии. Тогда он отправил меня отдыхать, и я улетела на юг. Прилетела, пошла звонить в Москву. К телефону подошел Янклович, и я сразу понимаю, что все плохо:

— Володе плохо. Бери билет и возвращайся.

Я сразу же села в поезд».

(Вполне возможно, что это было немного позже.)

Сразу после возвращения из Франции у Высоцкого появляется идея — уехать к Вадиму Ивановичу Туманову, там забраться в тайгу и еще раз попытаться «выскочить». Все-таки на юге Франции он продержался неделю без наркотиков, — смог продержаться... В.Янклович: «Была еще одна — тоже неудавшаяся попытка. Володя говорит:

— Я знаю, что надо делать, чтобы вылечиться. Вадим поставит мне домик в тайге, у озера. Вот там я «выскочу».

В.Шехтман: «Была такая договоренность... Володя улетает к Вадиму и запирается в этом домике с врачами. Туманов этот домик уже приготовил».

В знаменитой золотодобывающей артели «Печора» готовятся к приезду Высоцкого — на вертолете в тайгу забросили дом, поставили, правда, не на берегу озера, а на берегу реки... Коптят колбасу, где-то достают — на всякий случай — шампанское. Как сказал мне один из старателей «Печоры»: «Все знали, что приедет Высоцкий. Ждали».

Но, собственно, попытки улететь начались в самом конце июня — в начале июля, а пока...

Оксана: «И с приезда началось... Практически ни дня Володя не бывал трезвым. Если и был, то один какой-то день. Он все время был в каком-то болезненном состоянии. Все время что-то болит — то рука, то нога... То есть очень больной человек... И тем не менее были и концерты, и спектакли... Как он работал, я не представляю».

Снова начинается воспалительный процесс в ноге. Б.Немчик: «Володя приехал в очень плохой форме. Потом стало немного лучше — были спектакли, концерты... Но в принципе, до моего отъезда во второй половине июня — все было плохо.

Однажды я сидела в кабинете и собирала свои вещи. Володя вошел и с отчаянием сказал:

— Ты знаешь, мне ничего не осталось кроме пули в лоб.

Я начала возражать, но он меня перебил:

— Ты же сама прекрасно все понимаешь...

У него было просто страшное лицо. И тогда я поняла, что приближается конец».

В те же дни, 16 или 17 июня, «кефлекс», который Барбара получила в американском посольстве, очень помог Юрию Петровичу Любимову. Зачем Высоцкий заехал к Любимову, неизвестно. Может быть, он уже знал, что на неделю уезжает в Калининград, и хотел предупредить Юрия Петровича?

Ю.Любимов: «Я очень сильно болел, и так случилось, что моя жена с сыном были в Будапеште (моя жена — венгерка). Я был один и лежал с очень высокой температурой — за сорок. И был в полубессознательном состоянии, но слышу — кто-то настойчиво звонит. Я по стенке, по стенке долго-долго шел. Звонит еще — знал, видно, что я дома, и думает — почему не открываю? Я открыл, зашел Владимир. Увидел меня в таком состоянии и говорит:

— Как же так? Вы — один?

— Ничего, ничего... Я как-нибудь отосплюсь, Володя.

— А что у вас?

— Не знаю, просто температура очень высокая.

Но Владимир увидел, в каком я состоянии, сказал: «Подождите» — и уехал. Я даже не помню, сколько времени его не было.

Привез мне какой-то сильный антибиотик. И я глотал это лекарство через каждые четыре часа. Действительно, через два дня температура спала».

Между тем Игорь Шевцов добивается утверждения Высоцкого режиссером-постановщиком фильма «Зеленый фургон».

И.Шевцов: «Наконец, стало известно, что главное решено — его готовы утвердить режиссером. Он вернулся, я позвонил ему и сказал, что он утвержден.

— Нет, ты скажи, ч т о они утвердили? Сценарий или меня, как режиссера? — *допытывается он.*

— Сценарий как раз требует доработки, а тебя утвердили. Так и стоит в плане «Экрана» — режиссер Владимир Высоцкий.

Он был удовлетворен, но особого энтузиазма не высказал. Просил разыскать его через несколько дней, когда он вернется в Москву из какой-то поездки».

Дело в том, что Высоцкий встретил в Доме кино администратора Владимира Гольдмана. Гольдман проводил в Калининграде концерты ансамбля «Земляне» (с 18 по 22 июня) и предложил В.В. принять участие в этих гастролях. С Высоцким полные сборы были гарантированы. У В.В. довольно большие долги, — и он соглашается.

Перед отъездом еще одна встреча — с Артуром Сергеевичем Макаровым: «Я помню наш последний разговор перед его поездкой в Калининград. *Володя подробно выспрашивал меня про деревню, в* которой я живу. Какой дом, далеко ли от дороги? Потом сказал, что нам надо серьезно поговорить». Высоцкий ищет запасной вариант, если что-то не получится у Туманова...

В июне Высоцкий читает одну из очень немногих публикаций о себе. В майском номере журнала «Аврора» появляется статья В.Смехова «Мои товарищи — артисты», где в главе «Владимир Высоцкий» есть такие слова:

«Высоцкий — дитя стихий, я не видел второго такого же по выносливости. Он неутомим, как горная река, как сибирская вьюга, и это не метафора, увы! — он так же беспощаден к себе в работе, как и упомянутые явления природы. Только ему это дороже стоит — жизни и здоровья...

Сталкиваясь с актерами в таганском «быту», иногда теряешь меру отсчета. *Легко поддаться мелководным, растительным придиркам...* Ну зачем он ерничает, зачем неспокоен, зачем меняет друзей на фаворитов, зачем так подозрителен и грубоват, а вот уже и неблагодарен, забывчив... Но стоит ему взять в руки гитару... Но стоит ему начать что-то рассказывать...»

О том, как прореагировал на статью Высоцкий, есть несколько мнений. Сам В.Смехов говорил, что В.В. сразу же позвонил сыну, чтобы тот купил несколько экземпляров журнала... Или даже так: скупай все!..

Другой отзыв от Валерия Плотникова, которому, по словам В.Смехова, «за несколько дней до 25 июля поэт бодро ответил (на вопрос: как понравилось): «Приятно о себе читать не на латинском шрифте»...»

Хотя Вениамин Смехов не скрывает, что в последние годы они с Высоцким «разлетелись»...

Публикация Смехова, разумеется, не была первой — не будем перечислять другие, но в 1980 году Высоцкий читал еще одну статью — Вайля и Гениса — о себе, которая была опубликована двумя годами раньше в эмигрантском издании «Время и мы» (№36, 1978) и называлась «Шампанское и политура». Фрагменты статьи перепечатаны в альманахе «В.Высоцкий· все не так» (М., 1991). Приведем несколько отрывков:

«Высоцкий, хрипя и рвя струны, изобрел небольшой, но очень производительный станочек для печатания самых подлинных ассигнаций. И как-то забылся — ручка вертится легко, педаль не тугая, мотор поет — и ненароком наводнил рынок. Началась инфляция...

Раздается по Советскому Союзу намекающий рев вместо смеха, и слабеют колени школьников, и напиваются студенты и учащиеся, и переглядываются доктора наук...»

Но с другой стороны, «в лучших песнях Высоцкого — подлинное гражданское отчаянье, глубина понимания жизни и любовь к ней».

Вспоминает В.Янклович: «Володе дали статью этих ребят. Мы ехали на машине, он остановился около Белорусского вокзала. Прочитал. Он же читал очень быстро...

— Ничего-то они не понимают, — сказал Володя».

17 *июня* — Высоцкий разговаривает с Романом Фрумзоном. Он пообещал Фрумзону что-то сделать, но не сделал. В Янклович помнит, что Роман звонил перед этим и говорил: «Что, он меня мальчиком считает?!» Звонил и Шемякин — Высоцкий обещал сделать памятник его отцу (то есть заказать, кажется у Церетели), но тоже не сделал. Шемякин разговаривал с В.Янковичем.

18 июня утром Высоцкий вместе с Гольдманом вылетает в Калининград. В этот же день — телефонный разговор с Польшей. Скорее

всего, В.В. разговаривал с Ольбрыхским. В.Янклович: «Володя отправил Барбару в Польшу... Ольбрыхский принимал участие, доставал валюту».

Б.Немчик: «Володя попросил Ольбрыхского помочь мне достать советскую визу. Ведь меня просто выгнали из Союза, хотя я должна была работать на Олимпиаде для американского телевидения. Я уехала в Краков к своим друзьям, Ольбрыхский позвонил мне и спросил, в чем он может помочь... Но он не смог ничего сделать. Никакого разговора о деньгах не было, я получала свою стипендию и в России, и в Польше».

Но проводил В.В. Барбару накануне вечером (т.е. 17 июня). Б.Немчик: «Я уезжала... Даже точно не помню когда — 15 июня или позже... Володя меня провожал. Но поехать на машине он не смог. Вызвали такси. Приехали на вокзал, было немного неудобно — Володю все узнавали, а он был в плохой форме».

С 18 по 22 июня последние гастроли Высоцкого.

Проводил гастроли Владимир Гольдман; вел концерты, но не с самого начала — хороший знакомый В.В., актер и режиссер — Николай Тамразов. Высоцкий сам попросил его об этом.

Вспоминает Н.Тамразов: «Володя уезжает в Калининград. Утром мне звонит Володя Гольдман и говорит:

— Коля, Володя говорит, что хорошо бы Тамразочку сюда пригласить, но ты же, наверное, не сможешь — Олимпиада...

Еще он сказал, что у Володи болит горло, он даже собирается отменять концерты... В общем, настроение неважное:

— Если сможешь — приезжай.

Я не очень удивился, что Володя хочет меня видеть, — ему было легко со мной. Во всяком случае, я старался, чтобы ему было легко...

В пять часов вечера того же дня я уже в Калининграде. Прилетаю, беру такси, еду во Дворец спорта. На сцене стоят «Земляне», а Высоцкого еще нет...

(Тамразов берет инициативу на себя — выходит на сцену и заполняет паузу: «Земляне» закончили, а Высоцкий опаздывал...)

Я начал что-то говорить об авторской и эстрадной песне... К этому времени я уже столько наездил с Володей, что половину его «литературы» знал наизусть.

Говорю, говорю... Слышу за кулисами голос Высоцкого. Оглядываюсь: стоит Володя с совершенно невообразимым лицом! Вчера вечером он подумал обо мне и сказал об этом вслух Гольдману, а сегодня вечером я уже стою на сцене. Мистика! Володя без гитары вышел на сцену, мы расцеловались. Потом я вынес гитару. Все прошло нормально».

Концертов было много. Высоцкий работал на двух стационарных площадках — во Дворце спорта и в кинотеатре «Россия». Были еще и выездные концерты.

Один из поклонников Высоцкого слушал три концерта подряд из-за кулис Дворца спорта: «Между концертами приезжала «скорая» — делали уколы. На сцене стоял весь мокрый... Все время врачи в белых халатах. Было много цветов, на одном из концертов Высоцкий сказал:

— Вы меня завалили цветами, как братскую могилу».

Конечно, В.В. держался на наркотиках... Московские запасы быстро кончились, возможно, что-то доставал Тамразов:

«Как человек, все понимающий, я помогал ему в каких-то ситуациях, но... В Калининграде мы свели дозу до одной ампулы... Не хватало... Володя мне говорил:

— Я покончу с собой! Я выброшусь из окна!

Я отвечаю:

— Ну нет, Володя, нет у меня. Можешь что хочешь делать — нет.

И Марина эта была ему нужна поэтому... У нее муж был врач, и она могла что-то доставать...»

В.Гольдман: «Там была одна женщина — Марина, очень красивая... Я знал ее по Ленинграду. У нее муж работал врачом, и она сказала:

— Могу помочь.

Она очень хотела познакомиться с Высоцким. Я пошел к Володе, он говорит:

— Накрывай обед».

Там же, в Калининграде, Марина попросила своего мужа посмотреть Высоцкого, и он сказал, что В.В. жить не может в таком состоянии, а не только выступать. «Живой мертвец». Но тогда он сказал об этом, разумеется, только жене.

В Калининграде Высоцкий живет в трехкомнатном «люксе», все это время вместе с ним Николай Тамразов. «При мне у него была однажды — как бы это назвать — удивительная ситуация... Бреда?.. Удивительного бреда. Я уже говорил, что мы жили в одном номере. Володя лежит на кровати, нормально со мной разговаривает, потом вдруг говорит:

— Ты хочешь, я тебе расскажу, какой чудак ко мне приходит?

— Ну давай.

Нормальный разговор: вопросы — ответы... И вдруг — это...

— А что тебе рассказать? Как он выглядит?

— Ну расскажи, как выглядит.

Володя кладет голову на подушку, закрывает глаза и начинает рассказывать... Какие у него губы, какой нос, какой подбородок...

— Ну как — хороший экземплярчик меня посещает?

Совершенно спокойно он это говорит. Потом я попросил продолжения. Мне было интересно: он фантазирует или это на самом деле? Непонятно, как это происходит. Я закрою глаза — и могу надеяться только на свою фантазию. А он — видел! Через некоторое время спрашиваю:

— А «этот» еще не отстал от тебя?

— Сейчас посмотрим.

Снова закрывает глаза и продолжает описывать с той точки, на которой остановился. Володя мог с «ним» разговаривать!

— Сейчас он мне говорит... А сейчас спрашивает...

Открывает глаза, и мы продолжаем разговор. Про уход из театра, про желание создать театр авторской песни. Идет нормальное развитие темы... Я снова его спрашиваю:

— А «этот» где?

Володя лежит на боку, теперь ложится на спину, закрывает глаза.

— Здесь. Порет какую-то ахинею.

Один раз я это видел...»

На эту же тему в воспоминаниях М.Шемякина: «Володя ведь многое не говорил. А у него начиналось раздвоение личности... «Мишка — это страшная вещь!, когда я иногда вижу вдруг самого себя в комнате!»

Несколько по-другому говорит об этом В.Янклович: «С полной ответственностью за свои слова утверждаю, что Володя мог общаться с какими-то потусторонними силами, о которых знал только он... Иногда он, лежа с открытыми глазами, говорил мне:

— Подожди, подожди...

И совершенно отключался от реальности».

Между тем гастроли в Калининграде подходят к концу.

В.Гольдман: «Мы отработали четыре дня, на пятый — перед последним концертом — Володя говорит:

— Я не могу. Не могу больше работать.

А потом спрашивает:

— А тебе очень нужно?

— Володя, откровенно говоря, — надо. Если ты сможешь... Пять тысяч человек приехали из области...

— Ну ладно, я буду работать, только без гитары.

— Хорошо, гитару оставляем здесь.

На сцену вышел Коля Тамразов и сказал, что Владимир Семенович Высоцкий очень плохо себя чувствует:

— Петь он не может, но все равно пришел к вам. Он будет рассказывать и читать стихи. Вы согласны?

Все:

— Конечно!

И впервые Володя работал концерт без гитары: час стоял на сцене и рассказывал».

Об этом же рассказывает Н.Тамразов: «Ситуация перед последним концертом такая... У Володи совершенно пропал голос: не то что петь — разговаривать он мог с трудом. Все-таки выходит на сцену, берет первые аккорды... Затем прижимает струны, снимает гитару и говорит:

— Не могу... Не могу петь. Я надеялся, что смогу, поэтому и не отменил концерт, но не подчиняется голос. Но вы сохраните билеты. Я к вам очень скоро приеду и обещаю, что первый концерт будет по этим оторванным билетам. Я буду петь столько, сколько вы захотите.

Кто-то из зала крикнул:

— Пой, Володя!

— Вот видит Бог, не кобенюсь. (Это его слово — «не кобенюсь».) Не могу.

Потом он как-то естественно перешел к рассказу о театре... Стал читать монолог Гамлета, потом стал рассказывать о работе в кино, о том, что сам собирается снимать «Зеленый фургон» на Одесской студии... Пошли вопросы, Володя стал отвечать. И вот целый час он простоял на сцене: рассказывал, читал стихи, отвечал на вопросы... Вечер был просто неожиданным. К сожалению, не было записи, я потом узнал об этом».

Во время этого последнего концерта за кулисами происходили «драматические» события. В.Гольдман: «А с нами в Калининграде работали «Земляне»... И они должны были заканчивать концерт. Володя — на сцене, а они за кулисами стали бренчать на гитарах. Я подошел, сказал:

— Ребята, потише, Владимир Семенович плохо себя чувствует.

Раз подошел, второй, а один сопляк говорит:

— Да что там... Подумаешь, Высоцкий?!

— Что?! Ах ты — мразь! Ничтожество! Если услышу хоть один звук!

И только я отошел, он снова — дзиньк! Я хватаю гитару и ему по голове! А они все четверо человек — молодые, здоровые жлобы — накинулись на меня. Я один отбиваюсь от четверых этой гитарой... Тут Коля Тамразов спускается по лестнице, увидел, бросился ко мне!

— Сейчас Высоцкий скажет в зале только одно слово — от вас ничего не останется!

Ну, тут они опомнились, разбежались...»

О том, как закончился концерт, есть два, почти совершенно противоположных, рассказа. Один — слегка беллетризированный — Николая Тамразова:

«Володя закончил словами из песни: «Я, конечно, вернусь...» Зал скандировал: «Спасибо! Спасибо!»

Володя уходил со сцены, еще не дошел до кулисы — вдруг в зале зазвучала его песня! Это радисты включили запись. Володя — ко мне:

— Тамразочка, это ты срежиссировал?

— Нет, Володя, я здесь сижу.

Володя вернулся к кулисе, нашел щелку и, наверное, песни три, не отрываясь, смотрел в зал. Потом подошел ко мне — в глазах чуть ли не слезы.

— Тамразочка, они все сидят! Они все сидят!

Действительно, ни один человек не ушел, пока звучали песни Высоцкого».

И вторая версия, она принадлежит человеку, который в этот день побывал на всех концертах Высоцкого.

«На последнем концерте Высоцкий не пел, много рассказывал о театре, о себе... Читал стихи. Потом стал отвечать на вопросы... И вдруг какая-то записка. Он повернулся и ушел со сцены».

По некоторым сведениям записка была следующего содержания: «Кончай трепаться — пой!»

Косвенно это подтверждает и Н.Тамразов:

«После этого последнего концерта нам принесли угря — здоровый, жирный. Горничная сварила картошки. Сидим, едим — пальцы жирные... Заходят люди:

— Владимир Семенович, мы просим прощения, что некоторые в зале кричали: «Давай пой!» И мы здесь не одни...

Мы посмотрели в окно, там стояла целая делегация».

В этот день, 22 июня, в Москве В.П.Янклович идет к отцу В.В. — Семену Владимировичу Высоцкому.

В.Янклович: «В Калининграде Володе было очень плохо. Каждую ночь он мне звонил — с Володей были Гольдман, Тамразов и еще кто-то... Я иду к отцу и рассказываю ему все... Что мы были у врача и тот сказал, что Высоцкому осталось жить два месяца. Единственный выход — Володю надо как-то изолировать.

(Для того чтобы попасть в такую специальную больницу, нужно разрешение близких родственников. — *В.П.*)

Семен Владимирович говорит:

— Все! Я берусь за это дело! Он приедет, и я с ним поговорю! И пусть Володя на меня не обижается. Буду действовать — вот Эдит Пиаф погибла из-за этого. Я все возьму на себя!

При моем разговоре с отцом присутствовала Евгения Степановна...

Из Калининграда приезжает Володя. Я говорю:

— Вот отец берет на себя ответственность... Мы положим тебя в больницу. Тебе надо в больницу.

Мне на всю жизнь запомнилось, что тогда сказал Володя:

— Валера, я тебя предупреждаю. Если ты когда-нибудь подумаешь сдать меня в больницу — в каком бы состоянии я ни был, — считай, что я твой враг на всю жизнь. Сева попытался однажды это сделать. Я его простил, потому что — по незнанию.

И тут же звонит отцу по телефону. Говорит с ним в довольно резкой форме. Через некоторое время приезжает отец и разговаривает с Володей как-то смущенно, совсем в другой тональности, чем со мной.

— Да что ты, Володя... Я и не собирался...

Тут я понял, что и отец ничего не сможет сделать».

За концерты в Калининграде В.В. получил шесть тысяч рублей. Марине он пообещал устроить пробы в кино. На прощание она подарила В.В. янтарный ромб, который должен храниться в квартире на Малой Грузинской, если только не исчез — среди некоторых других вещей — в день смерти.

23 июня — день, насыщенный событиями — и драматическими, и трагическими.

Н.Тамразов: «Мы вернулись в Москву... Нас встречал в аэропорту Валера Янклович. Они завезли меня домой — я тогда жил на улице 26 Бакинских Комиссаров — зашли ко мне. На кухне Володя взял два грецких ореха, раздавил в кулаке, стал есть. Говорит мне:

— Я уезжаю в тайгу к Вадиму Туманову. Много накопилось работы».

Высоцкий и Янклович едут на Малую Грузинскую.

В.Янклович: «Володя приезжает из Калининграда... А два месяца, «отпущенные врачом», уже прошли. Дома Володя говорит мне с усмешкой:

— Ну что? Где же ваши врачи?»

(Напомним, что еще в марте 1980 года В Янклович со слов В.Абдулова передал Высоцкому мнение знакомого врача, будто В.В. осталось жить не более двух месяцев.)

Оксана: «Из Калининграда он приехал уставший, злой...»

Пытается помочь и Евгения Степановна Высоцкая:

«В июле я сама позвонила Володе:

— Ну Володя, надо лечь в больницу!

— Нет, тетя Женя. Лягу — снова продержат месяц, как тогда...

Тогда я каждый день ходила, потом прилетела Марина... Не любил — боялся больниц...»

23 июня умерла сестра Марины Влади — Татьяна (Одиль Версуа). Звонит рыдающая Марина, и Высоцкий готовится вылететь в Париж.

Марина Влади: «Наши тяжелые телефонные разговоры, твои многодневные отсутствия (В.В. не предупредил, что уезжает в Калининград? — *В П*) и потом 23 июня — смерть Одиль, мой крик о помощи, твое желание приехать меня утешить, преступный отказ в визе — и ты падаешь в пропасть».

Михаил Шемякин: «Я вам расскажу такой эпизод... У Марининой сестры — Танюши был рак крови. Она боролась восемь лет. А я уже просто боялся за Володю И однажды... Я работаю ночью, укладываюсь спать под утро. И вот однажды меня будит супруга:

— Миша, проснись!

Раз будит, значит, что-то экстраординарное. Я спросонья вылетел из кровати и сразу заорал:

— Володя?!

Она говорит:

— Нет-нет. Володя жив. Танечка умерла. Надо ехать в госпиталь».

Ревекка Шемякина: «Когда умерла Татьяна, мы все вместе хоронили ее... Мы с Мишей ездили в больницу, где она умерла, и на похороны. Марина все время повторяла:

— Господи! Хоть бы Володька не умер! Хоть бы не умер...

Меня поразило, что она т а к это говорила... Наверное, у нее было какое-то предчувствие...

Таня была удивительная женщина. По-моему, она болела лет семь-восемь и знала, что обречена. Ходить уже не могла — передвигалась на костылях — и еще играла в театре! Ей делали какие-то сильные уколы, и она играла!

Марина рассказывала, что последнюю ночь они с Татьяной провели вместе — лежали рядышком, обнявшись...»

В.Янклович: «У него все было — и виза была, и билет был заказан... Не полетел он на похороны Одиль Версуа, потому что не было наркотиков. А еще он боялся встречи с Мариной — все это время жил на грани... Поэтому он и говорил:

— Марина мне не простит двух вещей: не полетел на похороны Татьяны, и что у меня — Оксана...»

Нина Максимовна Высоцкая узнает о смерти Одиль Версуа в Польше. По польскому телевидению показали фильм с ее участием.

В июне и июле — до самой смерти — В.В. очень часто общается с Валерием Нисановым, который живет несколькими этажами выше. Валерий Натанович Нисанов — известный фотохудожник, автор прекрасных портретов В.В. и замечательного фоторепортажа о его похоронах.

В.Нисанов: «Однажды Володя зашел ко мне — это было в конце мая, начале июня... А у меня на стене висят фотографии, на одной из них я снят вместе с Левой Кочаряном. Володя остановился перед этой фотографией и долго-долго стоял и смотрел...

Не знаю, что между ними когда-то произошло, но у Володи вдруг полились слезы... И потом началась истерика, самая настоящая истерика!

И вот с этого дня Володя почти каждый день бывал у меня — два месяца мы практически не расставались. Иногда общались круглые сутки: он не спал, и я не спал. Да и никто не спал».

Вначале о Кочаряне. Левон Суренович Кочарян — один из самых близких старших друзей Высоцкого. В его квартире на Большом Каретном собиралась знаменитая компания, о которой В.В. часто рас-

сказывал на концертах, особенно в последние годы. Кочарян был, пожалуй, первым человеком, который высоко оценил ранние песни Высоцкого, именно он стал записывать их на магнитофон. Легендарная «золотая пленка Кочаряна» до сих пор хранится у его вдовы Инны Александровны Кочарян. Кочарян долго болел — Высоцкий ни разу не был у него в больнице... Не было Высоцкого и на похоронах, где собрались все его друзья по Большому Каретному. Ни друзья, ни вдова Кочаряна не простили это Высоцкому. Инна Александровна просто не пустила его в дом. Наверное, В.В. после этого вообще больше не бывал на Большом Каретном.

Конечно, Высоцкий чувствовал свою вину.

В.Янклович: «Мы как-то ехали с Володей мимо больницы, в которой умер Кочарян... Смотрю, у Володи полились слезы».

Почему Высоцкий не был на похоронах Кочаряна? Есть несколько объяснений разных людей, сам В.В. никогда не говорил об этом.

Когда умер Шукшин, Высоцкий был в Ленинграде. Улетел в Москву на похороны. Вернулся, по словам Демидовой, — злой. Есть устойчивое мнение, что на похоронах его не было. Во всяком случае, его там не видели. А с другой стороны, недавно из Болгарии пришла пленка с домашним концертом Высоцкого. Там он рассказывал о похоронах Шукшина, как очевидец...

В день похорон Кочаряна Высоцкий был в Москве...

Л.Утевский — тоже житель знаменитого дома на Большом Каретном, друг и Высоцкого, и Кочаряна: «Мы знали, что Володя в Москве. Но на похороны Левы он не пришел».

В.Высоцкий (домашняя запись в болгарском городе Велико-Тырново, сентябрь 1975 года): «Я вообще не ходил: ни когда он (Л.Кочарян. — *В.П.*) болел, ни в больницу, ни на панихиду — никуда. Я не мог вынести: что он — больной».

Подробно обо всей этой ситуации рассказывает — и, главное, приводит слова самого В.В. — Э.Кеосаян, режиссер фильма «Стряпуха»:

«Лева умер. Володя на похороны не пришел. Друзья собирались в день рождения и в день смерти Левы. Повторяю, я — человек восточный и очень ценю эти жесты. Володя в эти дни не приходил на Большой Каретный. и я долго не мог ему этого простить. И избегал встречи с Володей, даже когда бывал на спектаклях в Театре на Таганке.

И вдруг мы столкнулись с ним в коридоре «Мосфильма». Володя спрашивает:

— Кес, в чем дело? Скажи мне, в чем дело?

— Сломалось, Володя... Я не могу простить — ты не пришел на похороны Левы. Я не могу...

— Ты знаешь, Кес... Я не смог прийти. Я не смог видеть Леву больного, непохожего... Лева — и сорок килограммов весу... Я не смог!

Вы знаете, Володя был очень искренним, и все слова были его собственные.

Не сразу, через некоторое время, я все же понял Володю и простил...»

Но вернемся на Малую Грузинскую в июнь 1980 года. Почему такое тесное общение именно с Нисановым? Оксана: «Во-первых, Валера был соседом. Во-вторых, Валера — человек очень спокойный, обстоятельный, располагающий к общению. А потом, в это время Володя вообще не мог быть один. А в последнюю неделю он и ездить-то почти не мог... Поэтому часто сидел у Нисанова».

В.Шехтман: «Валера этим летом всех своих отправил на дачу, жил один. Володя часто туда поднимался. Но не каждый день».

Оксана: «Володя и спал у Нисанова... Валера даже сделал такие фотографии: Володя спит, а я сижу рядом... Видно, что по телевизору идет Олимпиада».

К сожалению, Валерий Натанович Нисанов пока не публикует эти фотографии. Вот еще одна деталь тех июльских дней.

В.Нисанов: «Володя часто ставил свою французскую пластинку, сидел и слушал...»

В.Янклович: «Сближение с Валерой Нисановым? Время было такое — приближалась Олимпиада, все каналы перекрылись. Врачи говорят, что все наркотики под особым контролем... А у Валеры всегда было шампанское и водка. Конечно, он все знал и старался не давать...

Однажды Володя подходит к нему, уже в плохой форме... Валера говорит:

— А у меня ничего нет...

Володя открывает холодильник, а морозилка вся забита бутылками водки — горлышки торчат. Он посмотрел-посмотрел:

— Да, действительно, ничего нет».

А.Федотов: «У Валеры всегда было... Если Володю прижимало, он всегда выручал. Иногда это необходимо...»

В.Нисанов: «Однажды Володя наливает в фужер — а у меня были такие: большие, по 500 граммов — бутылку водки. И р-раз! Залпом. А Валера Янклович увидел — он же его охранял от этого дела — и говорит:

— Раз ты так! Смотри — и я!

И себе в фужер. Выпил — и упал».

А.Федотов: «В это время Володя стал очень сильно поддавать... Бутылку водки — в фужер! И пару шампанского за вечер.

Ушел в такой запой, — никогда его таким не видел...

— Володя, да брось ты это дело!

— Не лезьте! Не ваше дело!

Было такое ощущение, что у него отсутствовал инстинкт самосохранения».

29 июня — «Гамлет».

Оксана: «Через несколько дней после приезда у Володи был спектакль. И это время, по-моему, Володя был в норме... Собирался к Туманову, были такие разговоры, что надо кончать с наркотиками, что это невыносимо. А это, действительно, было невыносимо!

И вот приезжает эта Марина из Калининграда с портретом, который теперь висит в квартире. По-моему, Нина Максимовна его повесила. Я открываю дверь... Кажется, она привезла еще баночку меда. Я говорю:

— Минуточку, подождите здесь.

Ну откуда я знаю, кто она такая, — там сумасшедших ходила тьма. Я захожу к Володе:

— Там пришла какая-то Марина из Калининграда, говорит, что к тебе. На что Володя отвечает:

— Не пускай!

Вот и все... А то говорили, что я ее выгнала. Получается, что я какая-то злодейка.

А на следующий день в театре я встречаю маленького Илюшу, и он мне говорит:

— А ты знаешь, у Володи в Калининграде была Марина... Вот как ты у него в Москве, так она — в Калининграде...

И это говорит мне десятилетний мальчик! Ну, я сделала вид, что все нормально, но стою и жду Володю. Пятнадцать минут, двадцать минут, тридцать минут... И уже собралась уходить. Вдруг появляется Володя, и я ему говорю:

— Где ты был?

— Да ты знаешь, пришла эта Марина из Калининграда...

— Ах так! Вчера ты ее не пустил, а сегодня в театре принимаешь! Я с тобой не поеду.

Значит, иду я, а Володя на машине едет за мной.

— Да не поеду я с тобой!

То есть нормальная сцена ревности... А потом я все-таки села в машину, и весь вечер у нас были «разборки». Володя мне рассказал, кто она такая, что у нее муж — врач, что все это фигня. В общем, мы помирились.

А на следующий день... Тогда мы с друзьями снимали такой любительский триллер, на любительскую, естественно, кинокамеру. Все было очень серьезно и очень смешно. Нас была целая банда, снимали мы все это на улице, и Володя там снимался. Он играл мрачного водителя «Мерседеса».

Подошел милиционер, спрашивает:

— А что это вы здесь снимаете? Здесь нельзя! Отдайте пленку!

Пленку мы ему не отдали, но он чуть не отобрал у нас камеру.

А потом мы поехали к американскому посольству — действие нашего фильма происходило за границей, нужна была соответствующая натура — и стали снимать стоящие там иномарки. Нас тут же остановили — уже американцы не хотели, чтобы их снимали.

И мы веселились со страшной силой... Ну да, почти весь год был мрак и кошмар, но были же и такие дни».

ИЮЛЬ
1 — 18 ИЮЛЯ

1, 2, 3 июля по первой программе Центрального телевидения — премьера фильма «Маленькие трагедии».

Режиссер Михаил Швейцер вспоминает: «Приступая к работе над «Маленькими трагедиями» Пушкина, я решил, что Дон Гуана должен играть Высоцкий. Не буду говорить сейчас об этом сколько-нибудь подробно, но мне кажется, что Дон Гуан — Высоцкий — это тот самый Дон Гуан, который и был написан Пушкиным. Для меня был важен весь комплекс человеческих качеств Высоцкого, которые должны были предстать и выразиться в этом пушкинском образе. И мне казалось, что все, чем владеет Высоцкий как человек, все это есть свойства пушкинского Дон Гуана. Он поэт, и он мужчина. Я имею в виду его, Высоцкого, бесстрашие и непоколебимость, умение и желание взглянуть в лицо опасности, его огромную, собранную в пружину волю человеческую, — все это в нем было. И в иные минуты или даже этапы жизни из него это являлось и направлялось, как острие шпаги.

...Чтобы получить нужную, искомую правду личности, нужен был актер с личными качествами, соответствующими личным качествам Дон Гуана, каким он мне представлялся. Понимаете, пушкинские герои живут «бездны мрачной на краю» и находят «неизъяснимы наслажденья» существовать в виду грозящей гибели. Дон Гуан из их числа. И Высоцкий — человек из их числа. Объяснение таких людей я вижу у того же Пушкина:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
БЕССМЕРТЬЯ, может быть, залог!

То есть для этой работы, для этой роли колебаний никаких не было. Высоцкий был предназначен для нее еще тогда, когда мы впервые собирались эту вещь ставить — в 72-м году, лет за шесть-семь до этого фильма».

Сам Высоцкий подробно говорил об этом фильме на одном из концертов:

— «Маленькие трагедии» — это тоже для телевидения, три серии, — но это настоящий кинематограф. Делал картину Швейцер, очень интересный режиссер, он всегда хорошо думает. У него в мозгах очень все оригинально складывается.

На мой взгляд, Швейцер очень бережно отнесся к Пушкину и сделал изумительный монтаж из четырех трагедий и пушкинских стихов — с прологом разговора Беса и Мефистофеля. Получилось единое произведение, единая пьеса, — ему удалось осуществить это через Импровизатора, которого играет Юрский. Впрочем, так оно и было на самом деле: Пушкин написал все эти маленькие трагедии в одно время, в знаменитую Болдинскую осень — одним духом. То есть это из него вылилось, как будто бы разные акты одной пьесы. Вероятно, и нужно их читать как единую пьесу и так к этому относиться, что это одно и то же — только разные стороны, разные грани характера Александра Сергеевича.

Я должен был играть две роли: Мефистофеля и Дон Гуана. Хотя для меня роль Дон Гуана была в диковинку. <...> Ведь лет десять назад они, конечно, предложили бы эту роль Тихонову или Стриженову. Я понимаю, что на Черта, на Мефистофеля я подхожу. А с этим — не знаю. Потом подумал: почему, в конце концов, — нет? Почему Дон Гуан должен быть обязательно, так сказать, классическим героем?

Во всяком случае, были очень интересные пробы, я не в силах был от этого отказаться. Хотя, честно говоря, хотел уже больше не играть...

По-моему, «Каменный гость» — одно из самых интересных произведений Пушкина. Он написал это про себя. Он же сам был Дон Гуаном до своего супружества, до того как из разряда донжуанов перешел в разряд мужей. В этой трагедии он сам с собой разделался, с прежним. Сам себе отомстил. Так что все это, мне кажется, очень любопытно читается.

<...> Играли мы очень всерьез, но я не знаю, как нам это удавалось, захватывает это или нет. Когда я смотрел, мне показалось, что картина сделана крепко и интересно. Но это вам судить...»

Это последний фильм Высоцкого и последнее появление его на телевизионном экране, но сам В.В. «Маленькие трагедии» не смотрел.

И.Шевцов: «...Володя даже не видел «Маленьких трагедий» — последней своей картины...

— Ну, «Каменного гостя» я еще видел на озвучании, — сказал он, когда я позвал его на премьеру. Сказал, как будто оправдывался: что можно понять на тонировке?..»

Не смотрел, потому что было много очень важных дел: главное — еще одна попытка вылечиться или хотя бы сделать перерыв... Он уже не просто собирается к Туманову, делает несколько реальных попыток улететь. 29 июня — «Гамлет», на 3 июля намечены два кон-

церта (хотя, вполне вероятно, они могли быть назначены буквально накануне, то есть за день до концертов).

В.Шехтман: «Была такая договоренность... Володя улетает к Вадиму и запирается в этом домике с врачами, — Туманов его уже приготовил. И Володя все время говорил — вот-вот, вот-вот... Едем-едем... У меня уже билеты были. Я раз сдал, второй...»

Хорошо помнит первую попытку улететь В.Янклович: «Мы же тогда поссорились страшно... Купили ему билет, утром Володя должен был лететь. (Вероятно, утром 4 июля.)

— Давайте поскорее! Игорек (Годяев) со мной полетит!

Билет купили, а ночью — скандал!

— Достаньте, и все! (Наркотик.)

— Никуда я не пойду, сейчас никто тебе не даст!

— Тогда я поеду к Бортнику. Он-то даст, если у него есть.

Всегда пугал меня этим, что поедет к Ване.

— Ну поезжай...

Он уехал, ему в какой-то больнице дали, привозит уже пустую ампулу...

— Валера, я тебя очень прошу — завтра утром отвези в больницу. Там же учет.

— Володя, ты стольких людей подводишь! Они же всем рискуют ради тебя!

На следующий день вел себя безобразно... Требовал, швырял книги — искал... Мы иногда прятали от него... Я уехал».

Высоцкий поехал в аэропорт без Янковича — они не виделись два или три дня...

Скорее всего, этот первый «невылет» был 4 июля. Третьего — два концерта: в Люберцах и в Лыткарино. А днем в театре Высоцкого находит Генрих Павлович Падва — адвокат В.В.Кондакова, который защищал интересы В.Высоцкого и В.Янковича на процессе в Ижевске.

Г.Падва: «Закончилось это дело дней за двадцать до Володиной смерти. Я ехал из аэропорта Домодедово, заскочил на Таганку. Я хорошо помню, что Володя торопился на концерт где-то за городом. Мы встретились буквально на мгновение».

«Встретились буквально на мгновение...» Дело в том, что Высоцкий опаздывает на концерт в Лыткарино — торопится и все же не успевает. Концерт он начинает так:

«Во-первых, извините за опоздание. Мы думали, что оно будет очень коротким, но так случилось, что прошло полчаса...»

В конце концерта Высоцкий отвечает на вопросы из зала:

«Болею ли я за «Спартак»? Нет, не болею. Я здоров абсолютно психически. И знаете, у меня была такая песня:

Я прошу, не будите меня поутру,
Не проснусь по гудку и сирене.
Я болею давно, а сегодня помру
На Центральной спортивной арене...

Так как я все делаю до конца, я думаю, что, если бы я болел по-настоящему, я бы помер на каком-нибудь матче...»

Но Генрих Павлович, разумеется, успел сказать главное — Высоцкий и Янклович судом были оправданы: «По ряду эпизодов он (В.В.Кондаков. — *В.П.*) был осужден... Но, к счастью, все, связанное с концертами Высоцкого, было отброшено судом. Было признано, что ничего криминального там не было, и имя Валерия Янковича было полностью реабилитировано. И, естественно, имя Владимира Семеновича».

В.Янклович: «Нас выручило одно обстоятельство, вернее, противоречие в показаниях администраторов... Они говорили, что Высоцкий работу не выполнил, а деньги получил. А требовал заплатить Янклович. (Была такая договоренность, что оплата производится в любом случае — сумеют администраторы организовать зрителей или нет. — *В.П.*)

А противоречие было вот в чем: они утверждали, что считали деньги при мне вдвоем. А на самом деле был только один из них. А нас было двое — Володя и я. И мы говорили, что лишних денег не получали...»

Добавим, что были осуждены на разные сроки заключения еще два администратора, работавшие с В.В., а сам Высоцкий должен был вернуть деньги, полученные за несостоявшиеся концерты в Глазове.

3 июля Высоцкого по телефону разыскивает Юрий Федорович Карякин: «В день, когда шел «Дон Гуан», я даже не знал, что Володя играет. У меня дома была младшая дочка... Я вдруг включил телевизор, обрадовался: совершенно фантастически сыграна роль, — стал ему звонить...

Дозвонился в театр... Дочка попросила билет на «Преступление и наказание»... Спросил: «Володя играет?» По-моему, Леночка — была такая маленькая секретарша: «Нет». Сказала огорченно. Ну, я интонацию понимаю:

— Что, ушел в пике?

— Ну, сами знаете, Юрий Федорович...»

На самом деле Высоцкий собирается к Туманову, а вечером — ссора с Янкловичем. Валерий Янклович уходит с Малой Грузинской и звонит Оксане. Тут надо сказать, что Оксана, скорее всего, ошибается: ее короткая поездка на юг была не в середине июня, а в начале июля. Поэтому она и не знает, чем закончилось дело в Ижевске.

Оксана вспоминает: «Со мной никаких разговоров об этих судах не было. Да и у меня настолько не этим были заняты мозги, что уже ничто внешнее меня не трогало. Все были заняты состоянием Володиного здоровья... Период был очень тяжелый — даже Валера поссорился с ним. Валера позвонил в Сочи, я сразу же вернулась, — и Володя несколько дней был у меня на Яблочкова. Я приехала, Володя лежит, мы собрались и уехали ко мне. Дня два-три он прожил у меня.

Однажды ко мне осторожно постучали в дверь соседи («Мерседес» Высоцкого стоит у подъезда...):

— Оксана, там какие-то хулиганы вокруг Володиной машины крутятся, так мы караул поставили, чтобы не дай Бог...»

Итак, скорее всего, 4 и 5 июля Высоцкий у Оксаны (из квартиры на Малой Грузинской не было ни одного междугородного или международного телефонного разговора). Возможно, там же он проводит первую половину дня 6 июля. Затем — уже вместе с Янкловичем — заезжает на Малую Грузинскую и звонит по делам Барбары Немчик сначала в Польшу, потом в ФРГ... Ссора, если ее можно так назвать, была очень короткой.

«Через день Володя позвонил сам: — Приезжай!» (В.Янклович).

В Польше Барбаре Немчик не выдают советскую визу: «Володя сказал, что уже сделал все... Что в советском посольстве мне дадут визу. Я приехала в посольство, меня принял консул:

— Да, Володя был у нас, рассказывал вашу историю. Если бы вы были в Польше хотя бы 6 месяцев или не было бы Олимпиады... Вот тогда мы могли бы поставить вам визу. Поймите, сейчас я просто не могу.

Володя и Валера все время звонили. А в семье моих друзей не очень любили русских. «А-а-а, москали!» — говорила одна женщина. Но когда я разговаривала с Высоцким, то все бросались ко второму аппарату, чтобы послушать, что он скажет. Володя, наверное, единственный русский, которого в Польше любят все».

Высоцкий решает, что можно попробовать получить въездную визу в ФРГ, и сразу же звонит Роману Фрумзону — некоторое время Барбара будет жить у него...

Около половины шестого вечера 6 июля Высоцкий и Янклович приезжают в Театр на Таганке. Рассказывает Борис Акимов. В этот день он «организовывает» продажу билетов, чтобы они достались только «своим». Вокруг Таганки была такая «система» — группа старых и верных поклонников театра.

«Все наши разошлись. А тогда продажа была с шести. Я стою, ожидаю открытия кассы, уже перекличку провел... И вдруг останавливается машина — не у служебного хода, как обычно, а у выхода из метро — выходят Владимир Семенович и Валерий Павлович. Высоцкий первым делом видит меня, подходит, здоровается. Эти из МАИ (соперники «системы») — в обмороке!

— Ну что стоишь? Пойдем.

— Да мне надо до открытия...

— Пойдем, пойдем...

И мы пошли в администраторскую к Валерию Павловичу... Да, Высоцкий ждал Любимова: зачем — не знаю, но ему нужно было срочно поговорить с Любимовым. Провел меня, побежал к Любимову. Любимова нет. Сидим в администраторской...

А у меня с собой совершенно случайно была сумка с рукописями, которые я наработал за все это время. По-моему, я только что взял все это у машинистки. Я делал три экземпляра: один — Владимиру Семеновичу, один — Крылову и себе.

И мы сели с ним и, наверное, часа полтора отрабатывали все, что я принес. Обычно мы делали так: я приносил, он говорил: «Нет времени — оставляй!» Я оставлял, он делал правку, если было время. А потом отдавал или не отдавал... А тут мы вплотную просидели полтора часа, — к нему все время подходили люди, что-то спрашивали... Он говорил:

— Отстаньте, мы работаем.

Что он мне тогда сказал?.. Он говорил, что у мамы нашел еще рукописи, — теперь у меня лежат. Поедешь — заберешь.

— Хорошо, заберу, но сейчас я не успеваю...

— А ты старые отработал?

— Отработал кое-что...
— Когда вернешь старые, заберешь эти...
— Ну хорошо. Только я приеду 27-го примерно...
— Я буду. А если меня не будет, я все оставлю Валере. Они у меня на столе лежат — целая куча...

Мы сидели до тех пор, пока не начался спектакль, и пока не выяснилось, что Любимова не будет. Владимир Семенович предложил мне поехать с ним, я отказался. Мне надо было собираться в поездку (Б.Акимов работал тогда проводником поездов дальнего следования). Назавтра я уехал.

Рукописи я так и не забрал. Видимо, это была та пачка, которую потом нашла Марина, потом они стали появляться... Высоцкий, по-моему, поехал разыскивать Любимова. Это было 6 июля».

О чем Высоцкий хотел поговорить с Любимовым и поговорил ли — неизвестно. Просил отменить спектакль «Преступление и наказание», назначенный на 12 июля? Хотя к этому времени у него уже был дублер... Или говорил о намерении полгода провести в США?

Оксана: «В последнее время он мне часто говорил:
— Или я скоро умру, или на полгода уеду в Америку...»

И.Бортник: «Вовка мне говорил:
— Или сдохну, или выскочу...
У него же был билет в Америку».

В.Янклович: «Володя хотел на год поехать в Америку, потому что его очень вдохновило выступление в Голливуде. Но еще раз хотел проверить — есть ли у него возможность быть понятым на Западе... Там он хотел всерьез заняться литературой».

Б.Немчик: «Планы поездки в США? Нет, не только концерты... Насколько я помню, Володя хотел, чтобы мы поехали вместе — он, Валера и я. Уже была оформлена американская виза, мы вместе ходили в американское посольство... Он хотел как-то связать Россию и эмиграцию. Наверное, он был единственным человеком, который мог это сделать...»

А еще у Высоцкого была надежда на американских врачей — «вот они меня вылечат!» Кроме того, В.В. говорил Оксане, что ее он тоже возьмет с собой...

7 июля — вторая и, вероятно, последняя попытка все же улететь к Туманову.

В.Янклович: «В этот день я приезжаю к нему, Володи нет, на столе лежит записка:
«Любимый мой друг Валерка!
Если бы тебя не было на этой земле — нечего бы и мне на ней горло драть. Вдруг улечу сегодня. Посему целую, а уж про преданность и говорить не стоит.
Будь счастлив. Высоцкий».

Приезжает часа через два. Я спрашиваю:
— Ты когда улетаешь?
— Сегодня. Я тебе обещаю. Уже точно договорился с Вадимом.
Я звоню Туманову, он все подтверждает. (Вероятно, в этом разговоре Вадим Иванович и узнает номер рейса и едет встречать В.В.) Я говорю Володе:
— Ты мне сразу оттуда позвони.
— Да, как только приеду, — позвоню.
Я еду в театр. Вдруг вечером появляется Володя:
— Ты знаешь, мы опоздали на самолет.
Конечно, он опоздал специально...»

Между тем появляются газетные рецензии на телефильм «Маленькие трагедии».

8 июля, «Советская Россия», «К Пушкину тропа», В.Турбин:
«Под одеждой монаха скрывается отнюдь не аскет Дон Гуан: В.Высоцкий, выглядывающий из-под монашеского клобука, делает своего героя кровоточащей проблемой — кто же мы все-таки? Кто?»

9 июля, «Советская Россия», статья Э.Ладыниной «И выстраданный стих»:
«Дон Гуан (В.Высоцкий) в «Каменном госте» в чем-то несет в себе черты и Чарского, и Импровизатора. Словом, прежде всего и больше всего, он — поэт И этим пронизано, определено его отношение к жизни. Несмирение — особенность характера всякого художника — ведет его из изгнания в Мадрид, в дом Лауры, где Дон Гуану грозит смерть. Несмирение сообщает устойчивость и силу его увлечению Доной Анной. Дон Гуан бросает вызов — людям, судьбе, року и так же смело вступает с ними в бой; В.Высоцкий создает характер Дон Гуана как бы несколькими ударами кисти, освобождая роль от подробностей, частностей. Отсветы счастья — а этот человек умеет быть счастливым — контрастно оттеняет трагический

склад его характера. Смерть Дон Гуана от «каменной десницы» Командора, принятая им с настоящим достоинством, подводит итог прожитой жизни, где были и щедрость, и красота, и ощущение полноты дней уходящих».

10 июля умер актер Театра на Таганке Олег Николаевич Колокольников. Когда-то, в самом начале Таганки, они с Высоцким дружили, даже играли вместе с Людмилой Абрамовой в телефильме «Комната»... Но в последние годы близких отношений уже не было...

В.Янклович: «Он (Колокольников) поехал в Ленинград, и это случилось прямо на вокзале... На Володю эта смерть произвела колоссальное впечатление! Это была первая — близкая, реальная смерть. Он был просто подавлен».

Оксана: «Вот-вот Володя «вышел», — два дня держался более или менее... Но тут умер Колокольников, и Володя с грустью объявляет об этом и начинает пить. То есть ему был важен не только факт смерти, но и повод — «развязать»... Нужна была какая-то оправдательная причина... Ведь в последние годы они с Колокольниковым практически не виделись... И снова — и шампанское, и водка... С этого времени наркотиков уже не было...

Я и сама была в жуткой депрессии, умер отец... Мы все время об этом говорили... И вместо того чтобы давать ему какой-то жизненный импульс, я сама впала в депрессию... Тяжесть на душе и жуткие предчувствия...

Весь этот год у меня было предчувствие какой-то беды. И это чувство было, начиная с Нового года. Мне приснился страшный пророческий сон...

Сейчас выходят всякие мистические книги. Я к ним отношусь, конечно, скептически, — но вот смерть, действительно, имеет свой запах. И это ощущение близкой смерти чувствовалось в воздухе постоянно... Постоянно. Был какой-то сгусток отрицательной энергии, который влиял на всех нас. И, может быть, потому что я — женщина, и мне было всего двадцать лет, — я все события тогда воспринимала на эмоциональном уровне. И Володя все чувствовал и понимал... Наверное, это тоже связывало нас».

Б.Немчик: «Я прожила в квартире Высоцкого около двух месяцев. Вокруг него было много людей, но, по-моему, тепло шло только от одной Оксаны. Как раньше от Людмилы Абрамовой и от Марины Влади...

Ему нравилось заботиться о ней, опекать ее. Но тогда она была совсем молодая девушка, а теперь это зрелая женщина со счастливой судьбой. Так что ее оценки, спустя столько лет, как и оценки других людей, — могут быть субъективными».

11 июля — запись в дневнике В.Золотухина: «Смерть Олега Николаевича... В театре плохо. Театр — могила.

А там Высоцкий мечется в горячке, 24 часа в сутки орет диким голосом, за квартал слыхать. Так страшно, говорят очевидцы (? — *В.П.*), не было еще у него. Врачи отказываются брать, а если брать — в психиатрическую; переругались между собой...»

Театр уже далеко — даже до бывших друзей доходят только слухи и свидетельства неведомых очевидцев. По словам Янковича, Высоцкий все последние дни ждал, что придет кто-нибудь из театра. Пришел только Давид Боровский...

А по Москве ходят слухи, что какие-то люди держат Высоцкого под наркозом целыми неделями... А приводят в себя только перед спектаклем или концертом. (Рассказано актером Театра на Таганке в 1987 году. — *В.П.*)

12 июля. Днем — похороны Колокольникова на Митинском кладбище. Народу было немного... По свидетельству А.М.Ефимовича, Золотухин сказал, что следующим будем хоронить Высоцкого.

Виктор Шуляковский — актер Театра на Таганке (интервью Л.Симаковой): «12 или 13 июля 1980 года мы с Алешей Зайцевым и Рамзесом Джабраиловым зашли в ВТО выпить по стаканчику в память об актере Театра на Таганке Олеге Колокольникове, который умер 10 июля. Выйдя на улицу, у входа встретили Владимира Высоцкого с Янковичем, который потом куда-то отошел, а мы вчетвером немного поговорили. Настроение у всех было паршивое. Владимир хорошо относился к Колокольникову и чувствительно переживал его смерть».

Вечером 12-го — «Преступление и наказание».

В.Янклович: «Володя играет. Он не хотел и не должен был играть. Но где-то в это время был разговор с Любимовым у него дома. На спектакле были японцы — какая-то делегация... Только после разговора с Любимовым он играет в этом спектакле».

Илья Порошин (сын В.П.Янковича): «12 июля я пошел на «Преступление и наказание», пошел с Саней Елиным. А на следующий

день мы уезжали в спортивный лагерь. Все спектакли я смотрел по многу раз: все действие смотреть было уже неинтересно, — я ждал куски, в которых играл Володя. Мы с Сашкой сидели в театральном буфете на втором этаже. И вдруг открывается дверь и прямо ко мне идет Высоцкий... Я говорю:

— Это — дядя Володя Высоцкий. А это — Саша.

Володя — нам:

— Вы еще посидите, а потом будет очень важная сцена, — приходите посмотреть.

Подошел ко мне, поцеловал в голову — и ушел...»

В.Шехтман: «Приезжаю в театр. Володя дал мне два маленьких флакончика закручивающихся и говорит:

— Чеши к Толику Федотову!

Толика на месте нет, я — обратно:

— Володя, Толика нет.

Он звонит, Толик появился...

— Давай еще раз.

Я еще раз туда и обратно.

При мне в уборной — раз! ввел наркотик! — пошел доигрывать...»

13 июля — «Гамлет».

Оксана: «Володя играл, я его ждала. Посылал ли он кого-нибудь? Наверное... Тогда мы все были в состоянии «боевой готовности» — в любой момент мчаться куда-то. Но я — гораздо меньше, чем ребята. Они же все это доставали...»

В.Янклович: «Володя приехал за пять минут до начала спектакля!»

А.Демидова: «Володя плохо себя чувствует, выбегая со сцены, глотает лекарства... За кулисами дежурит врач «скорой помощи». (И.Годяев? — *В.П.*) Во время спектакля Володя часто забывает слова. В нашей сцене после реплики: «Вам надо исповедаться» — тихо спрашивает меня: «Как дальше, забыл». Я подсказала, он продолжал. Играл хорошо. В этой же сцене тяжелый занавес зацепился за гроб, на котором я сижу, гроб сдвинулся, и я очутилась лицом к лицу с призраком отца Гамлета, которого я не должна видеть по спектаклю. Мы с Володей удачно обыграли эту «накладку». В антракте поговорили, что «накладку» хорошо бы закрепить, поговорили о плохом самочувствии и о том, что — слава Богу — отпуск скоро, можно отдохнуть. Володя был в мягком, добром состоянии, редком в последнее время...»

Значит, все-таки наркотики были. Врачи уже не могли давать в ампулах — строгий учет, — появились флакончики. А вот когда не было...

Оксана: «Почему были эти жуткие запои последние? Никто не мог достать «лекарство». А водка — это замена. Володя и напивался, потому что не было... А если бы было, то он бы не пил, — тогда это просто не нужно».

Еще одно важное — не до конца выясненное — обстоятельство. Высоцкий звонит Марине Влади 1, 2, 3 и 17 июля. О чем они говорят? Со слов Марины мы знаем содержание последнего разговора — 17 июля, а вот о чем идет речь в начале месяца — неизвестно. О смерти и похоронах Татьяны — Одиль Версуа: 2 июля — девять дней со дня ее смерти?.. А может быть, продолжение тяжелых парижских разговоров? Или наоборот — В.В. собирается в Париж и они обсуждают детали?.. А может быть, никаких разговоров не было — Марина бросала трубку?

«Она никогда не простит мне, что я не прилетел на похороны Татьяны...» (В.Высоцкий).

Дело еще в том, что в это время В.В. покупает обручальные кольца и пытается обвенчаться с Оксаной.

Оксана: «Это было после смерти Колокольникова... Я сама пыталась вспомнить, когда точно это было... В общем, плюс-минус три дня... Володя рвался обвенчаться...

— Володя, нас все равно не обвенчают. Ты же женат!

— Нет, давай! Обвенчаемся — и все!

Остановить его было невозможно, он хватал за руку и тащил.

Мы даже кольца купили... А женщина в ювелирном, которая Володю знала, смотрела как-то подозрительно... Володя говорит:

— Да это мы для друзей... Хотим сделать им подарок».

Мне удалось поговорить с этой женщиной — очень хорошей знакомой В.Высоцкого, но она просила не называть ее фамилии:

«Да, он заезжал... Это было летом, когда он в последний раз вернулся из Франции. И заезжал он не за кольцами, а за одним кольцом — для одной девушки... Приехал Володя в очень расстроенных чувствах — я не знаю, что там произошло...

Да, вы знаете, что это кольцо — или кольца, по вашим сведениям, — к сожалению, бесследно исчезло в ночь смерти... Просто взяли на память...»

Оксана: «По-моему, это не тот случай. Мы покупали сразу два кольца — это точно, — мерили, Володя говорил:

— Как ты думаешь, им подойдет?

Скорее всего, это было в ювелирном отделе «Военторга». Нас водили в какое-то подземелье.

Далее мы поехали в одну церковь... Я даже не выходила из машины. Потом поехали во вторую... Володя говорит:

— Ну ладно. Здесь — нет. Но вот мне сказали про одно место, там точно обвенчают. Потом поедем...

Это было уже в последнее время, но когда точно?»

В.Янклович: «Кольца... Они ездили без меня. Точно помню, что это было в воскресенье (то есть 13 или 20 июля. Вероятнее — 13-го. — *В.П.*). Я увидел кольца, когда они объездили церкви. Оксана мне рассказала. Я говорю Володе:

— Ты с ума сошел...

Он отвечает:

— Я хочу — если со мной что-то случится, — чтобы она знала, что это не просто так, что это серьезно».

14 июля — концерт в МНИИЭМ — Московском НИИ эпидемиологии и микробиологии им. Габричевского. Подробные воспоминания об этом концерте Александра Аллилуева и Людмилы Сигаевой опубликованы в издании «Высоцкий. Время, наследие, судьба», № 9, 1993 год (запись Л.Симаковой).

Л.Сигаева: «Антрепренер Высоцкого вышел на нас сам, несколько раз приезжал и звонил. Очень молодой, энергичный. Назвал сумму — 400 рублей. Я почему-то заволновалась: сколько же Володе достанется? (Билеты у нас были всего по полтора рубля.) А он мне все втолковывал, что деньги Высоцкому отдавать не надо, он, мол, с ними не связывается, перепоручает ему. Я держала деньги при себе, все выбирала момент их отдать».

А.Аллилуев: «Антрепренер хотел получить деньги вперед, но Люда проявила твердость:

— Так не пойдет! Вы нам — Володю, мы вам — деньги.

Помню, в бухгалтерии ворчали, что Высоцкий попоет два часа и сразу получит аж четыреста рублей — «ничего себе, заработки!»

Л.Сигаева: «Так получилось, что Володя и не видел, когда я деньги передавала: антрепренер пристал, как клещ, я и отдала ему в артистической».

А.Аллилуев: «Перед концертом мы поехали с Людой на Малую Грузинскую... По дороге Высоцкий задал несколько вопросов о том, кто его будет слушать. Я сказал, что будет очень много молодежи, в основном медики, среди которых масса его поклонников. Он оживился, обрадовался... Потом стал жаловаться, что ему нездоровится, что «скорая помощь» стала часто дежурить во время спектакля — пошаливает сердце, нога отекла:

— Флебит развился, что ли, или как там по-вашему называется...

Я говорю:

— Володя, у вас что-то системное, раз и сердце, и сосуды. Лечиться надо. Полно друзей-медиков, отличных специалистов.

А он:

— Нет уж, или лечиться, или петь и плясать!

Доехали. Володя начал осторожно выбираться из машины. Мне показалось, что он бережет ногу, подумал: как же он будет «петь и плясать»?

Перед концертом Высоцкому захотелось выпить чашку чая, я попросил Люду ему приготовить.

Л.Сигаева: «Он тогда, действительно, чувствовал себя неважно. Я ему советовала проверить в нашем институте свой иммунологический статус. Мы поднялись наверх, я достала ему анальгин и принесла крепкого чаю. Так он с чаем всю пачку анальгина и выпил».

А.Аллилуев: «После концерта мы подошли к Высоцкому с моей сестрой Кирой Политковской (она тогда работала на телевидении и несколько раз видела там Володю). Он встретил нас уставшим и бледным, воротник батника вымок, идет прихрамывая... Несмотря на это, был очень доволен концертом, сказал, что редко случается, чтобы с залом установился такой хороший контакт Очень приятно ему было. Мы подарили Высоцкому большой букет роз, который купили перед этим».

В.Янклович: «Туда поехало много народу, Володя спел единственный раз «Грусть моя...» Я помню, что это было в каком-то институте...»

Андрей Крылов: «Эту песню Высоцкий «не пробовал» на друзьях, не пел дома, — исполнил сразу в концерте. Значит, написана буквально перед этим».

А по словам Б.Акимова, который, напомним, в то время работал с рукописями В.В., он видел текст песни «Грусть моя...» еще в январе... И еще на эту тему — из воспоминаний В.Янковича:

«Был выездной спектакль на ГПЗ (Государственный подшипниковый завод — шефы Театра на Таганке) — «Срезки» («В поисках жанра»). Володя принес и показал мне это стихотворение — «Грусть моя...». Это было 13 апреля».

Высоцкий на концерте объявляет эту свою песню так: «Вот еще песня — «Грусть моя, тоска моя». Вариации на цыганские темы.

Шел я, брел я, наступал то с пятки, то с носка, —
Чувствую — дышу и хорошею...
Вдруг тоска змеиная, зеленая тоска,
Изловчась, мне прыгнула на шею.

Я ее и знать не знал, меняя города,
А она мне шепчет: «Как ждала я!..»
Как теперь? Куда теперь? Зачем, да и когда?
Сам связался с нею, не желая.

Одному идти — куда ни шло, еще могу, —
Сам себе судья, хозяин-барин.
Впрягся сам я вместо коренного под дугу, —
С виду прост, а изнутри — коварен.

Я не клевещу, подобно вредному клещу,
Впился сам в себя, трясу за плечи,
Сам себя бичую я и сам себя хлещу,
Так что — никаких противоречий.

Одари, судьба, или за деньги отоварь,
Буду дань платить тебе до гроба.
Грусть моя, тоска моя — чахоточная тварь, —
До чего ж живучая хвороба!

Поутру не пикнет — как бичами ни бичуй,
Ночью — бац! — со мной на боковую:
С кем-нибудь другим хотя бы ночь переночуй!
Гадом буду, я не приревную!

Сохранилась единственная запись этой песни — не очень хорошего качества. Но Высоцкий хотел качественно записать эту песню

для Вадима Ивановича Туманова — возможно, это было чуть позже... Не получилось — не работала аппаратура.

В.Янклович: «В эти дни Володя еще работал... Пишет «Меня опять ударило в озноб», начинает дорабатывать «Второй «Аэрофлот»... Еще до «Гамлета» он написал «Грусть моя...» — это его последнее поэтическое произведение. Я говорю это с полной убежденностью. Стихи «И снизу лед...» Володя привез весной из Венеции».

11, 12 и 15 июля — телефонные разговоры с ФРГ. Возможно, Высоцкий еще надеется, что Барбара Немчик вернется в Москву, и здесь, на месте, они оформят визы и билеты в США.

Б.Немчик: «Я задержалась в ФРГ у Романа Фрумзона. Ходила в советское посольство, но там не давали визы даже участникам Олимпиады. В Москву вернуться я не смогла. Уехала в Италию к подруге».

Высоцкий пригласил в Москву Милоша Формана (пригласил или он сам собирался приехать?). Но Форману не дали визу... Напомним, что в Калининграде в июне Высоцкий познакомился с женщиной, которая ему очень помогла, — ее звали Марина. В.Янклович: «Володя пообещал ей кинопробы... Марина была в театре, заезжала на Малую Грузинскую».

Младший сын Высоцкого Никита утверждает, что муж Марины осмотрел Высоцкого не в Калининграде, а в Москве: «Это было дней за десять до 25-го. В квартире был Валерий Янклович... Была одна женщина, которая вызвала врача...

И этот врач сказал, что человек с таким здоровьем не только выступать — жить не может... Живой мертвец! Все посмотрели на него, как на идиота. Но ведь, в принципе, он правильно говорил...

С одной стороны — внешне насыщенная жизнь: спектакли, концерты... А с другой — жить не может... То есть разница колоссальная... А за счет чего, я не знаю... Может быть, допинг?

Да, врач, которого привела женщина, сказал, что внешне человек производит нормальное впечатление, а здоровья как такового — нет».

В.Янклович: «Ведь все же знали, что Володя должен умереть... Несколько врачей говорили, что это — вопрос времени. Они знали, а Федотов помогал... Это единственный человек, которому Володя до-

верял полностью. А кому еще он мог позвонить в 4 утра? И Толя вставал, мчался... А у него же семья, дети...»

Оксана: «Кто такой Толя? Это человек, который в любых ситуациях пытался достать наркотик. И доставал. В такие моменты Володя ему доверял полностью.

Пытался лечить Володю. Толя был так уверен в себе, что эта уверенность передавалась другим».

В эти дни Высоцкий часто говорит о смерти — «выскочу или умру», «если со мной что-нибудь случится»... Но не только говорит... К сожалению, у нас не было, да и нет традиции завещания, как раньше говорили «духовной». А ведь это естественно — человек делает распоряжения на случай своей смерти, выражает свою последнюю волю, которая всегда считалась не только законной, но и священной...

Высоцкий в эти — уже последние свои дни — дает деньги двум женщинам, перед которыми чувствует какие-то обязательства, возвращает драгоценную брошь, взятую для Марины Влади...

А.Демидова: «У одной нашей актрисы Володя хотел купить очень красивую и дорогую брошь для Марины. Он ее взял, чтобы показать Марине. Деньги за брошку не были выплачены, и за несколько дней до смерти Володя вернул эту брошку со словами: «Пусть лучше у вас она лежит пока, мало ли что со мной может случиться...»

И еще о предчувствии смерти...

В.Янклович: «За три дня до последнего «Гамлета» (то есть 15 июля. — *В.П.*) Володя отдал пленки разговоров с Тумановым — тогда они могли скомпрометировать Вадима — жене Годяева. Привез сам и попросил, чтобы пока эти пленки хранились у них...»

16 июля — последний концерт Высоцкого в Подлипках (то есть в подмосковном Калининграде), там где находится знаменитый ЦУП — Центр управления полетами. Скорее всего, здесь Высоцкий пообещал выступить в сеансе прямой связи с космонавтами. Этот сеанс назначен на 24 июля.

В.Янклович: «Много народу ездило на этот концерт — Оксана, Нисанов, еще кто-то...»

На своем последнем концерте Высоцкий очень много рассказывает о Большом Каретном, о доме, в котором прошли, наверное, лучшие годы его жизни, о друзьях, о Шукшине, Кочаряне, Макарове, Тарковском... Поет «Балладу о детстве»:

— Песня эта называется «Баллада о детстве» или «Баллада о старом доме» — это действительно о моем детстве и о моем доме.

А заканчивает свой последний концерт Высоцкий такими словами:

— Могу сказать одно: мне работалось здесь очень удобно, я разошелся и сейчас меня еле остановили... А сейчас я вас благодарю. Всего вам доброго!

В.Нисанов: «Да, я был на последнем концерте Володи, много фотографировал...»

И.Шевцов: «О концерте в Калининграде (в Подлипках. — *В.П.*) — последнем, как оказалось, в его жизни — вспоминал очень недобро:

— Они везли меня в машине, и баба оборачивается и спрашивает: «Владимир Семенович, а правда, что...»

Правильно сказал Валера Янклович — это все равно, что лезть в личную жизнь...»

17 июля — последний зафиксированный телефонный разговор с Парижем, — следующий звонок будет 25-го числа. Но это разговоры по автоматической телефонной связи, а В.В. мог заказать разговор с Парижем... Мог позвонить и от Нисанова.

18 июля — последний «Гамлет». Этот день Высоцкого известен более или менее подробно...

Утром на Малую Грузинскую приезжает Игорь Шевцов. Дня за два до этого он позвонил Высоцкому. В.В. сказал, что снимать «Зеленый фургон» не будет. И Игорь приехал обсудить ситуацию, для него это серьезный удар...

И.Шевцов: «Он открыл дверь, улыбнулся — очень характерная ироническая полуулыбка-полуусмешка.

— Заходи. А ты похудел.

— Да ты что-то тоже осунулся, Володя.

Все время приходили и уходили друзья, все вокруг него двигалось, жило. Возникали и гасли какие-то темы, большинство из которых мне были незнакомы и непонятны.

Особенно живо реагировал он на какие-то неприятности, случив-

шиеся у одного из самых близких его друзей — Вадима Туманова. Стал мне рассказывать подробности, злился и хохотал одновременно. Он судорожно соображал, кому может позвонить, чтобы вмешаться, помочь, и страшно сожалел, что уже нет генерала Крылова, с которым Володя дружил. Генерал Крылов, начальник академии МВД, незадолго перед тем застрелился. Кажется, у себя в кабинете. Эта смерть, помнится, произвела сильное впечатление на Володю.

Понемногу все разошлись, мы остались вдвоем.

— *Пошли чай пить, — потащил он меня на кухню, —* мне мед прислали. Настоящий...

— Не буду я снимать это кино, — сказал он мне на кухне. — Все равно не дадут снимать то, что мы хотели. Если уж сценарий так мурыжат, то будут смотреть каждый метр материала.

Сказать по правде, я уже был готов к такому разговору.

— Володя, ты уверен, что твердо решил?

— Что ж я — мальчик? — снова повторил он. — Они, суки, почти год резину тянут. Я ушел из театра, договорился...

— Да обычная история в кино, Володя...

— А мне что с того, что — обычная? Так дела не делают!

— Да. Ты, наверное, прав, — я предпочел не настаивать. Это было бесполезно.

— Нам надо искать режиссера, — успокоился он. — Может, Юра Хилькевич?

— Да он начинает что-то делать сейчас. Ладно, Володя, о режиссере потом. Уговаривать тебя я не могу и не буду, но мне жалко. Могло быть хорошее кино.

Он подумал и вдруг сказал:

— *А вообще-то, мне нужно снимать картину. Вот Вайнеры напишут продолжение для меня...* Может быть, мне и ставить?..

— Ты все продумай. Если ты сейчас безмотивно отказываешься, — все! Больше у них никогда ничего не получишь. Скажут: «Высоцкий? — Несерьезно!»

— Да? Ты прав... В общем, поедешь в Одессу, про меня пока определенно не говори.

— И не собираюсь. Это уж твое дело. Только ты подумай все же...

— Не хочу сейчас кино. Хочу попробовать писать прозу. Потом — Любимов говорит о «Борисе Годунове».

— Пушкинском?

— Пушкин, Карамзин — монтаж такой:..

Больше о работе он не говорил. Потирая рукой правую сторону груди, вдруг стал ругаться, что у него пропали несколько бобин с записями...

— Готовая пластинка! Мне «Мелодия» предлагает делать диск, а

делать нечего. Это я во Франции записывал, а они меня надуть хотели. Коммунистическая фирма, мать их так!

Дальше — калейдоскоп, из которого складывалась наша застольная беседа, — он все подливал и подливал чай. В таком виде и постараюсь восстановить отдельные высказывания, потому что та встреча была последней. <...> Он собирался в Париж.

— Ты часто можешь ездить?

— Пока да.

— А *по положению?*

— Вообще-то, раз в год, но Марина мне исхлопотала так. Пока дают, а дальше...

— У нее положение прочное?

Он махнул рукой, усмехнулся:

— Это сначала она: «Россия! Родина!» Ностальгия... Но — быстро все поняла. Теперь в обществе «Франция — СССР» не бывает вообще, а у меня с ними — говорить нечего.

...Презрительно отозвался о врачах:

— Советы их один другого стоят! Они же не лечат меня, падлы, а только — чтоб потом сказать: «Я лечил Высоцкого».

Хвалился, что сделал две песни для картины, которую снимает Гена Полока, а потом вдруг сказал:

— Я откажусь у него сниматься.

— С чего?

— Не нужно мне.

— *Не отказывайся. У Полоки тяжелое положение* — недавно умерла мать...

— Я знаю.

— *Он давно не снимал, ему обязательно надо выкарабкаться,* а ты его отказом — топишь.

Он помрачнел, сказал:

— Да? Ладно, посмотрим.

Так мы пили чай на кухне, болтали. Он был тих, улыбался, все потирал правую сторону груди, как бы массировал, а потом стал нетерпеливо поглядывать на дверь.

— Ну, я пойду наверх, — наконец поднялся он, — вечером спектакль, а сейчас — туда... Пойдешь?

Я отказался. (В.В. поднялся к Нисанову. — *В.П.*)

— Ладно, — он не настаивал. — В общем, как договорились. Я возвращаюсь из Парижа, ты — из Одессы. Звони — расскажешь, что и как...»

Это последний разговор, подробно записанный И.Шевцовым — по свежей памяти, сразу после смерти Высоцкого — в августе 80-го.

Из этого разговора следует, что Высоцкий и Любимов обсуждали планы на следующий год. Юрий Петрович позже говорил, что В.В. должен был играть Годунова... Так что решение на полгода или на год уехать в США было не окончательным...

Г.П.Падва: «Я был у Высоцкого днем, перед последним спектаклем... Может быть, в двенадцать, может быть, в час дня... Хорошо помню, как это было... Мы должны были обговорить один вопрос, я приехал. И застал Володю в очень тяжелом состоянии... Я уехал, мы с Валерой Янкловичем перезванивались:

— Я не знаю, сможет ли он сегодня играть... Ладно, приезжай в театр».

«Обговорить один вопрос...» — обсудить: нужно ли подавать кассацию на решение ижевского суда о выплате денег, полученных Высоцким за концерты, которые не состоялись... Неизвестно, успел ли В.В. сам заплатить эти деньги...

В.Янклович: «Володя приехал в театр, ему было плохо... Он же перед началом «Гамлета» сидит на сцене... А тут ушел со сцены и прибежал ко мне в кабинет:

— Федотов не приехал?..

Я вызвал Годяева, он приехал. У него наркотика не было, Игорь решил обмануть Володю — сделать ему витамины...»

Г.Падва: «Вечером я приехал в театр и был совершенно потрясен — эта сцена у меня до сих пор перед глазами, — когда увидел Володю. Собранный, подтянутый он спускался по лестнице, которая около буфета... А всего несколько часов тому назад... Володя немного смутился, потому что мы были не настолько близки...

— Генрих, ты понимаешь, у меня было такое состояние...

— Да ерунда...

Но мы так и не поговорили...»

В.Янклович: «Высоцкий уже на сцене... Но подошел к кулисе, и Игорь сделал ему укол. Витамины... На пять минут ему стало легче, а потом — еще хуже».

А.Демидова: «Он очень плохо себя чувствовал. У него было предынфарктное состояние. В сцене «мышеловка» у него было какое-то время — он выбежал, хотя и должен был быть на сцене. Он выбежал за кулисы, там был врач, который сделал укол. Он вбежал абсолютно бледный, а потом, когда играл, становился красный, возбужденный, красные глаза...»

Л.Филатов: «Мы все время за кулисами готовились к выходу вдвоем, потому что много проходов всяких... Я говорю:

— Как, Володя?

— Ой, плохо! Ой, не могу...

И врачи были...»

Наталья Сайко: «Последний спектакль... Когда занавес развернулся и отгородил нас от зала, Володя сказал:

— Я так устал... Не могу больше, не могу!

— Володенька, миленький, потерпи, ну еще немножечко».

В.Янклович: «Наконец приехал Федотов. Володя еще раз убежал со сцены, Толя сделал укол... Он еле-еле доиграл... А если бы Толя не приехал? Все могло бы произойти...

Я уж не знаю, какой Федотов профессионал, но по-человечески — он ведь тащил Володю все последние годы».

А.Демидова: «Духота. Бедная публика! Мы-то время от времени выбегаем в театральный двор, а они там сидят тихо и напряженно. Впрочем, они в легких летних одеждах, а на нас — чистая шерсть, ручная работа, очень толстые свитера и платья. Все давно мокрое. На поклоны почти выползаем от усталости. Я пошутила:

«А слабо, ребятки, сыграть еще раз». Никто даже не улыбнулся, и только Володя вдруг остро посмотрел на меня: «Слабо, говоришь. А ну как — не слабо!» Понимая, что это всего лишь «слова, слова, слова...», но, зная Володин азарт, я, на всякий случай, отмежевываюсь: «Нет уж, Володечка, успеем сыграть в следующий раз — 27-го...

И не успели...»

Н.Тамразов: «Владимир Сидорович Лотов был на последнем «Гамлете», он сказал мне:

— Володя был со стеклянными глазами».

Жена Владимира Сидоровича подошла к сцене, подала цветы. Володя цветы взял, совершенно не понимая — от кого, хотя они были хорошо знакомы. Она рассказывала:

«На сцене стоял совершенно невменяемый человек. Я же подошла, подала цветы. Володя взял... Я стою с идиотской улыбкой, жду, что он как-то отреагирует... Совершенно никакой реакции».

В.Нисанов: «На последнем «Гамлете» Володе было плохо — вызывали «скорую». Я на спектакле не был, но ждал его дома, — мы договорились... И из театра все поехали ко мне».

В.Янклович: «Когда Володя приехал домой после «Гамлета», то сказал:

— Да что ж это такое? Почему они со мной не здороваются?! Я сказал: «Здравствуйте!», а они не ответили...

Мы ждали, что хоть кто-нибудь из театра приедет к нему в эти дни...»

Всеволод Абдулов в это время на гастролях в Днепропетровске. Но 18 июля он прилетает ненадолго в Москву: «Вечером я приезжаю, Володя возвращается из театра. И мы поднимаемся к Нисанову. Володя очень плохо себя чувствует, поэтому обстановка тяжелая... Там находятся — Валера Янклович, Володя Шехтман, Валера Нисанов...

Володя сидеть не мог, пытался выпить — не получилось... Потом сказал:

— Ладно, я пошел.

Пошел вниз, к себе, наверное, чтобы попытаться лечь спать... Мы остались у Нисанова. Закрылась дверь, и нависла страшная пауза. Я сказал:

— Неужели непонятно, что Володя может умереть каждую минуту? Когда Володя говорит: «Да ладно, все будет в порядке», — мы ему верим и успокаиваемся... Но ведь Володя действительно может умереть! Что будем делать? Я сам не знаю, что надо делать, но что-то делать надо...

На следующий день я улетел в Днепропетровск и прилетел в следующий раз 24 июля».

В.Янклович: «Федотов 18-го достал наркотик в последний раз, Олимпиада закрыла все каналы... И за эти дни Володя ни разу не попросил... Видно было, как его ломало, — давали ему успокаивающее. И все эти дни я — там, все эти дни...»

19—23 ИЮЛЯ

С 19 июля начинаются «последние дни», то что раньше называли — «страстная неделя»...

В.Янклович: «После «Гамлета» Володя резко переходит на водку. Началась Олимпиада, — все больницы и аптеки на строгом учете».

А.Федотов: «Володя вошел в такой запой, что ему было не до этого... Водка — это была замена. Многие ребята так делают — когда хотят соскочить с иглы, входят в запой. Но водка — неадекватная замена, она действует грубее...»

В.Янклович: «Да что — надоело?! Он тысячи раз просил, требовал! — иди и достань! А тут не настаивал... Почему? — ну что мы будем за него додумывать...»

Оксана: «Да, с наркотиками было сложно... Но вот одна девушка, которая много раз выручала Володю, мне говорила потом, что у нее было...

— У меня дома все было... Почему мне никто не позвонил?! Я бы приехала и привезла...

Хотя, конечно, это не спасение... При тех дозах, при том образе жизни, который он вел, Володя все равно бы умер...»

Отказ от наркотиков — почему? Или Высоцкий помнит о своем обещании Марине, или верит Федотову, который применяет свою методику лечения?..

В.Янклович: «Ведь он действительно не просил наркотиков в последние дни... Он это для себя решил. А если бы он взмолился, мы бы, конечно, нашли... Может, так он решил покончить с болезнью?»

Оксана: «Володя прекрасно понимал, что превратился в зависимого человека. Он очень переживал, что приходилось просить, унижаться... Самым большим желанием его в последний год было — завязать с наркотиками. И это было самое главное, потому что дальше так он жить уже не мог».

В.Шехтман: «Вот мое сугубо личное мнение... Володя хотел как? — у него же все сразу получалось, абсолютно все! И тут он хотел так же... Вот сегодня я начинаю лечиться, а завтра встану здоровым! А с этой болезнью так не бывает».

В.Янклович: «И боролся он, практически, в полном одиночестве... Потому что он еще и нас жалел. А мы — мы же на него орали, пытались воспитывать! Мы не могли его понять, а он рвался к пониманию...»

19 июля — открытие Олимпиады. Еще зимой Высоцкий говорит, что к Олимпиаде надо бы написать несколько спортивных песен. Обижается, что его не пригласили ни на одно официальное олим-

пийское мероприятие... Рассказывает И.Шевцову анекдот об «олимпийских мальчиках», точнее об их униформе... (Первоначально весь обслуживающий персонал обещала одеть знаменитая американская фирма «Леви Страус», но началась война в Афганистане — пришлось обходиться своим...) По словам В.Янкловича, они вместе с Высоцким смотрели открытие Олимпиады по телевизору. Еще В.В. собирается побывать в Олимпийской деревне — пропуск на 25 июля ему достал А.Штурмин.

Рано утром Высоцкий звонит Геннадию Полоке, вероятно, вспомнил разговор с И.Шевцовым...

Г.Полока: «Он позвонил рано утром, слишком рано, если учесть, что накануне вечером должен был идти «Гамлет». Его последний «Гамлет», как стало ясно потом. Он пропел мне по телефону первую песню для нашей картины. Свою последнюю песню: «Мы строим школу, чтобы грызть науку дерзко...»

Другой вариант этого разговора — впрочем, разговоров с Полокой могло быть два...

И.Шевцов: «18-го я ушел... А потом позвонил 19-го, а скорее всего — 20 июля... Он поднял трубку — я услышал что-то нечленораздельное... Я сразу же перезвонил Полоке:

— Геннадий Иванович, Володя ушел в пике. Срочно забирайте тексты песен.

В этот день Полока был в Москве...»

И дальше Г.Полока о песне для телефильма «Наше призвание»:

«Потом он подробно и напористо объяснил, как ее надо записывать, какое должно быть инструментальное сопровождение...

— Через несколько дней привезу тебе текст...»

Л.Абрамова: «День открытия Олимпиады... В этот день на Малой Грузинской был Никита. В квартире было много народу, они уговаривали Володю пойти в баню...»

Так что вполне возможно, что Никита был у отца не 15, а 19 июля.

19 июля в Москву прилетает Вадим Иванович Туманов. Но может быть, он прилетел вечером 18 июля — об этом говорил В.Абдулов...

В.Шехтман: «Вадим прилетел, привез Володе гимнастический комплекс... Едем на Малую Грузинскую, по дороге я рассказал, что «лекарства» нет — водка... Володя в плохом состоянии...

Приехали, Вадим не стал подниматься... В квартире была мать... Я поднялся к Нисанову, Володя был там. Плохой.

Вадим говорит:

— Скажешь ему потом, что я прилетел...

И мы уехали».

Чем закончился день 19 июля, мы не знаем. Известно, что ночевали на Малой Грузинской Янклович и Федотов...

А вот что происходило 20 июля, в воскресенье, известно более или менее подробно, — почти весь день на Малой Грузинской был Аркадий Высоцкий. Его свидетельства настолько важны, что приведем их полностью — так, как рассказывал он зимой 1991 года...

А.Высоцкий: «Я считаю, что это было не раньше 20 июля — дней за пять до смерти отца... Это было связано с тем, что я не совсем удачно поступал на физтех, — у меня были две четверки, и я рассчитывал на его помощь. Экзамены я начал сдавать 8 июля и почти все уже сдал...

Мама считает, что это было раньше 20-го, и датирует это приездом Нины Максимовны из Польши...»

В.П.: «Нина Максимовна приехала не позже 10 июля...»

А.Высоцкий: «Да, она была в Москве уже не первый день, я ей несколько раз звонил. Так что, скорее всего, — 20-го или 21-го, потому что все остальные дни как-то заняты.

Я приехал без звонка, потому что накануне не мог дозвониться. Приехал в половине десятого утра, позвонил снизу. Кажется, сидел там Николай (вахтер дома на Малой Грузинской — *В.П.*). Я поднялся, дверь открыл Анатолий Федотов, которого я видел тогда в первый раз... Мне кажется, что был еще Валерий Янклович, который в этот момент уходил. Или только что ушел, — и мне сказал об этом Федотов?.. Отец спал.

Я стал ждать. Тогда я находился в такой аварийной ситуации, — мне нужно было точно решить: будет он помогать или нет. Я, конечно, чувствовал, что там обстановка не совсем та, что пришел без звонка, — но остался ждать...

Все это я сказал Федотову, он говорит:

— Ну, хорошо, оставайся... Только вряд ли он чем-нибудь поможет...

— А что такое?

— Он в очень плохом состоянии.

— Я все же подожду, может быть, он придет в себя...

Мы немного поговорили, как дела, то да се... Но Федотов очень быстро собрался и ушел. Было, наверное, уже половина одиннадцатого. Да, он сказал, что в середине дня придет Валерий Янклович.

Примерно в это время отец проснулся. Он вышел из кабинета, увидел меня — очень удивился. Я сразу понял, что он, действительно, сейчас не в состоянии разговаривать. Но поскольку я уже пришел, а потом я просто не представлял, что делать в этой ситуации, то решил подождать, пока не придет Валерий Павлович.

И я пытался завести какой-то разговор, стал спрашивать:

— Вот я слышал, что ты из театра уходишь?

Но отец был явно не в настроении разговаривать...

Через некоторое время он стал говорить, что ему надо уйти, говорил что-то про Дом кино... Я, естественно, считал, что он пойдет искать, где выпить... И даже порывался сам сходить, потому что не хотел, чтобы отец выходил из дома...

На нем была рубашка с коротким рукавом, и в общем было видно, что дело там не только в алкоголе... А мама мне уже говорила, что с отцом происходит что-то странное, но я сам таким его ни разу не видел. Он стал говорить, что очень плохо себя чувствует, а я:

— Пап, давай подождем, пока приедет Валерий Павлович...

Он прилег. Потом стал делать себе какие-то уколы — на коробках было написано что-то вроде «седуксена»... Он не мог попасть... Все это было ужасно... Ужасно. И настолько отец был тяжелый, что я стал звонить всем, чтобы хоть кто-то пришел!

И я могу вам сказать, что я звонил практически всем. Всем, чьи фамилии я знал. Взял телефонную книжку и звонил. Не помню, что сказали Смехов и Золотухин, но приехать они отказались.

Нина Максимовна сказала:

— Почему ты там находишься?! Тебе надо оттуда уйти!

Семен Владимирович крепко ругнулся. И тоже нашел, что мне нечего там делать:

— Уезжай оттуда!

И тут позвонил Янклович и сказал, что сейчас приедет. Вернее, я ему сказал, что отец очень плохо себя чувствует, а мне надо уезжать, и тогда он ответил:

— Тогда я сейчас приеду.

Приехал он через час с сыном и кое-что привез...»

Илья Порошин: «Аркадия я увидел на Малой Грузинской. У Володи начался запой, и, видимо, кто-то попросил его посидеть там. Мы приехали. Аркадий был очень расстроенный:

— Меня надо поскорее сменить...»

А.Высоцкий: «...И кое-что привез. Это «кое-что» было завернуто в бумажку. Отец сделал такую трубочку и стал это нюхать. При этом половину рассыпал. Да, Валерий мне честно сказал, что это такое, когда стал уходить... Пробыли они очень недолго, Валера сказал, что приедет сам или Федотов.

Когда отец понюхал эту штуку, ему стало немного лучше. Он стал дарить мне какие-то вещи. Я делал вид, что очень этого не хочу, но брал, конечно... Потом он взял тетрадь и пытался что-то спеть. Текст он читал, а играть не мог, пальцы были нескоординированы. Но он пытался петь, одну песню он спел полностью, а другую не закончил. Я мало что разобрал, потому что была нарушена и артикуляция.

Я попросил его спеть какие-то другие песни, — просто чтобы его отвлечь, и было такое «сражение» в течение трех часов... Примерно в три уехал Янклович, а в шесть приехал Туманов. Да, я дозвонился до Туманова, а посоветовала это мне сделать Нина Максимовна:

— Это очень хороший друг, позвони ему, он поможет.

Я позвонил, сказал, что очень прошу приехать, что не могу удержать отца, — он хочет уйти.

— Хорошо, — сказал Туманов, — я сейчас приеду. Только ни в коем случае не давай ему выпить! Не выпускай и не давай выпить. Если очень будет рваться, — отведи к соседям.

Он назвал квартиру Нисанова.

Некоторое время мы еще спорили: идти — не идти... Пришлось идти. На десятый этаж я не поехал — боялся, что в лифте отец может спуститься вниз. И повел его направо — по-моему, к Гладкову. Я завел его, уже был вечер, потому что когда я уезжал, было шесть часов. Мы зашли, Гладков сказал: «О, Володя!» — они начали что-то говорить... Потом отец пошел на кухню, а я задержал Гладкова и сказал:

— Пожалуйста, не давайте ему выпить. Не давайте, пока не приедет его друг.

— Да не волнуйтесь, все будет в порядке...

Потом я все-таки побежал на кухню и увидел, как отец допивает из рюмки спирт... Хотя нет, я сначала позвонил из комнаты Туманову. Кто-то был дома, и мне сказали:

— Все в порядке, он уже выехал.

Я, радостный, что Туманов уже едет, пошел на кухню и увидел, что он уже выпил. Его сразу расслабило. Гладковы пытались его оставить...

— Нет-нет... Я хочу домой. Аркаша, пошли домой.

Я, конечно, страшно на Гладковых обиделся. Мы пошли домой, отец лег на диван и заснул. И тут приехал Вадим Иванович. Видимо, он выехал сразу, как только я ему позвонил. Он приехал очень быстро, но все-таки не успел.

Я еще посидел минут сорок с Тумановым, мы поговорили о том, что же делать. Я стал просить, чтобы отца положили в больницу. Сказал, конечно, что жена Гладкова дала отцу выпить. Туманов сказал все, что он об этом думает... После этого я спросил:

— Почему отца не кладут в больницу, ведь явно видно, что человек больной?

Он ответил, что они так и сделают. Что он еще раньше хотел это сделать, но уехал, а отец сбежал... А теперь он приехал и сам этим займется. Да, еще он сказал, что только-только приехал.

А еще Туманов меня наставлял:

— Вот видишь, какая это гадость... Эта водка...

В общем, говорил со мной, как с ребенком.

После этого я сразу же уехал, потому что очень перенервничал и страшно устал. Вадим Иванович говорит:

— Ну теперь иди и не волнуйся.

И тут же кому-то начал звонить...

Да, самое последнее: когда отец это принял — по-моему, это был кокаин, — он много говорил... В частности, он звал маму (Л.В.Абрамову. — *В.П.*)...»

Летом 80-го Аркадию Высоцкому было восемнадцать лет.

Вечером на Малой Грузинской был С.С.Говорухин. Почти полгода они с Высоцким не виделись и не разговаривали. В январе В.В. не приехал на запись (на вторую) для «Кинопанорамы».

В.Янклович: «В один из этих дней — 20-го или 21-го — был Слава Говорухин. Они были в ссоре. Я встретил Славу в Доме кино. Говорю:

— Поехали, Володе плохо.

Мы приехали, они поговорили. Володя пришел в себя, был очень коммуникабелен. Был в нормальном состоянии, выпивал...»

В.Шехтман: «Володя зашел с Говорухиным к Нисанову, хлопнул подряд два фужера водки... Слава еще говорит:

— Ну, Володя, ты даешь...

Да, он появился за несколько дней до смерти. Что-то по делу... По-моему, они с Володей спустились...»

С.Говорухин: «В последний раз я видел Высоцкого за несколько дней до смерти. Мы с ним были в небольшой ссоре. Я ему позвонил, мы встретились. Я хотел помириться, и он был счастлив поговорить. Разговор был у него дома, потом посидели у Валеры Нисанова. Это было 22 или 21 июля... Я его еще спрашивал:

— Будешь снимать?

— Нет, я уже передумал...»

(Речь шла, разумеется, о картине «Зеленый фургон». — *В.П.*)

В.Нисанов: «Я хорошо помню, что Говорухин был, но когда? Володя бывал каждый день, все дни слились...»

Это было поздним вечером 20 июля — в воскресенье. Потому что точно известно, что происходило в следующие вечера — с 21 по 24 июля.

21 июля — понедельник.

Н.Тамразов: «После 18-го числа, после последнего «Гамлета», встречаю Валеру Янковича...

— Володя прилетел?

— Да он никуда не улетал.

— Как?! Он же мне сказал, что улетает в тайгу.

— Какая тайга?! Он в таком страшном состоянии...

— Что он, не понимает — он же может умереть! Звоночки-то были.

— Не знаю. А вот я такой напряженки могу и не выдержать.

Валера, действительно, был очень близким человеком. И все Володины трудности и беды ему приходилось пропускать через себя. Что было очень нелегко».

Одно очень важное обстоятельство последних дней — все от Высоцкого очень устали.

Оксана: «Все от него безумно устали...»

В.Янклович: «Но он, действительно, был невыносим в последнее время... А мы все были просто люди... И Оксана — тоже человек... Когда она забрала его на два дня, уже на второй позвонила:

— Валера, я больше не могу. Умоляю, заберите Володю.

И мы с Федотовым поехали и забрали».

О.Филатов: «Я видел Володю в возбуждении... Он метался, рвался — просто ревел от боли и бешенства:

— Ну сделайте что-нибудь!
Кто мог справиться с ним в таком состоянии?!»

А.Высоцкий: «И было видно, что все от него чрезвычайно устали...»

С очень небольшими перерывами все это происходило больше месяца... Не хватает человека, который мог бы сказать — все! Вернее, такого человека не было — «все же все мы были — младшие друзья...» (В.Шехтман).

«Все безумно устали»... Вот что записывает Высоцкий в «парижском дневнике» после посещения в клинике Шарантон старшего сына Марины — Игоря, который лечится там от наркомании:
«...Все хотят своего — покоя.
Врачи — избавления от беспокойного пациента — покой.
Игорь — избавления от всех, чтобы продолжать начатое большое дело. Покой.
Родители, чтобы больше не страдать. Покой.
Я — чтобы мне лучше было. Все своего и по-своему, поэтому общего решения найти почти нельзя».

И дальше — после разговора с Игорем В.В. записывает: «Я пока не могу это описать, и как мать (Марина Влади) это выдержала, и выдерживала, и будет выдерживать — не понимаю. Но положение безвыходное. Созерцать, как парень гибнет, ведь нельзя. А он-то хочет гибнуть. Вот в чем вопрос. Ушли. И весь остаток дня прожили в печали, ужасе и страхе».

Вот теперь можно попробовать представить состояние родителей Высоцкого, когда они узнают, что их сын страдает этой болезнью. Их печаль, ужас и страх... Вполне понятно, что они об этом никогда не говорили и не говорят...

В воскресенье Высоцкий не выходит из дома, в понедельник — 21-го — выезжает в предпоследний раз. Он решает как можно скорее улететь в Париж, к Марине — для этого надо получить загранпаспорт.

Оксана: «Володя не мог найти себе места — то рвался ко мне, то он должен немедленно лететь к Туманову, то к Марине, то в Америку... Он все время куда-то рвался: он хотел сам от себя убежать. Он же понимал, что это была уже не ЕГО жизнь, и что это был не ОН.

После укола были какие-то светлые мысли, но это было так недолго. Одной ампулы хватало на полтора-два часа, не больше».

В.Янклович: «У Володи было разрешение — один раз в год оформлять выезд за границу, а по этим документам он мог выезжать несколько раз в течение года. Но в это время в ОВИРе произошла смена начальства. Сняли и Фадеева, который очень помогал Володе. А новый человек на месте Фадеева говорит Володе:
— Владимир Семенович, 79-й год закончился, и вы должны все документы оформлять заново.
Володя возразил:
— Нет, я оформил разрешение на год в июле 79-го, а сейчас еще не кончился июль 80-го. Разрешение действительно до июля включительно. И в июле я еще могу выехать.
(У Высоцкого была американская виза с 5 августа, он, возможно, и собирался лететь прямо в Нью-Йорк. Но действие разрешения заканчивалось 1 августа, наверное, поэтому он решает лететь в Париж. — *В.П.*)
— Да, но вы знаете, у нас новый начальник, и он такие вещи не разрешает.
— Тогда дайте мне телефон вашего начальника.
— Нет, я не имею права давать телефон генерала...
— Ну тогда я узнаю по своим каналам.
Приезжает домой, я прихожу из театра. Володя рассказывает мне все это.
— Ты знаешь, у меня не хватит сил снова оформить все документы. Ну-ка, набери мне ОВИР.
Я набираю номер, Володя говорит:
— Я был у генерала, он сказал, чтобы вы к нему зашли...
Я удивился:
— Володя, но ты блефуешь?!
— Ничего, он тоже блефует.
И вот двадцать третьего или двадцать второго ему позвонили из ОВИРа:
— Владимир Семенович, зайдите за паспортом.
То есть он все рассчитал очень точно».

Валерий Павлович считает, что разговор в ОВИРе был 19 июля. Но работал ли ОВИР в субботу? Тем более это был день открытия Олимпиады...

Понедельник, 21-го, вечером — «Преступление и наказание».

В.Янклович: «Я помню, что Володя не хотел играть. Ему звонил Любимов, несколько раз звонила Галина Николаевна (Г.Н.Власова — зав. труппой. — *В.П.*)... Но очень проблематично, играл ли он...»

В.Нисанов: «Да, он должен был играть 21-го, но играл ли?»

М.Лебедев (актер Театра на Таганке, второй исполнитель роли Свидригайлова): «Нет, Володя в этот день не играл, — уже не мог... Но в театр, кажется, приезжал. В последнее время мне часто приходилось его заменять, в такие дни я всегда был наготове...»

Е.И.Авалдуева: «В этот день приезжает в театр не просто бледный — серый.

— Что с тобой, Володя?

— Елизавета Иннокентьевна, я скоро умру.

— Да что ты такое говоришь, Володя!

— А Галина Николаевна (Г.Н.Власова — *В.П.*) — здесь? Я так и не успел вернуть ее брошку...

В этот же день он и вернул брошь... А потом в театре говорили, что он ее продал».

Ю.Ф.Карякин: «Преступление и наказание» было 21-го. Это накануне моего дня рождения... Я дозвонился домой — там уже был какой-то кавардак... Не Володя подошел».

Поздно вечером Высоцкий приезжает к Ивану Бортнику.

И.Бортник: «Шла Олимпиада, спектакли начинались в 8 часов вечера. Володя приехал поздно — играл он или нет?..

— Выпить есть?

— Да нет у него, — говорит жена.

А у меня стояло немного в бутылке...

— Нет? Ну-ка, ну-ка... Ага! Вот она!

Выпил стакан водки.

— Поехали ко мне... Я достану.

— Володя, ты поддатый, оставь машину, поедем на такси.

Отобрал у него ключи, оставил дома.

Нормально себя чувствовал, приехал ко мне с Оксаной, но ее он домой отправил раньше. Как она оказалась в квартире? Наверное, у нее были свои ключи...»

Оксана: «Не Володя меня отправил, я поняла, что они запьют... И прикинулась «дохлой лисой», говорю, что у меня заболело серд-

це. И уехала. Подумала, что и Володя поедет за мной, а он не поехал».

И.Бортник: «Мы приехали на Малую Грузинскую. Володя принес спирт, не знаю откуда... Мы выпили, я остался у него ночевать...»

В.Янклович: «Вечером мне позвонила Оксана. Володе было очень плохо... Но вечером я приехать не смог».

И.Бортник: «Утром посылает меня: «Надо бы где-нибудь достать...» Я сходил, принес две бутылки. А в последнее время ему совсем немного надо было...

Тут Оксана устроила истерику — одну бутылку вылила в раковину...

— Уходите, вы — нам не друг...

Потом наглоталась димедролу... Я ушел».

Оксана: «Это же продолжалось всю ночь — с вечера до утра. Ваня пел какие-то песни... А — лето, все окна открыты. Вот тогда я и напилась, только не димедрола, а элениума. А Ване сказала:

— Убирайся отсюда!

Ваня Бортник... Ваня — человек и эрудированный, и интересный, и действительно талантливый актер — в общем, личность. И когда Бортника не было, Володе чего-то не хватало. Не знаю почему... Может быть, он давал Володе какой-то заряд?

Но Иван часто провоцировал Володю на то, что ему нельзя было делать. Зная Володю, он говорил ему обидные вещи. Он знал, на каких струнах играть, и делал это... А после этого случая я с Ваней не здороваюсь, более того, мы стали врагами».

В.Янклович: «Я смог приехать утром... Часов, наверное, в одиннадцать... Бортник уже выходил из квартиры... Я спрашиваю:

— В чем дело?

— Да ничего...»

И.Бортник: «Я поехал домой... Встретил Мазо. (Профессор Мазо, сосед Высоцкого, жил этажом ниже... В последнее время, вероятно, были напряженные отношения — у Высоцкого часто бывало очень шумно. — *В.П.*)

— «Эта (Оксана. — *В.П.*) еще там?

— Там...

А я уже был хорош... Поехал домой».

В.Янклович: «Бортника я встретил на выходе... Зашел, Оксана была просто в шоке...»

Оксана: «Это было ужасно... Я сказала:
— Все! Я ухожу. Или пусть он уйдет. (Он — И.Бортник. — *В.П.*)
— Нет, останьтесь оба. Если ты уйдешь, я выброшусь с балкона!
Я оделась, выскочила на улицу... Смотрю — Володя висит на руках, держится за прутья решетки...
Не помню, как я взлетела на восьмой этаж, как мы с Ваней вытащили Володю...»

В.Янклович: «Да он бы ни за что в жизни сам не разжал руки! Он так любил жизнь! Он до самого последнего момента думал, что обманет смерть. Что еще раз — проскочит. А все эти «попытки самоубийства», по-моему, просто — театр. «Не достанете наркотик, выброшусь из окна» — да сколько раз он это говорил».

Оксана: «Попытки самоубийства... Не то чтобы Володя этим давил — последнее время это было элементарным издевательством над ближними. Все уже так устали, что я понимаю людей, которые побудут с ним немного, а потом едут домой и говорят себе:
— Господи! Да пропади оно все пропадом!»

В.Янклович: «Когда я приехал утром 22 июля и зашел в квартиру, Володя был одет и в довольно приличном состоянии...»

22 июля — Василий Аксенов уезжает за границу. В этот день Высоцкий в последний раз выходит из дома.

В.Янклович: «Двадцать второго ему позвонили из ОВИРа:
— Владимир Семенович, зайдите за паспортом.
Перед ОВИРом он заехал к сестрам в аптеку и умолял их дать «лекарство»... Потом поехал в ОВИР, получил паспорт и купил билет в Париж на 29 июля. Поехал он вместе с Оксаной...»

«...Заехал к сестрам в аптеку и умолял их...» Так что наркотики все-таки появлялись и после 18 июля. Было достаточно много врачей, которые «помогали» Высоцкому (не только врачей — медсестер, аптечных работников, военных медиков и даже работников НИИ, связанных с медициной). Причем большинство из них не знали о существовании друг друга: у одного — ампула, у другого — две... Повторим: отказать Высоцкому было очень трудно.

Оксана: «После этих таблеток я была в каком-то заторможенном состоянии, — мало что помню про этот день...»

В.Шехтман: «Как мог получить заграничный паспорт? Очень просто! Все эти дни мы еще выезжали... 20-го или 21-го утром мы были у цыгана — смотрели гитару... Утром — холодный душ, дзиньк! ампулу — и поехали. Абсолютно нормальное состояние. Но ампулы уже хватало ненадолго. Если еще было — поддерживал себя... А к вечеру почти всегда — в разобранном состоянии».

Из ОВИРа Высоцкий возвращается домой, днем к нему заезжает Владимир Баранчиков: «Все эти дни мы перезванивались с Валерой Янковичем. 22-го Володя попросил приехать, и я приехал. Он сказал мне:
— Уже выхожу... Дозу уменьшил, чувствую себя лучше...
Он нормально разговаривал с Мариной, говорил, что взял билет на Париж...»

Марина Влади: «...И вечером 23 июля (очень многие люди ведут отсчет последних дней от 25 июля, поэтому ошибаются на один день. — *В П*) — наш последний разговор:
— Я завязал. У меня билет и виза на двадцать девятое. Скажи, ты еще примешь меня?
— Приезжай. Ты же знаешь, я всегда тебя жду.
— Спасибо, любимая моя.
Как часто я слышала эти слова раньше... Как долго ты не повторял их мне. Я верю. Я чувствую твою искренность. Два дня я радуюсь, готовлю целую программу, как встретить тебя, успокоить, отвлечь. Я прибираю в доме, закупаю продукты, приношу цветы, прихорашиваюсь...»

А.Штурмин: «Последняя неделя... Я заезжал к Высоцкому 22 июля — на короткое время... Я тогда работал в Олимпийской деревне, и меня подгоняли дела. (А.Штурмин устраивает Высоцкому и Янковичу пропуска в Олимпийскую деревню.) Но я почувствовал, что там что-то не так...»

И.Бортник: «Я уехал... Дома сразу же лег спать. Дальше я знаю со слов Татьяны (жены Бортника).
— Володя приехал в половине шестого — абсолютно трезвый, в светлом джинсовом костюме... Постоял над тобой... «Ну как же так?» Вытащил ключи от машины и уехал...
Больше с того утра я его живым не видел...»

Что делал Высоцкий с шести до десяти вечера — точно неизвестно...

Оксана: «Как всегда, мотались по Москве. Туда-сюда... В ВТО мы пришли на пять минут. Водка кончилась, мы поехали в ресторан ВТО...»

В.Шаповалов (актер Театра на Таганке): «Моя жена видела Володю у ресторана ВТО — совершенно отрешенное лицо... Он ее не узнал».

Многие люди видели В.В. в этот день... «Ехал очень быстро по улице Горького...», «Сидел в ресторане ВТО, я к нему не подошел...», «Видела у ВТО — Володя был с остановившимися глазами...» Видели многие, и все запомнили, запомнили навсегда, потому что больше В.В. из дома не выходил, потому что это было в последний раз...

Анатолий Бальчев: «Я встретил Высоцкого 22 июля в ресторане ВТО, Володя был в плохой форме. Он приехал около одиннадцати, мы сели за один столик, стали что-то есть... Все время подходили люди: было такое впечатление, что они его тысячу лет не видели. И все хотели выпить с Володей. Видя его состояние, я старался эту толпу отогнать...»

Оксана: «Я настолько была занята Володей, что мало что помню... Мы приехали туда на пять минут, Володя хотел купить бутылку водки. Дружников там сидел... Возможно, там был Толя Бальчев. Но за нашим столиком было так мерзко, что мы быстро ушли...»

А.Бальчев: «Потом Володя попросил меня:

— Толя, ты возьми бутылку водки с собой... Я пить не буду — будем только угощать.

Еще я хорошо помню, что у него с собой было много денег — целая пачка. И мне показалось, что он от них пытался избавиться, пытался их отдать. Как будто предчувствовал...

Да, бутылку я взял. Володя, который очень редко кому-нибудь доверял свою машину, сам попросил меня вести «Мерседес», отдал ключи:

— Давай, поехали.

С нами поехал актер Дружников. Когда мы подъехали к дому, Володя все-таки отобрал у меня бутылку:

— Я ее беру — ко мне должны приехать...

Ну а переубедить, уговорить его было невозможно.

Я приехал домой, позвонил на Малую Грузинскую. Женский голос...

— Это Оксана?

— Какая Оксана?! Это Нина Максимовна. Володя уже спит.

Я немного успокоился».

22 июля Нина Максимовна, вероятно, приезжает во второй половине дня и ждет Высоцкого...

В.Янклович: «Я видел его «Мерседес» около ВТО, но не зашел. Знал, что начинается... На следующий день Володя рассказал мне, что привел домой Дружникова, разговаривал с ним...»

В.Нисанов: «В эти последние дни Володя редко выходил из дома, но я хорошо помню, что он однажды ездил в ВТО. Привез актера Дружникова и поднялся ко мне. На кухне посадил его напротив себя:

— Давай, рассказывай про всех наших ушедших друзей... Как жили...»

Оксана: «Володя спрашивал Дружникова про Алейникова, про Чиркова... Про тех, с кем работал Алейников...» (Дочь Алейникова — жена В.Н.Нисанова. — *В.П.*)

В.Нисанов: «Дружников рассказывал по мере своих сил...

А потом спросил:

— Володя, а правда, что у тебя два «Мерседеса»? А правда, что у тебя квартира 120 метров?

— Да, правда...

Обыкновенная зависть... И это не понравилось Володе...

— Ну, я пошел. Валера, ты его проводишь...

И ушел к себе...»

Оксана уезжает ночевать к себе домой, остается, вероятно, Нина Максимовна...

Наступает 23 июля...

Оксана: «Последние дни... Было ощущение проходного двора. Все приезжали как бы навестить, — все время шло какое-то движение. Был даже Олег Халимонов... Два раза приезжал Леша Штурмин, все постоянно заезжали... Более или менее постоянно были Толя Федотов, Валера Янклович и Вадим Иванович Туманов...»

Л.Сульповар: «Утром 23-го в институт Склифосовского приехали Янклович и Федотов. Федотов попросил у меня хлоралгидрат — есть такое средство, которое мы назначаем при перевозбуждениях. Но даем только с помощью клизмы. Этот хлоралгидрат в таких больших ампулах — 400 миллилитров.

Федотов попросил... Янклович сказал мне, что он — реаниматолог. А я слышал от Володи, что у него есть такой надежный человек, который часто его сопровождает... Хлоралгидрат я дал...»

Хлоралгидрат обладает снотворным, седативным, и противосудорожным действием, в больших дозах вызывает наркоз с продолжительностью сна до восьми часов. При приеме внутрь всасывается быстро, обладая раздражающим действием. Может вызывать привыкание и лекарственную зависимость. Доза внутрь и в клизмах с обволакивающими веществами по 0,3—1,0 г взрослым.
Применяют при нарушениях сна, для снятия судорожных состояний — *столбняк, спазмофилия* и др. Противопоказан при нарушениях функций печени и почек, при заболеваниях сердечно-сосудистой системы.
Рецептурный справочник для фельдшеров и медсестер.
Л.: Медицина, 1976.

Хлоралгидрат. Высшие дозы: разовая — 2 г, суточная — 6 г.
Побочные действия: при передозировке — рвота, падение артериального давления.
Лекарственные средства, применяемые в медицинской практике в СССР. — М.: Медицина, 1989.

Хлоралгидрат угнетает процесс возбуждения, в больших дозах снижает артериальное давление. <...> В сочетании со снотворными, седативными, противосудорожными нейролептическими средствами эффект усиливается.
Клиническая фармакология. Московская медицинская академия, 1991.

Б.А.Медведев, кандидат медицинских наук, нарколог:
«Этот хлоралгидрат производится в порошке и уже в межбольничных аптеках разводится в определенной концентрации. Так что, скорее всего, хлоралгидрат мог быть в какой-то емкости — бутылочке, а не в ампуле. И тут главное — знать концентрацию раствора, чего мы не знаем».

Утром, наверное, был момент, когда Высоцкий остался один, — он обзванивает нескольких своих друзей и знакомых, звонит Б.Серушу — иранскому бизнесмену, своему хорошему знакомому...

Б.Серуш: «За день до своей смерти Володя позвонил мне:
— Бабек, приезжай! Мне так плохо!
Он так это сказал! Это шло у него изнутри...
Не сразу я смог приехать...»

Высоцкий в эти последние дни разыскивает по телефону Артура Макарова... Звонит одной девушке — Ирине Ш. Просит, чтобы она приехала... (Рассказы Ирины положены в основу «Романа о девочках».)

Она вспоминает: «Я приехала. Они сидели у Нисанова. Я давно не видела Володю, он выглядел просто ужасно. Пришел Федотов, принес ключи, мы спустились в Володину квартиру...
А до этого он «выбивал» мне квартиру... Спрашивает:
— Ну как с квартирой? Все в порядке?
— Да. Но у меня нет денег...
Володя открыл ящик:
— Возьми, сколько тебе надо...»

В.Янклович: «За несколько дней до смерти Володя отдает эти деньги — шесть тысяч рублей — двум девушкам, перед которыми у него были какие-то моральные обязательства. Это была его воля...»

Потом об этих шести тысячах — Высоцкий получил их за концерты в Калининграде — было много разговоров... После смерти В.В. остались долги, их надо было отдавать...

В.Янклович: «Мы поехали в Склиф, я разговаривал с Сульповаром и со Стасом Щербаковым... С этого дня, я думаю, в квартире была Нина Максимовна, Володя был уже совсем плох. Он стонал, кричал все время... Все время накачивал себя шампанским...»

А.Федотов: «Бутылки две-три в день выпивал... Шампанское на наркоманов лучше действует...»

Б.А.Медведев: «Это бытовое представление о действии алкоголя на организм наркомана. На самом деле, все — индивидуально...»

Из Рима звонит в последний раз Барбара Немчик — на следующий день она улетает домой, в США:

«23-го днем мы разговаривали по телефону:

— Как там у вас дела?

Валера ответил:

— Сама не слышишь?

А было слышно — даже в телефон, — как Володя стонал: «А-а! А-а!»

— И так — все время?

— Все время».

Оксана: «*Эти последние дни... В принципе, можно сказать,* что Володя находился в состоянии агонии. Последние два дня он вообще не выходил из квартиры. По-моему, он знал, что умрет».

А.Штурмин: «Я приехал на следующий день... Володя был в ужасном состоянии. Ходил, стонал... Вначале меня не узнал. Потом узнал. Обнял.

Никогда в жизни не забуду его напряженное — твердое, как камень, тело. Они все время хотели вывести Володю из этого состояния — шампанским... А Володя все время показывал пальцем — шприц! шприц! А они говорят:

— Ничего, ничего... Еще один день, и он выскочит!»

Оксана: «*На следующий день я приехала днем...*

А Володя стал падать... А все сидели за столом и говорили:

— Это при тебе он так выкаблучивается... О-о... Смотри, опять упал... А тебя не было — нормально...

А вечером приехали эти врачи... Федотов все время делал уколы... Седуксен и что-то такое, что делают перед операцией. Но что конкретно, не знаю, — это же можно выяснить...

Но в принципе я Федотову говорила:

— Толя, ты мне объясни, как может реагировать организм на два совершенно противоположных препарата?!

С одной стороны, он колол успокаивающее, снотворное, а с другой — вводил тонизирующие препараты. Он делал настолько странные вещи, что даже я удивлялась:

— По-моему, происходит разлад нервной системы, — ведь ей непонятно, какую команду выполнять: не то отдыхать, не то бодрствовать...

— Да нет, — говорил Толя, — это специально так... Он как бы отдыхает, — и в то же время он — в тонусе...

— Ну, не знаю...

А Володя уже никак не реагировал».

А.Федотов: «Я его наколол седуксеном. Он был в отрубе. Я дал ему поспать. Я еще говорю:

— Да его хоть сейчас бери и уноси...

Я ему абстинентный синдром снял».

В.Янклович: «Приехали врачи из Склифа — Сульповар и Щербаков, Федотов был там... Состоялся этот длинный-длинный разговор...»

Оксана: «А вечером приехали врачи... Мы устроили такой консилиум: сейчас увозить Володю в больницу или не сейчас. Решили, что не сейчас, надо подождать два дня...»

Л.Сульповар: «Валера сказал, что Володя совсем плохой... Что дальше это невозможно терпеть и надо что-то делать... Ну, мы и поехали туда. Вместе со мной был Стас Щербаков, он тоже работал в реанимации и хорошо знал Володю. Мы приехали, состояние Володи было ужасным!»

С.Щербаков: «Ну, а наша последняя встреча, если ее можно так назвать, — вечером 23 июля. Почему мы его не взяли тогда?.. Ведь дело дошло чуть ли не до драки...

К нам в реанимацию приехал Валера Янклович (вместе с Федотовым. — *В.П.*) и попросил дозу хлоралгидрата. Это такой седативный — успокаивающий, расслабляющий препарат, и довольно токсичный. Дежурили мы с Леней Сульповаром, и когда узнали, в каких дозах и в каких смесях хлорадгидрат будет применяться, мы с Леней *стали на дыбы! Решили сами поехать на Малую Грузинскую.* Реанимобиль был на вызове, мы сели в такси.

Приезжаем, открывает дверь какая-то девушка. В нестандартном большом холле горит одна лампочка — полумрак. На диване под одеялом лежит человек и вроде слегка похрапывает. Я прохожу первым, смотрю: человек в очках... Понимаю, что не Высоцкий. Это был Федотов — тогда я в первый раз с ним столкнулся. Спрашиваю:

— А где Высоцкий?

— Там, в спальне.

Проходим туда и видим: Высоцкий, как говорят медики, в асфиксии — Федотов накачал его большими дозами всяких седативов. Он лежит практически без рефлексов... У него уже заваливается язык! То есть он сам может себя задушить. Мы с Леней придали ему положение, которое и положено наркотизированному больному, рефлексы чуть-чуть появились. Мы с Леней анестезиологи — но и реаниматоры тоже, — видим, что дело очень плохо. Но ведь и Федотов — реа-

ниматолог-профессионал! Я даже не знаю, как это назвать — это не просто халатность или безграмотность!.. Да если у меня в зале лежит больной, и я знаю, что он умрет, — ну нечего ловить! Но когда я слышу храп запавшего языка, я спокойно сидеть не могу.

Ну а дальше пошел весь этот сыр-бор: что делать?»

Л.Сульповар: «Когда мы зашли в спальню, у Володи уже были элементы «цианоза» — такая синюшность кожи. Запрокинутая голова, знаете — как у глубоко спящего человека, особенно выпившего, западает язык... У такого человека почти всегда губы синюшные, синюшные пальцы... Мы положили его на бок, придали правильное положение голове, чтобы язык не западал... Прямо при нас он немного порозовел.

Стало ясно, что или надо предпринимать более активные действия — пытаться любыми способами спасти, — или вообще отказаться от всякой помощи...

Что предлагал я? Есть такая методика: взять человека на искусственную вентиляцию легких... Держать его в медикаментозном сне несколько дней и вывести из организма все, что возможно. Но дело в том, что отключение организма идет с препаратами наркотического ряда. Тем не менее хотелось пойти и на это. Но были и другие опасности.

Первое: Володю надо было «интубировать» — то есть вставить трубку через рот. А это могло повредить голосовые связки. Второе: при искусственной вентиляции легких очень часто появляется пневмония, как осложнение... В общем, все это довольно опасно, но другого выхода не было».

С.Щербаков: «Я однозначно настаивал, чтобы немедленно забрать Высоцкого. И не только потому, что тяжелое состояние, но и потому, что Высоцкому здесь просто нельзя быть. Нельзя!

Федотов сказал, что это нужно согласовать с родителями — хотя зачем в такой ситуации согласовывать с родителями?! Сульповар позвонил. По-моему, он говорил с Ниной Максимовной, она сказала:

— Ребята, если нужно, конечно, забирайте!

Интересно, помнит ли она этот разговор?»

С.Щербаков: «Но дальше все уперлось в то, что у него через неделю самолет.

Тогда стали думать, что делать сейчас? Забрать к себе (в институт Склифосовского. — *В.П.*) — это практически исключалось. Потому что к Высоцкому не только в реанимации, но и в институте тоже относились уже очень негативно. Особенно — руководство, потому

что они понимали, что институт «курируют» сверху. Да еще совсем недавно была целая «наркоманная эпопея» — по этому делу несколько наших сотрудников попали за решетку. Так что на неделю никак не получалось, но дня на три мы могли бы его взять...

Два-три дня подержать на аппарате, немного подлечить... Леня Сульповар говорил вам, что интубирование создает угрозу голосовым связкам, — но что говорить о потере голоса, если вопрос стоит о жизни и смерти?! А пневмония как осложнение при лечении на аппарате, во-первых, бывает не так уж часто, а во-вторых, ее можно избежать... Конечно, отдельный бокс — это идеальный вариант, но какой бокс?! Вот я вспоминаю нашу старую реанимацию... У нас был один большой зал — наш «центральный цех», как мы его называли. Там было пять или шесть коек. Потом — ожоговый зал, чуть поменьше. И была проходная комната, где стояла одна койка, — ну какой это бокс? Бокс — это что-то отдельное, с отдельным входом...

Так что вопрос стоял, главным образом, о длительности... Мы же видели, в каком он состоянии: в глубоком наркозе плюс асфиксия... Это однозначно — надо забирать. Если бы шла речь о любом другом — даже о пьянчужке на улице, — забрали бы, да и все! А тут все уперлись: по-моему, каждый хотел сохранить свою репутацию».

Л.Сульповар: «И мы сказали: Володю сейчас забираем. На что нам ответили, что это большая ответственность и что без согласия родителей этого делать нельзя. Ну что делать — давайте, выясняйте... Володя был в очень тяжелом состоянии, но впечатления, что он умирает, не было».

С.Щербаков: «Федотов вел себя почему-то очень агрессивно — он вообще не хотел госпитализации. Вначале ссылался на родителей, а потом говорил, что справится сам... Я говорю:

— Да как же ты справишься! Практически ухайдокал мужика!

Я тогда сказал все и, по-моему, в достаточно грубой форме. Леня Сульповар... Мне тогда не очень понравилась его позиция, — он немного пошел на поводу у Федотова... А Валера Янклович, кстати, это единственный человек, который, по-моему, знает все и о жизни, и о болезни, — или Валера доверял нам, или еще что, — но я не помню каких-то его вставок... И я тогда понял, что от меня мало что зависит. Немного сдался что ли...»

В.Янклович: «Стас Щербаков считал, что надо немедленно везти Володю в реанимацию. Федотов — что этого делать не надо. Леня Сульповар склонялся то в одну, то в другую сторону...»

А.Федотов: «Вопрос был такой... Они хотели провести его на искусственном аппаратном дыхании, чтобы перебить дипсоманию. (Дипсомания — периодическое влечение к пьянству и запоям на фоне подавленного эмоционального состояния. — *Б.А.Медведев.*) Чтобы Володя прекратил пить... Ну снимем мы физическую зависимость, но мы не можем устранить психическую зависимость...»

С.Щербаков: «Потом говорили о самом оптимальном, на мой взгляд, варианте — пролечить Высоцкого у него на даче. Эту тему мы с Леней обсуждали, когда еще ехали в такси... Ведь ситуация из рассказа Валеры была достаточно ясной. Не афишируя, пролечить Высоцкого на даче, и пролечить на достаточно высоком уровне. Но в случае чего, — юридически мы бы отвечали сами, — ну а что было делать?! Ведь практически все наши контакты были на грани дозволенного и недозволенного. И в Склифе мы всегда его проводили под каким-то другим диагнозом...

Как лечить на даче? Есть такой метод, — обычно мы его применяем при суицидальных попытках, — когда человек пытался повеситься... Таких больных, и наркотизированных тоже, мы ведем на аппарате и на релаксантах. Причем используются препараты типа кураре. Вы знаете, что стрелы с ядом кураре обездвиживают животных. Так и здесь: все мышцы обездвиживаются, кроме сердечной. И я предложил — провести Высоцкого на аппарате, на фоне абсолютной кураризации. Разумеется, с какой-то терапией: что-то наладить, подлечить, подкормить...»

В.Янклович: «Они предлагали еще какую-то совершенно новую методику с применением кураре... Такого еще никто в Союзе не делал. Они предлагали привезти аппарат на дачу... И все должны были около Володи дежурить — разговаривать с ним...»

С.Щербаков: «Какие тут сложности? Очень трудно уловить момент, когда больной приходит в сознание... И, естественно, начинается возбуждение. Ну, представьте себе — к вам возвращается сознание, и вдруг вы видите, что у вас изо рта торчит трубка?! Человек не знает — жив он или мертв... Иногда спрашиваешь такого больного:

— Вы знаете — на этом вы свете или на том?..

Вторая сложность: психическое состояние больного, когда он уже придет в сознание. Нужно постоянно его настраивать, то есть кто-то постоянно должен быть рядом.

Так вот, мы хотели привезти аппарат на дачу — и особых проблем не было, взяли бы и привезли. Аппаратов тогда уже было много, — никто бы и не заметил. Хотели набрать бригаду опытных ребят — я, Леня, еще несколько человек... Конечно, это не положено, но... Люди же должны когда-то отдавать и рисковать ради этого.

Но все это поломал Федотов:

— Да вы что! На даче! Нас же всех посадят, если что...

Короче говоря, все время чувствовалось, что он не хочет, чтобы забирали Высоцкого. Не хочет! И даже непонятно — почему?.. Что, он считал себя профессиональнее нас? Об этом и речи не могло быть, после того, что мы увидели в спальне. Мы пытались у него узнать: что он делает, по какой схеме... Федотов не очень-то распространялся, но мы поняли, что от промедола он хочет перейти к седативным препаратам — седуксен, реланиум, хлоралгидрат... В общем, через всю «седативу», минуя наркотики. Но это неправильная позиция! И теперь абсолютно ясно, что Высоцкого просто «проспали», как мы говорим... Да Федотов и сам рассказал об этом...»

Л.Сульповар: «И мы договорились, что заберем Володю 25 июля. Мы со Стасом дежурили через день».

В.Янклович: «Они не взяли Володю в этот день... Боялись сделать ошибку, а Федотов все брал на себя — и делал... Его методика, какая бы она ни была, но она работала. Я не знаю, какие препараты использовал Федотов, но ведь Володя спал, и это хоть как-то приводило его в норму.

Было решено, что Сульповар и Щербаков заберут Володю в больницу 25 июля. А когда человек в больнице, всегда есть какая-то надежда...»

С.Щербаков: «В общем, исходя из того, что Высоцкого надо подготовить к 1 августа (на самом деле — к 29 июля. — *В.П.*) и что его можно взять только на два-три дня, мы решили забрать его через день — то есть 25 июля».

Оксана: «Врачи не взяли. По-моему, они испугались. Они же прекрасно все понимали. Представьте, Высоцкий умирает у них в отделении или у них на руках...

Хотя это действительно были хорошие врачи».

А.Федотов: «Они были недолго, ну с час, наверное, посидели... В этот вечер никого больше не было. Вечером я уехал, Валера остался у него».

В.Янклович: «Федотов уехал, я остался ночевать... По-моему, Оксана тоже ночевала... Спал? Так: то спал, то просыпался...»

24—25 ИЮЛЯ (НОЧЬ)

Последний день жизни Владимира Высоцкого... А людям, которые были в тот день на Малой Грузинской или приезжали туда, день казался более или менее нормальным... Нормальным для состояния В.В. в такие периоды... Теперь создается впечатление, что все как будто оцепенели. Какая-то трагическая беспомощность... И какой-то трагический рок в этих последних днях.

В.Янклович: «Володя задремлет на минутку — и снова бегает по комнате... Попросил Оксану посидеть около себя при Нине Максимовне — она приехала рано утром...»

Оксана: «На следующее утро приехала мама... Я приехала или ночевала? Валера, все эти дни и ночи — как один кошмарный сон, у меня все это слилось, спеклось в один комок...

Наверное, ночевала... Каждый час Володя просыпался, ходил по квартире... Я или ходила вместе с ним, или делала теплую ванну... Уже не знаешь, что делать, чем помочь?.»

В.Янклович: «Утром я уехал на работу, Оксана осталась... А меня сменила мать, она пришла... Володя все время ходил по комнате, метался, стонал... Рвался куда-то... Мы поставили кресло у двери...»

Оксана: «Утром я сходила на рынок, купила клубники и немного покормила его клубникой со сливками...»

В.Янклович: «Оксана принесла ягоды. Как сейчас помню, кормила его клубникой со сливками. Была мать... Оксана никогда не оставалась при Нине Максимовне, а в тот день осталась... Вот тогда же Володя посмотрел на меня совершенно ясными глазами и сказал:

— Вот, а ты говорил, что мать ее никогда не примет. .

Я говорю:

— Нет, Володя, этого не может быть...»

Оксана: «Кто-то пришел, надо было сделать чай... А Нина Максимовна говорит:

— Нет-нет... Я сама сделаю... Вы идите к Володе...

Володя ходил, стонал, кричал... И я ходила вместе с ним...

Потом я сделала теплую ванну — это снимает ломку... Его же ломало, он все время метался, он места себе не находил...»

В.Янклович: «Мы поставили кресло у двери... Приезжал Туманов, был Сева, Толя Федотов... Володя рвался, пытался выскочить на площадку... Мы ему наливали в рюмку чай, а края мазали коньяком...»

В.Янклович: «За эти дни он находил, наверное, много десятков километров... А в день накануне смерти Володя задыхался, стонал, все рвался куда-то... Практически в полубессознательном состоянии... И вдруг подходит ко мне, смотрит на меня совершенно ясными глазами и говорит:

— Ты знаешь, я, наверное, сегодня умру...

Тут я не выдержал...

— Как тебе не стыдно! Посмотри, сколько людей крутится вокруг тебя! Как тебе не стыдно бросаться такими фразами. Успокойся, приляг... Ведь у всех — силы уже на исходе...

А я, действительно, был на исходе сил. Ведь все остальные более или менее менялись, а я практически круглые сутки был с ним...»

Оксана: «Володя знал, что он умрет... У него болело сердце. Я сказала Федотову:

— Толя, у него болит сердце.

— С чего ты взяла?

— Но он же все время хватается за сердце. Я же вижу, что оно на самом деле у него болит.

— Да ладно, он такой здоровый, — еще нас с тобой переживет.

А Володя сел в кресло и говорит:

— Я сегодня умру.

— Володя, что ты всякую ерунду говоришь?!

— Да нет. Это вы всякую ерунду говорите, а я сегодня — умру.

То есть Володя все предчувствовал, все точно знал...»

В.Абдулов: «24 июля я снова прилетел. Была прекрасная погода, а я метался по Днепропетровску, пытаясь достать билет... Все-таки достаю билет в олимпийскую Москву, что было очень сложно...

Прилетел еще в первой половине дня, сразу поехал к Володе. Он нормально ходил... Ну, нормально для его состояния. Но все время хватался за сердце. Я говорю:

— Ну, Володя, уж сердце у тебя было самым крепким органом, — и ты видишь, что творится!

— Ну, хорошо... 27-го у меня последний «Гамлет», после этого сразу поедем в Одессу, — и все будет в порядке...

Там начинались съемки «Зеленого фургона» (? — *В.П.*), мы уже говорили, что будем снимать в любимых местах, вспоминали Санжейку...

Оксана: «Главное было — чтобы Володя не кричал... Люди уже осатанели от этого... А операция? Могло и не быть у Мазо никакой операции... Все замечательно, когда Володя здоровый, можно пригласить его в гости...

— Вот. Сам Высоцкий...

А когда Володя умирает?

— Или пусть замолчит, или увези его к себе!

Они же постоянно звонили: то шубу зальют им, то еще что...

— Прекратите орать! Дайте нам выспаться! Ты что, ничего не можешь сделать?»

В.Янклович: «И вот тут был звонок от Мазо... И Федотов хотел привязать ему ноги простынями, чтобы он не рвался и не бился головой... Мы его перенесли в большую комнату на маленькой тахте... Федотов его наколол... Позвонила жена Мазо:

— Валерий Павлович, я вас очень прошу... У мужа завтра операция...»

Оксана: «От него все действительно устали... Они взяли и привязали его простынями... Ну как привязали... Прибинтовали простынями к этой узкой тахте, чтобы он не рвался. То есть простыни обвязали вокруг кровати. Потом сели на кухне, выпили по рюмочке, вздохнули грустно. И когда все ушли, бутылка осталась на кухне — недопитая.

Я сижу, плачу над ним. Володя успокоился, я его развязываю... И вдруг он открывает глаза — абсолютно нормальные, ясные...

— Оксана, да не плачь ты. Пошли они все...

А потом:

— Вот я умру, что ты будешь тогда делать?

— Я тогда тоже умру...

— Ну тогда — ладно... Тогда — хорошо...»

В это время на Малую Грузинскую приезжает Аркадий Высоцкий.

А.Высоцкий: «Прошло три-четыре дня, и я решил возобновить попытку... Я знал, что отец болен, но не думал, конечно, что это кончится так трагически... В этот момент я уже четко понимал, что не поступил, — надо было что-то решать с институтом... И только вмешательство отца могло помочь. Это было двадцать четвертое число, у меня уже было собеседование, и мне сказали, что я не прошел. Я поехал к нему поздно, часов, наверное, в десять.

Мне было страшно неудобно... Я долго стоял в подъезде, видел, что все время выходят какие-то люди — явно знакомые лица, но они, конечно, меня не замечали. Минут сорок я простоял в таком состоянии, потом решил подняться. Звонил по телефону каждые пять минут, никто не брал трубку...

Я поднялся. Дверь открыл Янклович. В квартире был Нисанов — это я видел точно. И у меня такое впечатление, что был Игорь Годяев, потому что я видел из двери весь коридор... Когда Валерий Павлович увидел меня, он начал потихонечку оттеснять меня от двери... Но я увидел, что за его спиной прошел отец, спрашивая:

— Кто там?

И было видно, что он чувствует себя еще хуже, чем в прошлый раз... А меня обозлило, что все они тогда (20 июля. — *В.П.*) отца бросили, и я сделал попытку зайти в квартиру. Обозлило и то, что Туманов сказал, что они не хотят класть его в больницу... Так я понял, что не хотят... И я хотел зайти и как-то поучаствовать, но Янклович довольно настойчиво — без грубостей, конечно, — вытеснил меня на площадку... Закрыл за собой дверь и стал говорить, что сейчас они повезут его в больницу... Что все это очень тяжело...

Янклович откровенно говорил, что отец колется, он не считал нужным от меня это скрывать... Минут десять мы постояли... Он сказал, чтобы я не волновался... Чтобы спокойно ехал домой, а утром позвонил... Это было, наверное, уже ночью — часа за четыре до смерти отца...

Оксаны в тот момент не было — по крайней мере, не было в поле моего зрения. А если бы она была, то она была бы с отцом... В тот момент там не пили, — по крайней мере, никакого буйного веселья там не было...

Но там уже была какая-то истерика, произошел какой-то скандал... У Валерия Павловича прыгала челюсть».

Оксана: «Никакого скандала там не было. Может быть, приходил Мазо, а я куда-то вышла? Но скандала точно не было. И уж никакого буйного веселья в эти дни и быть не могло».

А.Высоцкий: «Конечно, я понимаю, что все они очень по-разному относились к отцу в эти дни. Одно было общим — все от него смертельно устали... Но кто-то продолжал хладнокровно тянуть деньги... А кто-то искренне переживал... Вот что я точно знаю: Игорь Годяев переживал по-настоящему, — я это видел потом. Валерий Павлович тоже переживал по-своему, — он рыдал 25-го возле отца...»

После этого, а может быть, чуть раньше, Федотов уезжает: «Я поехал на Бауманскую — к своей знакомой... Пробыл там часа два, а потом вернулся на своей тачке...»

(Вполне вероятно, что Высоцкий говорит это, чтобы сделать приятное своему другу, — он давно отказался от идеи постановки фильма... У него был билет в Париж на 29 июля. — *В.П.*)

Потом приезжали люди от космонавтов... Я вышел на улицу, встретил их... Сказал, что Володя плохо себя чувствует, что он сегодня не сможет...»

В это время на орбите работали космонавты Леонид Попов и Валерий Рюмин, а 24 июля произведен запуск корабля с Виктором Горбатко и вьетнамским космонавтом Фам Туаном.

В.Абдулов: «А они говорят:

— Как? Мы же договорились! Там люди ждут! Это же прямая связь с космосом и ребята на орбите ждут!

Я говорю:

— Вы поймите, Володя сам переживает по этому поводу... Он очень хотел. Но это просто невозможно!»

(На 24 июля назначен прямой сеанс связи с космосом. В.В. обещал принять участие в этом сеансе. — *В.П.*)

В.Янклович: «Приехали от космонавтов... Мы с Севой внизу им сказали, что Володя в больнице... Они, вроде, ушли. Но эти люди нам не поверили и через некоторое время вернулись. И поднялись на восьмой этаж. К счастью, в это время Володя не стонал... Вышла Нина Максимовна и сказала, что Володи нет дома. Тут они ушли окончательно».

Ю.Карякин: «Я откуда-то знал, что Володя в эти дни должен был петь для космонавтов, — прямая связь с космосом...»

В.Янклович: «Ну, вот... После этого сидим мы все... Я караулю у дверей, чтобы Володя не выскочил, Сева сидит на диване...

— Давайте что-то решать! Может быть, его все-таки положить в больницу?!

Я все время — к матери:

— Ну что, Нина Максимовна, будем сдавать в больницу?!

Я тогда говорил, что не надо ждать завтрашнего дня... А Володя же мне сказал:

— Не дай Бог! Не дай Бог, если ты меня отправишь в больницу. Все — между нами все кончено!

Поэтому и просили Нину Максимовну, чтобы она взяла это на себя...

И к Севе:

— А ты-то что молчишь?

Но Сева был тогда после аварии — немного заторможенный...»

После шести приезжает Федотов.

А.Федотов: «Я приехал с дежурства. Была Нина Максимовна... Я взялся за пульс — это было часов в шесть... Ну, думаю, надо «лекарство» привезти...»

В этот же день на Малую Грузинскую звонит Валерий Золотухин. Приведем запись из его дневника:

«...К телефону подошел:

— Это Дима, врач. (Вероятно, Толя. — *В.П.*) Вы меня не знаете. Володя спит.

— Как вы думаете, сколько он будет спать?

Тот засмеялся:

— Думаю, что целый день.

— Передайте ему, как он проснется, текст телефонограммы следующего примерно содержания: Геннадий Полока и Валерий Золотухин просят его очень вспомнить молодость и, как встарь: под единое знамя соединиться в общей работе.

— Хорошо, я ему это обязательно передам.

Так вот: эскулап ошибся. Володя не проснулся, а в 4 часа утра заснул навеки... обширный инфаркт... атеросклероз... аорты сердечной... и т.д.»

В.Абдулов: «Я был до вечера. Уехала Нина Максимовна... Вечером у меня была репетиция на дому у одного режиссера... Когда я уехал, оставались Янклович, Федотов и еще одна девушка...»

В.Янклович: «Федотов приехал... В 10 часов вечера уходит мать. В 11 — Сева. До этого я ездил в театр, меня освободили от работы...»

Оксана: «Меня больше всего поражало и обижало — никто не оставался! Приехали, посидели, поели, попили чайку — и пошли домой. И все прекрасно! Никому не хотелось сидеть с Володей и не спать ночами... Все устали от этого, — ведь у всех были свои проблемы, своя жизнь...»

В.Янклович: «Внизу, ниже этажом, жил профессор Мазо — уролог, хирург. На следующий день ему предстояла операция. От него звонили несколько раз. Это было вечером...»

В.Абдулов: «После репетиции я поехал на Варшавку. Позвонил на Малую Грузинскую примерно в час ночи... Валера сказал:

— Володя успокоился, я сейчас поеду домой.

Я говорю:

— Хорошо. Я вот по этому телефону — звони в любой момент».

Б.Серуш: «В этот день Володя.позвонил мне...

А вечером канадский посол, который пробыл в Союзе 14 лет, давал у себя дома прощальный прием. И мы с женой поехали к Белорусскому вокзалу купить цветы. Проезжаем мимо Володиного дома, машина стоит. Я говорю:

— Наталья, Володя звонил сегодня, надо к нему заехать, он плохо себя чувствует...

Прием закончился очень поздно, примерно в час ночи. А на улице была такая духотища! Той ночью было очень и очень душно... И моя жена говорит:

— Не могу — мне плохо. Лучше ты к Володе завтра заедешь, а сейчас поедем на дачу.

А на даче не работал телефон».

В.Янклович: «Я уехал домой во втором часу ночи... Мне надо было отдохнуть, привести себя в порядок, — у меня уже сил не было... Все это длилось почти неделю... Я все время ждал Федотова...

Перед отъездом мы с Федотовым перенесли Володю из кабинета в гостиную, поставили тахту перед телевизором...»

Приезжает А.Федотов: «Валера уехал... А Володя как всегда: «А-а... О-о...» Ладно, думаю, может, перебесится... Но ночь у него была очень хреновая — надо было взять и увезти в больницу... Почти всю ночь не спал... Потом он попросил водочки, я, честно говоря, тоже с ним засадил... Рюмочку. Но я же измотанный, уставший — слабость... Час, два... Володя все маялся...»

В.Нисанов: «Примерно в два часа ночи мне позвонил Федотов:

— Принеси немного шампанского. Володе нужно.

Я принес шампанское и ушел спать».

Оксана: «Не знаю почему, но Толя Володину кровать, на которой его и прибинтовали — нет, я уже все развязала... Эту кровать он перенес из маленькой комнаты в большую. Один перенес, и Володю перенес туда — и положил туда... По-видимому, он что-то такое успокоительное колол... Или дал выпить? Я не знаю, но Володя все время стонал... Все время какие-то звуки. А тут очень быстро прекратились всякие звуки... А перед этим у него было абсолютно ясное сознание. Он говорит:

— Ну чего ты плачешь? Не плачь, все будет нормально...

— Володя, я пойду посплю!

— Ну иди поспи...

А перед этим Толя говорит:

— Я сегодня останусь, ты сегодня отдохни.

А я же все эти ночи не спала! И какие это были ночи! То я с балкона его вытаскивала — сейчас он бросится... То в туалет водила, то в ванную... То бегала к таксистам шампанское покупать, если ему нужно было...

И вот я пошла спать, говорю Толе:

— Толя, ты не будешь спать?

— Я посижу, ты иди поспи...

(По всей видимости, последние слова Высоцкого были обращены к Оксане: «Иди поспи...» — *В.П.*)

И я пошла... А тут прекратились всякие звуки — поэтому я и заснула. Потому что мертвая тишина! Ну, думаю, — Володя заснул, и я могу поспать...»

А.Федотов: «Час, два, три... Володя все маялся. Я уснул, может быть, часа в три... Прилег и, видимо, уснул... Где-то с трех до половины пятого, — в этом промежутке умер... Меня как будто подбросило... Руки еще теплые, пульса нет, зрачки не реагируют... Во сне — инфаркт... Судя по клинике — инфаркт...»

С А.П.Федотовым было несколько разговоров о последних часах Высоцкого. Приведем еще один его рассказ:

«Я сделал укол снотворного... Час, два... Володя все маялся... Потом затих. Ну, думаю, уснул... Он уснул на маленькой тахте, которая тогда стояла в большой комнате...

А я был со смены — уставший, измотанный. Прилег и уснул — наверное, часа в три.

Проснулся от какой-то зловещей тишины — как будто меня кто-то дернул. И к Володе! Зрачки расширены, реакции на свет нет. Я давай дышать (делать искусственное дыхание «рот в рот». — *В.П.*), а губы уже холодные... Поздно».

Оксана: «И вот я пошла спать. Легла... И как мне показалось — прошло одно мгновение! Как бывает, когда глаза закрыл, сразу заснул, а тебя тут же разбудили. Вот такое состояние... Но, наверное, прошло часа два или час... Ну очень мало времени, потому что я ушла спать часа в два... Я заснула, потому что наступила мертвая тишина...

Мне кажется, что как только я заснула, влетел Толя:

— Оксана! Володя умер!

Я ничего не понимаю, вскакиваю и бегу туда, вижу — лежит Володя.

— Толя! Давай делать искусственное дыхание!

— Все! Ему уже поздно!

То есть он дал ему это лекарство — и заснул! И здесь, на диване в большой комнате и уснул. А когда проснулся — увидел, что Володя уже мертвый. Значит, минут сорок прошло.

А может быть, все это было и не так — это я сейчас анализирую...

Так... Когда я ушла, Володя еще не спал, он мне сам сказал:

— Пойди отдохни...

Толя тут же перенес кровать из кабинета, маленькая кровать такая — тахта. Он ее поставил в большой комнате, перевел Володю. Он поставил ее от телевизора — ногами к двери. А сам лег на диван. Уснул. И, видимо, Володя быстро умер...

И когда я влетела в комнату, я взяла Володю за руку. А когда я отняла свою руку, остались отпечатки моих пальцев. То есть на его руке остался след. Он уже не был теплый, он был холодный! Все! Уже покойник!

И у него были открыты глаза! То есть Володя не спал, когда умер. Значит, он умер не во сне... Вот так...

Конечно, Володя умер от скопления всего — тут масса причин... А то, что Толя дал это лекарство, — может быть, только толчок...»

Приведем еще один — более поздний рассказ Оксаны Афанасьевой о последних часах Высоцкого: «Вот что я вспомнила! Ведь наш последний разговор был в кабинете! Володя остался лежать там, на этой маленькой кровати...

— Ну как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Ты иди поспи.

А почему Володя оказался в большой комнате? Может быть, он его раньше перенес? (Об этом же говорит и В.П.Янклович.)

В столовой оставалась недопитая бутылка водки... А в большой комнате она стояла уже пустая. Толя ее допил. И может быть, он хотел посмотреть телевизор? А может быть, в шоке — после смерти перенес его туда... Но зачем? Он же ко мне не сразу прибежал...

— Толя, надо делать искусственное дыхание!

— Поздно! Я уже пробовал. Я уже пытался все сделать.

Володя был уже холодный. И даже чувствовался легкий сладковатый запах. Значит, прошло часа полтора-два».

А.Федотов: «Судя по клинике, был острый инфаркт миокарда... Я — будить Оксану! Сам растерялся, конечно. А она — в истерику! Раза три в обморок падала. Я совладал с собой — по щекам ее... Водой отливал... Я понимал, что лишних людей тут не должно быть:

— Ну-ка, давай — собирайся быстренько!

Отправил ее...»

Оксана: «Толя все это выдумал. Я никуда не уезжала, я осталась. Толя ведь — истерик. Я была собрана как никогда. Он ничего не мог делать. Я позвонила Боровским...»

А.Федотов: «Тут же я позвонил Янковичу, Туманову... Вызвал ментов, чтобы не было слухов... Есть протокол — «ненасильственная смерть»... Пока Вадим и Валера ехали, пришли менты... Когда? Я кинулся к Володе в полпятого... Пока обзванивал... Еще вызвал «скорую» — для очистки совести... Да... Бросился я к нему, к Высоцкому... А он — труп! Что делать?..

Я до сих пор себе не прощу... Валера передал его мне с рук на руки... А надо было... Во-первых, надо было его забрать в больницу — 23-го... А днем надо было сесть на машину и ехать за наркотиками... Заснул я, наверное, на час, задремал...

Смог ли бы я ему помочь? Трудно сказать, но я бы постарался сделать все. До сих пор не могу себе простить, что заснул тогда. Прозевал, наверное, минут сорок».

В.Янклович: «Толя потом этим так мучился... Он же попробовал на себе — сам стал употреблять наркотики, чтобы найти выход. Однажды прибежал ко мне такой радостный:

— Все! Я нашел способ! Теперь бы я его спас!

Но и он не смог победить эту болезнь, — от нее и умер».

В.Баранчиков: «Толя настолько Володю любил, что шел до конца. Вы знаете, что значит списать пустую ампулу, да еще в Олимпиаду?! А Федотов доставал любыми путями.

И никому не доверял Володю. Ну, может быть, его методы не сходились с методикой других специалистов, да и в этом деле он был не очень опытным доктором. И поймите, тогда от наркомании еще никто не излечивался».

О.Емельяненко, знакомый Высоцкого: «Толя Федотов пил беспробудно — и на похоронах, и на девять дней, и на сорок. Он считал себя виновным в смерти Володи: вроде бы как заснул... Ведь Володя

настолько верил в него, настолько это демонстрировал и говорил всем, что Толя его личный врач.

Никто из ребят не считал его виновным, нет, Боже упаси...

О.Филатов: «Ну что, Толя Федотов... Зря он себя так казнил. Володя сам себя износил: и свой организм, и свой мозг...

Хотя если у меня на операционном столе умирает совершенно безнадежный больной, тоже возникает чувство вины. Думаешь, может быть, надо было сделать не так, а по-другому... Вобщем, такое «самобичевание врача...»

(Перед самым выходом этой книги работник аппарата Министерства внутренних дел России сообщил, что в августе—октябре 1980 года проводилось предварительное расследование «О неумышленном убийстве Высоцкого», причем выдвигалась совершенно другая версия его смерти. — *В.П.*)

Итак, время смерти Высоцкого, скорее всего, 3 часа 30 минут или может быть, 3 часа 40 минут, а не 4 часа или 4 часа 20 минут, как принято считать сейчас.

В.Янклович: «Я приехал домой, отключил телефон... У меня уже сил не было — все это длилось уже почти неделю. Но вдруг меня как будто дернули — я вскочил и включил телефон. И сразу же раздался звонок! Звонил Толя Федотов:

— Валера, срочно приезжай! Володя умер!»

Оксана: «Все стали приезжать... Когда Володя умер, у меня еще неделю вот здесь, на руках, были синяки. Он все время держал меня за руку».

25 ИЮЛЯ 1980 ГОДА

Люди не только запомнили, что в ночь с 24 на 25 июля 1980 года умер Владимир Семенович Высоцкий, — практически все запомнили и помнят до сих пор: при каких обстоятельствах они узнали это, что делали потом...

В.Туманов: «Без двадцати четыре звонит Федотов:

— Вадим! Володя умер!

Федотов спас его в Бухаре, а в ту ночь мог бы и не спать... Потом, ты знаешь, он был уставший, со смены...»

В.Янклович: «Я в шоке выскочил из дома, сразу же поймал такси.

— В Склифосовского!

Побежал в реанимацию, испуганный таксист за мной! Меня било как в лихорадке, там мне сделали какой-то укол... Врачи сказали:

— Мы едем за тобой!»

Владимир Коган — фельдшер реанимобиля, работник института Склифосовского: «А ночью — часа в четыре утра — прямо к нам прибежал Валерий Янклович:

— Володе плохо!

А мы же на государственной службе — надо оформлять наряды, все эти бумаги, — но здесь мы сразу же выскочили, сели в машину... Приехали на Малую Грузинскую вместе с Рюриком Кокубавой...»

Первым приезжает В.Туманов, Федотов ему говорит:

— Вот, понимаешь, Вадим, я заснул... Проснулся, а он — мертвый».

В.Янклович: «Входим в дом — я приехал на такси, врачи — на реанимационной машине... Там уже Вадим Туманов с сыном...»

В.Нисанов: «Проснулся от звонка в дверь. Это был Валерий Павлович Янклович:

— Валера! Володя умер.

Я быстро оделся, спустился вниз. Володя лежал в большой комнате на кушетке. Уже совершенно холодный... В квартире был милиционер — начальник паспортного стола нашего отделения милиции...»

В.Коган: «Володя лежал в большой комнате, уже мертвый. Там была еще одна реанимационная бригада — ее вызвали из дома... Валера сел рядом с ним, прямо на пол, схватился за голову...

В квартире было довольно много людей, — я не знал никого, кроме Янковича и Абдулова. Нет, был еще Вадим Иванович Туманов, но его я узнал потом. Была там еще одна девушка, как мне сказали потом, — Оксана. Все были какие-то испуганные».

В.Абдулов: «На рассвете меня разбудил звонок матери:

— Сева, срочно к Володе! Там что-то страшное.

Я выскочил к машине — был очень яркий солнечный рассвет, — помчался к Володе. Я приехал на Малую Грузинскую — абсолютно пустая улица — и две реанимационные машины. Из подъезда уже выходили врачи:

— Сева — все!

Это было между пятью и шестью утра».

В.Коган: «Мы подошли к Володе: все было ясно — мертв. Ну, горе, что тут говорить... Мы пробыли в квартире минут пятнадцать. Да, и все они там были поддатые... Это было видно совершенно точно. А когда мы подъехали, на улице уже стоял милиционер...»

В.П.: «А причина смерти?»

В.Коган: «Ох... Это уже потом у нас пошли всякие домыслы — стали думать: как и почему это могло случиться... А тогда — на первый взгляд — это была скоропостижная смерть. Ничего такого ярко выраженного не было. Никаких следов насилия или чего-то там еще не было. Обыкновенный умерший человек. Он лежал, как будто спал. Руки были вытянуты вдоль туловища, абсолютно белые руки».

В.Янклович: «...а у меня все время мысль: будет обыск, будет обыск... В кабинете был такой плафон, — Володя туда прятал пустые ампулы... Я говорю:

— Давайте их уберем!

К этому времени я уже пришел в себя... И (до приезда милиции) мы выгребли из люстры пустые ампулы...»

В.Шехтман: «Мы были на дне рождения... Остались ночевать, — это было недалеко от Малой Грузинской... В пять утра меня будит жена:

— Вставай, Володя умер!

А я лежу, как раздавленная рыба:

— Отстань, уже тысячу раз это было...

— Да нет... Наверное, это правда. Звонила моя мама.

Тут я вскочил. Сел в машину, быстро приехал.

Володя еще лежал в большой комнате. А потом — все совершенно смутно, как в тумане... Ты понимаешь, для меня это было...»

В.Янклович: «Состояние у всех лихорадочное... Никто не знает, как себя вести, что делать... Я говорю:

— Ребята, надо прежде всего позвонить в милицию. Это же — Высоцкий...»

(А Федотов утверждал, что это он вызвал милицию гораздо раньше и что был составлен протокол о «ненасильственной смерти». — *В.П.*)

В.Янклович: «Володя умер в большой комнате, мы перенесли его в маленькую...»

А.Штурмин: «Когда я приехал — около семи утра, — Володя лежал уже в маленькой комнате... Накрытый простыней... Я только посмотрел ему в лицо...

В этот день Володя должен был приехать в Олимпийскую деревню... Мы договорились, что он в 12 часов подъедет вместе с Янкловичем. Еще раньше я завез Володе оформленный пропуск, нарисовал план — обозначил место, где мы должны были встретиться».

В.Янклович: «Стали обсуждать, кто будет звонить матери, отцу, Марине... Я сказал, что отцу еще могу позвонить, но матери — нет... Туманов позвонил матери, а я — отцу. Кто будет звонить Марине? — Сева... Сева позвонил... Как только телефонистки узнали о смерти Высоцкого, весть быстро распространилась по Москве...»

Оксана: «Я ведь еще и маму встречала — никто не захотел. Она вышла из такси, я подошла к ней:

— Что, Володя?!

— Да, Нина Максимовна.

И она стала оседать, падать... Мы подхватили ее под руки.

А на похоронах она даже не посмотрела в мою сторону».

Марина Влади: «В 4 часа утра 25 июля я просыпаюсь в поту, зажигаю свет, сажусь на кровати. На подушке — красный след, я раздавила огромного комара. Я не отрываясь смотрю на подушку — меня словно заколдовало это яркое пятно. Проходит довольно много времени, и, когда звонит телефон, я знаю, что услышу не твой голос. «Володя умер».

Ревекка Шемякина: «В ту ночь я спала у телефона... Моя Дора (дочь Ревекки и Михаила Шемякиных) накануне попала в полицию. Просто так — взяли панков, и Дора попала за компанию. Ну, я, конечно, перенервничала, лежала у телефона, ждала звонка... И вдруг очень рано, часов в семь утра, — звонок! Я вскочила — Миши не было в Париже, — взяла трубку. И вдруг голос Марины:

— Ривочка, Володя умер...

Она это сказала, я выронила трубку... Марина сразу приехала...»

В.Янклович: «Марине сразу дали визу, она прилетела вечером...»

В.Абдулов: «Что меня спасло от помешательства — надо было много чего делать... Я быстро дозвонился Марине. . В театр и по всем этим делам звонил Валера...»

Но Любимов уже знает о смерти Высоцкого... Оксана позвонила — еще ночью — Боровскому. Боровский сразу же сообщил Любимову.

В.Абдулов: «Потом я взял Володину телефонную книгу и выписал номеров двадцать... Не только друзей, но и людей, которые могли помочь. Я позвонил космонавтам, одному из первых — Иосифу Кобзону, Вайнерам... Нужно было срочно сделать два дела — место на кладбище и некролог...»

В.Янклович: «Уже пришла милиция... Часов в восемь—девять... Надо было сделать свидетельство о смерти... Кто мог сделать? Конечно, Федотов... Но нужен паспорт, советский паспорт, а у Володи — заграничный... Годяев поехал в ОВИР — обменять паспорт, Федотов — за свидетельством...»

В.Шехтман: «Федотов сразу рванул в поликлинику... У Толи было сложное положение... Володя перед этим попросил его помочь Нейгаузу, а Нейгауз умер на руках у Федотова...

А как получилось? У Нейгауза была подруга-француженка, они с Володей летели вместе из Парижа. И Володя говорит, что вот у меня есть такой врач Толя. Так Федотов попал к Нейгаузу...

Я потом разговаривал с этой француженкой (Бриджит Анжерер. — *В.П.*) — она не знала, что я знаю Толю...

— Он такой безалаберный, этот Толя... «А-а, ерунда... Сейчас сделаем укольчик!»

Толя действительно такой... А Нейгауз — умер».

В.Янклович: «Федотов мог делать ошибки и, наверное, их делал. Но он, повторяю, все брал на себя. «Все будет хорошо, все будет нормально!»

Он стольких людей вытащил».

О.Филатов: «Методики, которыми Толя выводил Высоцкого из тяжелых состояний, насколько мне известно, были достаточно рискованными. Но Анатолий был очень квалифицированным специалистом, он делал все что мог».

А.Федотов: «Я ездил в поликлинику... Мы это проделали гениально... Я говорю, что наблюдал... Что кандидат наук... Она — раз! И подписала...

Свидетельство о смерти... Мы там написали... «Смерть наступила во сне... В результате абстинентного синдрома и острой сердечной недостаточности... Склероз венечных сосудов сердца...»

Как без вскрытия? Я же долго лечил его... Наблюдал агонию... А было бы вскрытие, — увидели бы следы уколов...

А в карточке я написал: «Страдал хроническим алкоголизмом... Развилась миокардиодистрофия». Да, когда я оформлял свидетельство о смерти, заметил, что в карточке всего одна запись — один раз обращался в поликлинику... Флегмона — подкожное заражение... Запись сделана примерно за месяц до смерти».

ВРАЧЕБНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ
По книге ЗАГСа, запись № 2239.

1. Место смерти (область, край, республика) — РСФСР
Район — Краснопресненский, город — Москва.
Смерть последовала в стационаре, дома, в другом месте (подчеркнуть) — дома.
Где: ул. М.Грузинская, 28, кв.30.
2. Место постоянного жительства умершего:
(для приезжих — область, край, республика) — РСФСР, район — Краснопресненский, город — Москва.
3. Фамилия, имя, отчество умершего:
Высоцкий Владимир Семенович.
4. Пол: мужской, женский (подчеркнуть) — мужской.
5. Дата рождения: год — 1938, месяц — январь, число — 25.
6. Смерть произошла от заболевания, несчастного случая на производстве, убийства, самоубийства, род смерти не установлен (подчеркнуть) — заболевания.
7. Причина смерти (заболевание или осложнение основного заболевания) — а) острая сердечно-сосудистая недостаточность.
8. Заболевание, вызвавшее или обусловившее непосредственную причину смерти: — б) атеросклероз венечных артерий сердца.
9. Причина смерти установлена: врачом, установившим смерть; врачом, лечившим умершего; судебно-медицинским экспертом; врачом-хирургом; патологоанатомом (подчеркнуть) — врачом, установившим смерть.
10. Врачебное свидетельство выдано:
а) наименование медицинского учреждения: поликлиника № 174.
б) Ф.И.О. врача, выдавшего свидетельство о смерти: тер. Ильиных.
11. Врачебное свидетельство проверено в ЗАГСе 31 июля 1980г.

Л.Сульповар: «Двадцать пятого мне позвонили: Володя умер! Я поехал не сразу — занимался делами с патологоанатомами... На Малую Грузинскую выехал наш реанимобиль. Врач — Кокубава, фельдшер — Володя Коган. Когда я приехал — народу было много...»

С.Щербаков: «Ведь этот диагноз — якобы инфаркт миокарда — он всех устроил. Все с радостью за него ухватились. А ведь все это делается очень просто: берется одна кардиограмма... Я могу вам показать с десяток кардиограмм с инфарктом... Все дело в том, чтобы убрать предыдущие, — тогда не с чем сравнивать. О том, что подсунули кардиограмму, мне говорили Годяев, Сульповар и еще кто-то из фельдшеров наших...

А 25-го я прихожу на работу, а мне говорят фельдшера:

— Станислав Алексеевич, Высоцкий умер.

Я разозлился страшно. Ведь почему мы с Леней взорвались 23-го? Это была кома! Медикаментозная кома.

И если 25-го был аналог ситуации 23-го — а судя по всему, аналог был полный, — Высоцкий умер от асфиксии. Запал язык, и он просто не смог дышать. Ведь он был полностью релаксирован — расслаблен — за счет больших доз седативных препаратов... А ведь Федотов его «лечил» этим методом не день и не два — по крайней мере, две недели...»

Л.Сульповар: «В общем, напоили его хлоралгидратом, он, вроде, и уснул. Но, понимаете, есть такое понятие — врачебная этика: я ничего не могу утверждать окончательно, у меня могут быть только соображения по этому поводу. А являются ли эти соображения абсолютно достоверными в данной ситуации, сказать очень сложно...

А по идее, там может быть сочетание причин. И отравление хлоралгидратом — самое банальное. Ведь его давали пить! — неизвестно сколько и неизвестно с чем... Но скорее всего — это сугубо мое мнение, — Высоцкий умер в результате западения языка и асфиксии».

Б.А.Медведев: «Судя по всему, организм был полностью расслаблен за счет большого количества седативных препаратов. В такие моменты может произойти и западение языка, и смерть наступает от удушья. Таких больных, разумеется, надо наблюдать...»

В.Янклович: «Приехали родители... Часов в десять приехали Любимов с Боровским...»

Ю.П.Любимов: «25 июля в пять часов утра мне позвонил Давид Боровский и сказал, что Володя умер...»

В.Янклович: «Неожиданно дежурный по городу — генерал милиции — присылает людей и требует везти тело на вскрытие. И тут надо отдать должное Семену Владимировичу — он действовал решительно. Категорически запретил вскрытие. А было бы вскрытие, может быть, обнаружили бы побочные явления, узнали бы о болезни... Последовала бы отмена диагноза...»

Л.Сульповар: «Вскрытия не было... Ну, это целая эпопея... Этим я и занимался в институте... У нас работает патологоанатом академик Пермяков. Он очень хорошо относился к Володе, и удалось договориться, что вскрытия не будет. А там уже приехали забирать...»

В.Шехтман: «Зашли двое...

— Где тут? Мы за трупом приехали... В морг...

Я посмотрел вниз, — стоял крытый УАЗ. По-моему, этих мужиков выгнал Семен Владимирович...»

По свидетельству В.И.Туманова, С.В.Высоцкий настоял на том, чтобы вскрытия не было...

Л.Сульповар: «Да, в общем, все сразу не хотели вскрытия... Ведь что означало вскрытие в той ситуации? Во-первых, судебно-медицинская экспертиза. Вскрывается и описывается каждый кусочек тканей. А значит, были бы отмечены и уколы, и рубцовые изменения. Все это сразу же стало бы известным — начались бы никому не нужные разговоры о наркомании.

Вот почему я позвонил Пермякову и попросил его отменить вскрытие. Вначале говорили, что это невозможно, но Пермяков сумел настоять. Он знал и ценил Володю».

(По сведениям, полученным от уже упоминавшегося работника аппарата МВД России, в последние годы и в КГБ, и в МВД было известно, что Высоцкий употребляет наркотики. — *В.П.*)

С.Щербаков: «Да, вскрытия не было... Но оно могло и не установить точной причины... Кстати, утром 25-го я думал, что Высоцкого привезут на вскрытие в Склиф. И совершенно озверевший, я позвонил своим судмедэкспертам (хотя, конечно, этого делать не следовало)... И говорю Инессе Васильевне Вороновой:

— Сейчас привезут Высоцкого — посмотрите, чтобы кровь взяли на все яды...

Но Высоцкого не привезли».

Не только С.Щербаков думал, что тело В.Высоцкого привезут в Склиф. Вспоминает еще один участник компании Кочаряна — каскадер Олег Савосин:

«Поздно вечером 25-го мне позвонил Аркадий Свидерский и сказал, что умер Володя...

— Олег, назавтра часов в семь я тебе позвоню, поедем забирать его из Склифосовского».

Оксана: «Вскрытия не было... Я думаю, что друзья и убедили отца, чтобы не делать вскрытия. Хотя, я думаю, что ни для кого не было секретом, что Володя был наркоман...

Знаете, Валера, все эти тайны... Конечно, Высоцкий был гениальный человек. Но Володя ведь не мог быть информирован по всем вопросам как специалист-профессионал. Многие представления были у него от своих друзей...

Вот, например, он хотел излечиться от наркомании, — а это никак нельзя было сделать официально. Но, по-моему, это чушь. Наверняка, все это можно было сделать каким-то нормальным путем. Можно было найти какие-то возможности...»

Л.Сульповар: «Не думаю, что после вскрытия было бы заведено дело... На хлоралгидрат анализов не брали... Да и хлоралгидрат — наверное, только одна из причин смерти».

В.Янклович: «Леня Сульповар прислал людей, они спустили кровь... Сделали заморозку тела».

В.Шехтман: «Леня Сульповар привез бригаду — замораживать тело. Я даже зашел туда — это было в маленькой комнате. Уже немного вспух живот... Они сделали вскрытие, закачали какую-то жидкость...»

Л.Сульповар: «Обычно это называют «заморозкой тела», а на самом деле формалином заливают сосуды... Точнее, это можно назвать «бальзамированием».

Л.Сульповар: «Народу было много... Помню, что пришла племянница Гиси Моисеевны — помните, «Баллада о детстве»?»

В.Янклович: «Звонок в дверь. Открываю — незнакомая женщина...

— Я — племянница Гиси Моисеевны...

Народу уже много, начинаем обсуждать похороны... Где? Возникает вариант Новодевичьего...»

Л.Сульповар: «Я присутствовал при обсуждении — где хоронить. Отец настаивал:

— Только на Новодевичьем!

И все это было настолько серьезно, что начали это дело пробивать».

Ю.Любимов: «Вопрос о похоронах решался на самом высоком уровне».

В.Янклович: «Любимов звонит в Моссовет. Ему отвечают:

— Какое там Новодевичье?! Там уже не всех маршалов хоронят».

Л.Сульповар: «Пытались связаться с Галиной Брежневой, но она была где-то в Крыму. Второй вариант тоже не получился: через Яноша Кадара хотели выйти на Андропова...»

Д.Чижков в своей книге «Отражения» пишет о том, что Андропов каким-то образом помог в организации похорон Высоцкого... (Организовал заслоны и приказал прекратить доступ в театр в два часа. — *В.П.*) Ю.Андропов — тогда был председателем КГБ СССР.

В.Янклович: «На каком же кладбище хоронить? Родители говорят, что на Ваганьковском похоронен дядя Володи — Алексей Владимирович. Володя его очень любил».

25 июля. 10.28. Агентство Франс Пресс из Москвы.

«Советский актер и певец Владимир Высоцкий, муж французской актрисы Марины Влади, умер в пятницу от инфаркта. Владимир Высоцкий был знаменит в Советском Союзе как ролями на Таганке, московском авангардистском театре, так и своими песнями. Некоторые из них были очень критичными по отношению к режиму... Марина Влади должна прибыть сегодня в Москву. Похороны состоятся в будущий понедельник».

А в СССР первое сообщение о смерти Владимира Высоцкого появилось в «Вечерней Москве». Второе — и последнее — в «Советской культуре»: все остальные средства массовой информации — газеты, радио и телевидение — хранили полное молчание. Но о смерти Высоцкого уже знала вся Москва, вскоре узнала и вся страна... Вечером заработали «вражеские радиоголоса». За «бугром» успели сделать целые передачи, посвященные памяти Высоцкого.

Оксана: «Мы сидим в кабинете... И папа, отбирая книги иностранных издательств, которые он возьмет с собой, говорит мне:

— Оксана, я думаю, вам не стоит приходить на кладбище...

— Почему же, Семен Владимирович?

— Ну, вы, наверное, будете бросаться в могилу?

— Знаете, Семен Владимирович, я в ваших советах не нуждаюсь. Я сама решу, приходить мне на кладбище или нет...

А потом я ушла из дома, потому что там было отвратительно... Я так быстро ушла, что даже оставила сумку с документами. Позвонила Боровскому:

— Давид, возьми мою сумку... А еще — я тебя очень прошу — там в бюро лежат два кольца. Это единственное, что я хочу взять. Для меня это дорого, для меня это — память. Попроси, чтобы Валера (Янклович. — *В.П.*) их нашел.

Эти два кольца никто не нашел, хотя накануне они там лежали».

В.Янклович: «В конце концов, примерно к 12 часам мы получаем свидетельство о смерти... И милиция дает разрешение на похороны».

Ю.Любимов: «Вначале был возмутительный приказ, на что я ответил, что выполнять его не буду, — Владимира будут хоронить его друзья. Я ответил жестко: «Вы же его травили!» Потом они проконсультировались и решили в этом вопросе уступить».

Вероятно, вначале (интересно, кто этим занимался?) настаивали на «закрытых» домашних похоронах...

В.Янклович: «Любимов пришел часов в десять утра. Первый вопрос: где и как хоронить...

А через некоторое время он отозвал меня и сказал:

— Валера, я тебя очень прошу, — надо сразу же заняться архивом. Ты даже не представляешь, как это важно.

— Юрий Петрович, а что надо сделать?

— Надо собрать весь архив и спрятать его.

И вот — Володи уже нет, еще ничего не ясно, а мы с Севой в чемоданах перетаскиваем все бумаги в кабинет. И по указанию Любимова запираем его на ключ».

А.Макаров: «Мне позвонили утром, часов в двенадцать я был на Малой Грузинской... Я был там все время, пока не прилетела Марина. Приходилось как-то регулировать этот громадный поток людей... Вскрытия не было, потому что все было ясно: какое сердце способно выдерживать такие перегрузки?! А как было получено свидетельство о смерти, я не знаю — честно говоря, это меня не касалось. Я много был с Володей эти дни и никаких следов веревок на руках не видел. Какая чушь — все эти разговоры о веревках...»

В.Янклович: «Кобзон с Севой едут в Моссовет — пробивать Ваганьковское...»

В.Абдулов: «Это было так... Я позвонил Кобзону:

— Иосиф, прости ради Бога, за страшную весть: Володя умер. Нужен некролог.

Он говорит:

— Я поеду в ЦК — буду звонить оттуда.

Он позвонил — добился некролога в «Вечерке» и в «Культуре». И попросил, чтобы я подъехал к телеграфу, чтобы вместе зайти в Моссовет. Я подъехал к телеграфу, и, пока ждал Иосифа, подходили знакомые и незнакомые люди и спрашивали:

— Это правда?

Потом мы пошли в Моссовет и выбили разрешение на Ваганьковское. Мне кажется, это было около двенадцати часов дня.

Поехали на Ваганьковское, спросили: где директор кладбища? Зашли, нам навстречу поднялся молодой приятный человек, который сказал:

— Я вас ждал...

Пошел и показал нам это место. Сразу же привел именно на это место — прямо у входа. Я говорю:

— Знаете, чтобы сердце было абсолютно спокойно, покажите все, что возможно...

Мы втроем осмотрели все свободные места, — но все это не шло ни в какое сравнение... Мы вернулись, он сказал, что можно приарезать еще немного земли.... А потом Иосиф достал пачку денег и пытался ее вручить... Этот человек от денег просто отпрыгнул:

— Да вы что?! Я же его любил!

Это абсолютно точно».

Дело в том, что было много «версий в виде сплетен» о том, как было получено это место на Ваганьковском... Еще одна — отдельная история о «могиле майора Петрова», которую якобы затоптали невежественные поклонники Высоцкого. Об этом — в будущей книге «Владимир Высоцкий. Посмертная судьба».

В.Янклович: «Разрешение хоронить на Ваганьковском получено. Они (Кобзон и Абдулов. — *В.П.*) сразу же поехали туда: выбирать место, договариваться о могиле... К двум часам Кобзон и Сева вернулись и сказали, что место хорошее и все в порядке.

Петрович уезжает в театр готовиться к похоронам...»

Примерно к двенадцати часам дня в доме сделано практически все, что возможно. Как утверждает Нисанов, в это время он сделал

снимок: у тела Высоцкого — Абдулов, Туманов, Янклович, Годяев (очень известная фотография)...

В.Туманов: «В тот день мне пришлось отвечать на сотни телефонных звонков в квартире Высоцкого. Запомнился звонок космонавта Гречко:

— Могу ли я чем-нибудь помочь? Все же запишите мой телефон».

Театр на Таганке... Заведующая кадрами Е.И.Авалдуева: «Рано утром мне домой позвонил знакомый с телефонной станции:

— Звонили Марине Влади в Париж. Сегодня ночью умер Высоцкий».

А.Демидова: «Приезжаю в театр к 10 часам на репетицию. Бегу, как всегда опаздывая. У дверей со слезами на глазах Алеша Порай-Кошиц — заведующий постановочной частью.

«Не спеши». — «Почему?» — «Володя умер». — «Какой Володя?» — «Высоцкий. В четыре часа утра».

В.Золотухин: «В кассе театра мне сообщили, что умер Володя Высоцкий. Бейдерман некролог пишет». (С.Я.Бейдерман — художник-декоратор. — *В П*)

Е.Габец — актриса Театра на Таганке: «Утром я иду у приемной Верховного Совета. Олимпиада — милиция в белом, с рациями... Вдруг прямо у тротуара останавливается машина, стало плохо водителю... Подходит милиционер...

— В чем дело, товарищ?

— Плохо с сердцем... умер Высоцкий...

Он передал по рации. Первый, второй, третий.. — до гостиницы «Москва» — все милиционеры снимали фуражки. Это была потрясающая сцена...»

А.Демидова: «Репетицию отменили. Сидим на ящиках за кулисами. Остроты утраты не чувствуется. Отупение. Рядом стрекочет электрическая швейная машинка — шьют черные тряпки, чтобы занавесить большие зеркала в фойе...»

В.Золотухин: «Каждый, вспоминая свои последние встречи с умершим, обязательно вспомнит нечто предвещающее и только ему открывшееся: один его глаза остановившиеся вспоминает, и не был ли он косоват от природы, другой — его ледяные пальцы, кровь не

проталкивается, не циркулирует, третий — что он говорил, что «так плохо, так плохо...просто конец...» и т.д».

По-разному узнают о смерти Высоцкого друзья и знакомые... Николай Тамразов звонит от зубного врача: «Я позвонил. Слышу незнакомый голос:

— Валера — это ты?

— Нет, это Любимов.

— Юрий Петрович, это правда?

— К сожалению, правда».

Б.Серуш: «Шла Олимпиада, и утром я поехал смотреть прыжки в воду — обещал одной своей знакомой... Хотел заехать — снова проезжаю мимо Володиного дома... Машины во дворе нет, — ну, думаю, все в порядке — уехал.

Приезжаю в офис, который был в гостинице «Украина», секретарша говорит:

— Вам звонили от Высоцкого, просили срочно заехать к нему домой.

А телефон у меня на даче не работал... И я поехал к Володе. Меня встретил Янклович... Валера провел меня в спальню. Там лежал мертвый Володя».

Василий Аксенов уже в Париже: «Почему мне довелось узнать о его кончине в городе, который он называл «Парижск»? Из телефона-автомата на street... Вот тебе и выгоды прямой связи с Москвой. Если бы ее не было, еще до вечера Володя был бы для меня жив».

Из друзей Высоцкого одним из самых последних узнает о его смерти Иван Бортник: «Телефон у меня был отключен... Я уже собирался на спектакль: двадцать пятого — «Десять дней. .» Татьяна (жена И.Бортника): «Володя умер!» Ей уже сказали...»

Но не все самые близкие люди узнали сразу. Вспоминает Людмила Абрамова:

«Рано утром Аркаша уехал в Долгопрудный. (Там находится физико-технический институт, куда Аркадий Высоцкий сдавал вступительные экзамены. — *В П*) Он не нашел своей фамилии в списках зачисленных. Его не приняли по тем самым соображениям — отец связан с заграницей...

25 июля 1980-го. Мы с Никитой были у моей мамы — смотрели по телевизору что-то олимпийское. Ждали Аркашу с физтеха — его

не было. Не дождавшись, пошли домой. Еще из лифта был слышен телефонный звонок — я подумала, что это Аркаша, схватила трубку. Володя умер. Уже вся Москва знает...

В те годы часто возникали слухи жуткие, что Володя насмерть разбился на своем «Мерседесе», что покончил с собой, что его уволили из театра, а чаще всего, что он решил стать эмигрантом... Я пугалась, верила, потом перестала верить... Но не только у меня — у многих было предчувствие: вот-вот случится. Поэтому эти слухи так быстро облетали Москву. Говорили, что он пьет. Говорили, что ищет смерти, гоняя на машине. Говорили, что он исписался, что нет новых песен, что хочет уйти из театра... Но уж сколько лет, сколько раз говорили... Все равно это было неожиданно — смерть. Во всей своей громадной непоправимости. Смерть. Так мы все перед ней и остановились. Ничего не поняв. Никакие слухи, никакие предчувствия, ни знание — ничто не может к этому подготовить. Смерть нельзя понять».

А.Демидова: «Трагическая весть сразу же распространилась по Москве... Асфальт тротуара перед некрологом был устлан афишами спектаклей, в которых участвовал Высоцкий, и на эти афиши люди каждый день клали живые цветы. На окнах Театра на Таганке, на стенах уже 25-го числа вывешивали стихотворения памяти Владимира Высоцкого».

В.Янклович: «Петрович уезжает в театр, готовится к похоронам, я остаюсь в квартире. Приезжают Дупак — директор Театра на Таганке и журналист Надеин, Володин знакомый. Дупак сказал, что его вызывали в горком партии и чуть ли не сам Гришин сказал, что похороны надо провести на самом высоком уровне, что чуть ли не улицу назовут именем Высоцкого. Надеин говорит, что в «Советской культуре» заказали некролог. Мы все читали текст, правили... В итоге: никакого «высокого уровня» не было — хоронил театр. Некролога тоже не было».

«Министерство культуры СССР, Госкино СССР, Министерство культуры РСФСР, ЦК профсоюза работников культуры, Всероссийское театральное общество, Главное управление культуры исполкома Моссовета, Московский театр драмы и комедии на Таганке с глубоким прискорбием сообщают о скоропостижной кончине артиста Владимира Семеновича ВЫСОЦКОГО и выражают соболезнование родным и близким покойного». («Вечерняя Москва», 25 июля 1980 г.)

А.Демидова: «Сообщение о смерти было 25-го в «Вечерке» и 27-го в «Советской культуре». В Театре на Таганке в окне были вывешены некролог и объявление, что доступ к телу для прощания будет открыт в понедельник, 28 июля».

Н.Сайко: «Актеров обзванивал Порай-Кошиц... Днем все поехали к Володе... Помню, что Олегу Далю стало плохо...»

Н.Тамразов: «Мы с Лотовым приехали позже... Нас встретил Янклович. В квартире были отец и мать. Валера провел нас в спальню. Володя лежал на полу — одетый. Лицо было накрыто влажной марлей.

Мы вышли на балкон, внизу стояли люди. А в доме шли такие разговоры, что надо сделать все, чтобы ничего из наследия не пропало... «Надо все собрать и сохранить...» А я на балконе сказал Лотову:

— Да, надо... Но поверьте мне, придет другой — новый лидер, и он обязательно «реанимирует» Высоцкого...

Владимир Сидорович может подтвердить...»

В.Абдулов: «И параллельно — я уже не помню когда — я отвез Володин архив Борзу — брату Серуша Бабека. А потом он попал к Давиду Боровскому.

Хорошо помню, что я вынес два чемодана, положил их в машину, поехал... И поверьте — это не было игрой в казаки-разбойники... Я долго ездил по Москве, чтобы убедиться — за мной никого нет. А потом поехал на Кутузовский.

Подъехал прямо к офису, причем въехал туда, куда нельзя было въезжать, оставил там эти два чемодана».

И.Шевцов: «Я приехал, дверь открыл Валера Янклович, провел меня... На кухне сидели, обсуждали некролог. Я помню Надеина... Говорили: Высоцкий останется, не останется...

Валера дал мне рукописный текст... У меня осталось впечатление, что это было на открытке. Янклович говорит:

— Надо это перепечатать. Это последнее стихотворение.

— А машинка есть?

— Машинки нет. Пойди возьми у соседей.

Я пошел, позвонил... Сказал, что вот такое дело...

— Вы не могли бы дать машинку?

...А через десять лет я столкнулся с этим человеком. Очень трогательная встреча... Я смотрю — что-то знакомое. И вдруг этот чело-

век начинает рассказывать мне историю, как десять лет назад один человек взял у него машинку, чтобы перепечатать последнее стихотворение Высоцкого...

Я взял у него эту машинку, перенес в Володину квартиру, поставил на журнальный столик в большой комнате. И с рукописи перепечатал это стихотворение. Напечатал «Бог» с большой буквы... То есть «...тобой и Господом храним .» А в рукописи, по-моему, было с маленькой... И разночтение двух строчек — сначала написал один вариант, потом другой...

И с этой перепечатки — со всеми знаками препинания — это стихотворение и пошло гулять по стране...»

П.М.Леонов — заведующий литературной частью театра: «В восемь вечера спектакль «10 дней, которые потрясли мир». Любимов вышел на сцену и сказал о смерти Высоцкого... Текст мы набросали вместе...»

В.Золотухин: «Шеф, когда села публика:

— У нас большое горе... Умер Высоцкий... Прошу почтить...

Зал встал...

Я вышел на первый зонг с гармошкой и не смог удержать слез. — «Не скулите обо мне, ради Бога».

В.Янклович: «Вечером мы с Бабеком поехали встречать Марину. Она прилетела вместе с сыном Петей».

Марина Влади: «В комнате с закрытыми окнами лежит твое тело. Ты одет в черный свитер и черные брюки. Волосы зачесаны назад, лоб открыт, лицо застыло в напряженном, почти сердитом выражении. Длинные белые руки вяло сложены на груди. Лишь в них видится покой. Из тебя выкачали кровь и вкололи в вены специальную жидкость, потому что в России с покойниками долго прощаются, прежде чем хоронить...»

В.Янклович. «Решаем вопрос: в чем похоронить Высоцкого... Долго обсуждаем этот вопрос вместе с Мариной и с Любимовым. Вначале решили хоронить в костюме Гамлета — в подлинном костюме, в котором Володя играл на сцене. Потом решили по-другому. подлинный костюм оставить в театре, а из Володиных вещей подобрать такой же. Нашли черный свитер и черные брюки.

Уже часа в два ночи говорили о реанимационной машине, в которой предполагалось отвезти Володю в театр».

А.Демидова: «Его и похоронили в новых черных брюках и новом черном свитере, которые Марина Влади привезла из Парижа. (Я первая написала, что мы хоронили его в костюме Гамлета, потом многие это повторяли, и я хочу внести нужное уточнение.)»

В.Янклович: «В первую ночь в квартире остались Марина и Нина Максимовна. Часа в три ночи звонит Марина и просит срочно приехать. Я приезжаю и понимаю, что у них произошел серьезный разговор. И Марина хотела, наверное, чтобы я стал третейским судьей в каких-то вопросах. Она начинает говорить, что в последние годы именно я вел Володины дела — и финансовые, и творческие... Чувствую, что разговор пойдет об архиве. Марина меня спрашивает:

— Валера, ты не видел моих писем?! Я не могу их найти.

Я ответил, что не видел. Значит, эти письма в архиве были... Но куда они делись, до сих пор никто не знает. Потом Нина Максимовна легла спать, а мы еще долго разговаривали Марина призналась, что в последнее время у них с Володей были несколько натянутые отношения...»

Все эти дни и ночи под окнами дома Высоцкого стояли люди!

26 И 27 ИЮЛЯ

Марина Влади: «Я вхожу в твой кабинет. Единственное место, оставшееся нетронутым, — это рабочий стол Все остальное перерыто, переставлено, переложено. Не осмелились только прикоснуться к рукописям. И когда я машинально укладываю в чемодан сотни листочков и передаю его одному из друзей, чтобы он спрятал, я еще не знаю, что просто спасаю твои стихи.

В последнюю минуту родители, очевидно, не решились подвергнуть цензуре и уничтожить то, что ты написал своей рукой. И этот мой поступок, понятый позже как воровство, позволил мне передать в ЦГАЛИ все, что ты создал бессонными ночами за годы тяжкой работы».

Тут перемешаны события, происходившие сразу после смерти Высоцкого и гораздо позже... Но Марина Влади, напомним, писала не воспоминания, а художественное произведение... И все же вряд ли родители, только что пережившие смерть своего сына, будут заниматься цензурой — правкой его рукописей.

По-видимому, у каждого есть своя вина перед Высоцким и каждому есть что скрывать... Время все расставит на свои места, и останется только правда — неприглаженная и неприукрашенная. Для того и написана эта принципиально незавершенная книга. Некото-

рых участников этих событий уже нет в живых... Важно, чтобы заговорили те, кто знает и помнит, но почему-то молчит; чтобы не появлялись «сплетни в виде версий»; чтобы не выходили легковесные и безграмотные — оскорбительные для памяти Владимира Высоцкого — компиляции; чтобы стали понятнее его самые трагические стихи и песни; чтобы Высоцкий не остался в истории с благополучной и искаженной биографией; чтобы перестали его забывать — как это происходит сейчас, — он жизнью и судьбой заплатил за это...

В эти траурные дни между родителями и Мариной ровные отношения — общее горе сближает... В один из этих дней Марина Влади говорит Нине Максимовне Высоцкой:

— Мама, вы можете полгода проводить у меня в Париже...

Еще при жизни Высоцкого Нина Максимовна однажды была во Франции по приглашению Марины...

Н.Тамразов: «Отец всех нас по очереди водил наверх, к Нисанову, и показывал стихотворение «И снизу лед, и сверху...». Показывал, приложив палец к губам, и под строжайшим секретом».

Через несколько дней после похорон это последнее стихотворение Высоцкого можно было встретить практически в любом городе огромной страны. А через несколько месяцев во всех пассажирских поездах продавали фотографии Высоцкого с Мариной Влади и «новым» последним стихотворением «Спасибо, друг, что посетил последний мой приют...». Интересно, кто сочинил эту подделку?

Г.Полока: «Когда Володя скончался, я позволил себе прийти на следующий день, когда прилетела Марина...

Его квартира была полна народа. Он лежал аккуратный, мальчиковатый, как когда-то... Марина, вся в черном, долго искала в куче его рукописей нашу песню. Нашла, и мой помощник торопливо переписал ее. И все...»

Следовательно, часть рукописей еще оставалась в квартире...

Л.Абрамова: «Огромная квартира напоминала все эти дни привокзальный буфет: какие-то люди заходили, выходили, приезжали, уезжали...

Все спрашивали о сыновьях, как они. Я не знала, как они. И сейчас не знаю, что они тогда чувствовали. Наверное, так же, как и я, смотрели на лица. Наверное, так же, как все, смотрели в себя, в свою душу. Может быть, думали о том, как мало знали его...

Мне надо было помнить о детях: ведь для них смерть отца должна была стать рубежом, за которым кончилось детство. Особенно остро почувствовал это Никита, — к нему не могли пробиться ни пришедшая на другой день Марина, ни кто бы то ни было из находившихся в эти дни в квартире на Малой Грузинской...»

В.Золотухин: «У театра парни собирают подписи, чтобы Театр на Таганке назвать Театром имени Высоцкого...

— Кто это допустит?! О чем вы говорите?!

— Кто бы ни допустил, а соберем...»

А на Малой Грузинской художник и скульптор Юрий Васильев снимает посмертную маску.

В.Янклович: «Потом Марина вдруг говорит — все-таки каких-то вещей она не понимает:

— Ты не можешь организовать, чтобы мне отдали Володино сердце? Я хочу увезти его с собой.

— А как ты реально себе это представляешь?

— А так — пусть хирург вырежет сердце, а я увезу его с собой.

Я буквально в шоке! Бегу к Любимову. Говорю, что Марина «хочет вырезать сердце». Если бы было вскрытие — тогда другое дело. А так?! Это же немыслимо.

Мы с Любимовым пытаемся ее убедить, что у нас так не принято. А она нас даже не слушает... Любимов уговаривает ее, говорит, что у нас этого никто не поймет и т.д... А она отвечает:

— А мне-то что, что у вас не поймут. Это же — мое! Его я оставляю здесь, а сердце хочу взять с собой...

Она даже договорилась с Годяевым, что сделают это... Игорь хотел вырезать сердце прямо в реанимобиле...»

При этом разговоре Марины Влади с В.Янкловичем присутствовал В.Золотухин: «Марина просила его сердце с собой во Францию... Любопытно, а вдруг вырезала и увезла?! Ведь врач-то был всегда при ней... Но и родители смотрели в оба».

В.Янклович: «В общем, долгая была история, но все-таки удалось ее убедить. Главный аргумент — у нас так не делают...»

Вероятно, Марина Влади руководствовалась таким историческим прецедентом: как известно, Фредерик Шопен похоронен у себя на родине, в Польше, а сердце его покоится во Франции, в одном из парижских соборов.

Идет подготовка к похоронам.

И.Шевцов: «Я ходил в этот день в консерваторию — договариваться с музыкантами. Квартет играл 28 июля рано утром, когда прощались в холле дома...»

Вечером собираются друзья В.В.

В.Янклович: «Потом Марина сказала:

— Ребята, возьмите себе на память кто что хочет...

Я хотел взять цепь, в которой Володя играл в «Гамлете». Но ее нигде не было... Эту цепь подарил Володе Шемякин». (По версии И.Бортника, эту цепь В.В. купил в Монреале... Вернее, две цепи: одну, поменьше, он подарил Бортнику. — *В.П.*)

И.Бортник: «Володя спросил у торговца — старого еврея — что-нибудь для моего друга, он немного нервный...»

В.Янклович: «С этой цепью что-то связано и у Шемякина, и у Володи... У Володи была еще одна — с крестом. А эту цепь он никогда не снимал, — только когда мылся...

Он оставил ее однажды в Ташкенте или в Бухаре и так переживал...

— Вот она мне так дорога...

Я звонил туда... Ее нашли, и я летал за этой цепью. Летал — и привез. Это было лето 79-го года. Цепь была очень дорога Володе, и я всегда об этом помнил. И когда Марина сказала:

— Кто что хочет взять на память?

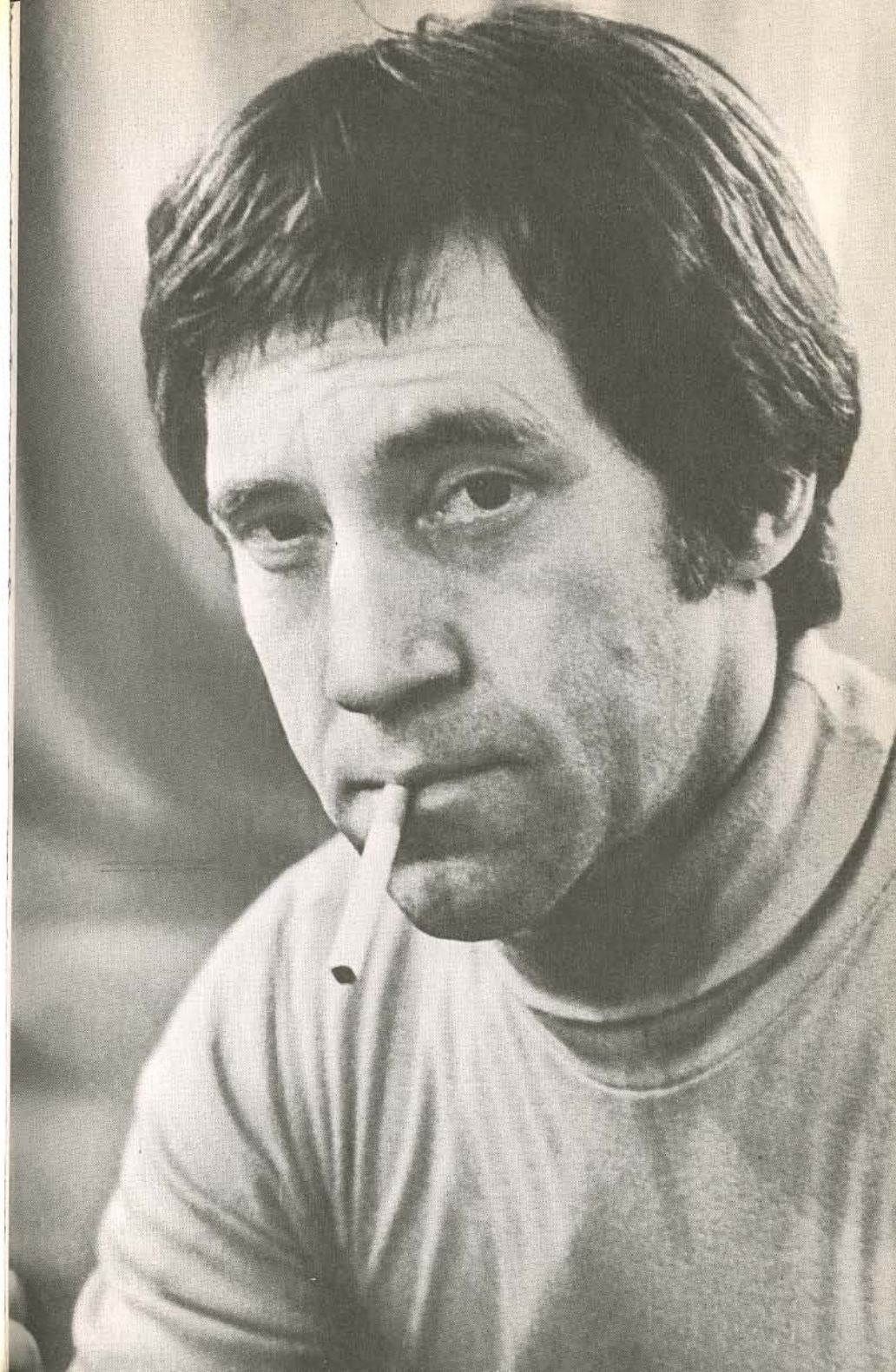
Я ответил:

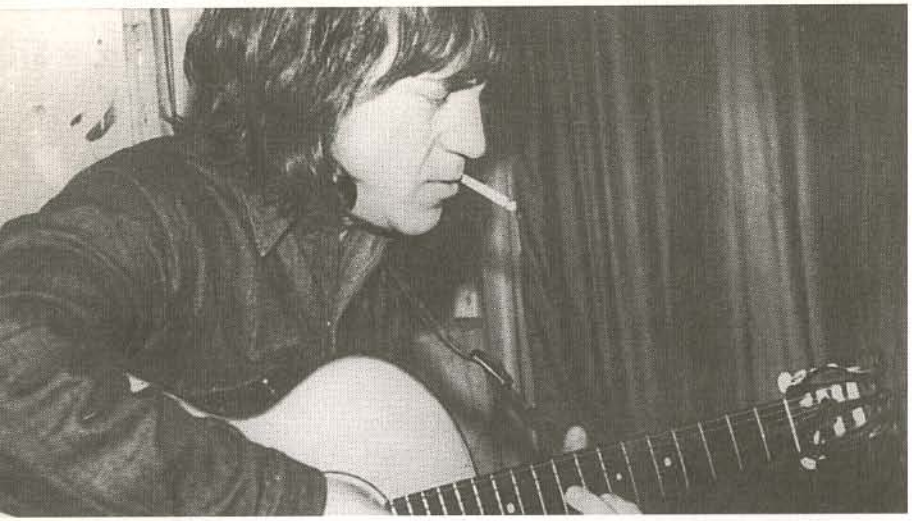
— Только цепь.

Но ее нигде не было... Но потом ее нашли у одного человека. Он вернул эту цепь».

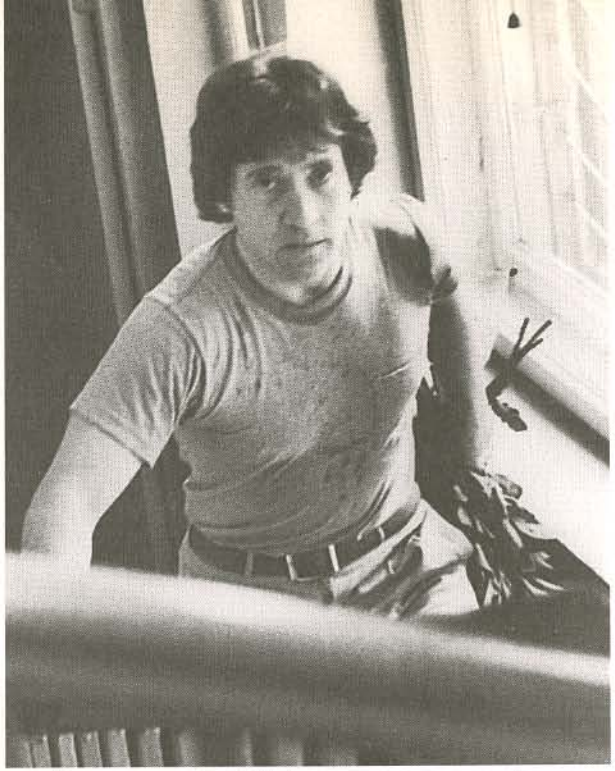
Кроме того, Марина Влади говорит, что все друзья должны вспомнить и написать о Высоцком. (Возможно этот разговор был немного позднее. — *В.П.*) Некоторых людей она просила об этом отдельно... Выполнили ее просьбу — то есть написали о Высоцком по свежей памяти, «по живому следу», только три человека — А.С.Демидова, Ю.Ф.Карякин и И.К.Шевцов.

Л.Сульповар: «Поздно вечером 26-го, уже ночью мы разговаривали с Мариной... Она рассказала, что Володя не помог ей похоронить сестру... Что он «сорвался» в Париже, просто исчез... И насчет госпиталя и лечения тоже говорила...





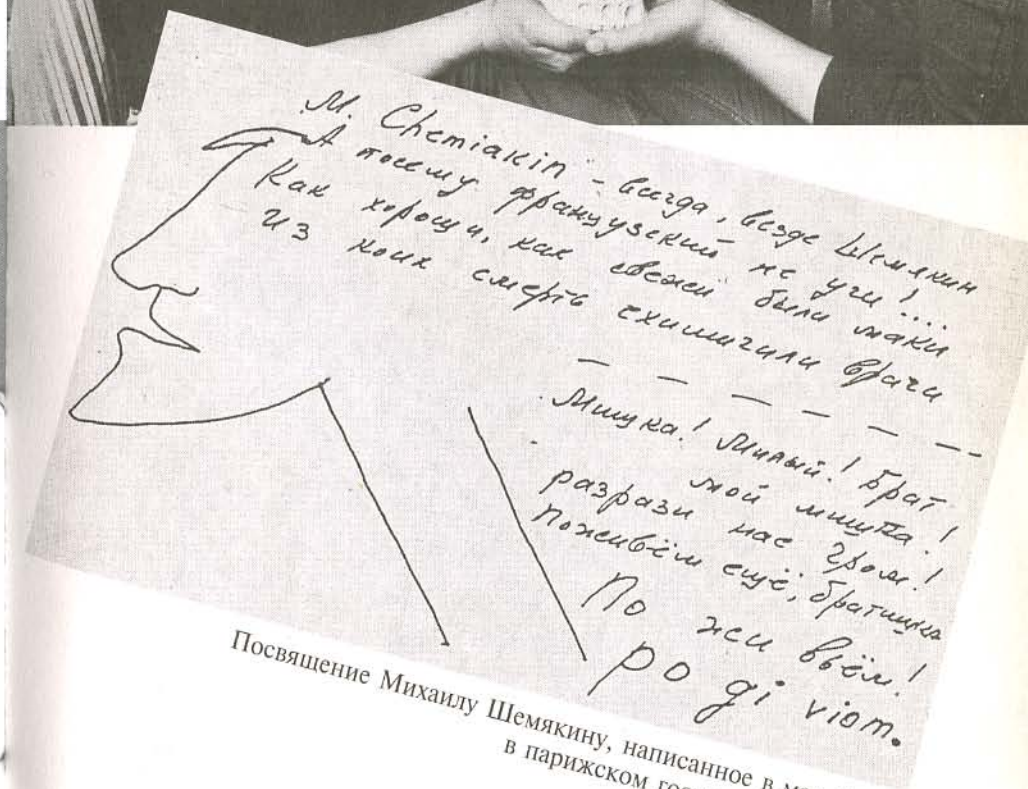
«Я освещен, доступен всем глазам».



Последний год жизни. Калининград, июнь 1980.
Пятигорск, сентябрь 1979.
Концерт на ЗИЛе, апрель 1980.

С Михаилом Швейцером на съемках фильма «Маленькие трагедии», 1979.

С Мариной Влади и Михаилом Барышниковым. США, 1979.



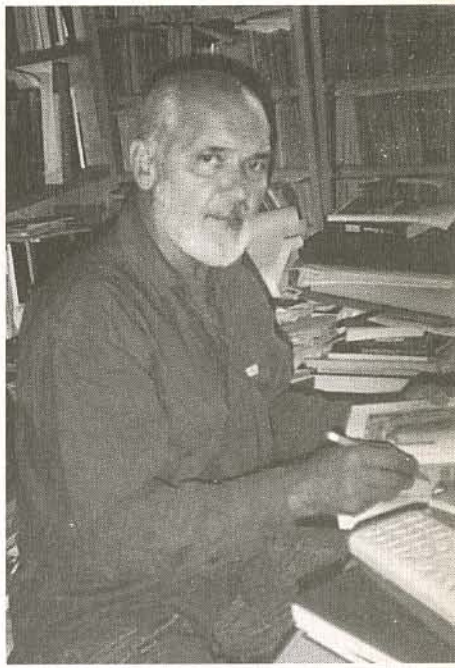
Посвящение Михаилу Шемякину, написанное в мае 1980 г. в парижском госпитале Шарантон.

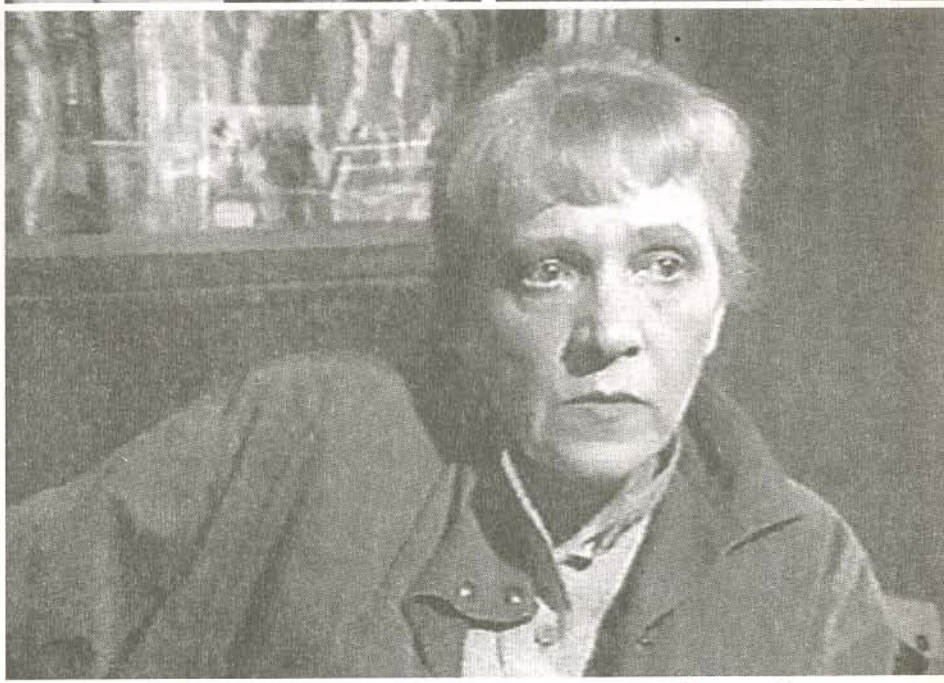
Вадим Туманов и Михаил Шемякин.

Валерий Перевозчиков (в центре),
с Валерием Янкловичем и Всеволодом Абдуловым.

Юрий Любимов.

Юрий Карякин.





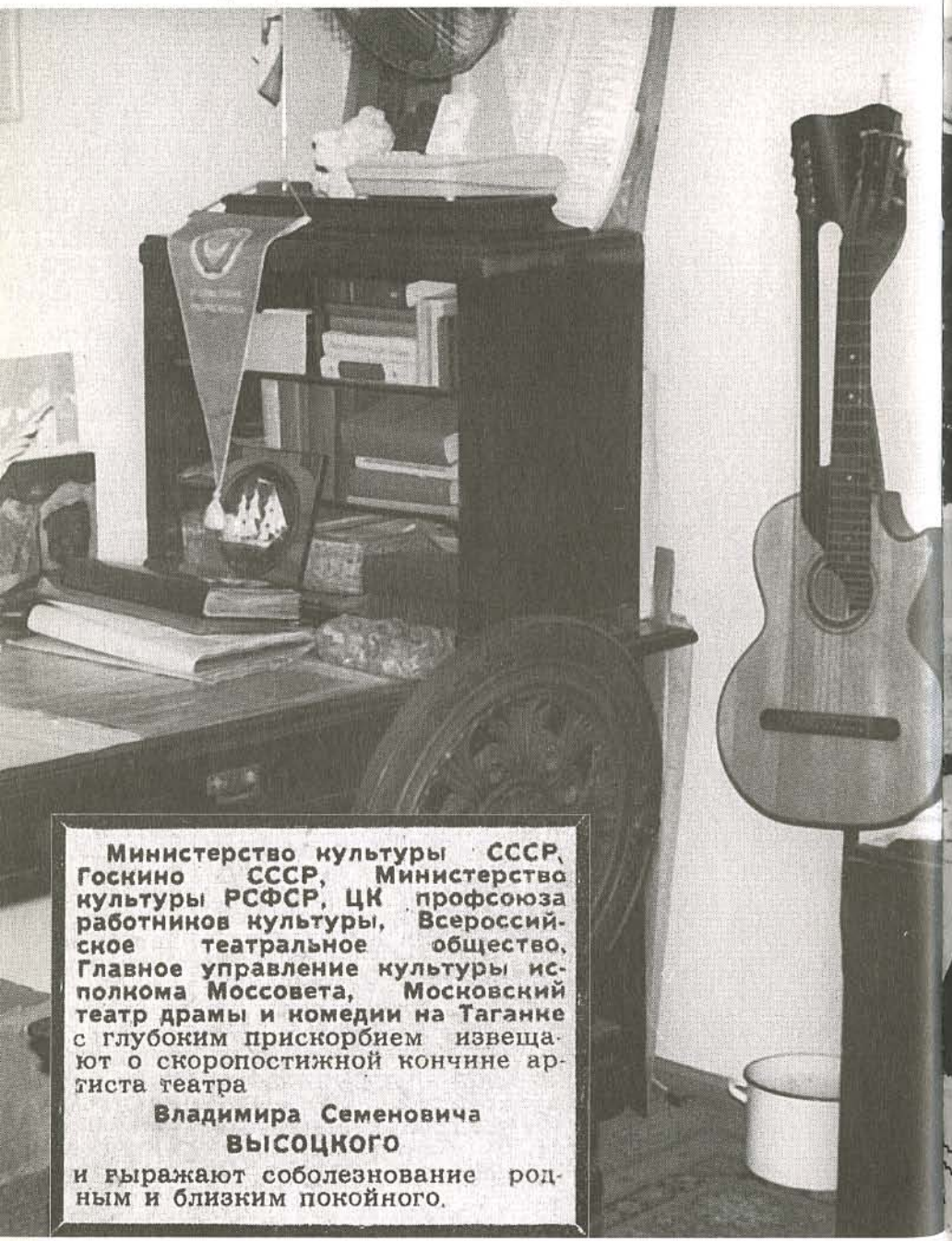
Наталья Крымова.

С Мариной Влади.

С Оксаной Афанасьевой.

«Но гениальный всплеск похож на бред.
В рожденье смерть проглядывает косо».

Кабинет Владимира Высоцкого в его квартире.



Министерство культуры СССР, Госкино СССР, Министерство культуры РСФСР, ЦК профсоюза работников культуры, Всероссийское театральное общество, Главное управление культуры исполкома Моссовета, Московский театр драмы и комедии на Таганке с глубоким прискорбием извещают о скоропостижной кончине артиста театра

Владимира Семеновича

ВЫСОЦКОГО

и выражают соболезнование родным и близким покойного.

Единственный некролог 25 июня 1980 г. — в газете «Вечерняя Москва».

28 июля 1980 года. Малая Грузинская ул., дом 28.

Таганка прощается
с Владимиром Высоцким.

Фотография,
которую раздавали
людям в очереди.

Ваганьковское кладбище, 28 июля 1980 г.

Марина Влади
ВЛАДИМИР, или Прерванный полёт

Marina Vlady
VLADIMIR
ou le vol arrêté

Пресс-конференция Марины Влади после выхода ее книги, 1 марта 1989 г. Справа — Марк Розовский.

Почетное свидетельство

...

...присвоено названию малой планеты 2374

Институт теоретической астрономии, возглавляющий в Советском Союзе работы по малым планетам, настоящим свидетельствует, что малая планета № 2374, открытая советскими астрономами, получила название в честь ВЛАДИМИРА СЕМЕНОВИЧА ВЫСОЦКОГО

Отныне эта неотъемлемая частица Солнечной системы будет именоваться малая планета (2374) VLADVYSOTSKIJ

Ниже приводится текст официального сообщения об утверждении Центром по малым планетам (Смитсоновская астрофизическая обсерватория США) названия малой планеты (2374) VLADVYSOTSKIJ = 1974 QE1

DISCOVERED 1974 AUG.22 BY L.V.ZHURAVLEVA AT THE CRIMEAN ASTROPHYSICAL OBSERVATORY.

NAMED IN MEMORY OF VLADIMIR SEMENOVICH VYSOTSKIJ (1936-1980), A NOTABLE DRAMATIC ACTOR, COMPOSER AND POET, PARTICULARLY POPULAR AS A MUSIC-HALL SINGER WHO PERFORMED SONGS OF HIS OWN COMPOSITION.

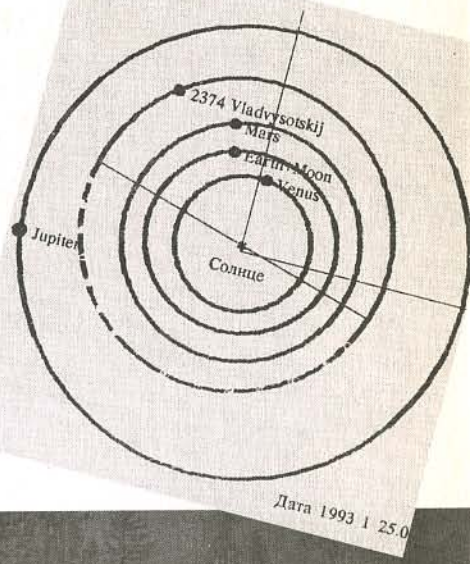
Minor Planet Circular 7617 JAN. 28 19 83

Директор Института теоретической астрономии АН СССР С.С.Лавров

Исполнительный ... Л.В.Куравлева

Ленинград 15 19 83

В 1983 году на небе появилась планета Владвысоцкий.



Дата 1993 1 25.0

Камень возле села Выезжий Лог, где снимался фильм «Хозяин тайги».

Мемориальная доска на доме,
в котором жил Владимир Высоцкий.

Указатель с первой улицы Высоцкого в России.

Памятник на Ваганьковском кладбище.

— Я ни физически, ни морально не могла это выдержать... Просто уже не было сил...»

А в это время по Москве распространяются самые невероятные слухи, отчего умер Высоцкий: «Умер на сцене, во время спектакля «Гамлет»...»; «Был дома один, сердечный приступ... Не дотянулся до телефона, так и нашли утром у телефона...»; «1 января на машине сбил насмерть женщину — умер от переживаний...»

Все эти дни — 25, 26, 27 июля у Театра на Таганке — стихийный, молчаливый, траурный митинг... Людей то больше, то меньше, но они всегда есть. На стене театра — первые стихи, посвященные памяти Высоцкого. Здесь же переписывают от руки стихотворения самого В.В... Вот тогда и возникает то, что потом назовут «феноменом всенародного литературоведения»... Тысячи тысяч перепечаток первых статей о В.В., тысячи самодельных сборников стихов и песен Высоцкого. У В.И.Туманова я видел подаренный ему пятитомник — прекрасно переплетенные книги. Составитель А.Сысоев (Нижний Тагил). На последней странице — гордое: «тираж 5 экземпляров».

А.Демидова: «27-го всех собрали, чтобы обсудить техническую сторону похорон. (В театре был разработан подробный план похорон В.С.Высоцкого. Он был напечатан в трех экземплярах, точное местонахождение их неизвестно. — *В.П.*) Обсудили, но не расходились — нельзя было заставить себя вдруг вот встать и уйти. «Мы сегодня должны были играть «Гамлета»... — начала я и минут пять молчала — не могла справиться с собой. Потом сбивчиво говорила о том, что закончился для нашего театра определенный этап его истории, — и что он так трагически совпал со смертью Володи...»

В квартире на Малой Грузинской Марина встречает приходящих выразить соболезнование на западный манер — на кухне накрыт стол: вино и легкие закуски...

В.Баранчиков: «Я приехал на Малую Грузинскую 27 июля. Сидели на кухне с Мариной — пили вино... И мне, честно говоря, не понравилось, как вела себя Марина...

— Да, Володя... А я ведь его уже похоронила... Он умер для меня полгода назад!

— Марина, что ты говоришь?!

— Да что вы носитесь со своей русской сентиментальностью... И что бы он был без меня — я ему показала весь мир...

Да, и как это делается по русской традиции: гроб стоит в большой комнате, — все, кто захотел прийти попрощаться — прощаются...

А тут в дверях стоял Семен Владимирович:

— А, Баранчиков, проходи... Зайди простись...

А кого-то и не пускал... Володя лежал все время в маленькой комнате...»

В.Янклович: «27-го решался вопрос с квартирой... Возник вопрос о даче, о долгах, о наследстве... Марина, Вадим Туманов, Сева, Володарский и я собрались, чтобы обсудить эти вопросы... Мы знали, что у Володи 28 тысяч долга. Где взять деньги на похороны, на отдачу долгов?.. Марина сказала, что она ничего отсюда не возьмет — все останется родителям и детям. Она решила продать обе машины, чтобы заплатить долги и оплатить расходы по похоронам... Марина попросила нас заняться этим...»

В конце концов всеми материальными делами наследства пришлось заниматься Артуру Макарову.

Марина Влади: «Что касается остального — я все поручаю нашему старому другу...»

А.Макаров: «После смерти Володи Высоцкого остались долги, довольно крупные долги, и встал вопрос: кому этим заниматься?.. Долго думали и обсуждали, а потом Марина говорит:

— Артур, кто, если не ты?!

И хотя я отказывался, она тут же выписала мне доверенность...»

В оформлении всех наследственных дел принимал участие Г.П.Падва: «Тогда произошла такая общечеловеческая и не такая уж редкая история: вначале все соревновались в благородстве, а потом перессорились. Когда оформлялись эти нотариальные дела, все было очень хорошо — никаких претензий друг к другу. Повторяю, все вели себя очень благородно — и Марина, и Людмила Абрамова с детьми, и родители. Семен Владимирович вообще отказался от своей доли наследства».

В.Янклович: «Она (Марина Влади) выхлопотала Нине Максимовне право поселиться в ней. (В квартире на Малой Грузинской. — *В П*) Председатель кооператива сказал, что для решения этого вопроса лучше всего обратиться к Брежневу. Марина написала письмо».

Содержание письма передает В.Туманов:

«Я впервые обращаюсь к Вам... Моя единственная просьба — передать квартиру мужа его матери. А квартиру Нины Максимовны оставить сыновьям Высоцкого...»

В.Янклович: «Но как передать письмо? Я позвонил Виктору Суходреву и, изложив суть дела, сказал:

— Виктор, ты точно нам скажи: сможешь передать или нет?

Он ответил:

— Дайте подумать до завтра. Завтра я точно скажу.

На следующий день он позвонил и сказал, что письмо будет передано. Он действительно сделал это, и вопрос был решен очень быстро».

В этот же день разговоры о даче... Дача была построена на участке Володарского, и, естественно, ему предложили ее купить.

В.Янклович: «Вот тогда назывались суммы...

— Сорок тысяч... Эдик, ты возьмешь?

— Да, конечно... — говорил Володарский...»

А.Макаров: «Володарский очень благородно заявил, что постепенно выплатит стоимость дачи наследникам... По счетам и квитанциям, собранным Валерием Янковичем, было ясно, что она стоит около сорока тысяч.

Марина сразу согласилась:

— О чем разговор, Эдик... Конечно, выплатишь постепенно.

Она добавила, что на даче останется все, как было при Володе. Итак, здесь на Малой Грузинской будет жить мама, а там будут собираться друзья Володи в день его рождения и в день смерти».

В.Янклович. «27-го, по-моему, отвезли архив к Боровскому. Родители немного обижались, что были отстранены от всего этого, но тогда Марина руководила всем...

Они во всем доверяли Марине и считали, что все, что она делает, правильно. Отношение было такое: «Мариночка, Мариночка, Мариночка...» Но потом, когда она улетела, позиция у них переменилась: они стали требовать, чтобы архив вернули домой».

Поздно вечером 27-го привезли гроб...

Дмитрий Гельфонд (тогда администратор Театра на Таганке): «Гроб привез я. Были выходные дни, я ездил прямо на фабрику... Ма-

стеров собирали по домам и везли на фабрику. Все это тянулось долго... Не было белого материала — ведь всем обивали красным... Делали лучшие мастера и из самых лучших материалов...»

Алла Боссарт (писатель и публицист): «Специальный гроб № 6 («шестерка») изготовляется нашими анонимными умельцами только по специальному распоряжению правительства — для членов правительства, Политбюро, генсеков. Исключение было сделано, если я не ошибаюсь, лишь дважды: для Сахарова и для Высоцкого. Горькая ирония: только у порога мирового пространства самые честные, чистые и безгрешные души перед своим народом официально уравнялись с ватагой упырей: от Сталина до брежневской охапки».

В.Янклович: «Гроб стоял на лестничной площадке, Володю положили в гроб только перед выносом. А так он все время лежал в спальне...» Я звонил на фабрику — заказывал... Там сказали:

— Не беспокойтесь — все будет нормально...»

27 июля — в 20 часов «Гамлет». Спектакль отменен.

Директор Театра на Таганке Н.Л.Дупак: «В кассу театра не вернули ни один билет. Не вернул ни один человек...»

Ю.П.Любимов: «Должен был играть 27-го, когда мы отменили спектакль, и никто не вернул билеты. Ни один человек. И по-моему, даже деньги никто не потребовал...»

После похорон несколько билетов все же сдали в кассу театра — их взяли на память актеры Театра на Таганке.

Вечером 27 июля к Театру на Таганке приходит актриса Жанна Владимирская: «На стене театра писали стихи. Без цензуры. Люди сами писали, сами охраняли написанное...

Со стены люди списывали стихи. Всем не было видно, и передние передавали сзади стоявшим:

Пророков нет в отечестве моем,
А вот теперь ушла еще и совесть...

Не стихи, а крик... Какой-то человек протиснулся ко мне и попросил передать записку вперед, к стене, чтобы записали. Я прочла:

«Спасибо, Володя, от всех русских людей!»

Кинорежиссер Петр Тодоровский: «Вспоминаю ночь накануне похорон Володи... Я задержался на студии с монтажом новой картины и приехал на Таганку поздно. Вышел из метро и долго смотрел на огромную людскую толпу около театра... Протиснулся к входу.

Свечи, гитара под окном, за стеклом маленький лист ватмана с надписью:

«Дирекция, партком, местком сообщают:

Умер ведущий артист Театра на Таганке Владимир Высоцкий».

28 ИЮЛЯ

Дмитрий Гельфонд: «Всю ночь я провел в театре. Еще оставались Ефимович, Безродный, Кислицкий... Часов в двенадцать пришел скрипач из «Ромэна» — Якулов, он играл всю ночь... Ночь прошла спокойно».

В.Янклович: «Всю ночь Марина провела около Володи. Час просидела совершенно одна, попросила, чтобы никто не входил. Потом привела все в порядок, причесала Володю».

Марина Влади: «Я провожу ночь, сидя у тебя в изголовье, погрузившись в воспоминания. Будущее для тебя кончилось. Свое будущее я плохо представляю. Все, что я делала эти несколько часов, я делала вместе с тобой. Один на один. И теперь приходят друзья, чтобы положить тебя в гроб. Накатывает горе — волна за волной...»

В.Янклович: «Мы договорились, чтобы не было много народу, — в четыре часа утра повезем Володю в театр на реанимационной машине».

М.Влади: «Приносят гроб, обитый белым. Тебя осторожно поднимают, укладывают, я поправляю подушку у тебя под головой. Твой врач Игорек (Годяев. — *В.П.*) спрашивает меня, может ли он положить тебе в руки ладанку. Я отказываюсь, зная, что ты не веришь в Бога. Видя его отчаяние, я беру ее у него из рук и прячу тебе под свитер».

А.Меньшиков (актер Театра им. Вахтангова, бывший работник Театра на Таганке): «Всю ночь с 27 на 28 июля Шнитке и Любимов монтировали фонограмму...»

О.Терентьев — в 1979—1980 годах работал с рукописями Высоцкого: «Мне надо было быть в театре в пять утра, потому что была

идея включить фонограмму Высоцкого через колонки на улицу, но это запретила милиция».

Д.Гельфонд: «Поздно вечером стали собираться люди. Стояли у театра. Но в час ночи их разогнали поливальными машинами... Эти «поливалки» ходили по кругу на Таганской площади. И кто-то за ними сбегал. Сразу же после этого — в половине второго ночи — привезли металлические заграждения, перегородили всю Радищевскую. Толпу — а уже было очень много народу — согнали вниз, к 23-й больнице».

Н.Тамразов: «В четыре часа утра вынесли гроб. Внизу была небольшая панихида. Простились родные, близкие, соседи... Гроб поставили в реанимобиль, а мы поехали за ним. Такой колонной и приехали в театр».

М.Влади: «Гроб ставят в большом холле дома, чтобы все могли с тобой проститься.

В пять часов утра начинается долгая церемония прощания. Среди наших соседей много артистов и людей, связанных с театром. Они идут поклониться тебе. И еще — никому не известные люди, пришедшие с улицы, которые уже все знали. Москва пуста. Олимпийские игры в самом разгаре. Ни пресса, ни радио ничего не сообщили. Только четыре строчки в «Вечерке» отметили твой уход. Мы уезжаем из дома на «скорой помощи» с врачами реанимации, которые так часто вытягивали тебя».

И.Шевцов: «Вынесли гроб, поставили в холле... Оксана стояла одна. Почему-то к ней никто не подходил, просто не до нее было... Я подошел к ней, мы стояли вместе. Потом она села в реанимобиль».

А.Макаров: «Вначале мы думали, что и на кладбище повезем Володю на реанимобиле, но нам не разрешили...»

Л.Сульповар: «Это была наша машина из Склифосовского... Мы сами договорились и сняли одну машину с линии... Я позвонил и попросил... Ребята сами приехали...

В подъезде дома — панихида. Были самые близкие: мать, отец, Марина Влади, сыновья, Людмила Абрамова, родственники и друзья... Поставили гроб, играл небольшой оркестр студентов консерватории. Там рядом их общежитие... А потом на реанимобиле мы перевезли Володю в театр.

Реанимобиль — и целая кавалькада машин».

М.Влади: «Мы приезжаем в театр, где должна состояться официальная церемония...»

Н.Тамразов: «Народу у театра уже было много. Заграждения и милиция...»

В.Янклович: «Привезли в театр, убирали стулья, устанавливали гроб...»

Н.Тамразов: «Гроб установили на постамент».

М.Влади: «Любимов отрежиссировал твой последний выход: сцена затянута черным бархатом...»

В.Янклович: «До начала прощания было еще много времени. Марина все это время была в кабинете Любимова».

И.Шевцов: «Гроб уже установили на сцене... Одними из самых первых пришли Н.Губенко и Ж.Болотова. В зале почти никого не было. Они два часа сидели, не вставая».

М.Влади: «Я поднимаюсь в кабинет Любимова. Он бледен, но полон решимости. Он не отдаст эту последнюю церемонию на откуп чиновникам. Он хочет, чтобы говорили только друзья. В конце концов официальные лица сдаются. Никакой неискренности не будет...»

И все же на панихиде выступил и официальный представитель Министерства культуры...

Ю.Любимов: «Я очень резко сказал... И они отступили. Я просто старался, чтобы люди смогли прийти и проститься...»

В.Шехтман: «Петрович хотел, чтобы народ шел три дня и три ночи... Чтобы все, кто придут, смогли попрощаться...»

Ю.Любимов: «Чтобы был порядок, чтобы не было Ходынки... Я хотел, чтобы гроб стоял на сцене, на подмостках, на которых Владимир играл. Это такая старая театральная традиция. Вот и все».

Д.Гельфонд: «Ведь вполне могли вообще разогнать людей, — вот тут Юрий Петрович и потребовал. Милиция пробовала убрать большой портрет Высоцкого — он был выставлен в окне буфета на втором этаже, — но и тут Любимов настоял на своем».

А.Макаров: «Сначала дали разрешение на то, чтобы гроб стоял в театре столько, сколько будут идти люди. Но когда увидели с к о л ь к о людей идет, несмотря на закрытый из-за Олимпиады город...»

По непроверенной версии, Любимов просил отменить вечерний спектакль «Мастер и Маргарита», чтобы продлить прощание, но разрешение не получил. .

Алла Баранова — инженер: «Мы переживали, что, кроме нас, у театра никого не будет... Поехали, как только открылось метро. Около театра уже стояло человек сто...

Из статьи «Прощание отменено» — «Сельская молодежь», № 1, 1988 — без подписи (в дальнейшем — «Прощание...»):

«...Я поднялась по эскалатору станции метро «Таганская». Площадь еще была пуста, но под стенами станции толпились, переговаривались, посматривая на подъезд театра, там стояла сплоченная колонна — те, кто пришел сюда с ночи, самые преданные и самозабвенные.

Всю ночь они поддерживали огонь поминальных свечей... Площадь еще была пуста. . но уже подъезжали с разных сторон военные грузовики с крытым верхом, уже по всему периметру колонны выстроился милицейский патруль... и я двинулась вслед за другими искать конец очереди к Высоцкому».

А.Баранова: «В очереди переписывали от руки последнее стихотворение Высоцкого «И снизу лед...»

В.Гордеев — журналист: «Из «Таганской» уже не выпускали, мы вышли на «Курской»... Добежали до конца очереди. Милиционеры успокаивали: говорили, что все смогут пройти, что такой приказ...

Вначале в очереди было свободно, люди переходили от одной кучки к другой. Из портативных магнитофонов пел Высоцкий. Из рук в руки передавали фотографии...»

А.Штурмин: «Любимов сказал мне, что Володе, наверное, было бы неприятно, если бы в театре была милиция...

— Нельзя ли, чтобы ваши ребята поддержали порядок? Вдруг кому-то станет плохо... Или еще что...

И рано утром я привез ребят (из школы каратэ), — они все время дежурили в театре. Правда, милиции все равно было много...»

В.Золотухин: «...В день похорон часам к девяти (?) приехал шеф и встретил Янкловича (который ни за какую организацию: улица, театр, транспорт, разумеется, не отвечал — он был всегда с Володей) и набросился на него:

— Меня не пустили, вы понимаете, не пропустили к театру! А с этой стороны должен подъехать Ульянов. Как же он пробьется сквозь этих долдонов?!

И Валерка, не задумываясь: «Да Ульянова-то знают. Его пропустят. Что вы волнуетесь за Ульянова?» Шеф обалдел».

«Прощание...»: «...Рядом со мной появился грузовик. Он медленно полз вдоль очереди. Двое были в кузове, двое — внизу, на подхвате. Те, что наверху, вынимали из кузова металлические оградки... а те, что внизу, быстро их устанавливали. Не прошло и нескольких минут, как очередь была схвачена железным ремнем: только впереди еще оставался проем. Я ринулась туда, чтобы не оказаться «за бортом», — и вовремя, потому что за мной окончательно «захлопнулись двери».

Михаил Сорокин («Новое русское слово», Нью-Йорк, 25.7.90): «Напротив здания театра закрыли вход и выход станции метро «Таганская» <...> И вдруг я увидел рядом с метро небольшой служебный автобус с торчащими во все стороны антеннами. Как выяснилось потом, в этом автобусе размещался штаб похорон Высоцкого, который возглавил второй секретарь МК партии — видно, крупный специалист по искусству — Борисов. Борисов координировал действия милиции и дружинников, стянутых со всех концов Москвы, и внутренних войск, которые прибыли на огромных грузовиках и оцепили район Таганки».

Д.Гельфонд: «Красный автобус — «передвижной штаб» — стоял у входа в метро. Руководил «операцией» генерал Шаранков — заместитель начальника УВД Москвы по охране общественного порядка. Он, по-моему, и сейчас там работает...»

С.Говорухин: «...В здании метро образовался милицейский штаб, был еще другой штаб — на колесах. Распоряжался всем взволнованный и несколько испуганный происходящим генерал. «Зачем так много милиции?» — подумал я...»

«Прощание...»: «К одиннадцати часам небо начало выцветать: солнце входило в полную силу. Мимо с искаженным лицом пробежал какой-то милицейский чин, за ним — другой, третий, не забо-

тясь о конспирации, нервно выкрикивал в микрофон: «Еще десять человек сюда! Еще десять — ко мне!» Барьеры качались. Раздался новый пронзительный крик многих, и вдруг целая людская волна прорвала внутренние железные перемычки, которыми стражи порядка стремились отжать ее от стен, и покатилась вперед».

В.Гордеев: «На милицейскую цепь напирает толпа — прошло уже три часа, а мы продвинулись только метров на сто... Несколько десятков молодых парней начинают эту толпу раскачивать... Этот «кулак» и опрокинул решетки, прорвал ограждение. Все ринулись вперед, кто-то упал... Рев толпы, крики женщин:..Ужас! С ходу прорвали еще одну цепь, а дальше стояла колонна грузовиков, которая перегородила улицу».

А.Свидерский: «Я стоял рядом с милиционером. Он передавал по рации:

— Двадцать пять тысяч... Тридцать тысяч...

Передавал, по-моему, кому-то на кладбище...»

Д.Гельфонд: «Часов в одиннадцать я поехал на кладбище, чтобы понять что к чему — и держать связь с театром».

А.Баранова: «Доступ был с десяти часов. Мы вышли из театра в 10.38. Пошли вдоль очереди... Какие лица!»

С.Говорухин: «У меня на стене висит фотография. Люди из той невиданной очереди, из толпы. Какие красивые, одухотворенные лица!

Я шел вдоль очереди, всматривался в лица, вслушивался в разговоры. Пожилая женщина, стоявшая в толпе молодых людей, сказала:

— У нас в деревне все Володю поют».

А.Баранова: «Из театра мы поехали на кладбище. Никого еще не было — раскрытая могила... Мы стояли все время...»

Ю.Любимов: «Грустно об этом говорить, но ему не случайно могилу вырыли не как всем. Очень глубоко могильщики вырыли. Говорят: «Пусть сохранится».

Д.Гельфонд: «На кладбище народу было уже много... Кладбище было оцеплено. Директор кладбища был в панике, — никто ничего не знал... Приезжали снимать иностранцы — датчане или немцы. Ко мне подошел человек в штатском и сказал:

— Вы, как представитель театра, обязаны не допустить эту съемку!

Потом выяснилось, что это был секретарь Краснопресненского райкома партии. С ним был начальник районного КГБ».

«Прощание...»: «Медленно-медленно, по двое в ряд, толпу начали процеживать в театр...

То ли от недавнего солнца, то ли от недавнего сумрака нас качает, и все как-то воспалено: яркий свет в холле, фотографии на стенах, доска телеграмм, какие-то люди у стен...»

М.Влади: «...Сцена затянута черным бархатом, прожекторы направлены на помост, одна из твоих последних фотографий — черно-белая, где, скрестив руки на груди, ты серьезно смотришь в объектив, — висит, огромная, над сценой. Траурная музыка наполняет зал. Мы садимся. Я беру за руку твою бывшую жену, и мы обе садимся с вашими сыновьями. Прошлое не имеет сейчас никакого значения...»

Н.Тамразов: «У гроба я был рядом с Мариной, вместе с ней был ее средний сын — Пьер. Отца и мать посадили справа, если смотреть из зала... И Марина говорила о том, как она жалеет, что у них с Володей не было общих детей...»

Позже — через восемь лет — Марина написала, что она «никогда не соглашалась родить ребенка — заложника нашей жизни. Ребенку, о котором ты мечтал, могло быть от одиннадцати до года в июле восьмидесятого».

М.Козаков: «Он лежал на сцене, а над ним — он же на портрете, в рубашке с погончиками, вглядывался в зал: кто сегодня пришел увидеть его в последний раз? Пришли все».

М.Влади. «...Двери открывают — и потекла толпа. Москвичи пришли проститься со своим глашатаем. Тысячи лиц отпечатались у меня в памяти, каждый несет цветы — сцена вскоре вся усыпана ими, и сладковатый запах ударяет в голову. Люди видят нас, опускают глаза, прижимают руку к сердцу, многие плачут...»

Виталий Акелькин («Вагант», № 7, 1991): «А в гробу лежал постаревший, теперь уже успокоившийся, наш Владимир Семенович, с длинными волосами, непривычно зачесанными назад, со сложенными на груди руками рабочего человека».

М.Влади: «Мы слышим с улицы возмущенные возгласы и крики, перекрывающие реквием: мне говорят, что квартал оцеплен, что милиции приказано не пускать людей, что «им» надо побыстрее закончить с похоронами...»

В.Гордеев: «Становится ясно, что нас обманывали — в театр мы не попадем. К этому времени нашу «ударную группу» разделили на четыре части... «Прошили насквозь» двумя колоннами каких-то непонятных ребят в голубой форме...

В толпе — легкое озлобление... Парень фотографирует милицейские заграждения, какого-то начальника с рацией... У него отбирают аппарат и засвечивают пленку... Девушка — к нему:

— Ну зачем вы это делаете — нас же не пропустят...

— Для истории, милая девушка, для истории...

И начал снова щелкать...

Другая девушка обращается к пожилому милиционеру:

— Может, и ваша дочь стоит в очереди, а вы не пускаете...

— А моя дочь сюда бы не пришла... У меня и не может быть такой дочери, как вы!

— А у меня не может быть такого отца, как вы!

Мимо проходят актеры московских театров, их узнают, передают букеты цветов — их-то пропускают...»

М.Сорокин: «В длиннющей ленте, растянутой на километры, многие держали портативные магнитофоны и... зонтики.

Было очень жарко в этот день. А в руках почти у каждого были цветы, и люди зонтиками укрывали их от солнца».

Ю.Любимов: «Сколько было цветов! Жара была дикая, а люди не себя от жары берегли, а цветы укрывали под зонтиками, чтобы они не завяли».

«Прощание...»: «По левой пустынной стороне улицы, сплоченно и обособленно одновременно, своими кланами, они шли стремительно, как на марше, а впереди шагали их капитаны.

Это шли проститься с артистом русские театры.

Шли МХАТ и «Современник», Театр на Малой Бронной и Ермоловой, Малый, Вахтангова...»

В.Золотухин: «В свое время Валерий (Янклович) сделал 10 000 фотографий с автографом. Дал фотографию милиционеру из охраны. Из толпы баба завопила: «Кому вы даете?! Он же милиционер. Дайте мне». Милиционер заплакал: «А мы что, не люди?»

А вот как доходит это за границу... Вспоминает поэт-эмигрант Вадим Делоне (1982 год):

«Знаменитый режиссер Театра на Таганке Любимов принес пачку фотографий Высоцкого. К нему бросилась толпа. И он в отчаяньи, не зная что делать, отдал эту пачку милиционеру. И тут какая-то пожилая женщина в очереди закричала:

— Кому ж ты отдал фотографии Высоцкого?! Менту!

Милиционер бросил форменную фуражку оземь, зарыдал:

— Да что ж я — не человек, что ли!»

В.Янклович: «Это мы сделали для Володи десять тысяч фотографий... Нисанов сделал снимки, потом напечатали на какой-то фабрике... Портрет с автографом. Я еще боялся, чтобы их потом не продавали... Мы их раздавали во время похорон...»

В.Акелькин: «Через зал (верхнее фойе) проходит человек с пачкой больших фотографий и раздает всем, находящимся в зале. На фото — Высоцкий, поперек фотографии — размашистый автограф».

А.Демидова: «Гроб стоял в середине сцены. Володя лежал постаревший (а ему было 42 года!), уставший, неузнаваемый (может быть, оттого, что волосы были непривычно зачесаны назад). Над гробом свисал занавес из «Гамлета»... Слева менялся караул из актеров нашего театра. Вся сцена была завалена цветами. Люди шли и шли. Многие плакали.

...Среди проходящих я увидела Эфроса с Крымовой, перетащила их через толпу за руки в свой угол, и так мы стояли, тесно прижавшись, всю панихиду».

М.Влади: «Я смотрю на твое лицо, я немного загримировала тебя, потому что сегодня утром на рассвете лицо показалось мне совсем белым. Я заполняю свою душу этими дорогими чертами, я запоминаю их навсегда».

«Прощание...»: «Неподвижно, молча лежит он перед полным зрительным залом, — бледный, непохожий, углубленный, словно додумывая о нас обо всех что-то свое...»

Жанна Владимирская: «Сцена была затянута черным. Вся... На сцене, высоко поднятый, стоял — или висел — гроб. А над гробом еще выше — знаменитый гамлетовский занавес, и Володя лежал в черной гамлетовской водолазке. В руках у него был черный розан.

Руки были на груди, перетруженные и беспомощные, — удивительно беспомощные.

В глубине сцены, там, куда он выходил и сидел перед началом «Гамлета», был его портрет — молодой-молодой, студент или десятиклассник. (Фото Саакова, сентябрь 1979 года, Тбилиси. — *В.П.*) А лицо спокойное. Будто он давно ждал смерти. И не удивился, не испугался, когда она явилась.

Когда начали пускать людей, заиграла музыка, то и дело кричал петух из «Гамлета».

М.Козаков: «И звучало «С миром отпущаеши раба Твоего» и Бетховен, Рахманинов, Шопен. Потом те, что не уместились в зале, а заполнили огромное помещение театра, услышали голос Гамлета — Высоцкого, его голос:

— Что есть человек...»

А.Демидова: «Звучала музыка: «Стабат Матер» Перголези, «Страсти по Матфею» Баха, «Ныне отпущаеши»... Но, может быть, самое неизгладимое впечатление — прозвучавший в фойе за несколько минут до начала панихиды голос Высоцкого: несколько строчек из «Гамлета», переходящие потом в музыку — звукозапись, использовавшаяся в финале спектакля».

М.Влади: «Усталость, горе, звуки шагов вызывают нечто вроде галлюцинации. У меня впечатление, что ты дышишь, что у тебя шевелятся губы и приоткрываются глаза. Петя берет меня за плечи. Я прихожу в себя. Надо держаться. Врач — один из друзей — протягивает мне стакан с каплями нашатыря. Я смотрю вокруг, впечатление, что я снимаюсь в фильме, и сцена закончится сейчас коротким режиссерским «стоп!» Толпа продолжает склоняться перед гробом в течение долгих часов...»

Юрий Медведев (актер Театра на Таганке): «Утром я даже колебался: идти мне или нет... Я думал, что будет много любопытствующих, а это очень неприятно. Решил: пойду попрощаюсь и уйду. А когда я пришел, встал у гроба...

Короче говоря, я не ушел, пока Володю не вынесли из театра. Я стоял у изголовья — надо было провожать людей, которые задерживались у гроба: «Проходите, пожалуйста... Пройдите, будьте добры...» Ведь на улице стояли и ждали десятки тысяч. И за эти часы ни одного любопытствующего лица я не увидел — ни одного...»

Ж.Владимирская: «Поражало во всем отсутствие фальши. Скорбь была правдивой и целомудренной. Мужчины плакали открыто, а женщины плакали... ну, как женщины. И все время, через паузы, звучал Володин монолог из «Гамлета» — «Что есть человек...»

Еще удивительно — было множество пожилых людей, даже старых было множество. И это было непонятно и одновременно подчеркивало величину потери.

И еще — поразительный жест, один почти у всех мужчин. Проходя мимо гроба, каждый жал Володину руку, а у меня было чувство, что от такого количества рукопожатий сам Володя обязательно устанет к концу прощания. Жест, рукопожатие — какой-то заговор, присяга на соучастие какое-то, да и не какое-то...»

Анатолий Эфрос: «...И был страшный момент, когда Любимов подошел и произнес, — он хотел сказать: «Разрешите начать панихиду...» — но произнес только: «Разрешите...» И не закончил. И этот сбой «железного» Любимова был для меня сильной неожиданностью.

И вдруг все встали, и воцарилась невероятная тишина».

А.Демидова: «Выступали Любимов, Золотухин, Чухрай, Ульянов, Н.Михалков, кто-то из Министерства культуры. Потом опять Любимов. Говорили о неповторимости личности Высоцкого, о том, как интересно он жил, как он народен. Многие из тех, кто выступал, при жизни Высоцкого и не подозревали о размахе его популярности».

В.Абдулов: «И вот, вы знаете, мне стало немного не по себе... Смотрю — говорят люди... А некоторых из них Володя, ну, мягко говоря, не любил».

В.Туманов: «Выступали люди, которых я никогда дома у Володи не видел. Ульянов говорил хорошо, Любимов...»

Ж.Владимирская: «Любимов два раза говорил. Второй раз он сказал:

— Чтобы понять, кем был Высоцкий, надо было видеть, как он шел по улицам КАМАЗа, как все окна были распахнуты, и как из них через усилители ревели песни Володи. И сквозь собственный голос он шел, как... гладиатор? Победитель? Нет, пожалуй, к нему это не подходит. Он, пожалуй, сквозь все это прошел, как страдавший и сострадающий.

Михаил Ульянов говорил много. Хорошо.

Знаменитые поэты стояли с удивленными, недоумевающими лицами. Они были в шоке, и создавалось впечатление, что за такое каждый поменялся бы с Володей».

«Прощание...». «...Ульянов обвиняюще кричал в застывший зал:

— Сегодня всему русскому искусству нанесена незаживающая рана! Говорят, люди заменимы. А кем мы заменим его? Где возьмем другой, равный ему талант? Где возьмем другой, такой же, голос? Негде!!!»

В.Золотухин· «Что я сказал Володе? Кстати, мысль, ответственность и волнение, подбор слов — испортили мне прощальные минуты с Володей. Я больше думал о себе, как и что скажу, и что будут говорить о том, что я говорил. Вот ведь какая фигня».

А Демидова: «Я все время стояла на сцене в правом углу, где сидели родственники и близкие Володины друзья .. Любимов, как всегда, держался режиссером, деликатно руководил всем, подавал сигнал для начала музыки и так далее, хотя я видела, что давалось ему все это через силу».

М.Влади: «Потом отдают распоряжение вынести гроб. Шестеро друзей несут гроб к выходу. Меня окружают близкие...»

Л.Абрамова: «— Люся, сестра... — сказала Марина».

В.Акелькин: «Весь зал еще раз прошел мимо гроба, после чего все высыпали на улицу».

Ж Владимирская: «В начале третьего стало ясно, что прощание, если его не остановить, будет продолжаться бесконечно. И тогда толпу обманули Сказали, что временно приостанавливается прощание, но в четыре вынесли гроб...»

По одному из свидетельств (приводится в статье «Прощание отменено...»), кто-то из милицейских чинов вышел и сказал — когда катафалк уже ехал по Садовому кольцу: «Товарищи! Не волнуйтесь! Прощание отменено по просьбе родственников умершего».

Разумеется, это была явная ложь.

В.Золотухин: «Ответственный за крышку гроба» — таким я был в день похорон»

«Прощание...»: «...Какой-то отчетливый шум у подъезда. Из дверей показывается большая группа людей. В центре идут по трое-четверо двумя маленькими колоннами, удерживая на плечах тяжелую ношу».

М.Влади: «На улице бьет в глаза яркий свет. Волнуется людское море, растянувшееся на километры».

В.Акелькин: «Здесь нас ждало самое большое удивление, и если до того мы сдерживались, то на улице слезы потекли сами собой, да мы и не стеснялись их — вся Таганская площадь, с обеих сторон эстакады была забита людьми. Люди заполнили крыши и окна домов, метро, ресторана «Кама», киосков «Союзпечати», универмага...»

В.Янклович: «Потом я вышел на улицу, — увидел генеральскую машину у метро... И вот тут началось самое главное удивление! Конечно, все знали, что будет много народу, но чтобы столько! Чуть раньше Трифонов сказал в кабинете Любимова:

— Как умирать после Высоцкого?»

Ж.Владимирская: «Тогда не одна я, наверное, думала: «Какое счастье, какая правда в том, что он — не лауреат, не отягощен ни званиями, ни наградами... Что он — народный не именем Верховного Совета, а именем народа... И похороны были народными, а у «них» — ни у кого и никогда — таких не будет. Один старичок сказал, что у Владимира Маяковского были роскошные похороны, а это — похороны народные».

М.Козаков: «И вот его вынесли из главного входа театра. Если бы он смог открыть глаза, он увидел бы только небо между домами, но если бы мог слышать, то вздрогнул бы от этого — «а-а-а-а!..», которое вдруг возникло, как общий выдох, и куда-то улетело».

А.Демидова: «Все возвышения, крыши киосков и соседних домов, площадь, пожарная лестница на стене театра были заполнены народом, и тротуары на несколько кварталов еще запружены людьми».

В.Гордеев: «И вдруг мы услышали негромкую музыку. Потом вдруг — тишина. Замерли люди на крышах. Трое-четверо здоровых парней поднимали на руках высоких девушек... Девушки держали в руках зеркальца от пудрениц...

— Вот вынесли крышку... По-моему, Филатов и Золотухин... Гроб... Белый! Остановились. Нет, не видно, кто несет. Автобус... Ну, такой катафалк...»

«Прощание...»: «С моего места видно, как процессия по чьей-то команде разворачивается, как откидывается нижний люк у обычного автобуса с черной полосой, как загружают... И это — все?!»

В.Смехов: «Любимов попросил всех артистов и актрис унести цветы, — и вот стоп-кадр: цветы уносили-уносили огромными охапками, а они стояли все тем же силуэтом... Я просто не могу представить, сколько это длилось времени — как-будто они откуда-то снизу опять появлялись — эти цветы».

В.Акелькин: «А в зрительном зале по обе стороны сцены — венки, венки... Их потом вывозили на двух грузовиках, по четыре ряда венков на машине».

М.Влади: «Мы садимся в автобус, гроб стоит в проходе, мы все сидим, как школьники, уезжающие на каникулы. Любимов машет большим белым платком людям, собравшимся на крышах, на каменных оградах, некоторые залезли на фонари. Автобус трогается».

«Прощание...»: «Меня вместе со всеми выносит к автобусам. Дверцы распахиваются, люди занимают места...

Мы едем по цветам. Они летят из окон, с балконов, с бровок тротуаров...»

В.Туманов вспоминает, что уже когда сидели в катафалке, Марина Влади, обращаясь к нему, сказала:

— Вадим, я видела, как хоронили принцев, королей, но ничего подобного я не видела.

М.Козаков: «Когда процессия выехала на Таганскую площадь, чтобы затем направить свой путь по Садовому кольцу, под машину, которая везла его, полетели цветы».

«Прощание...»: «Гроб с его телом на руках бы понесли до Ваганьковского, передавая с плеч на плечи, как величайшую ценность, и всю оставшуюся жизнь вспоминали бы этот миг, как честь и счастье.

Но у этих, на Таганской площади, отняли все — даже горький праздник прощания...»

Ю.Карякин: «И когда автобус с гробом отъехал от театра, люди долго-долго махали вслед автобусу руками, цветами. А мальчишки выпустили в небо голубей».

«Прощание...»: «Откуда-то поднялись в воздух сотни голубей и теперь, кружась, уходят все выше вверх по невидимой винтовой лестнице».

С.Дерков (из письма в Театр на Таганке): «Люди провожали маленький автобус, который увозил от них очень многое. Кто-то в толпе сказал:

— Кусочек свободной России умер».

В.Смехов: «Один из важных военных чинов, наблюдавший за рекой скорби 28 июля, молвил знаменитому писателю:

— Ну а вы-то зачем сюда подались? Зачем сюда пришли? Хоронят антисоветчика... Что? Кто хоронит? Да такие же, как он...»

Ж.Владимирская: «Вот помните у Маяковского: «Если в музее выставить плачущего большевика...» Я видела плачущих большевиков — в жизни, в кино, в театре. А вот плачущих милиционеров видеть как-то не доводилось... А здесь — увидела. Запомнился молоденький-молоденький, плакавший, не стесняясь, чуть не в голос».

В.Смехов: «Потом длинная кавалькада машин пошла вразрез Садовому кольцу. В нас была какая-то злая гордость, что олимпийские машины стоят, а Высоцкий едет... Машины шли по левой стороне, все прочие стояли, — все было оцеплено...»

«Прощание...»: «...От толпы... отделяется кучка молодых ребят и мчится вслед за процессией. Машины прибавляют ходу, ребята по одному отстают, продолжает бежать только какой-то совсем еще мальчик в черном кожаном пиджачке. Улица уходит вниз, толпа вдоль мостовой редеет. Уже становится виден Курский вокзал, а он все бежит.

...На него страшно глядеть: он мертвенно бледен, кажется, сейчас грохнется оземь...

...Если бы совесть могла в тот день каким-то чудом воплотиться в человеческом облике, я знаю, она была бы этим мальчиком в черном пиджачке!»

М.Влади: «...Часть огромной толпы бежит за автобусом до самого кладбища. Меня охватывает истерический смех, потому что из-за

рытвин на дороге гроб подпрыгивает и твое тело соскальзывает. Нам приходится укладывать тебя обратно».

А.Штурмин: «На кладбище я ехал в катафалке, напротив сидела Марина. Там были родители, Туманов, Любимов... В книге Марины Влади написано, что тело выскользнуло из гроба... Ничего этого не было».

В.Гордеев: «Катафалк отъехал... Довольно быстро сняли оцепление... Мы подошли к театру. В окне какой-то «Фотографии» — портрет Владимира Семеновича в черной рамке. Вся улица перед театром — в цветах. . Я подобрал на память две гвоздики».

По поводу этой фотографии Высоцкого в траурной рамке в витрине «Фотографии № 1» приведем начало уникального документа:

ПРИКАЗ
по Московскому городскому фотокинообъединению
Мосгорисполкома.
г. Москва, № 20226 августа 1980 г.

В «Фотографии № 11» цеха № 2 без разрешения администрации цеха и без согласования с художественно-техническим советом было нарушено оформление витрины «Фотографии».
На основании изложеннного, приказываю:

1. Фотографу «Фотографии» Стрижевскому А.Е. и заведующему «Фотографией» Герасименко В.А. за самовольное оформление витрины объявить выговор.
2. Начальнику цеха № 2 Борисенкову Н.С. и мастеру участка Розанову Н.А. указать на слабый контроль за оформлением витрин и интерьеров подведомственных предприятий...

Директор фотокинообъединения Ю.Тарасов.

В.Гордеев: «По дорогам пошли первые машины, но у театра и особенно у метро — еще много людей. Метро работает только на вход. Милиция в свои «матюгальники»:

— Товарищи, просьба — пройти в метро!
— Товарищи, не мешайте движению автотранспорта!
— Товарищи, разойдитесь!

Толпу у метро стала теснить конная милиция... Одна старушка сказала:

— Ну, прямо девятьсот пятый год! Сейчас нагайки вытащат...

Вдруг люди у метро стали скандировать:

— Позор! Позор!

И хлопать в такт. Оказалось, что попытались убрать портрет Высоцкого в окне второго этажа. Портрет вернули...»

Э.Рязанов: «На фасаде театра висел портрет Высоцкого. Потом по чьему-то распоряжению (о, неисправимость страха!) этот портрет вдруг убрали. Толпа начала волноваться, скандировать:

— Позор! Позор! Портрет! Портрет!

Через некоторое время, опять по чьему-то указанию, портрет появился».

М.Козаков: «Перед Красной Пресней движение замедлилось. Здесь его (Высоцкого) тоже ждали, и чем было ближе к цели, тем больше становилось людей и тех, что в синих олимпийских рубашках. К Ваганьковским воротам кортеж подъезжал медленно».

Д.Гельфонд: «На кладбище первой подъехала милицейская машина сопровождения. Потом катафалк и много-много машин. Но машины не пустили к кладбищу... Часть толпы прорвалась к могиле, опрокинули заграждения...»

М.Козаков: «У последнего его приюта людей оказалось сравнительно мало. Палило яркое солнце».

М.Влади: «Мы приезжаем на кладбище, на песчаную площадку, где в последний раз можно тебя поцеловать. Мне все труднее справляться с нервами. От вида искаженных болью лиц мне снова хочется захохотать. Может быть, я слишком много плакала?»

Д.Гельфонд: «Прощались у могилы. Сама процедура прошла довольно быстро».

М.Влади: «Я последняя наклоняюсь над тобой, прикасаюсь ко лбу, к губам».

М.Козаков: «У могилы было решено не говорить. Сказал кто-то один, кому это было доверено».

А.Крылов: «Говорил Дупак. Что он говорил, я не слышал — передо мной было семь-восемь человек. И говорил он тихо».

М.Влади: «Закрывают крышку. Удары молотка звучат в тишине».

М.Козаков: «Потом — то, что страшно всегда: глухой стук молотков...»

А.Крылов: «Молотками стучали громко — сразу несколько человек».

М.Влади: «Гроб опускают в могилу, я бросаю туда белую розу и отворачиваюсь. Теперь надо будет жить без тебя».

В.Янклович: «Могила... Помню, что Марина сказала мне:
— Помоги...
Наклонилась, взяла горсть земли с могилы и увезла домой».

Ж.Владимирская: «Володина могила была как бы и не на кладбище. Место — будто между кладбищем и городом. Первый ряд. Чтобы виднее мы ему были. А он — нам».

А.Демидова: «Он жил на юру и похоронен у самых ворот при входе на кладбище. Мне вначале было жаль, что на таком открытом месте мы его хороним. Но сейчас я понимаю, что, наверное, лучшего места и не сыскать».

В.Гордеев: «Вечером Москва обсуждала похороны Высоцкого... На улицах говорили, что Высоцкий похоронен в хрустальном(!) гробу... Что в могиле — магнитофон, который будет звучать, пока не кончатся батарейки...»

Еще по Москве в те дни ходил упорный слух, что в одном из храмов по Высоцкому была отслужена панихида...

«Нью-Йорк таймс», Крэйг Уитни: «Вечером, спустя несколько часов после этих событий, толпа из двухсот-трехсот человек еще стояла вокруг театра, но все знаки траура были убраны и портрет г. Высоцкого был удален. Рядом стояла пожарная машина. Полиция, теперь более спокойная, говорила людям:
— Проходите, собирайтесь где-нибудь в другом месте».

Л.Абрамова: «Все было как-то неясно и беспокойно, если бы не вмешательство Кобзона, наверное, и не нашлось бы человека, который бы так уверенно и разумно организовал стол... Еду, вино, посуду на полтораста человек...»

А.Демидова: «Дома у Володи. Длинный стол без стульев. Близкие друзья и родственники. Говорила мать о том, что Володя был хорошим сыном. Потом отец говорил, что в детстве Володя всех звал по имени-отчеству, что его приняли сразу во все театральные институты... Они гордились сыном. Говорил его близкий друг (В.Туманов. — *В.П.*) о том, какой это был непростой человек — Володя, и как не надо сейчас об этом забывать...»

В.Туманов: «Часто вспоминаю веселое Володино: «Народу было много!» Раньше, когда я не очень в этом разбирался, — встречая его с концерта, всегда спрашивал: «Ну как, — народу было много?» И вот Володи сегодня уже нет, — а народу было много. Очень много».

В.Янклович: «Поминки... Это продолжалось дня три... Уже начались разговоры о наследстве, о комиссии по творческому наследию...»

В.Золотухин: «На панихиде (поминках. — *В.П.*), доставая вилкой краба, Семен Владимирович, активно жуя, сказал мне: «Между прочим, дорогой Валерка, я с наслаждением слушал сегодня тебя, молодец, умница...»

Г.Епифанцев (друг Высоцкого времен школы-студии МХАТ): «На поминки я поехал к Люсе (вероятно, это было уже вечером. — *В.П.*). Дети́ еще немного побыли на Малой Грузинской — и вернулись домой...»

20.00. В Театре на Таганке — спектакль «Мастер и Маргарита». Во время сцены «оплакивания Христа» в зале послышались рыдания...

Ю.Карякин: «Тихие поминки были по Володе на Таганке. Собрались уже в двенадцать часов ночи, после спектакля, наверху, в старом здании... Были Володины песни и гамлетовский монолог о смерти. Был Володин стакан, полный до краев водки...

Был Володин портрет, тот что висел на гамлетовском занавесе в зале над его гробом: светлая спортивная рубашка, скрещенные на груди руки, усталый тоскливый взгляд в упор... И каждый, кто говорил, обращался прямо к нему, переводя глаза с горького его стакана на его портрет».

Ю.Любимов: «Похороны... Какой-то день был в Москве необыкновенный. Все поняли, что умер поэт. Я еще больше зауважал москвичей — как достойно они проводили своего поэта!»

Д.Гельфонд: «Поминки были в театре. Их разогнал полковник Белоусов, заместитель начальника Ждановского РУВД — приказал обесточить театр. А выключили чуть ли не весь Ждановский (ныне Таганский. — *В.П.*) район».

Ю.Карякин: «После поминок на Таганке я шел пешком по Москве. Из многих освещенных окон слышался его голос... Читаю, перечитываю сотни (многие сотни!) телеграмм, полученных Таганкой в те последние июльские дни. Здесь вся география страны, все основные профессии, все возрасты сознательные. Никакого сценария — стихийный порыв в общей беде и сострадании...»

26. Шевченко, Мангышлакской.
«Не верю. Подтвердите».
Без подписи.

26. Нижнекамск.
«Очень обидно. Не хочется верить».
Олег.

26. Новосибирск.
«Скорбим. Другого такого не будет».
Все, любившие его в Академгородке.

26. Ташкент.
«Мои дети и дети моих детей будут слушать, понимать и любить его песни. Вечная память».
Без подписи.

26. Смоленск.
«Плачем вместе с вами. Берегите его наследие».
Березовы.

26. Воронеж.
«Скорбим вместе со всей Россией».
Костенко, Рачинский, Давидович.

26. Москва.
«Потрясена трагедией. Пожалуйста, помните его всегда».
Коршунова.

27. Киев.
«Знаем, помним, любим. Скорбим вместе с вами».
Без подписи.

27. Ленинград.
«Горюю вместе со всеми, кто знал, любил, ценил дорогого Володю».
Иосиф Хейфиц.

2... Комарово, Ленинградской.
«Никогда не забудем Володю. Глаза, улыбку, голос, песни, игру...»
Раиса Орлова, Лев Копелев.

27. Теплоход «Нахимов».
«Какая горькая потеря. 25 говорили об этом с Булатом Окуджавой. Закончилась эпоха Высоцкого. Пришла мысль, наверное, не мне одному, создать поэтический спектакль на его стихи».
Феликс Дашков.

28. Свердловск.
«Потрясен. Очень стало пусто».
Без подписи.

28. Петровск, Свердловской.
«Мы все осиротели».
А.Верин.

1992—1994

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Мандельштамом сказано — я боюсь, что недостаточно грациозно воспроизведу его формулу, — но сказано приблизительно вот что

Смерть поэта есть его художественное деяние. То есть смерть поэта не есть случайность в сюжете его художественного существования...

Я полагаю судьбу Высоцкого совершенной, замкнутой, счастливой. Потому что никаких поправок в нее внести невозможно.

Б.Ахмадулина.
24 января 1987 года.

ПАМЯТНИК

Я при жизни был рослым и стройным,
Не боялся ни слова, ни пули
И в привычные рамки не лез, —
Но с тех пор, как считаюсь покойным,
Охромили меня и согнули,
К пьедесталу прибив ахиллес

Не стряхнуть мне гранитного мяса
И не вытащить из постамента
Ахиллесову эту пяту,
И железные ребра каркаса
Мертво схвачены слоем цемента, —
Только судороги по хребту

Я хвалился косою саженью —
Нате смерьте! —
Я не знал, что подвергнусь суженью
После смерти, —
Но в обычные рамки я всажен —
На спор вбили,
А косую неровную сажень —
Распрямили

И с меня, когда взял я да умер,
Живо маску посмертную сняли
Расторопные члены семьи, —

И не знаю, кто их надоумил, —
Только с гипса вчистую стесали
Азиатские скулы мои.

Мне такое не мнилось, не снилось,
И считал я, что мне не грозило
Оказаться всех мертвых мертвей, —
Но поверхность на слепке лоснилась,
И могильною скукой сквозило
Из беззубой улыбки моей.

Я при жизни не клал тем, кто хищный,
В пасти палец,
Подходившие с меркой обычной —
Отступались, —
Но по снятии маски посмертной —
Тут же в ванной —
Гробовщик подошел ко мне с меркой
Деревянной

А потом, по прошествии года, —
Как венец моего исправленья —
Крепко сбитый литой монумент
При огромном скопленье народа
Открывали под бодрое пенье, —
Под мое — с намагниченных лент

Тишина надо мной раскололась —
Из динамиков хлынули звуки,
С крыш ударил направленный свет, —
Мой отчаяньем сорванный голос
Современные средства науки
Превратили в приятный фальцет

Я немел, в покрывало упрятан, —
Все там будем! —
Я орал в то же время кастратом
В уши людям
Саван сдернули — как я обужен, —
Нате смерьте! —
Неужели такой я вам нужен
После смерти?!

Командора шаги злы и гулки.
Я решил: как во времени оном —
Не пройтись ли, по плитам звеня? —
И шарахнулись толпы в проулки,
Когда вырвал я ногу со стоном
И осыпались камни с меня.

Накренился я — гол, безобразен, —
Но и падая — вылез из кожи,
Дотянулся железной клюкой, —
И, когда уже грохнулся наземь,
Из разодранных рупоров все же
Прохрипел я: «Похоже — живой!»

И паденье меня и согнуло,
И сломало,
Но торчат мои острые скулы
Из металла.
Не сумел я, как было угодно —
Шито-крыто.
Я, напротив, ушел всенародно
Из гранита.

В.Высоцкий, 1973

посмертная судьба

ВСТУПЛЕНИЕ

Потомством взвесится,
Кто сколько утаил...
Н.Гумилев

Стихотворение гения возможно анализировать и через сто лет после его смерти, а что касается биографии — тут многое зависит от современников. Ответственность современников в том, чтобы обеспечить потомков качественным биографическим материалом, — без привлечения которого, кстати, невозможен и полный литературоведческий анализ.

Только современники могут сохранить то неуловимое, что Мандельштам называл «шумом времени» — атмосферу эпохи. Живые мелочи, внятные детали, настроения и мнения — все это понятно и доступно только им. Не говоря уже о том, смогут ли понять потомки какие-то слова и выражения, свойственные «эпохе развитого социализма», которые с неизбежностью «вымирают» в жизни и в языке. О лексике Высоцкого написаны сотни статей, о лексике его времени — единицы.

Ответственность современников — это и мысль Пушкина о том, что надо делать записки, «чтобы потомки могли на нас ссылаться»... Сравните с публичной позицией дирекции Государственного культурного центра-музея В.С.Высоцкого (далее — Музей Высоцкого): «да, мы будем собирать воспоминания современников, но не публиковать, потому что там много противоречий и неправды». Но во втором выпуске альманаха «Мир Высоцкого» эта позиция уточняется: «...Из всего массива мемуаристики отдавать предпочтение тем ее частям, которые непосредственно связаны с творчеством В.С.Высоцкого».

Но публиковать желательно все — память человеческая несовершенна, — чтобы еще при жизни поколения В.В. можно было что-то уточнить, поправить или опровергнуть. Напечатан же сборник, составленный научным сотрудником Музея Высоцкого инженером И.Роговым «Еще о Высоцком», часть которой посвящена опровержению еще не вышедшей в то время книги «Правда смертного часа».

И почему — публиковать только те материалы, которые непосредственно связаны с творчеством Высоцкого? Понятно, что нужно щадить чувства родных и близких... Но делать это всеобщим принципом государственного научного учреждения?! А может быть, в этом есть стремление скрыть, утаить от современников и потомков все драматическое и трагическое, — чего в жизни Высоцкого было достаточно?

Через год после выхода книги «Владимир, или Прерванный по-

лет» Марина Влади сказала в телевизионном интервью: «Люди, которые не любят меня, говорят, что я занимаюсь мытьем грязного белья, — это не так. Моя книга — про жизнь. А жизнь — это и трагические моменты». Ахматова сказала: «Поэт без трагедии — не поэт». А «музей делает все, чтобы стесать Володины азиатские скулы» — Л.В.Абрамова, 1992 год.

«Время сорвалось с цепи, вскочило в седло — и погоняет человечество». Во всяком случае, наше российское человечество — еще наполовину советские люди. И не гении, но кумиры занимают умы поколения, которое «выбирает «Пепси». Зачем же ворошить прошлое? Но ведь только через драматические конфликты, через трагические столкновения можно попытаться восстановить истину — правду отношений между людьми.

Все взято в трубы, перекрыты краны, —
Ночами только воют и скулят,
Что надо, надо сыпать соль на раны
Чтоб лучше помнить — пусть они болят.
(1977)

После смерти Владимира Высоцкого прощальными словами друзей, стихами его памяти была задана такая высота, что современники стали опускаться на землю только в конце 80-х годов. Посыпались статьи, интервью, воспоминания разной степени откровенности, разного качества — и все они публиковались. Пожалуй, самая честная позиция для вспоминающего о близком человеке, друге, товарище — не щадить ни себя, ни его. Так не бывает? Но ведь есть воспоминания И.Дыховичного, Л.Абрамовой, А.Демидовой, А.Васильева, В.Янковича, М.Шемякина...

Посмертная судьба поэта вполне может стать трагической — это забвение потомков. С Высоцким такого не произойдет — его поколение и его время просто этого не допустят. Высоцкий присутствует и в литературе, и в нашей жизни — он самый цитируемый в периодической печати поэт конца XX века. Как сказал Александр Блок: «Не лучше ли для поэта такая память, чем тома критических статей и мраморный памятник?»

Можно ли считать судьбу Владимира Высоцкого «законченной и совершенной»? А разве не существует для него, как и для всех — «несбывшееся будущее»? В.Шехтман сказал Высоцкому летом 1980 года:

— Володя, ты же за последние месяцы не написал ни одной песни?

— У меня в голове их штук двадцать...

Но они так и остались ненаписанными... Ненаписанных воспоминаний тоже достаточно. В общем, каждый, кто знал Высоцкого, должен выполнить долг его современника — оставить свои субъективные, пристрастные, пусть противоречивые воспоминания, свидетельства, записки...

Содержание этой книги достаточно разнообразно: статьи, непосредственно посвященные посмертной судьбе Владимира Высоцкого; ретроспективные заметки; статьи, темы которых были только намечены в «Правде смертного часа»; статьи о взаимоотношениях В.В. и его знаменитых современников; интервью с людьми, которые сыграли значительную роль в жизни и в посмертной судьбе Владимира Высоцкого.

За рамками книги остались темы, безусловно, важные и достаточно известные: создание спектакля «Владимир Высоцкий»; судьба рукописного наследия; издание первой книги В.В. «Нерв»; история Музея Владимира Высоцкого. Так что работа продолжается...

ПРОЩАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Он был гражданином всего человечества.
Д.Верньe

Начнем с того, что 28 июля 1980 года небольшая заметка о прощании с Владимиром Высоцким появилась в «Вечерней Москве», — эта газета первой сообщила о смерти В.В.

«Скоропостижно скончался артист Театра на Таганке Владимир Семенович Высоцкий.

В траурном убранстве сегодня помещение театра. На сцене, на высоком постаменте, гроб с телом В.С.Высоцкого. Рядом — венки: от Министерства культуры РСФСР, Союза кинематографистов СССР, коллектива театра, от коллективов других столичных театров и учреждений культуры, от близких и друзей покойного.

Состоялась гражданская панихида.

В.С.Высоцкий похоронен на Ваганьковском кладбище».

На этом прощание с Владимиром Высоцким в наших средствах массовой информации закончилось. А за границей — некрологи, репортажи с похорон, целые статьи публиковались до начала августа. При жизни В.В. выступал во Франции, США, Канаде, ФРГ и практически во всех социалистических странах. Но дело не в этом... Все публикации свидетельствуют, если не о всемирной славе, то наверняка о международной известности Владимира Высоцкого.

Респектабельная «Нью-Йорк таймс» публикует довольно большую статью своего московского корреспондента Крейга Уитни, в которой перемешаны «популярные» слухи, переводы песен В.В. и общеизвестные факты.

«Владимир Высоцкий, советский актер и бард, умер от сердечного приступа.

...В.Высоцкий был популярной кинозвездой, а также поэтом-бардом. Он отбывал срок в лагерях в юности, но был освобожден при Никите Хрущеве после смерти Сталина в 1953 году.

Он не всегда мог ездить за границу даже к своей жене в Париж, поскольку его взгляды часто приводили к конфликту с властями.

Он совершил такую поездку в Соединенные Штаты полтора года назад.

Сатира г. Высоцкого была не столь острой, чтобы сделать его «персоной нон грата» для советских властей, но и не столь беззубой, чтобы он потерял уважение советской молодежи.

27 июля 1980 года».

Французская газета «Монд» не забывает о «холодной войне», но и помнит об особых отношениях Франции и СССР.

«Смерть советского актера и певца Владимира Высоцкого.

...Чтобы реабилитироваться перед властями, Высоцкий записал несколько весьма «соцреалистических» песен, прославляющих альпинистов, советских геологов... Однако своей популярностью он обязан другому реализму, более суровому и ироническому, который описывал условия жизни в лагерях — где он побывал еще подростком, — и пребывание в психиатрических больницах, когда человек не является сумасшедшим.

Владимир Высоцкий был представителем поколения ангажированных певцов, вместе с Александром Галичем, умершим в эмиграции в Париже два года назад, и Булатом Окуджавой, который ничего не записывал уже несколько лет.

Даниэль Верне.

Париж. 27-28 июля 1980 года».

Шесть лет жизни прибавляет В.Высоцкому Терри Бушель из английской коммунистической газеты «Морнинг Стар», и замечает в публикации

«Прощание с советской поп-звездой.

...Для поколения русских он был тем же, чем Боб Дилан является для поколения на Западе.

28 июля 1980 года».

Макс Леон, знавший В.Высоцкого ещё по работе корреспондентом в Москве, — более того, он был свидетелем на бракосочетании Владимира Высоцкого и Марины Влади, — публикует в своей газете «Юманите» статью

«Неистовый Владимир.

...Он был поэтом и — что в значительной степени игнорировали — политиком, смелым, сознательным, с критическим складом ума, неудовлетворенностью, требовательностью, с тем чувством национального и интернационального, что присуще подлинному революционеру.

Художественная жизнь Москвы — и далеко за пределами столицы, вплоть до Сибири и Дальнего Востока — не будет такой, как прежде, после смерти Володи.

Владимир Высоцкий, наш друг, был гражданином Москвы, Советского Союза, с подлиной мерой осознания и ответственности — гражданином всего человечества.

Париж, 29 июля 1980 года».

Сообщение английского агентства «Рейтер» под разными заголовками публикуют газеты разных стран. В канадской газете «Глоб энд мейл» оно напечатано под заголовком

«Полицию призывают, когда толпа скорбит о советском актере.

...Люди протестовали, когда полицейские в белой олимпийской униформе и молодые рабочие гражданской обороны, сцепившись руками, оттесняли толпу.

Один человек из толпы сказал корреспонденту: «Это не политическая демонстрация. Мы просто любили его».

Торонто, 29 июля 1980 года».

В этот же день «Нью-Йорк таймс» публикует вторую статью Крейга Уитни. Корреспондент побывал на похоронах и приводит несколько точных деталей.

«Советская полиция вмешивается, когда тысячи людей волнуются на похоронах барда.

...20-летний юноша, который гордо показывал свои шрамы и царапины после того, как все было кончено, сказал: «Полиция обесчестила память человека».

Пожилая женщина наставляла его: «Толпа может быть опасной. Полиция всего лишь делала свое дело».

Необычная сцена, имеющая немного аналогий в современной советской истории, была яркой демонстрацией силы слова в этой стране...

Молодой человек стоял на афишной тумбе, откуда два полисмена постоянно пытались его стащить. Толпа веселилась всякий раз, когда им это не удавалось. Наконец, он наступил на руку полицейскому и спрыгнул, чтобы смешаться с толпой. На плакате было написано: «Наш советский образ жизни».

Нью-Йорк, 29 июля 1980 года».

30 июля в газете «Информашон» (Копенгаген, Дания) публикуется большая статья Мейланд-Хансена, действительно неплохо информированного корреспондента.

«Владимир Высоцкий — для советских поколений герой и антигуру.

...Русские любят своих писателей и поэтов, в том числе покойных, умерших десятки и сотни лет назад. В народе — и не только в среде интеллектуалов — помнят наизусть их слова.

Почти у всех крупных русских и советских писателей есть одна общая черта: у них были трудности с государственной властью, и наоборот. Еще одним важным доказательством тому служит бессмысленная смерть в молодости крупнейших лирических поэтов.

Бессмысленные дуэли Пушкина и Лермонтова, таинственные самоубийства Есенина и Маяковского.

К этому списку крупных имён в русской литературе принадлежит теперь также и Владимир Высоцкий (1938—1980).

Ходят слухи, что Высоцкий покончил с собой. Если так, то почему? Теперь мифы будут разрастаться по русским меркам: было ли это связано с любовью, политическими репрессиями или пресыщенностью жизнью. В феврале мне рассказывали на Таганке, что Высоцкий сильно переживал проблему своего старения. Может быть, это послужило причиной его смерти.

Высоцкий не мечтал об идеалах и утопиях. Только о жизни разумной. Такой, какой ему не досталось».

Естественно, что все ведущие польские газеты откликнулись на смерть Владимира Высоцкого», — ведь всего два месяца назад он поразил Варшаву своим исполнением роли Гамлета.

«Владимир Высоцкий ушел из жизни.

...Умер 25 июля. Ушел неожиданно, в возрасте 43-х лет, полный творческих сил, в расцвете таланта, популярности. А эта популярность, выходящая далеко за рамки ее понимания, создавалась не только сильной эмоциональной наполненностью искусства Высоцкого, но, прежде всего, насыщенностью его содержанием, близким современному человеку... Он был одним из тех необычных явлений, которые оставляют неизгладимый след, артистом своего времени».

«Жиче Варшавы», 30 июля 1980 года.

Много откликов на смерть Высоцкого в Болгарии, где его хорошо знали и любили. Самый интересный текст принадлежит В.Свинтиле в газете «Литературен фронт».

«Разлука с Высоцким.

...Этот человек не мог жить без поэтов и без поэзии. И давайте выскажем дерзкую мысль: он участвовал в воспитании своего поколения поэтов, в воспитании их чувствительности.

Однажды, в гостях в Болгарии, Владимир Высоцкий сказал почти случайно:

«Жизнь — это рана, которая лечится сама. Мне дороги страдания, потому что из них рождаются радости».

Никто не говорил о страданиях современного человека с таким жизнелюбием и с такой верой. И это парадокс. Парадокс Высоцкого — явления, которое мы, современники, отныне будем оценивать.

31 июля 1980 года».

Каким-то образом до корреспондента немецкого журнала «Шпигель» доходят отзвуки событий, действительно происходивших и в Театре на Таганке, и даже в квартире Владимира Высоцкого.

«Проклятие поэта.

...После многих месяцев болезни врач должен был находиться за кулисами Театра на Таганке, чтобы с помощью инъекций поддерживать Гамлета-Высоцкого. Народный поэт умер в прошлую пятницу, утром, в своей квартире, неподалеку от германского посольства.

С вечера пятницы тысячи скорбящих людей собирались у Театра на Таганке, приносили горы цветов и просили похоронить поэта на знаменитом Новодевичьем кладбище в воскресенье. Власти разрешили только Ваганьковское кладбище (где находится могила поэта Есенина, тоже объект паломничества) и перенесли похороны на середину понедельника, на рабочее время — надежда на малое скопление народа. Все сведения держались в тайне, но власти скоро поняли, что плохо знают свой народ.

4 августа 1980 года».

Эмигрантский журнал «Посев» печатает некролог А.Югова, который сопровождается публикацией 6 текстов Высоцкого.

«Умер Владимир Высоцкий.

... Высоцкий не был членом Союза писателей, официально не числился за поэтическим цехом советской литературы. Но его известности в народе с лихвой хватило бы на весь этот цех.

Сами похороны потрясли Москву — такого еще не было. В день похорон, 28 июля, людская река (называют цифру в сорок тысяч человек) текла мимо Театра на Таганке. Этот стихийный взрыв любви и горя явно произвел впечатление на иностранных корреспондентов и операторов. Потрясенный Клаус Беднарц, московский корреспондент 1-й программы телевидения ФРГ, даже перешел на несвойственный ему пафос: «Народ, который так умеет прощаться со своими поэтами, — бессмертен!»

Август, 1980 года».

И закончим короткой цитатой из некролога, опубликованного во французском журнале «Революсьон».

«Высоцкому.

...Отдавая дань Владимиру Высоцкому, тысячи кассет после его смерти продлевают эхо его голоса, это то эхо, о котором он говорил в своей песне, но которое не было расстреляно. У глашатаев такой народ, какого они заслуживают.

1-7 августа 1980 года».

ПОСМЕРТНАЯ МАСКА

Посмертная маска актера — его последний грим.

История посмертной маски Владимира Семеновича Высоцкого достаточно сложна и запутана. Более того, только приблизительно известно нахождение нескольких ее экземпляров... Но вначале немного о том, как она была снята.

Вспоминает Валерий Павлович Янклович: «25 июля Марина сказала, что надо снять посмертную маску. Пригласила художника Ю.Васильева. С Васильевым договорились, что он сделает три экземпляра: одну Марина увезет с собой, вторая останется в семье, а третья будет храниться в театре. Васильеву позвонил я, он приехал... Марина ему помогала...» (По другим сведениям, Васильеву помогал и его сын.)

Близким знакомым Васильев говорил, что «лицо Высоцкого помогало»... Слепок руки не получился...

В это же время в квартире, разумеется, находилась мама В.В. Нина Максимовна Высоцкая: «Марина помогала скульптору... Какие-то тряпки лежали... Я как увидела, мне стало дурно. . Валера Янклович подбежал: «Мы сейчас все уберем! Мы все это уберем!» Но где же маска, которую обещали семье? Их же было сделано три...»

Вот с этого числа три и начинается вначале неразбериха и путаница, а потом ссоры и обиды... Все говорят о трех масках, имея в виду три металлические копии, но ведь было еще три гипсовых оригинала!

Рассказывает Людмила Абрамова: «Васильеву снимать маску помогала Марина и его сын... Слепок он унес домой, и сам сделал три оригинала. И пометил их, чтобы отличить от любой подделки. А потом поручил скульптору Гурченко выполнить маску в бронзе с серебром (в трех экземплярах). Более того, Васильев взял клятву с Гурченко, что тот правильно выдержит рецепт сплава и не сделает для себя ни одного тайного слепка... И вроде бы никаких нарушений Гурченко не сделал. Юра ему верил».

Вот так все происходило на самом деле, и когда были готовы металлические копии — одну забрала с собой Марина, вторую отвезли в театр (отдали Ю.П.Любимову, который положил маску в сейф), третья, которая предназначалась для семьи, пока находилась у друзей В.В. Но вот Любимов уезжает за границу, и вторая маска исчезает из сейфа...

В.П.Янклович: «Скульптору Распопову (он умер в феврале 1988 года), который делал фигуру Высоцкого, понадобилась маска, понадобилась для работы. Распопов решил обратиться к Дупаку (раз в те-

атре — значит, у директора). Дупак ответил, что маски у него нет, Любимов увез ее за границу... Но Петрович никакой маски за границу не увозил, она должна быть у Дупака...»

Семья беспокоится тоже. Нина Максимовна Высоцкая приезжает в театр... Где маска? — «Дупак повел нас в кабинет... Нет ключа от сейфа! Долго искали ключ. Открыли сейф в кабинете Любимова, — маски нет. А Дупак говорит: «Я ничего не знаю. Маска была». — «Как же так, Николай Лукьянович!» — «Я буду искать». Звоню на следующий день: «Вы знаете, Нина Максимовна, обратитесь к Марине... Мы и вторую отдали ей...»

Разумеется, этого не могло быть... Итак, точно известна судьба только одной посмертной маски В.Высоцкого — она у Марины Влади в Париже. Еще одна маска у друзей, но где она? — этого никто не знает... И только в самое последнее время стало более или менее точно известно, где находятся и гипсовые оригиналы, и бронзовые копии...

Вторая бронзовая маска все эти годы хранится у одного из близких друзей В.Высоцкого — Артура Сергеевича Макарова. Летом 1991 года он обещал передать ее в «Дом Высоцкого на Таганке».

Третья металлическая маска, которая долгое время хранилась в кабинете Любимова, может находиться либо у Н.Л.Дупака, либо у сына Любимова — Никиты.

Теперь о судьбе трех гипсовых оригиналов посмертной маски Владимира Семеновича Высоцкого. Считалось, что один из них был использован как форма для отливки бронзовых копий... Л.Абрамова: «Металл делали из первого оригинала, который при этом «погиб»... Об этом знала и Нина Максимовна Высоцкая: «Скульптор уничтожил, чтобы не было тиражирования...» Так вот, для отливки был использован оригинальный слепок, тот самый, с которого были сделаны и три бронзовые маски.

Гипсовая маска с номером «один» была подарена Васильевым своему другу, профессору, доктору наук Ю.Делюсину, который долгое время входил в художественный совет Театра на Таганке. Гипсовая маска с клеймом «два» хранилась у Васильева — ее он никому не показывал... Но на стене у него в квартире висела посмертная маска В.В. — это был слепок «три». Эту маску он когда-то обещал В.С.Золотухину...

Запись в дневнике В.Золотухина от 30.03. 85 года: «Тамара (жена Золотухина) сказала, что звонил Ю.Васильев, что для меня готова давно обещанная посмертная маска В.С.Высоцкого, и ее нужно срочно забрать. Он только что из больницы, снова собирается туда, и вернется ли?.. А без него маску мне никто не отдаст...

Завернул он мне Володю в вафельное полотенце... Семья его покинула. Живет он с девочкой Жулькой — маленькой собачонкой...

— Сильный инфаркт... Так что я решил кое-какие дела почистить. Отдать, что обещал... Только не давайте никому, начнут тиражировать, торговать... Я много масок снимал. Они имеют свойство жить, реагировать. Будете ругаться — он будет хмуриться. Будете радоваться — он будет улыбаться...»

А собственный экземпляр — гипсовый слепок номер «два» — Васильев обещал передать в музей Высоцкого. Рассказывает Л.Абрамова, близко знающая вдову Ю.Васильева: «Он сказал жене: «Когда я умру, маску отдай в музей». Этот оригинал Васильев хранил и никому не показывал... Когда Юрия Васильевича не стало, жена долго не могла найти маску. Совершенно случайно, разбирая вещи в квартире, она ее нашла. И мы привезли ее в музей».

У некоторых коллекционеров (и в общественных музеях В.Высоцкого) хранятся «посмертные маски В.В.» — «ленинградского происхождения», которые якобы сделаны учеником Юрия Васильева... Одну из таких масок П.М.Леонов в свое время возил показывать Васильеву (это было незадолго до смерти художника). По словам Леонова, Васильев пришел в ужас, когда увидел «маску», и сказал, что это подделка.

Людмила Абрамова рассказала, что они с вдовой Ю.Васильева положили рядом оригинал посмертной маски Высоцкого и «ленинградскую версию»: «У «ленинградской копии» перепутаны правая и левая стороны. У настоящей маски на одну сторону уголок рта опущен, а у копии — на другую. Но вполне возможно, что это делал скульптор, причем скульптор неплохой, потому что определенное сходство там есть... Но делал по фотографиям. Вдова Васильева говорит, что это самостоятельная работа... Воссоздание, которое выдают за посмертную маску... Ведь Васильев снимал только лицо, потому что был сильный отек шеи, и он сделал только до подбородка... А на «ленинградской» работа очень глубокая: шея, уши, волосы... Причем волосы сделаны совершенно не так...»

И в заключение перечислим местонахождение гипсовых оригиналов и бронзовых копий посмертной маски Владимира Семеновича Высоцкого. «Гипс номер один» — в семье Льва Петровича Делюсина, вторая гипсовая маска хранится в Музее Высоцкого, и третья гипсовая маска — у В.С.Золотухина. Одна бронзовая маска находится в Париже у Марины Влади, вторая хранится у наследников А.С.Макарова, судьба и местонахождение третьей бронзовой копии пока точно неизвестны.

ПОСЛЕДНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ

(работник аппарата МВД — Павел Павлович Н-ев)

Побудьте день вы в милицейской шкуре...
В.Высоцкий

Я вам расскажу о вещах, которые были известны очень узкому кругу людей, да и то не в полном объеме...

В 1980 году я работал участковым милиционером в районе Малой Грузинской и, естественно, знал Владимира Семеновича Высоцкого. Бывал у него дома... И, знаете, у меня осталось впечатление, что он — ну, не очень хороший человек. В 1979 году в этом доме была совершена кража. Там жили два участника квартета «Аккорд». Однажды они приехали после гастролей, и во время выгрузки аппаратуры у них украли две колонки... В это время мимо проходило всего несколько человек, в том числе и Высоцкий. Естественно, я должен был всех опросить...

Поднимаюсь на его этаж, звоню. Высоцкий подошел к двери, но не открывает. Я говорю:

— Долго будем молчать?.. Я оставлю вам повестку, и если не явитесь в отделение, то будет — привод.

Открывает дверь.

— А в чем дело?

— Мне нужно вас опросить по такому-то делу...

Он к телефону.

— Никаким свидетелем я быть не желаю... Если будете настаивать, позвоню Щелокову...

Вообще говоря, это был сложный участок: актеры, художники, генералитет... И я условно делил всех на две категории: на тех, кто хватается за телефон, и тех, кто — нет.

Потом Высоцкий говорит:

— А чего вы хотите?

— Владимир Семенович, вы такие гражданские песни пишете, а долг гражданина выполнить не хотите. Мне нужен рапорт по беседе...

Ну, разобрались.

Следующий раз... Уже прошла информация о том, что Высоцкий употребляет наркотики... Должна приехать Марина Влади, — надо проверить обстановку... Звоню. Высоцкий сразу открывает дверь.

— Да-да, проходите... Что? К какому преступлению я имею отношение?

И предлагает присесть на пуфик, такой высокий пуфик... И предлагает очень настойчиво. Стоит, сложил руки на груди и внимательно смотрит... А пуфики эти очень неустойчивы, в любой момент могут перевернуться. В общем, устроил что-то вроде проверки... Ну, я присел, хотя по сути держусь на ногах. А мог бы и упасть... По-моему, Высоцкий хотел увидеть мою беззащитность...

Присел я и объясняю, что к чему. Что приезжает иностранка — Марина Влади. Что я обязан навестить...

После этого всегда здоровался первым:

— Здравствуйте, Пал Палыч! Участковому — привет!

А если с ним кто-то был, то обязательно говорил:

— Это Пал Палыч — мой участковый.

Повторяю, что я уже знал, что Высоцкий — наркоман. А ведь в те годы все было очень строго. На каждый выезд за рубеж нужна была характеристика по месту жительства. А если наркоман — уже невыездной. Но руководство, по-моему, не хотело связываться — Марина Влади, поездки во Францию...

А в каком состоянии он водил машину?! Это теперь подается как смелость и прочее... А это было безрассудство! — и это еще мягко сказано. В таком состоянии просто нельзя было садиться за руль! Вот мне говорят, что все великие пили и пьют... Но алкоголь не только не помогает в творчестве, а часто убивает талант...

Ну, а теперь главное... 25 июля. Умирает Высоцкий. Честно говоря, я тогда подумал, что его просто убрали. Я знал, что накануне Олимпиады его вызывали в Комитет (КГБ). Вызывали по неизвестной причине... Вы знаете, конечно, что в Театре на Таганке были секретные сотрудники Комитета. И я совершенно не исключаю, что и в ближайшем окружении Высоцкого был сотрудник КГБ.

Может быть, Высоцкий и сказал что-нибудь резкое в этом последнем разговоре — типа: «Я все скажу!» А они такого не забывают... В то время (перед смертью. — *В.П.*) он, по-моему, выходил из запоя и вдруг снова запил. А если на стадии выхода человек опять запьет, то все возможно. И может быть, его и довели до такого опасного состояния.

А потом я точно узнал, что 24 июля в 23.00 Высоцкого связали простынями. Знал, что в квартире выпивали. И четко знал, что спохватились они — их было четверо на тот момент — часа в три-четыре ночи. Рядом с домом Высоцкого общежитие консерватории — «объект Олимпиады», там был комсомольский оперативный отряд. И часть ребят этого отряда рванула в квартиру той ночью. Они тоже кое-что рассказали мне...

Когда в квартире поняли, что Высоцкий мертв, они позвонили матери, в КГБ и в УВД. Оттуда приехали бригады на уровне полковников, они все описали и описания увезли с собой — я к ним доступа не имел. И только в одиннадцать часов были допущены сотрудники милиции...

Протокол осмотра мертвого тела заполнял дежурный оперативный работник нашего отделения милиции... Дня через четыре этот протокол поступил ко мне. Нужно было сделать «материал по факту смерти»... Я позвонил Нине Максимовне Высоцкой, она отказалась со мной беседовать. А настаивать после смерти сына, ну, сами понимаете... Я поехал в театр, но разговор с его руководством не получился, хотя я приезжал несколько раз... Я вышел на В.П.Янковича, он сказал: «Нас опрашивали в КГБ — не чета Вам...»

Тогда в театре я вышел на 2-3 круг — бухгалтерия, билетеры, рабочие сцены — с артистами принципиально не стал говорить... Вот там и были люди, обиженные на Высоцкого. Ну, вначале все говорили, что о мертвом или хорошо, или ничего... А потом... И мне рассказали, как из него качали деньги, как он пел в ресторанах... Мало кто говорил доброе о нем... И сразу же всплыло имя этого импресарио — Янковича...

Некоторые говорили: да, Высоцкий был сложным человеком, и уходили от дальнейшего разговора. Ну а в разговорах с другими было достаточно «гнили». Я прекрасно понимал, что это были люди 2-3 ряда, но, по-моему, именно там была правда отношения к нему... Я все записывал — получился вот такой толстый том.

Ну а главное — это связывание... Он же наркоман, и сосуды у него, сами понимаете, хрупкие. А тем более связать «в ломке»! Здорового человека связывают у нас — знают, что не умрет, но все равно обязаны наблюдать... А там же люди были в подпитии. Высоцкий же мог все разорвать в себе!

Вот Вы говорите — его привязывали мягко, даже «обвязывали»... Но я думаю, что в том состоянии обвязать мягко было невозможно. А тем более Федотов — медик...

И вот наступил момент, когда надо дать заключение: либо рапорт на возбуждение уголовного дела, либо — нет, тогда материал сдается в архив... А мало кто знает, что в таких ситуациях приходится осуществлять и дознание, и следственные действия... Я собрал всю информацию, сведения, полученные от врачей: слабые сосуды, заболевание сердца... И поставил перед судмедэкспертом несколько вопросов:

— Отчего могла произойти смерть?

— Роль связывания простынями...

Он дал заключение: связывание могло привести к смерти. И я решил возбудить уголовное дело о неосторожном убийстве... Послал повестки Федотову и Янковичу — они сразу же приехали. Приехали с таким гонором: мы будем с Вами разговаривать в другом месте!

Тут я и говорю:

— Вы совершили неосторожное убийство.

Лоск сразу спал. Я говорю, что умысла, конечно, не было, но имело место неосторожное убийство... Умысел — это в голове, а я в мозг залезть не могу. Для них это был шок. Я же видел их бледность, растерянность. Я задаю вопрос, они начинают юлить... В общем, я их испугал. И я же вижу, что что-то не то. Наверняка знают правду, а сказать не хотят.

Потом они начали звонить по своим каналам... И на меня пошли звонки: «Надо встретиться, поговорить...»

А время шло, меня вызывало руководство:

— Что ты тянешь!

Я брал отсрочку — 2-3 недели.... Потому что чувствовал — привлекать надо, а суд бы уж решил... Даже если он сам задохнулся — запал язык, — а почему? Все равно кто-то должен был отвечать. Неосторожность просто «висела» там... Даже если «передозировка», как у наркоманов, — тоже неосторожное убийство... И вскрытие — это совершенно нормальный ход вещей... А тут — все концы в могилу.

В общем, в конце октября 1980 года я собрал материал о передаче дела в следственные органы. По-моему, аргументов «за» было больше.

Меня снова вызывают... На столе лежат две стопки листов. Одна стопка — для отказа в возбуждении уголовного дела, другая — за возбуждение. Стопка для отказа — раза в два толще. Вот и все...

Да, существует определенная практика прохождения такого материала: проверка прокуратурой, руководством... Это — неделя, две... А этот материал был проверен за один день. И списан в архив. А хранятся такие дела недолго — в первое же уничтожение оно было сожжено. А что остается от отказанного материала по факту смерти? В лучшем случае листок, что было такое дело и тогда-то оно было уничтожено. Вот такой листок в папке, а потом уничтожается и папка...

Я тогда был моложе и резче, и у меня была такая установка: правда — несмотря ни на что. Даже если эта правда заденет очень известных людей... Вот Высоцкий — и писал очень хорошо, и владел умами, — а кого держал рядом?! И умер так рано. А раз человек умер, — люди, естественно, хотят знать правду... Вот почему я откровенно Вам все рассказал...

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Коль дожить не успел, так хотя бы — допеть!
В.Высоцкий

Последние слова, последняя строчка, последние стихи — всему этому придается особое значение, особый сакральный смысл. Считается, что последнее стихотворение Владимира Высоцкого было посвящено Марине Влади и начинается оно таким четверостишьем:

И снизу лед, и сверху — маюсь между
Пробить ли верх иль пробуравить низ.
Конечно, всплыть и не терять надежду,
А там за дело, в ожиданье виз...

Марина Влади по-разному рассказывала историю создания этого текста. В книге «Владимир, или Прерванный полет»: «Ты вынимаешь из кармана маленькую открытку. На ней набросаны несколько строк...

Твои стихи звучат во мне. Лед, о котором ты говорил, давит нас, не дает нам сдвинуться с места... И я ничего не в силах тебе сказать кроме банальных фраз: «Береги себя. Будь осторожным. Не делай глупостей. Сообщай о себе».

Это последние слова, сказанные Мариной Влади своему мужу лицо в лицо — потом было только несколько телефонных разговоров.

Подробнее об этом стихотворении она рассказывает в интервью Л.Плешакову: «Летом 1980 года Володя был у меня. Пришло время ему возвращаться в Москву, а я не могу ехать вместе с ним. Умирала от рака сестра Татьяна. Она долго и тяжело болела, лечилась, врачи, казалось, сделали все возможное, но жить ей осталось несколько дней. Я должна была находиться рядом. А тут еще съемки в кино. В общем, настроение — сам понимаешь какое.

Кажется, за день до отъезда в Москву Володя увидел на столе яркую рекламную карточку, какие у нас бросают в почтовые ящики, агитируя купить какую-нибудь вещь. Он повертел карточку в руках и начал что-то быстро писать между строк рекламного текста и на полях. Закончив, прочел. Мне стихи очень понравились. Говорю: «Подари мне». — «Нет, — отвечает, — надо чуть-чуть подправить. Пришлю из Москвы телеграфом».

В.Янклович: «Володя написал его раньше — в Италии, — и все хотел его переделать, переписать и послать Марине. Оно было написано на такой открытке, но он так и не успел его выправить. 29 июля

он должен был лететь к Марине, я собирался в самолете переписать и подарить ей».

Так где же написано это стихотворение — в Париже или в Венеции? Текст написан на рекламной открытке парижского отеля «Виа Лазур», так что, скорее всего, права Марина Влади.

После смерти Высоцкого В.Янклович сразу же вспоминает об этом стихотворении и находит его в бумагах В.В. Вспоминает В.Туманов: «Последнее стихотворение я видел у Володи, когда переворачивали бумаги... На каком-то почтовом бланке или на открытке. Это совершенно точно!»

У Марины Влади — своя версия: «После его похорон я перерыла весь дом в поисках этой рекламной карточки. Знала, что он не мог ее выбросить. И нашла. Тепрь храню, как самую дорогую память о нем».

Но это стихотворение уже 25 июля днем перепечатывает Игорь Шевцов с незначительной правкой. Слово «Господом» у Высоцкого написано с маленькой буквы, Шевцов печатает с большой. Из двух вариантов последней строки «Мне есть чем оправдаться перед Ним» и «Мне будет чем ответить перед Ним» — выбирает первый.

Мне меньше полувека — сорок с лишним.
Я жив, тобой и Господом храним
Мне есть, что спеть, представ перед Всевышним,
Мне есть, чем оправдаться перед Ним

Это стихотворение мгновенно распространилось по всей стране. Правда, по стране — тогда еще СССР — «гуляло» еще одно последнее стихотворение, которое начиналось так:

Спасибо друг, что посетил
Печальный мой приют

В поездах дальнего следования тысячами продавались такие самодельные «буклеты»: слева фотография Владимира Высоцкого с Мариной Влади (на трапе корабля), а справа — это стихотворение, под которым стояло: «Написал 24 июля, умер 25 июля 1980 года».

Но вернемся к тексту «И снизу лед, и сверху...». Это действительно последнее стихотворение Высоцкого, но не последнее поэтическое произведение В.В. С этим согласны практически все. Последним поэтическим текстом В.В. сейчас считается песня «Грусть моя, тоска моя». Эта песня была единственный раз исполнена Высоцким 14 июля на концерте в МНИИЭМ, а написана в июне-июле 1980 года. Но, возможно, она была спета еще раз... Последний раз Высоц-

кий взял в руки гитару 20 июля и спел для сына Аркадия две (одну не закончил) новых песни. Причем текст читал из тетради. Рукопись песни «Грусть моя, тоска моя» не найдена. Значит, исчезла тетрадь, в которой, возможно, она и была записана.

Вот что пишет об этой песне литературовед Евгений Канчуков: «И в этом он не изменил себе, дожав и смерть свою до конца — до поэтической строки, оставшись в ней, может быть, и не слишком привлекательным, но зато уж открытым до последних своих пределов, в том диком, почти варварском сплетении великого, скованного и безграничного, утонченного и пошлого, которое, собственно, и создало Высоцкого, как явление воистину феноменальное в своем воплощении тех жутких времен, которые вынесли его на гребень величия. И в этом смысле особенно символичным кажется то, что последняя его песня писалась как вариации на цыганские темы, аккумулируя в себе отголоски прежних тем и мелодий, отзвуки того балагана, в который были превращены как минимум полтора десятилетия нашей жизни и его судьбы — с ней он прощался последней, называя ее почти ласково «Грусть моя, тоска моя».

В этом тексте «тоска змеиная, зеленая тоска» выступает в роли судьбы, а судьба В.В. в последний год жизни — это борьба с болезнью. Последние месяцы разные авторы характеризуют по-разному, но одинаково трагично: «медленное самоуничтожение», «долгая, мучительная агония».

Я не клевещу, подобно вредному клещу,
Впился сам в себя, трясу за плечи.
Сам себя бичую я, и сам себя хлещу,
Так что — никаких противоречий

Итак, казалось бы, и с последним стихотворением, и с последней песней все ясно. Но приведем два свидетельства, которые говорят о другом... Игорю Шевцову в последнем разговоре утром 18 июля Высоцкий говорит, что «сделал две песни для картины, которую снимает Гена Полока». Действительно, В.В. обещал Г.Полоке написать песни для телефильма «Наше призвание», в котором должен был сыграть одну из главных ролей. «Впервые после «Интервенции» мне удалось утвердить Высоцкого на одну из основных ролей — секретаря комячейки Сыровегина, этакого партийного работника с гитарой. Естественно, что и песни он должен был писать сам» (Г.Полока). Съемки идут полным ходом, вероятно, Геннадий Иванович торопит В.В. И вот на следующий день после разговора с И.Шевцовым Высоцкий звонит Полоке сам и поет по телефону первую песню для фильма. «Свою последнюю песню, как стало ясно потом» (Г.Полока).

Мы строим школу, чтобы грызть науку дерзко,
Мы все разрушим изнутри и оживим,
Мы серость выбелим и выскоблим до блеска,
Все теневое перекроем световым..

Текст Высоцкий обещает привезти через несколько дней. 25 июля Полока узнает о смерти В.Высоцкого, отменяет съемки, проходившие в Серпухове, и мчится в Москву. Вероятно, в квартиру Высоцкого он попадает только на следующий день. «Его квартира была полна народа. Он лежал аккуратный, мальчиковатый, как когда-то... Марина, вся в черном, долго искала в куче рукописей нашу песню. Нашла, и мой помощник торопливо переписал ее».

Этот текст А.Крылов печатает «по списку режиссера Г.Полоки, восходящему к авторской рукописи». С.Жильцов публикует текст по черновому автографу из архива Иосифа Бродского. Отличаются эти публикации названием (кстати, в рукописи название отсутствует) и разным вариантом прочтения последней строки третьей строфы. Финал же (с точностью до знаков) — один:

Так взрасти же нам школу, строитель,
Для душ наших детских теплицу, парник,
Где учатся — все, где учитель —
Сам в чем-то еще ученик.

Вполне возможно, что эти строки — самые последние, написанные рукой В.В. А песня «Гимн школе», или «Гимн бузовиков» — последнее поэтическое произведение Высоцкого.

ПРОШУ ПРИНЯТЬ МЕНЯ...

Подымайте руки, в урны суйте
Бюллетени, даже не читав.
Голосуйте, суки, голосуйте,
Только, чур, меня не приплюсуйте —
Я не разделяю ваш устав.
В.Высоцкий.

Одна из многочисленных загадок биографии Владимира Высоцкого: подавал ли он заявление с просьбой принять его в Союз писателей СССР? В книге Ф.Раззакова «Жизнь и смерть Владимира Высоцкого» — типично компилятивной, с громадным количеством ошибок — совершенно серьезно утверждается: «В те же дни (марта. — *В П.*) он написал официальное заявление с просьбой принять его в ряды Союза. Ответ, естественно, отрицательный». Якобы потому, что 31 марта 1980 года Л.И.Брежневу была вручена Ленинская премия по литературе. Действительно, «логика просто убийственная».

Почему же Высоцкий на самом деле хотел стать членом СП СССР, членом Союза, который он сам не уважал: «Вот, у нас семь тысяч членов Союза писателей. Сейчас я быстро спрошу — кто-то назовет не более тридцати, кто-то назовет пятьдесят, но уж никак не сто. А ведь все печатались, у всех выходили книги».

К этому времени, как замечает Вл. Новиков, «слово «писатель» стало обозначением должности, бюрократической биркой». И тем не менее повторим, желание стать членом СП у Высоцкого было.. «Он наивно хотел стать членом Союза писателей» (А.Вознесенский).

Приведем мнение известного фотохудожника Валерия Плотникова: «Володя очень хотел стать членом СП. Просто хотел иметь эту книжечку. Но еще он хотел перейти в новое качество, — он же прекрасно понимал свой масштаб».

Вспоминает многолетний сосед и друг В В. Михаил Яковлев: «И наша последняя встреча .. Я помню, что Володя очень переживал, что у него не было ни одного афишного концерта.

— Друг! Вот ты — член Союза журналистов, а я ни в каком творческом Союзе не состою. Уйду из театра — и я никто. Тунеядец...»

Вероятно, этот разговор состоялся в 1979 году после отмены афишного концерта Высоцкого в Политехническом музее. Во-первых, В.В. хотел продолжить традицию поэтических вечеров «в Политехническом» и, во-вторых, хотя бы этим утвердить себя в качестве поэта.

Высоцкий в интервью итальянскому телевидению: «Ведь, как ни странно, так случилось, что я — человек, которого знают все, и в то

же время я не считаюсь официально поэтом и не считаюсь официально писателем. Я не член Союза писателей, не член Союза композиторов...»

Зачем же Владимиру Высоцкому, обладавшему легендарной славой и всенародной известностью, нужно было членство в СП? Ведь он прекрасно понимал — вместе с Баратынским:

И ты — поэт, и он — поэт,
Но разницу меж вас находят:
Твои стихи в печать выходят,
Его стихи выходят в свет.

Во-первых, это означало бы признание его поэтом, а значит — официальная возможность публикаций. Во-вторых, легализация его выступлений-концертов: не артист Театра на Таганке, а член Союза писателей СССР. И, в-третьих, упрощало бы оформление поездок за границу, хотя в последнее время проблем с этим у В.В. не было. И, наконец, В.Янклович считает, что официальный статус члена СП помог бы Высоцкому совсем уйти из театра. Сам Высоцкий в последние годы неоднократно говорил о своем желании «уйти из актерской профессии».

Но было ли заявление — «Прошу принять меня...». Такого заявления не было и не могло быть, — с этим согласны все близкие друзья Высоцкого.

В.Янклович: «Да никогда он бы не написал такого заявления! Чтобы так унизиться — проситься самому?! Нет, Володя никогда не пошел бы на это».

В.Туманов: «Заявления не было. Просто Володя думал, что поэты сами поднимут этот вопрос. Все так и осталось — разговорами... А что ты думаешь, у Евтушенко или у Вознесенского не было авторитета?! Что, они не могли бы его протащить?!»

Но корень проблемы был не только в этом. Н.А.Крымова: «Одним из самых страстных желаний Владимира Семеновича было доказать, что основой его авторской песни является поэтический текст, стихи. Мало кто это признавал. Были, правда, люди, которые видели в нем поэта, но они принадлежали, как правило, не к литературным кругам. Профессионалы же, в большинства своем, не считали его поэтом».

ГЕНИЙ?

Талант делает то, что может,
гений — то, что хочет.

Проблему, которая, безусловно, волнует всех, работающих со словом: останется ли им сделанное? Будет ли творчество жить и после смерти творца? Владимир Высоцкий был уверен, что останется и будет жить. Хотя у него были периоды неуверенности в себе, но что ему дано В.В. знал всегда.

Из ранних свидетельств и воспоминаний... На вопрос из анкеты А.Меньшикова: «Хочешь ли быть великим?» Высоцкий твердо отвечает: «Хочу и буду!» По-разному передают знаменитый разговор В.В. с Н.Р.Эрдманом. Вот один из вариантов. Эрдман спрашивает: «Как вы пишете, Володя?» — «На магнитофон, Николай Робертович... А вы?» — «А я — на века...» — «Вы знаете, Николай Робертович, я ведь тоже кошусь на эти самые века».

Приведем запись из дневника Валерия Золотухина: «2.03.1969. 300-й (спектакль «Антимиры» — *В.П.*) прошел прекрасно, сверх ожиданий. Читал Андрей (Вознесенский. — *В П.*), потом — ВТО. Я удивился Высоцкому — какая у него глотка! Феномен. Кажется, предел — все, дальше ничего не будет: оборвется. А он еще выше, еще мощнее и звонче издает звуки. Начали мы с ним «Баньку», мне не пелось, и тональность я не выдерживал, а он за двоих шпарил, да еще по верхам, да еще с надрывом, ох, молодец! Андрей повернулся: «Володя, ты гений!»

Восприятие творчества Высоцкого знаменитыми поэтами-современниками — тема отдельной статьи. Отметим, что восхищенные оценки чаще всего относились именно к голосу, к песне как таковой, а не к стихам В.В. Так что сомнения у Высоцкого были, их просто не могло не быть...

Вспоминает Вадим Иванович Туманов: «Однажды мы вместе с Володей достали по экземпляру «Наполеона» Манфреда... Володя читал-читал, вдруг вскочил, обрадовался: «Слушай, Вадим! И великие падали в обморок!» А там есть эпизод, когда Наполеон выступает в Конвенте или в Собрании Пятисот — не помню точно — и ему стало плохо, Володя был счастлив: «И настоящие великие падали в обморок!»

Теперь обратимся к более поздним воспоминаниям. К этому времени Высоцкий прекрасно сознавал и величину своего дара, и свое предназначение. Рассказывая Игорю Шевцову о своих выступлениях в США, В.В. не без удовольствия заметил, что американские газеты написали: после Есенина еще ни одного русского поэта не принимали так хорошо, как Высоцкого. Вспоминает Олег Николаевич Халимонов: «В феврале 1975 года — я тогда работал в Лондоне — к нам приехали Володя и Марина. Я не видел их года два, не слышал новых Володиных песен... Володя спел «Купола» и еще несколько новых вещей. Они меня просто поразили: «Володя, ты гений!» Он перебирал струны, положил на них ладонь, поднял голову: «Ну вот... Наконец и ты это понял».

Возможно, на такую самооценку (самоощущение?) повлиял разговор Высоцкого с тремя поэтами — Слуцким, Самойловым и Межировым. Свидетельство В.Смехова: «...Он вернулся с этого свидания буквально оглушенным, взахлеб пересказывая детали. Как они, живые классики поэзии, его выслушали, затем обсуждали на предмет возможных публикаций... Но сейчас отмечу, прежде всего, важнейшую из деталей. Более всего автор был изумлен их, поэтов, изумлением... Они подарили ему анализ его необычайного, оказывается, таланта».

В последние годы одним из самых близких для В.В. людей была Оксана Афанасьева — тогда студентка одного из московских вузов... Вспоминает Оксана: «Володя считал себя гениальным и неоднократно говорил об этом. Он мне показывал на ладони линию гениальности, которая есть только у него, а ни у кого другого нет... Кстати, у Пушкина он любил то самое: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!»

И еще один рассказ на эту тему. Рассказ человека, которого В.В. очень ценил и мнением которого очень дорожил. Михаил Шемякин: «...И вот я взял его за эту желтую куртку, слегка тряхнул и говорю: «Володя, опомнись. Ты не имеешь права так поступать! Ты знаешь, что ты — гений?!» Он так мрачно на меня посмотрел и как-то мрачно-мрачно ответил: «Знаю».

Конечно, Высоцкий не был «непризнанным гением» в классическом, так сказать, смысле, но все же... В.Янклович: «Меня все время гложет мысль: если бы кто-нибудь из больших поэтов сказал Володе при жизни: «Ты — гений!» — сказал бы это в серьезном разговоре... Но ведь такого серьезного разговора у него ни с кем не произошло. И здесь была трагедия... Да, успех! Да, знал, что его любят люди! Но уровень восприятия?! Ведь Володя воспринимал себя на уровне Есенина, Пастернака... А ведь на самом деле так оно и было...»

АРКАДИЙ И НИКИТА

(Разговор с Л.Абрамовой)

— Аркадий Владимирович Высоцкий... Я знаю, что в школе он увлекался астрономией, даже проводил экскурсии в Московском планетарии.

— Да, Аркадий закончил математическую школу, он увлекался астрономией. Но чем старше он становился, тем больше понимал, что его увлечение астрономией имеет под собой гуманитарное основание. Это любовь к научной фантастике, особенно к романам братьев Стругацких, в общем, романтическая, поэтическая сторона астрономии. Он просто понял, что это не его дело. А фактически, он проучился год в МГУ, на факультете вычислительной техники.

— Но ведь он поступал в МФТИ?

— Он сдал все экзамены, набрал приличные баллы, но Володина биография была причиной того, что Аркадия туда не приняли. Для приемной комиссии имело значение, что отец женат на иностранке и часто бывает за границей.

— А Владимир Семенович не пытался помочь?

— Аркадий пробовал с ним поговорить — посоветоваться, что делать, если он не поступит... Потому что за год до этого Володя говорил мне, что он хочет устроить судьбу детей. Пусть они назовут любой институт, а он заранее договорится, — будь то МГИМО или Литинститут. Кстати он хотел, чтобы Никита пошел в Институт военных переводчиков. Кстати, того же хотела моя мама, которая закончила этот институт. Они мечтали, чтобы Никита стал офицером, интеллигентным офицером.

— А после МГУ Аркадий сразу поступил во ВГИК?

— Нет, сначала он некоторое время работал в артели Вадима Ивановича Туманова, а потом поступил во ВГИК. Стихи он писал давно, прекрасно писал, но со стихами на сценарный факультет не принимают. И во ВГИК он сдал — на творческий конкурс — повесть о своем детстве, о юности... Эта повесть комиссии понравилась.

Я должна сказать, что при поступлении сыновей в творческие институты, — ни Никите в 1981 году, ни Аркадию в 1984 году, — фамилия отца помочь не могла. В эти годы фамилию «Высоцкий» произносили неохотно. Ну а ВГИК — это не то место, где Володин авторитет был особенно велик. Так что оба поступали, скорее вопреки, чем благодаря своей фамилии.

— Но стихи Аркадий продолжал писать — и во время учебы во ВГИКе и позже?

— Да, и показывал их Валерию Золотухину, который вообще в его судьбе принимал большое участие. Валерию Сергеевичу стихи нравились. Нравились они и Леониду Филатову.

— В этом смысле у меня есть некоторая гордость: впервые стихи Аркадия были опубликованы у нас на Ставрополье, в журнале «45-я параллель».

— А мы с Аркадием этим ужасно гордились — это действительно его первая публикация, еще до выхода книги. И вообще, нам очень нравилось это издание.

Во ВГИКе Аркадий защищал диплом по уже снятому фильму «Теплый зеленый огонь козы». А снят этот фильм был на Киевской киностудии — режиссером Толей Матешко. В это же время шла работа над вторым фильмом по сценарию Аркадия, тоже на Киевской студии, там есть прекрасный режиссер, очень талантливый человек — Лесь Танюк. Я думаю, Аркадий не шутил, когда говорил, что готов переехать в Киев для профессиональной работы. Но, к сожалению, человек предполагает, а Бог располагает, — и это не состоялось. Аркадию больше не удалось сделать ничего на экране, хотя пишет он много, в том числа и киносценариев.

Сейчас Аркадий работает на телевидении, там его учителем и руководителем был Владимир Владимирович Познер. Не так давно перешел на Российский канал — в музыкальную редакцию. 25 января сделал передачу об отце — очень интересная работа. «Субботний вечер с Виктюком» — это была, скорее, литературная передача. К 9 мая, к дню рождения Булата Шалвовича Окуджавы, Аркадий сделал фильм о нем.

Он встречался с Булатом Шалвовичем за несколько месяцев до его смерти: к сожалению, Аркадию не удалось записать интервью — Булату Шалвовичу нельзя было волноваться. Сын понимал, что вывести его на откровенный разговор — это могло быть очень опасно И сценарий, и выбор песен Окуджава одобрил, и вообще, он контролировал весь процесс подготовки передачи. И вот теперь его не стало...

— А как складывалась судьба вашего младшего сына — Никиты Владимировича Высоцкого?

— Профессиональная судьба Никиты складывалась непросто. Первый год после школы он работал на заводе, потому что ему надо было поработать с логопедом, — устранить некоторые речевые недостатки. Потом он поступил в Школу-студию МХАТ — туда же, где учился Володя Попал на курс Олега Николаевича Ефремова, а его педагогами были Алла Покровская и Андрей Мягков — очень сильный педагогический состав. Я думаю, что на то время

это была лучшая театральная мастерская в Москве, и Никита очень много получил от этих людей.

Весь курс был достаточно интересен, и спектакли они ставили заметные. Композиция по «Горю от ума» и выпускной спектакль «Вестсайдская история» стали событиями в истории студии. После окончания Никита ушел в армию. Вначале он служил во Львове, а последние полгода — в Москве, в Театре Советской Армии. В это время он уже репетировал и даже играл в «Современнике-2» у Галины Борисовны Волчек. Было такое молодежное отделение театра, которым руководил Миша Ефремов, там Никита сыграл несколько спектаклей.

Потом, когда армейский срок у Никиты закончился, он организовал свой театр, который назывался Московский маленький театр. Там было несколько спектаклей, которые поставил Рашид Тугушев, а помогал в постановках Роман Виктюк. Он проверял их режиссерские партитуры, советовал, принимал спектакли. Были там интересные работы, например, пьеса Николаи «Не пятое, а девятое». А лучшим спектаклем, пожалуй, была «Бездна» Леонида Андреева.

Все шло хорошо, но через какое-то время оказалось, что не хватает денег на ведение этого театра. Очень дорого стоила аренда помещений, и не только для спектаклей, но и для хранения декораций и реквизита. Один раз их ограбили... Репетировать было негде, спектакли от этого разваливались. Это было очень тяжелое время. В конце концов, после нескольких очень хороших сезонов театр, к сожалению, погиб.

— А было ли приглашение работать в Театре на Таганке?

— Это было, когда Никита заканчивал Студию, и должен был идти в армию. Увиливать от армии он не хотел, хотя это было время афганской войны, и я боялась страшно. Но ведь и официального приглашения Никита не получал, хотя в частных разговорах у Нины Максимовны эта тема поднималась. В это время Любимов был за границей, а театром руководил Эфрос. В общем, тогда всерьез этот вопрос не обсуждался. Я не знаю, если бы Никита обратился к Валерию Золотухину или прямо в художественный совет Таганки... Но он этого не сделал.

— Итак, распался Московский маленький театр.

— К этому времени Никита уже был готов к самостоятельной режиссерской работе. Он сделал довольно интересный фильм, который был посвящен, упрощенно говоря, проблеме межрелигиозного и межнационального общения и проникновения в другой духовный мир, в другую ментальность. И решалось это не сюжетными коллизиями, а чисто режиссерскими средствами. Сюжет безумно прост.

Человек приезжает в азиатскую страну, ходит по ней, смотрит и пытается что-то понять. И понимает. Это была хорошая режиссерская работа, а еще у него была огромная роль, и Никита ее очень интересно сделал.

— А когда Никиту стали приглашать в спектакль Театра на Таганке «Владимир Высоцкий»?

— В самое трагическое время для труппы Любимова, в момент острого раскола театра. Когда этот внутренний раскол превратился и оформился почти в государственную границу. В это время Никита — еще при всем старом актерском составе — сыграл несколько раз, частично заменив Леонида Филатова. Филатов к этому времени был уже болен, но он видел, как Никита репетировал, Никита с ним советовался.

У Никиты ни с одним человеком в Театре на Таганке нет враждебных отношений. Но, с другой стороны, никогда даже не обсуждался вопрос, где играть: в труппе Губенко или в театре Любимова. Его сердце, его душа — всегда были вместе с Юрием Петровичем. Любимов — учитель его отца, и его учитель. Никита видит достоинства и недостатки спектакля, и с огромной болью понимает, что спектакль постарел и устарел. Но верность есть верность. Ведь и Володя — что бы он ни видел и ни понимал, какие бы сложности ни были у него в человеческих и творческих взаимоотношениях с Любимовым — был верен Таганке до конца.

— Недавно Никита стал директором Музея Высоцкого.

— Никита решился на это ради памяти своего отца и ради бабушки. Для Нины Максимовны в этом музее сосредоточена вся ее духовная жизнь, все ее интересы и надежды. Никита решился взять это на себя, что очень тяжело еще и потому, что своей творческой жизни у него теперь не стало. На это абсолютно нет времени. Он проводит в музее очень много времени и отдает музею очень много сил.

— А отношения Никиты Высоцкого и Марины Влади?

— Валерий Кузьмич, я на конфликтные вопросы стараюсь не отвечать. Но могу сказать вот что... Некоторые сведения о том, что Марина Влади не желает говорить о жизни и творчестве Владимира Семеновича, я бы перевела такими словами Высоцкого:

Сыт я по горло, сыт я по глотку,
Даже от песен стал уставать...

Она хочет жить той частью своей жизни, которая принадлежит только ей. У нее другая семейная жизнь, она занимается литерату-

рой... Ни я, ни она не обязаны комментировать ее взаимоотношения с кем-то третьим.

А вообще, свои обиды человек должен забывать. И когда Никита стал директором Музея Высоцкого, для него Марина — не просто интересная личность, но это первый, ближайший круг общения его отца. Марина повлияла на жизнь и творчество Владимира Семеновича, занимала огромное место в его песенном творчестве. Поэтому Никита был готов к контактам, он обращался к Марине. И понял ее отказ именно так, как я только что сказала.

Тем более, что времени прошло много, и строить жизнь на прошлом невозможно. А чем больше проходит лет, тем дальше отступают те, когда-то конфликтные, позиции. Что касается сыновей, то я нисколько не сомневаюсь, что самая лучшая жизнь — это та, которая строится своими руками. И жить в тени отца — это очень большой крест. Частично это компенсируется — иногда моральной, иногда материальной поддержкой. Но я уверена, что ответственность перевешивает. Трудно быть сыновьми гениального человека, и чем дальше — тем труднее.

ПАМЯТНИК

В таких святых местах ничего так просто не делается.
М.Шемякин

Драматическая история памятника на могиле В.С.Высоцкого началась уже 28 июля 1980 года. Ночью после похорон кто-то украл (взял на память?) стандартный колышек «Владимир Высоцкий. 1938 — 1980».

Каким быть памятнику? Вначале все решает вдова — Марина Влади, родители практически не вмешиваются. В.Абдулов: «Марина сама занималась скульптурой, она сразу сказала, что изображения не должно быть:

— Нужно найти камень, похожий на Володю...»

Это подтверждает врач-реаниматолог Леонид Сульповар: «Еще до похорон Марина говорила, что никакого изображения не надо — надо поставить каменную глыбу... С самого начала у нее была эта идея».

Марина Влади обращается к близкому другу В.В. Вадиму Ивановичу Туманову: «Марина хотела поставить на Володиной могиле какой-нибудь дикий необыкновенный камень:

— Пусть он будет некрасивый, но он должен передавать образ Володи...

Попросила меня найти такой. Я нашел — это была разновидность трактолита... Камень возрастом 150 миллионов лет, вытолкнутый из глубин земли. Поражала его невероятная целостность: при ударе молотком он звенел, как колокол».

Камень был доставлен в Москву, но к этому времени появляется новый проект: настоящий небесный метеорит, вправленный в строгий земной камень — гранит. Давид Боровский — главный художник Театра на Таганке: «Сама идея принадлежала Марине, а я пытался ее воплотить».

А.Демидова: «Я не помню, кому пришло в голову, что надо найти кусок метеорита или астероида, положить его на могилу Высоцкого, а внизу мелкими буквами написать: «Владимир Семенович Высоцкий. 1938 — 1980». Чтобы человек, читая, невольно наклонялся — кланялся этому астероиду и могиле Высоцкого, и старой церкви за ней, и всему кладбищу».

Проходит год, два... Памятника на могиле все еще нет. Марина Влади: «Я должна сказать, что состояние могилы вселяло в меня радость: горы свежих цветов, меняющиеся каждый день, зимой и летом, руками друзей, — что может быть лучше?» Необходимое уточнение: «руками друзей» — это значит руками Нины Максимовны Высоцкой и ее добровольных помощниц. Они каждую субботу наводят на могиле порядок и слышат не очень приятные разговоры...

— Такие богатые, а памятник поставить не могут...

— Может поставить тарелочку — люди и соберут...

— Марина привезет памятник из Франции — уже готов.

Но могила убирается действительно — руками друзей: отношение Марины Влади и Нины Максимовны остаются практически такими же, как и до смерти Владимира Высоцкого. Марина говорит соседям, что наша мама для нас так много сделала. И Нина Максимовна искренне любит свою сноху. Да и было за что... Вот только один эпизод из ранних времен. Вспоминает сосед Высоцких еще по 1-й Мещанской Михаил Яковлев: «Однажды Нина Максимовна пришла к моей тете — одно время мы с мамой (Гисей Моисеевной. — *В П.*) жили у нее — и рассказала:

— Представляете, возвращаюсь после работы усталая, вымотанная... Падаю на стул, вытягиваю руки и ноги. И вдруг Марина — кинозвезда с мировым именем — стягивает с меня сапоги. Меня это тронуло до слез».

Отношения с Семеном Владимировичем не такие безоблачные... Марина Влади, обращаясь к нему, пишет в своей книге: «Вы несколько раз намекали мне, что Ваше последнее пристанище будет рядом с сыном. Я ответила резко, что это все-таки могила, а не коммунальная квартира». А вот как передавал этот разговор Семен Владимирович Высоцкий: «Она мне заявила: «Нет, это я буду здесь лежать! Могила — это не общежитие, а Володя не любил общежитий».

Дело в том, что к этому времени уже существовало завещание Марины Влади, о котором мало кто знал тогда, а теперь тем более... В.Янклович: «Марина при мне писала: «После моей смерти прошу похоронить меня рядом с мужем...» Это было нотариально заверенное завещание. Она же понимала цену легенды».

В 1982 году объявляется конкурс на лучший проект надгробного памятника В.С.Высоцкому. 25 января 1983 года в Театре на Таганке открывается выставка этих проектов. Прилетает Марина Влади: «Более тридцати работ выставлено в фойе театра. Скульпторы вложили в работу всю душу, каждый по-своему, воздавая должное памяти моего мужа... Мы долго рассматривали каждое произведение — это было печально и прекрасно, но каждый выбирает по себе — и родители остановились на очень похожей скульптуре во весь рост...»

Родителям понравилась работа скульптора Рукавишникова... Но уже готов и проект Боровского, условно называемый «метеорит в камне»... Из этих двух вариантов надо выбирать один. Вспоминает Валерий Павлович Янклович: «Когда все приехали смотреть проект Марины с метеоритом, отец посмотрел и сказал:

— А где она — скульптура?

Ему показывают макет, а он продолжает свое:

— Я не понимаю, что это? И кто это сделал? Кто он такой?

Марина разволновалась, стала объяснять, какой это хороший художник... Ее стали успокаивать... Говорили, что все будет в порядке...» Евгения Степановна Высоцкая (мачеха В.В.) высказалась еще резче: «Я не хочу, чтобы наш ребенок лежал под этим...» Нина Максимовна поехала в планетарий: «Господи, ну металлический еще блестит, а этот — просто камень».

За проект Давида Боровского — Марины Влади активно выступает Ю.П.Любимов: «Была прекрасная идея — положить на могилу кусок метеорита. И ученые давали метеорит. Это уникальный случай — дали настоящий метеорит!»

В.Янклович: «Юрий Петрович ездил к академику Яншину, чтобы «вырвать» этот метеорит... Заседала специальная комиссия, было получено разрешение. Все мы (М.Влади и друзья Высоцкого) и не думали, что речь пойдет о другом проекте. А родители уже на конкурсе как бы нацеливали всех на скульптуру Рукавишникова».

Конечно, родителей — людей уже пожилых — можно понять: они хотели видеть своего сына «как живого». Как сказала Евгения Степановна — «вторая мама»: «Пока мы живы, Володя будет — каким он был...» Н.М.Высоцкая: «Приехали к Рукавишникову. Стоит Володя — монументальный! Ошарашивает! Марина Влади говорит, что это не то...» По свидетельству С.В.Высоцкого, она выразилась еще резче: «Нет, такому памятнику не бывать!»

Кстати, был еще один удачный — и как бы независимый — проект... По воспоминаниям Л.В.Абрамовой, второй жены В.В., небольшая скульптура Геннадия Распопова (Высоцкий с раскинутыми в стороны руками и гитарой за спиной) делалась именно как надгробие: «Но к этому времени родители уже выбрали проект Рукавишникова...» Теперь эта — увеличенная — скульптура Г.Распопова установлена в сквере у Петровских ворот.

Со времени поездки в мастерскую Рукавишникова отношения между родителями и Мариной Влади обостряются, а вскоре и совсем прерываются. Н.М.Высоцкая: «Все началось с того момента, когда Марина поняла, что ее вариант не пройдет... А люди потеряли Володю, они хотели его видеть. Люди ставили его портреты на могилу...»

В.Янклович: «Марина была в шоке! Тут мы поняли, что «проиграли» — Марина написала протест в Моссовет, там его обсуждали, но...» Сыграло свою роль и то, что сыновья Высоцкого поддержали родителей (т.е. своих бабушку и деда). А Марина осталась с друзьями, среди которых уже нет прежнего единства. К тому же она живет в Париже и в Москве бывает редко.

А.Макаров: «Это было именно тогда, когда у меня была доверенность Марины на ведение дел. Марины не было в Москве, я занимался, в частности, и делами памятника. Этот вопрос решался в Главном управлении культуры Моссовета, где мне было официально заявлено, что памятник имеет право устанавливать только то лицо, которое оплатило участок под могилу. Мне также было зачитано письмо отца, сопровождающееся подписями многих генералов и маршалов в защиту проекта Рукавишникова».

В.Янклович: «Кроме того, мы упустили из виду одну вещь. Мы не знали, что после захоронения нужно взять документ о том, кому принадлежит эта могила. А родителей кто-то надоумил это сделать...» Н.М.Высоцкая говорила мне (цитирую по памяти): «Этот клочок земли принадлежит нам... А друзья — если они хотят поставить свой памятник — пусть сделают это на площади...»

В Ленинграде, в 1991 году, Марина Влади сказала, что ее лишили права быть похороненной рядом с мужем. Что же произошло?

В январе 1984 года Марина Влади прилетает в Москву на день рождения В.Высоцкого. Останавливается, как всегда, на Малой Грузинской у Нины Максимовны, которая замечает через несколько дней, что Марина стала какой-то другой, — ей что-то наговорили... А дело в том, что она узнает две вещи: уже заказан скульптору Рукавишникову памятник и родители оформили документы, что захоронение принадлежит им. В.Янклович: «Марина, узнав, что здесь ей ничего не принадлежит, пришла в ужас».

Марина Влади: «Когда Володя умер, я, конечно, ничего не знала о ваших привычках и занималась совсем другими делами... И не пошла платить деньги и взять бумажку... А надо иметь такую бумагу, чтобы потом владеть могилой. Я не хотела владеть — это не моя манера жить... А родители Владимира сделали это сразу после его смерти».

А.С.Макаров: «У меня в архиве хранится один документ.

«В случае моей смерти прошу похоронить меня рядом с моим мужем Владимиром Семеновичем Высоцким. Марина Влади де Полякофф».

На документе есть резолюция: «На основании протеста родителей Владимира Семеновича Высоцкого, являющимися фактическими владельцами данной могилы, решение Моссовета — отказать». Итак, в нашей тогда еще социалистической стране все решило право на землю.

Родители заказывают надгробный памятник Рукавишникову — всеми организационными делами занимается Семен Владимирович Высоцкий. Вспоминает В.И.Туманов: «Семен Владимирович говорит, что Володя будет как живой. Даже родинка есть...»

Но не все так просто — начинаются мытарства родителей. Вспоминает Семен Владимирович Высоцкий: «А сколько нервов нам стоил памятник! В горкоме партии говорят: убрать канаты! Рукавишников спустил немного ниже...» На кладбищах не положено устанавливать памятники выше полутора метров — снова проблемы...

В конце концов, заказ на изготовление памятника поступает на Мытищинский завод художественного литья. По словам С.В.Высоцкого, фигура отлита из самой лучшей бронзы. Надпись на цоколе: «От родителей и сыновей». На чьи средства сделан памятник? В.Туманов: «Вначале был открыт счет, собирали на надгробие. Семен Владимирович сказал, что Рукавишников сделал проект бесплатно». Но надо отметить, что Семен Владимирович оплатил стоимость материалов и заплатил за отливку скульптуры, что было, разумеется, недешево.

А теперь приведем рассказ самого Рукавишникова об истории создания памятника В.Высоцкому: «Памятник у вас нестандартный, — говорили они (тогдашние командиры Главного управления культуры, кое-кто из Министерства культуры, те московские деятели, которые ведают памятниками). Памятник не должен превышать 150 сантиметров, вот инструкция такого-то года.

— Могу сделать 150, опустив его в яму, — говорил я, — но тогда он будет восприниматься еще острее.

А им решительно не нравилось в этой работе, что Владимир Высоцкий изображен со связанными руками и что гитара у него над головой выглядит в определенном ракурсе как нимб. Два года требовали убрать нимб, развязать руки и срезать одну из трех лошадиных морд. Тут уж я пошел навстречу — срезал. Друзья уговаривали: развяжи, убери — все-таки будет памятник! А я помнил Володину песню «Памятник» и стоял на своем. В итоге он такой, каким видится мне. На том и стою».

12 октября 1985 года — открытие надгробного памятника Владимиру Высоцкому на Ваганьковском кладбище. Марины Влади на этой церемонии нет... В.И.Туманов: «Марина впервые увидела памятник в январе 1986 года. Она прилетела, мы поехали на кладбище — там она расплакалась... С родителями не виделась. Навестила только Евгению Степановну, которая тогда лежала в больнице». В интервью Марина Влади тактично сказала о памятнике: «У меня был другой проект».

Большинству друзей В.В. памятник не понравился. А.Демидова: «Осенью 1985 года мы стояли на открытии бронзового монумента, я вспоминала стихотворение Высоцкого «Монумент» и думала, что и здесь он оказался провидцем».

Приведем позицию — а скорее всего окончательную оценку — Марины Влади в книге «Владимир, или Прерванный полет»: «Отныне на твоей могиле возвышается наглая позолоченная статуя, символ социалистического реализма — то есть то, от чего тебя тошнило при жизни. И поскольку она меньше двух метров в высоту, у тебя там вид гнома с озлобленным лицом и гитарой вместо горба, окруженного со всех сторон мордами лошадей».

В заключение приведем мнение всемирно известного художника и скульптора — друга Высоцкого — Михаила Шемякина: «Мне памятник нравится. Можно было сделать тот «заумный» памятник — камень, осколок метеорита... Но не нужно забывать, что Володя — поэт народный. Хотя он для меня — поэт в самом высоком смысле этого слова и очень утонченный. Но тем не менее эта любовь всенародная существует.

Иногда произносятся речи в честь кого-то — и без этого тоже нельзя, тот памятник как бы произнесенная речь, без которой не обойтись. Я понимаю, что, может быть, это не шедевр и не совсем то, что хотели бы видеть друзья... Но друзья могут нормально прийти и просто помолчать минуту...

Пусть он слишком расшифрован, если можно так сказать. Но ведь он сделан довольно давно, верно? (Интервью 26 марта 1989 г.) Памятник был сделан в нужный момент — там есть эта закованность...

Люди ведь идут — туда приходит вся Русская земля — поклониться. Поэтому нужен какой-то образ. И я думаю, что в таких святых местах ничего так просто не делается. Раз уж Бог так решил, значит так нужно».

ДОЛГИ

За меня ребята отдадут долги...
В.Высоцкий

Самое непростое, а иногда и самое неприятное между людьми — брать и отдавать деньги... Отдавать долги В.В. пришлось его друзьям, главным образом этим занимался Артур Сергеевич Макаров... (Заметим сразу, что здесь придется так или иначе касаться вопросов наследства вообще...)

Сразу встает вопрос: почему А.С.Макаров, а не В.П.Янклович, который при жизни В.В. занимался многими его имущественными и финансовыми делами? Дело в том, что именно в это время между Валерием Янкловичем и Мариной Влади произошла размолвка... И Валерий Павлович занял такую позицию: «Надо было решать вопрос о наследстве, — отдавать долги... Договорились с нотариусом, я собрал всех наследников, усадил их в комнате и сказал, чтобы они все вопросы решили между собой...»

Спустя некоторое время Марина Влади — вдова и прямая наследница — поручает вести все эти дела Макарову... А.Макаров: «Встал вопрос о наследстве — надо было отдавать долги. Все отказались... Я тоже, — никогда не занимался такими делами... Но Марина выписала доверенность на ведение всех дел мне, и я вынужден был взяться за это... Надо было продать машины, аппаратуру».

Вначале Марина Влади пыталась что-то сделать сама. Она говорила В.И.Туманову: «У вас все это так сложно — продать эти машины... В Париже я приглашаю полицейского, он отгоняет машину на специальную стоянку. А через день привозит мне чек».

А вот версия В.И.Туманова: «Макаров? — Просто у Артура было больше времени, надо было продавать эти машины... Марина сразу заплатила за квартиру на Малой Грузинской... Я бы никогда не влез в эту историю, — там все друг на друга злые... Там много было чего, — целая история, она не очень симпатичная...»

Как же образовался долг В.В., — ведь в последнее время он очень хорошо зарабатывал? В.Янклович: «Долг возник так... Володя купил камни за двадцать с чем-то тысяч... И эти деньги ему нужно было достать в один день. Кому мы только не звонили, — якобы очень ценные камни, а продавались дешево... Володя занял у Церетели пять тысяч, у Вадима Туманова — семь тысяч, у Степаняна — пять тысяч, у кого-то еще... А шкурки для Марины — соболя — штук тридцать... Еще он купил два кольца с камнями — тоже Марине, достаточно дорогих... В общем, долг составил — 38 тысяч...»

Вот мнение А.С.Макарова (о возникновении долга): «Он разбил обе машины — ремонт стоил дорого... Дача у него «съела» тысяч со-

рок, — по записям в тетради Янковича... Про камни я ничего не знаю...»

Но зачем Высоцкий доставал эти камни, просил купить на Севере очень дорогие меха? Вся эта история началась еще в августе семьдесят шестого года...

Из книги Марины Влади: «Мы в Югославии, на небольшом острове Свети-Стефано... Ты снимаешься в фильме, я приехала вместе с тобой.

Из Парижа мне звонит сестра... и сообщает мне, что мой дом ограбили... Все, что я приобрела за двадцать лет работы, исчезло. Драгоценности, серебро, меха, кинокамеры, радиоаппаратура... Я сообщаю тебе эту новость весело, будто забавную историю. Ты же страшно расстроен. В твоих глазах все эти вещи — бесценные сокровища.

...все это можно купить, и в конце концов я могу прекрасно обойтись и без столового серебра, без драгоценностей и всякого другого. «Но меха — говоришь ты — тебе они будут нужны зимой в Москве, и потом — не обманывай, это твое единственное кокетство».

И Высоцкий покупает Марине меха. Вспоминает В.Янклович: «Шкурки соболя Володе доставал Валера Шулжик с Камчатки... Как Володя их выбирал, как подбирал по цвету... сорок шкурок!.. Каждая шкурка стоила 300 рублей».

В Москву прилетает Марина Влади. Высоцкий на спектакле и просит встретить ее В.Янковича: «...Приезжаем на Малую Грузинскую. Заходим в квартиру, Марина идет в спальню. И вдруг я слышу тихий вскрик. Захожу — вся комната сплошь устлана соболями».

Более подробно о реакции В.В. на вышеупомянутое ограбление рассказывает Римма Васильевна Туманова: «Марину обворовали. И Володя решил это компенсировать. Я помню, как он говорил:

— Ну, это же — Марина Влади, а не Маша Иванова...

Вот тут сидел, раскладывал камешки, выкладывал узоры...

— Как ты думаешь, Римма, хорошая вещь может получиться?..»

Что касается камней, то вот квалифицированное мнение специалиста (эта женщина просила не называть ее фамилию):

«Эти камни... Володя купил колечки и вытащил камни, хотел сделать колье. Но здесь не сделал, увез их во Францию, — там, кажется, было изделие...

Еще Володя хотел купить Марине хороший камень, — купил изумруд у одного старика еврея... Брал меня с собой, — проконсультироваться... Камень был настоящий — изумруд чистой воды... Володя подарил его Марине — тогда еще можно было провозить. А еще он подарил Марине два чудесных кольца ленинградской работы...»

Чтобы отдать долги, нужно было продать два «Мерседеса», очень сложную и дорогую аппаратуру, как-то решить вопрос с дачей...

В.П.Янклович: «Марина с помощью Артура Макарова продала машины, — эти деньги пошли на оплату долгов, расходы на похороны, оплату кооперативной квартиры, пересъемку архива...

Марина выхлопотала право Нине Максимовне жить в квартире на Малой Грузинской, а старшему сыну — возможность поселиться в двухкомнатной квартире матери. В общем, Марина сделала все...»

Что касается прямых долгов — они перечислены выше, — то деньги взяли все, за исключением скульптора Церетели, который сказал:

— Деньги отдайте сыновьям.

А.Макаров: «После смерти Владимира Семеновича остались его долги друзьям, товарищам и знакомым в сумме 37 тысяч 800 рублей. Продав обе его машины, я выплатил их, и все друзья, товарищи и знакомые — в том числе и Э.Я.Володарский — эти выплаты приняли. Лишь скульптор Зураб Церетели отказался получить долг в пять тысяч рублей, заметив при этом, что в Грузии, если умирает друг, то в его семью деньги несут, а не выносят».

Проблема наследства (особенно имущественного — тут все настолько запутано, что сказать что-то определенное еще рано. Адвокаты ссылаются на юридическую тайну, документы неизвестны...

Во-первых, о тех, кто по закону является наследниками В.С.Высоцкого — Марина Влади, Нина Максимовна и Семен Владимирович Высоцкие, Аркадий и Никита Высоцкие. То есть жена, родители и сыновья... Слово адвокату Генриху Павловичу Падве, он отвечает на вопрос: «Как распорядились наследственным имуществом?»

— Разумеется, главной наследницей была Марина Влади — как жена, она имела право на половину всей доли, просто как совладелица. А вторая половина становилась наследством, и на эту половину имели право — родители, сыновья и снова Марина. Самые большие проблемы возникли с дачей, — но об этом отдельный разговор...

ДАЧНАЯ ИСТОРИЯ

Желание построить или купить дачу появляется у Владимира Высоцкого и Марины Влади практически сразу после заключения брака... В квартире Нины Максимовны — очень тесно, снять хорошую квартиру долго не удается... И в этом смысле дача была бы идеальным выходом.

Марина Влади пишет в книге «Владимир, или Прерванный полет»: «С первого приезда в Москву у меня появляется желание купить дом за городом. Но тут я сталкиваюсь с почти неразрешимой проблемой: иностранцам запрещено выезжать дальше чем за сорок километров от Москвы — только по специальному разрешению».

Мнение Э.Володарского — он станет одним из главных действующих лиц этой истории: «Володя хотел купить себе дом или дачу в окрестностях Москвы, но ни в один кооператив его не принимали. Во-первых, из-за одиозности фамилии, а во-вторых, из-за Марины — иностранцам не разрешалось жить в большинстве окрестностей Москвы».

В.Янклович, которому пришлось потом заниматься строительством дачи: «Идея дачи возникла из-за того, что Марина всегда хотела жить за городом, а не в квартире на Малой Грузинской. А Володя думал, что, построив дачу, он сможет оставлять Марину там, а сам заниматься своими делами: работать, писать, доставать лекарство...» Заметим, что это уже поздняя мотивировка...

Вначале В.В. и М.В. хотели просто купить дом в одной из деревень или дачных поселков Подмосковья. Множество знакомых и друзей предлагали самые различные варианты... Марина Влади подробно описывает все эти неудачные попытки. Следующий вариант — домик на колесах...

«Мы видели эти домики на выставке-продаже, и тебе очень захотелось купить такой — компактный: с душем, кухней и системой отопления на случай холодов. Ты воображаешь себе путешествие по России, а потом можно поставить его где-нибудь у друзей под Москвой, чтобы там жить...

Ты загорелся, ты даже находишь советский грузовой корабль, где у тебя друг-капитан, чтобы доставить фургон до Одессы. Но выяснилось, что он стоит целое состояние... За годы путешествий я растратила последние сбережения, и, поскольку я все меньше снимаюсь, такая покупка просто-напросто превышает мои возможности. И тогда появляется идея построить домик на участке у кого-нибудь из друзей...»

Пожалуй, единственным близким знакомым, у которого был большой дачный участок, был известный драматург — Эдуард Володарский: «И как-то раз, когда мы сидели у меня на даче, я предложил Володе: Ну, хочешь, построй дом у меня. Вон на месте той старой времянки».

Марина Влади: «Эдик Володарский сразу же соглашается уступить нам часть своего участка. Я рисую план: гостиную с камином и кухней, две комнаты, ванную, винтовую лестницу на чердак... С южной стороны будет терраса. Все — деревянное и умеренных размеров...»

Э.Володарский тогда считал, что все будет достаточно просто и быстро: «И когда Володя загорелся этой идеей, у него были знакомства на складе домов — финских, и ему обещали такой домик продать. Но когда он туда приехал, оказалось, что все домики уже разошлись по начальству».

Точнее эту ситуацию описывает В.Янклович: «Володя заказал на лесобазе дом — там продавались такие специальные домики — и уплатил деньги. Но когда приехали вывозить этот домик, оказалось, что он уже продан какому-то генералу. Удалось получить только строительный материал: дом в «сыром», так сказать, виде...»

Э.Володарский: «Володя страшно огорчился, приехал ко мне и спросил:

— А что, если из деревянного бруса дом сложить? Мне обещали ребята.

Я быстро согласился. Брус привезли, строительство началось... Юридического права на строительство еще одного дома я не имел, но был, так сказать, обходной маневр — я написал в правление кооператива заявление о том, что прошу разрешить мне строительство архива-библиотеки. На это право я имел».

Строительство начинается... Помогают многочисленные друзья и поклонники, например, фундамент дома возводят рабочие «Метростроя» (начальником «Метростроя» в то время был поклонник В.В. — Б.Гольдман). В.Янклович: «Когда я приехал на участок, уже стоял фундамент, были подведены кое-какие коммуникации — помогали ребята-метростроевцы... Срочно нужна была отделка под дерево... И мы с Володей поехали на деревообрабатывающий комбинат номер шесть».

Марина Влади: «Начинается эпопея, о которой мы даже не имеем представления. В этой стране невозможно приобрести законным образом элементарного гвоздя или самой обычной доски — поэтому тебе приходится исколесить весь город... Ты их покупаешь, переплачивая, по блату... Ты даешь концерты на каждом заводе, в каждом учреждении, на складе, откуда тебе их выносят...»

Марина Влади в своей книге иногда допускает некоторые преувеличения — не для искажения истины, а ради увеличения худо-

жественного эффекта... Но здесь она права — таких «шефских» концертов было немало... В.Янклович: «Мы едем в какой-то научно-исследовательский институт, и ребята практически бесплатно делают ему паровое отопление. Дела, таким образом, продвигаются успешно». Все это время В.Янклович ведет тетрадь расходов, фиксируя стоимость материалов и работ...

Еще один — теперь уже явно романтизированный отрывок из книги Марины Влади: «Все лето я варю огромные кастрюли борща для рабочих... Они живут прямо здесь, на участке, и каждое утро я привожу полную машину продуктов...»

Володарский возражает: «Марина пишет, что она сидела, смотрела за рабочими, готовила еду... Готовила еду рабочим моя жена — Фарида. Два раза она (Марина Влади) появлялась, когда прилетала, и все. Наблюдали за строительством я и моя жена, а распоряжался деньгами и стройкой некий Янкулович (В.Янклович) — администратор Володи. Строили дом больше года, намучился я за это время черт знает как».

Расходы росли: «По моим подсчетам, вложил Володя в дом очень большие деньги — тысяч сорок. Правда, когда мы обратились к Володарскому, оказалось, что по государственным расценкам — двенадцать тысяч» (В.Янклович).

А оборудование, мебель, вещи? Всем этим занималась Марина Влади: «Я еду в Лондон, а там как раз началась сезонная распродажа, и все ринулись за покупками. Три дня подряд с утра до вечера я провожу в магазинах в неописуемой толпе и покупаю все, чем можно обставить и украсить дачу. Салон в английском стиле, лампы, кровати, все домашние вещи, огромный холодильник, который — как ты просил — постоянно выдает кусочки льда. Еще я покупаю посуду, духовку, кухонный комбайн. Одним словом, я совершенно разорилась, но ужасно счастлива, представляя себе, как ты обрадуешься».

С помощью Олега Халимонова — друга В.В., который в то время работал в Лондоне — вся эта масса вещей была перевезена из Лондона в Москву...

К концу 1979 года дача в основном построена. По утверждению В.Абдулова, в ночь с 31 декабря 1979 года на первое января 1980 года там ночуют друзья Высоцкого... Но окончательно дача готова весной (в марте) 1980 года — подведены газ и отопление.

Наиболее подробное описание дачи есть в книге Д.Чижкова «Отражения». Приведем его почти полностью, хотя бы для того, чтобы можно было судить о ее стоимости — пусть весьма приблизительно:

«В доме было продумано все, вплоть до мелочей... Внизу располагалась огромная комната — зал, с большими окнами по трем сторонам. Напротив входной двери, в дальнем правом углу, высился камин. Наверху его стоял экзотический, кованый, медный чайник. У камина располагались мягкие кресла и диван, обступившие низкий журнальный столик. Посреди комнаты, торцом к окну, поперек зала стоял огромный стол и две тесаные лавки вдоль него. Против окна, вдоль стены без окон, на выложенной крупным цветастым кафелем площадке установлена газовая плита, рядом с посудной мойкой. Получилась кухня среди комнаты — хозяйка могла быть с гостями и одновременно заниматься приготовлением еды. В конце и начале стены с кухонным оборудованием — две двери. Одна вела в спальню. Другая — еще в одну комнату, где размещался огромный многокамерный холодильник. Из этой комнаты, как и из спальни, были двери в просторную ванную.

Ближе к входной двери, справа вдоль окна, выдавалась старинная массивная посудная горка-комод. А слева в углу — красивая винтовая лестница вела на второй этаж. Наверху... была огромная спальня-кабинет. Здесь же еще один туалет и подсобные помещения...»

«Итак, весной 80-го года все готово. Но из-за твоего тяжелого состояния мы проводим лишь двое суток на даче, о которой столько мечтали... Две короткие ночи, несколько часов уединенной работы, множество планов и надежд — и все обрывается...» (Марина Влади).

Но сам Высоцкий — один и с друзьями, — конечно, чаще бывал на даче. И сразу же стали возникать проблемы... В.Янклович: «Нет, вопрос о разделении участка вообще не вставал... Они же с Володарским друзья. Но, чтобы поехать на дачу, Володя каждый раз должен был звонить Фариде — жене Володарского, — нельзя было приехать просто так... Единственное, о чем Володя просил Володарского, — проделать отдельную калитку, чтобы у него был отдельный вход».

Вспоминает Владимир Шехтман, человек в последние полгода очень близкий к В.В.: «Дачу Володя не любил, хотя и угрохал в нее очень много денег. Чтобы попасть на дачу, нужно было звонить:

— Але! Фаридуля? Мы едем, ты там открой дверь...

Лето 80-го года, уже вышел из ремонта большой «Мерседес». Володя говорит: «Садись за руль, поехали на дачу...» Чешем по Ленинградскому... Володя спрашивает: «У нас есть канистра с бензином? — Есть, а что? — Да сожжем эту дачу!»

Это могло быть только настроением, но это было...»

25 июля 1980 года Владимира Высоцкого не стало...

Проданы машины, чтобы расплатиться с долгами, квартира на Малой Грузинской передана матери Высоцкого — Нине Максимовне. Начинается запутанная история с дачей. Опубликованы только две точки зрения, Э.Володарского и А.Макарова («Дом Кино» — ноябрь 1990, январь 1991, ранее в «Советской культуре» было несколько публикаций на эту тему...)

Чтобы разобраться, кто прав, а кто виноват, — нужны документы и свидетельства третьих лиц... Попробуем хотя бы проследить канву событий...

Доверенное лицо Марины Влади — Артур Сергеевич Макаров: «Встал вопрос, как быть с дачей, числившейся в плане участка как архив-библиотека Володарского. Э.Володарский сразу же заявил, что он выплатит ее стоимость и оставит дом себе...»

Э.Володарский: «Через несколько дней после смерти Володи Марина спросила, что делать с домом. И сама же ответила: «Пусть дом останется тебе. Он стоил сорок тысяч...» Хотя, к слову сказать, никаких документов на такую сумму у Янкловича не было. Я ответил, что этот дом мне не нужен, у меня есть свой. И таких денег у меня нет...»

После отказа Володарского было решено собрать деньги среди близких друзей Высоцкого — и отдать их Марине... А в доме будет своеобразный музей Высоцкого... «Я же со своей стороны мог дать официальное обязательство, что никто в доме жить не будет, кроме Марины, когда она приезжает в Союз» (Э.Володарский).

А.С.Макаров возражает, все так, но «вот собранные деньги никто не должен был отдавать Марине, они должны были пойти другим наследникам: матери, отцу, сыновьям. Во всяком случае, я получил такие указания» (как доверенное лицо Марины Влади).

Потом отпадает и этот вариант: дачу собирается покупать сам А.Макаров. Снова все согласны, Макаров с семьей даже проживет некоторое время там... На даче отмечается день рождения В.В. — 25 января 1981 года, — все еще дружат, все за одним столом...

А потом начинается сложная запутанная история со взаимными претензиями и обвинениями, в которой — повторим — без документов и дополнительных свидетельств не разобраться...

Володарский требует, чтобы Макаров дачу освободил — он собирается ее разобрать... Марина Влади обращается в Моссовет — решение о разделении участка принято, но правление кооператива против... или не против — нужно смотреть протоколы заседания правления...

В конце концов, Володарский дачу разобрал, а стоимость стройматериалов выплатил сыновьям... За свое короткое существование дача сыграла, пожалуй, только одну положительную роль: на ней

был разобран и переснят архив В.Высоцкого... А оригиналы рукописей Марина Влади передала на хранение в ЦГАЛИ — передала бесплатно. Хотя она могла сохранить архив у себя или продать за очень большие деньги. Так что обвинять Марину Влади в каких-то корыстных устремлениях — как это делает Э.Володарский, — по меньшей мере, необоснованно... Кстати, она сама пишет, что мебель продана ею... А вот что касается других вещей... Только одна деталь: в последний день рождения В.В. подарили забавную матерчатую бабу на чайник... Марина Влади перевезла ее на дачу. Теперь эта игрушка среди многих других вещей — пусть мелочей — находится на даче Володарского...

В заключение надо сказать, что история с дачей рассорила многих близких друзей В.В., а некоторых сделала настоящими врагами... И дело не только в вещах или деньгах — просто всех этих людей объединяла мощная личность В.Высоцкого. А его не стало...

И нельзя не согласиться с Мариной Влади: «Я не могу не думать о том, что, может быть, если бы нам с самого начала разрешили купить дом в деревне, это на несколько лет продлило бы тебе жизнь...»

СЛУХИ И ЛЕГЕНДЫ

Легендарность присуща самой личности.
Может быть, она рождается от наружности?
Скорее всего, рождается она в том случае, если
в прошлом героя было нечто, поражающее ум.
Ю.Олеша

Для явления такого масштаба — Владимир ВЫСОЦКИЙ! — важно все: и сохранение творческого наследия, и накопление биографических материалов, и фиксация всех легенд и даже слухов, связанных с его жизнью. Всего этого при жизни Высоцкого и после его смерти было достаточно, потому что ему удалось не только из жизни сделать судьбу, но и превратить ее в легенду.

Как только были записаны (и стали распространяться по стране) первые песни Высоцкого — немедленно появились легенды и слухи. Вначале приведем факт, — теперь, можно сказать, исторический, — который красноречивее легенд. Когда в знаменитой квартире Левона Кочаряна на Большом Каретном была записана первая пленка с песнями Высоцкого и ее дали послушать знаменитому кинорежиссеру Ивану Пырьеву и сказали, что автор часто здесь бывает, он заметил: «Так он же Вас обворует» (свидетельство И.А.Кочарян).

Естественно, Высоцкий знал о существовании подобных слухов и сплетен: «Раньше меня часто спрашивали в письмах: «Сколько лет Вы сидели?» Наверное, многие люди, услышав мои уличные песни и разные под них подделки, считали, что родился я в лагере и долго там жил... Сейчас вроде этот слух прошел: поняли, что не сидел или, во всяком случае, сидел немного...»

Позже этот слух трансформировался в легенду, что Высоцкий «мотал срок» за свои песни. Во многих местах Союза показывали зоны, в которых «точно!» сидел В.В.: «В нашей зоне заключенные восстали — и... освободили Высоцкого! А сами вернулись, чтобы ему ничего не было». В общем, многие зэки считали его своим: «Просто не мог не сидеть, — так хорошо знает дареную жизнь».

Но вот после фильма «Место встречи изменить нельзя» в Москве говорили, что уголовный мир поклялся «отомстить Высоцкому за роль «мента» Жеглова». А вот реальный случай, о котором рассказывает В.П.Янклович. «Летом 1979 года Володя заехал ко мне в Сочи — я отдыхал там в санатории «Актер». Прямо из нашего номера у него украли джинсы и куртку с документами. А в бумажнике с документами были еще и ключи от квартиры. Мы ездили в милицию, потом Володя звонил в Москву — договаривался, как попасть в квартиру... Вечером приходим в номер — лежит куртка, в

ней документы, ключи и записка: «Извини, Володя, обмишулились. Прости, джинсы успели продать».

Еще одна легенда связана с песней «Банька по-белому»:

А на левой груди — профиль Сталина,
А на правой — Маринка анфас. .

Так вот, заключенных, у которых этот профиль действительно был выколот на левой груди, — таких заключенных якобы не расстреливали. Не стрелять же в изображение великого вождя и друга всех народов!

Несколько легенд связано с Л.И.Брежневым... «Вызывает Брежнев Высоцкого. Включил магнитофон, песни В.В.

— Что бы ты сделал с человеком, который написал эти песни?

— Посадил бы, Леонид Ильич.

Но Брежнев Высоцкого не посадил».

Вторая. «На 70-летие Леонида Ильича вызвали Высоцкого — на праздничный концерт. Пришла машина с охраной. Привезли — и прямо на сцену. Сам говорит:

— Ну, хорошо... Ну, это... про клоунов».

Кстати, вполне возможно, что Брежнев хорошо относился к песням Высоцкого, об этом есть несколько косвенных свидетельств. Но, как говорилось в анекдоте середины 70-х годов, «я-то, может, их и люблю. Но что скажут «наверху»?!»

Самому Владимиру Семеновичу очень нравился такой анекдот про Брежнева:

«У Брежнева спрашивают:

— Леонид Ильич, почему у Вас один ботинок черный, а другой коричневый?

— Да я не знаю... Мы этот вопрос даже на Политбюро ставили. У меня и в Кремле так: один ботинок черный, другой коричневый».

В течение своей жизни Владимир Высоцкий несколько раз побывал в реанимации, на его счету шесть или семь автомобильных аварий и даже две клинических смерти. В.Высоцкий: «Все мы в какой-то период нашей жизни страдаем от слухов. Я до сих пор отмахиваюсь руками и ногами от всевозможных сплетен, которые вокруг меня распространяются, как облака пыли, и постоянно нахожусь под огнем всех этих разговоров. Несколько раз я уже похоронен, несколько раз «уехал», несколько раз отсидел, — причем такие сроки, что еще лет сто надо прожить. Какие-то страшные казни мне придумывали. Одна девочка из Новосибирска меня спросила: «Правда, что Вы умерли?» Я говорю: «Не знаю».

Две записи из дневника Золотухина. «2.05.68 г. Сплетни о Вы-

соцком: застрелился. Последний раз спел все свои песни, вышел из КГБ и застрелился. Звонок:

— Вы еще живы? А я слышала, что Вы повесились.

— Нет, я вскрыл себе вены».

«10.09.75 г. Высоцкий. Сколько нелепостей, глупостей. Сколько раз при мне его отпевали, хоронили всякими способами, отправляли черт знает в какие заграницы... За два часа до встречи с Высоцким в Риге, на съемках у Митты, мне сообщили достоверно, что он подавился рыбной костью...»

А.Меньшиков, проработавший несколько лет в Театре на Таганке, автор знаменитой анкеты, вспоминает: «Я могу Вам рассказать, как рождались слухи. Это было в 1968 году. Мы уже поставили спектакль «Жизнь Галилея», то есть поставили декорации этого спектакля. И вдруг в половине седьмого появляется Высоцкий с совершенно пропавшим голосом. Где-то на концерте сорвал, причем до такой степени, что вообще говорить не мог. Директор театра Н.Л.Дупак вышел на сцену и сказал, что артист Владимир Высоцкий болен...

— Но если вы будете терпеливы и погуляете минут тридцать, то мы покажем наш новый спектакль «Тартюф».

Володя и другие актеры — все помогали устанавливать новые декорации. Высоцкий взял какую-то неподъемную балку, поднял ее и очень сильно расцарапал руку. Даже разорвал — кровищи было много. Не прошло и дня, как по Москве пополз слух, что Высоцкий вскрыл себе вены. Люди как будто ждали: с Высоцким что-то должно случиться...»

Разумеется, было множество слухов и легенд на тему «Марина Влади и Владимир Высоцкий». О знакомстве: «Марина Влади жила на седьмом этаже гостиницы «Россия». Высоцкий поднялся к ней в номер по водосточной трубе (вариант: по пожарной лестнице). Она это оценила». «Был кинофестиваль. Высоцкий пел на банкете и обворожил Марину Влади».

О самом дне знакомства известно многое, и с разных точек зрения. Высоцкий действительно был на банкете в честь закрытия кинофестиваля и танцевал с Мариной Влади. Через шесть лет сам Высоцкий в шутливом стихотворении «Как во городе во главном...» рассказал об этом так:

Повернулся — а средь зала
Краля эта танцевала:
Вся блестела, вся сияла, —
Как звезда — ни дать ни взять!
.....

И, назло другим принцессам,
Та — взглянула с интересом, —
Хоть она — писала пресса,
Хороша, но холодна.
.....
Оказал ему услугу
И оркестр с перепугу, —
И толкнуло их друг к другу —
Говорят, что сквозняком...
И ушли они, не тронув
Любопытных микрофонов,
Так как не было талонов
Спрыснуть встречу коньяком.
.....
И пошли гулять в столице
Нежилые небылицы...

«И ушли они...» А этим вечером в гостях у семьи Высоцких был А.Стругацкий, и Высоцкий знает об этом. Вспоминает Людмила Абрамова: «А Володя пришел поздно. Уже брезжил рассвет. Чтобы не тревожить лифтершу, он впрыгнул в окно, не коснувшись подоконника: в одной руке гитара, в другой — букет белых пионов. Он пел в пресс-баре фестиваля — в Москве шел международный кинофестиваль».

Ну а после регистрации брака Высоцкого с Мариной Влади говорили, что он принял французское гражданство и давно живет в Париже, а в Москву прилетает два раза в месяц, чтобы сыграть в «Гамлете».

И вот на одном совещании армейских политработников один из выступающих официально заявляет, что Высоцкий эмигрировал во Францию. Высоцкому это передали, он пытался протестовать, но «ватная стена» глушила все. Тогда В.В. пишет песню «Нет меня — я покинул Расею...»

Тот, с которым сидел в Магадане,
Мой дружок по гражданской войне,
Говорит, что пишу ему: «Ваня!
Скучно, Ваня — давай, брат, ко мне!

А заканчивается песня так:

И не надейтесь, я не уеду.

И еще одна легенда, связанная с Францией, с Парижем. «Высоцкий заходит в ресторан «Распутин». Цыганский хор поет «В сон мне желтые огни». В.В. спрашивает:

— Чью песню поете?

— Как чью? Народную, цыганскую. Ты что, не знаешь?!»

Лето 1980 года, июль. И вот легенда, рассказанная мне человеком, который знал Высоцкого. «Ведь как было в последние месяцы. Врачи брали его с Таганки, закрывали в квартире и усыпляли до следующего спектакля. А перед спектаклем растормаживали и доводили «до тонуса».

Громадное количество слухов переполняло Москву уже днем 25 июля 1980 года. Особенно распространенной была такая красивая версия: «Высоцкий умер на сцене Театра на Таганке во время спектакля «Гамлет». «У Высоцкого был свой врач. В любое время суток он мог его вызвать. Но ночью случился сердечный приступ, Высоцкий не смог дотянуться до телефона...»

Разумеется, после похорон, о которых сообщили только иностранные информационные агентства, разговоров, слухов и легенд тоже было достаточно....

«В могилу вместе с гробом закопали магнитофон. И пока работали батарейки — из могилы звучали песни Высоцкого...»

«Высоцкого хоронили в хрустальном гробу, который Марина Влади привезла из Парижа. А сердце Высоцкого она забрала с собой...»

После смерти Владимира Семеновича Высоцкого у его могилы на Ваганьковском кладбище каждый день, в любое время года — живые цветы... «Это Марина оставила счет в банке. На эти деньги покупают букеты и приносят на кладбище».

Журнал «Вагант» в марте 1990 года приводит разговор, который корреспондент издания услышал на Ваганьковском: «Видел серебряный венок на могиле? Это Окуджава Высоцкому принес. — А почему? Они что, корешили? — Не то слово! Они пять лет в одной камере просидели».

В начале восьмидесятых у могилы некоторое время появлялась «сестра Высоцкого»: «Почему все про брата, да про брата... А мои стихи не печатают».

Из Архангельска в Москву к Всеволоду Абдулову приезжала женщина. Привезла сборник стихов: «Владимир Семенович является во сне и диктует...»

В начале 80-х годов туристам, выезжающим в капстраны, говорили на иструктаже: «Не вздумайте покупать зарубежные издания Высоцкого».

Кстати, грузовой вагон с частью тиража первого издания «Нерва» отцепили на каком-то полустанке и украли приличное количество экземпляров.

В Москве Ю.П.Любимову с книжного склада на «шиньоне» везли два контейнера (по 50 книг) первого издания «Нерва». До Театра на Таганке доехал лишь один...

В Киеве, на уникальной аппаратуре, на которой реставрировали когда-то голос Ленина — восстанавливали пленки первых песен Высоцкого.

И еще один факт, своеобразно отражающий легендарную славу Высоцкого. В Тюменском строительном институте (техникуме?) преподаватель — страстный поклонник Высоцкого — спрашивал студента, если были колебания между двойкой и тройкой:

— Как Вы относитесь к Высоцкому?

— Конечно, хорошо.

— А какие песни знаете?

Если студент называл больше пяти песен, то получал заслуженную таким образом тройку.

В заключение приведем слова Эдмона Ростана: «Легенда не всегда лжет, — иногда она правдивее истины».

ВИТАЛИЙ ВОЙТЕНКО

Виталий Войтенко — необыкновенная, даже легендарная личность, интересен нам и как первый администратор Высоцкого, и как человек, рассказы которого легли в основу сценария «Каникулы после войны».

Во время войны летчик-штурмовик Виталий Войтенко был сбит, попал в плен... Из плена бежал — и после совершенно необыкновенных приключений (о них чуть позже) вернулся в Советский Союз. Был репрессирован, отсидел «свои» десять лет, вернулся... Работал аккордеонистом, гипнотизером, иллюзионистом, театральным и концертным администратором.

А вот как произошло знакомство Владимира Высоцкого и Виталия Войтенко, — вспоминает Михаил Туманишвили, друг В.В. по Большому Каретному: «К нам (в буфете Дома кино) подошел какой-то человек, — как впоследствии выяснилось, его звали Виталий Войтенко, — который и предложил нам поехать в концертную поездку. Мы с Володей переглянулись:

— А откуда вы нас знаете? И почему вы уверены, что мы умеем что-то делать на эстраде?

— Ну, мне сказали, что вы — молодые талантливые актеры...

Я спрашиваю:

— Володя, как ты?

— А я готов.

И мы согласились. То есть авантюрное начало в нас тогда было очень сильным».

Кто же сказал Войтенко, который работал тогда администратором Калмыцкой (!) филармонии, что есть такие талантливые актеры? Без всякого сомнения — это Павел Леонидов — троюродный брат Высоцкого и тоже театральный и концертный администратор, который в то время старался как-то помочь Высоцкому.

М.Туманишвили продолжает: «Войтенко сказал, что он сегодня выезжает в Томск — там у него работает бригада артистов — и из Томска вышлет нам билеты. В этой бригаде работали Леонид Чубаров и Зинаида Кириенко, а мы должны были приехать им на смену. И Володя, и я, хотя и согласились, но отнеслись к этому не очень серьезно. «Конечно, поедем!» — но через неделю об этом забыли. И очень удивились, когда по почте пришли билеты и телеграмма: «Выезжайте!»

Я помню, что мы вылетели под самый Новый год — 25 или 26 декабря. И в Томск мы летели — добирались! — трое суток. Все время — нелетная погода, везде — снегопады и метели... В общем,

прилетели мы в Томск небритые, заросшие и совершенно потерянные для искусства.

Войтенко долго нас отмачивал, отпаривал, отмывал, а потом заставил что-то быстро приготовить для эстрады — и уже на следующий день мы выступали. Я читал какие-то стихи, которые помнил еще по Вахтанговскому. А Володя какую-то смешную прозу... По-моему, что-то из Шолохова, про деда Щукаря. Позже мы с ним приготовили рассказ Чапека «Глазами поэта», а Войтенко в местном кинопрокате за две бутылки водки устроил нам отрывки из фильмов, в которых мы играли. Так появились ролики. И знаете, потом мы стали довольно хорошо работать...»

По всей вероятности, Войтенко устроил Высоцкому и Туманишвили неплохие заработки. В конце января 1964 года В.В. передает своей жене Людмиле Абрамовой посылку с запиской: «Посылка небогатая, там балык и ужасно вкусная китайская икра. Ешьте и вспоминайте мою многострадальную сибирскую и алтайскую жизнь. В Барнауле буду дней 10... Относительно моего приезда — очень хочу, но дорога дорогая — 200 рублей, и концерты без меня не могут быть».

Концерты без Высоцкого «не могут быть» еще и потому, что Войтенко сумел выпустить первую в жизни В.В. концертную афишу. Наверное, единственный сохранившийся экземпляр этой афиши висит в прихожей квартиры на Малой Грузинской — его сумела сохранить Нина Максимовна Высоцкая. Текст примерно такой (привожу по памяти. — *В.П.*) «Популярные артисты кино — Владимир Высоцкий и Михаил Туманов!» (Туманишвили).

И еще о вещах сугубо материальных... Спустя почти пятнадцать лет В.Войтенко рассказывал Владимиру Гольдману — тоже администратору: «Володя приехал... У него ботинки были перевязаны проволокой...» И дальше об этом же из воспоминаний Туманишвили: «...Мы Володю немножечко одели, обули — и он стал готовиться к поступлению на Таганку. От нас он уехал — в новом пальто и в новой шапке поступать к Любимову — и поступил».

Виталий Войтенко, по всей вероятности, знал о встрече Высоцкого с Анной Андреевной Ахматовой. А может быть, как-то ей способствовал. Дело в том, что Войтенко был «своим человеком» в доме Ардовых, где и произошла эта встреча. А.Найман в книге «Рассказы об Анне Ахматовой» пишет: «Виталий Войтенко был одной из самых колоритных фигур (среди людей, постоянно бывавших у Ардовых. — *В.П.*), его буйную и артистическую натуру пыталось обуздать уголовное законодательство, усмирить газетные фельетоны — без малейшего успеха. Эстрадный импресарио, летчик-штурмовик, аккордионист-профессионал, врач-гипнотизер (в последнем качестве

развенчанный «Правдой», отметившей, впрочем, его «безукоризненные манеры») — главные сферы деятельности, в которых, как можно заключить из его слов, он достиг вершин.

«Реже мечите, малолетки!» — рявкнул он на молодежь, слишком несдержанно, по его мнению, потянувшуюся после первой рюмки к холодцу. И вечером того же дня, стремительно выходя из кабинета хозяина и увидев Ахматову, сидевшую на ее обычном месте посредине дивана под зеркалом, закричал, упав на колени, и на коленях к ней заскользив:

— Ручку, матушка, ручку! Позвольте к ручке.

А по пути и уже целуя руку, восторженно комментировал, трепещущим от удовольствия зрителям, как бы только для них, как бы неслышно для нее:

— Императрица! Чисто императрица!»

Подробно рассказывает о встрече Высоцкого с Ахматовой Павел Леонидов в книге «Высоцкий и другие». Он утверждает, что встречу устроил Виктор Ефремович Ардов: «Да, прибыли мы на Полянку. Дверь открыла Сама. Она была в черном, плотной материи платье, грузная, в каких-то шлепанцах на босу ногу и простоволосая. Начала извиняться за свой вид, объяснила, что забыла о нас... Тут Володя сказал, что пишет песни, и спросил, можно ли ему спеть. Сама наивно сказала: «Конечно, конечно, только не очень громко, если можно». Володя рванул струны изо всех сил и тихонько захрипел:

Парус! Порвали парус!
Каюсь! Каюсь! Каюсь!

Анна Андреевна закрыла глаза и слушала вдумчиво, погружаясь. Володя кончил, и она сказала: «Вы пишете сами и слова, и музыку. Мне говорил Алексей (Баталов). Я помню. А я скажу вот что. Это страшно созвучно времени...» Мы ушли, но перед уходом Володя протянул Анне Андреевне книжку, и она надписала ее — «Моему юному другу Владимиру Высоцкому».

Алексей Баталов — старший сын Нины Антоновны Ольшевской, жены Ардова. Кстати, приведем слова Баталова о Войтенко: «Виталий по характеру был прирожденным авантюристом... Но у него был дар: ему верили. Он «возил» меня несколько раз на гастроли как администратор».

К сведениям, сообщаемым Леонидовым, надо относиться с осторожностью. Вряд ли у В.В. мог быть заграничный экземпляр «Реквиема», но книга Ахматовой у него была. Вспоминает Людмила Абрамова: «Когда Володя был на концерте в Институте русского языка — это, по-моему, январь 1966 года — там ему подарили только что вышедший сборник Ахматовой с Модильяни на обложке» («Бег времени»).

И еще одно косвенное подтверждение того, что все-таки встреча Высоцкого с Ахматовой состоялась... По словам Иосифа Бродского, впервые (!) он услышал о Высоцком и его песнях именно от Анны Андреевны Ахматовой.

Таким образом, встреча Владимира Высоцкого с Анной Андреевной Ахматовой вполне могла состояться в самом начале 1966 года. Странно, что сам Владимир Семенович об этом никому не рассказывал.

Итак, концертная поездка по Сибири, Алтаю и Казахстану — это конец 63 — начало 64 года. «Бег времени» — эта книга вышла в 1965 году. Ахматова умерла в марте 1966 года. Так что вполне возможно, о Высоцком Ахматовой рассказывал не только А.Баталов (он к этому времени уже жил отдельно), но и Виталий Войтенко.

Следующая встреча Высоцкого и Войтенко, которая существенно повлияла на жизнь и на работу В.В., — осень 1978 года... Гастроли Высоцкого по Северному Кавказу, концерты в Ставрополе. Администратор — Владимир Гольдман, ведет концерты Николай Тамразов. В.Гольдман: «Едем в цирк. Смотрим, самосвал тащит «Запорожец» Войтенко! На гастролях в Ставрополе как гипнотизер. Приехали в цирк, Войтенко сел в оркестровую яму. Володя запел первую песню, а он как засвистит! Володя чуть песню не оборвал.

Вечером Войтенко заходит в номер:

— Ну что, Володя, с кем тебе лучше работать — со мной или с ними?

— Что скажешь, Витя, ты — первооткрыватель!»

Н.Тамразов: «О Войтенко у Володи было много рассказов — добрые байки... Володя рассказывал, как они работали, как Войтенко запивал... Он где-то бросил всю бригаду, и они работали сами...»

В.Гольдман: «Войтенко сидел рассказывал, как он в Австрии бежал из плена, как мстил за русских женщин... Тогда он был в звании майора. После войны отсидел «десятку»...

Вот с этого разговора в номере ставропольской гостиницы и начинается история сценария Высоцкого и Володарского «Каникулы после войны». Вспоминает Э.Володарский: «...Однажды под новый, 1979 год Володя рассказал мне историю генерала (?) Войтенко. О том, как он во время войны попал в плен, как он и еще трое заключенных бежали из лагеря на юге Германии, где они работали в горах на заводе, производящем ФАУ и первые реактивные самолеты. Был тогда Войтенко старшим лейтенантом, летчиком. Они убежали, а война кончилась. И вот четверо военнопленных разных национальностей, ошалев от радости освобождения, живут в свое удоволь-

ствие на одной брошенной вилле, потом перебираются на другую, на третью, никак не могут надышаться вольным воздухом. Но в то же время новые сложности жизни встают перед ними. Американский военный патруль принимает их за переодетых эсэсовцев и пытается арестовать. В драке они убивают сержанта и скрываются. Военная полиция начинает разыскивать их. И вот Войтенко и его друзья, только успевшие ощутить вкус свободы, вновь оказываются в положении преследуемых, вновь отовсюду им грозит опасность. И в то же время в душе каждого горит желание вернуться на родину...

— Кто тебе это рассказал?

— Сам Войтенко. Он мне несколько вечеров рассказывал. Я даже на диктофон записал. Вот послушай...»

Неизвестно местонахождение этой кассеты, но сценарий «Каникул после войны» был написан, его судьба — это отдельная история... Напомним только, что военнопленного француза должен был играть знаменитый Жерар Депардье, поляка — не менее знаменитый Даниель Ольбрыхский, а русского (то есть фактически — Войтенко) — Владимир Высоцкий.

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВ

Анатолий Васильев — один из немногих друзей Владимира Высоцкого по Театру на Таганке — в своих воспоминаниях не щадит ни себя, ни В.В. Вероятно, это самая трудная, но и самая честная позиция.

«С Владимиром у меня очень странная история... Наверное, она у всех была непростой — это теперь, по прошествии стольких лет все видится по-другому. И все же я постараюсь быть в меру искренним и откровенным... Так вот, наши отношения были сложными, они только потом стабилизировались, и это не было дружбой. Просто мы сидели рядом в гримерной, трепались обо всем на свете, и когда я уходил из театра, Владимир сказал:

— Толя, с кем же я буду разговаривать?

Но это было позже...

Впервые я увидел Володю Высоцкого в фильме «713-й просит посадки». Я пришел из-за Отара Кобериdзе, с которым нас когда-то столкнула судьба... Кошмарный фильм — это искусственная история о добре и зле... И там был единственный живой человек: какой-то парень очень здорово сыграл маленькую ролюшку морского пехотинца... Я тогда узнал, что роль сыграл Высоцкий, но потом забыл эту фамилию, совершенно забыл.

Ушел в армию, где научился играть на множестве музыкальных инструментов, в том числе и на гитаре. Конечно, мы пели песни «Клены выкрасили город...», «В тот вечер я не пил, не пел...», «Я помню тот Ванинский порт...». Слышал, что их написал то ли Высоцкий, то ли Кохановский, то ли еще кто-то... Я не очень интересовался бардами и менестрелями, а эти песни пели все, все любили. Да и как можно было не любить?

И вот сидим в общаге Щукинского. Там у нас, студентов Щукинского, были две «свои» комнаты, где мы могли посидеть: выпить, покалякать, попеть песни. Я помню, что тогда были Боря Хмельницкий, Валерий Иванов, Вадим Насонов — он погиб несколько лет тому назад. Вот такая компания очень веселых ребят. В студенчестве не очень-то попьешь: так — одна «фугаска» на троих, да килька в томатном соусе... Сидели просто так — гитара, разговоры, треп обо всем и ни о чем.

И вдруг вошел коротко остриженный парень в буклетистом пиджаке, прилично выпивший. Как мне тогда показалось — типичный московский парень с недалекой окраины, даже слегка приблатненный. И все наши дамы к нему потянулись, просто бросились:

— А, Володя, Володя!..

И он понес какую-то мешанину из самых ранних песен, что мне — это я хорошо помню — очень не понравилось. Может быть, потому, что он был «под этим делом»... А может быть, я лидерство потерял в тот момент, хрен его знает. Но я помню свое не очень приятное к нему отношение.

А все его приняли «на бис», и когда он собрался уходить, то стали просить:

— Володя, ну покажи, покажи!

И Володя встал в проеме двери, как на сцене — и стал показывать номер: монолог какого-то ковбоя, якобы, на английском языке... Он стрелял, он падал, он обнимал женщину... — и потом я понял, что он делал это здорово! А тогда мне было очень неприятно. Все дико ржали, а я сидел и молчал... А потом Володя бродил по общаге — искал угол, где пристроиться на ночь... Но актер Высоцкий из «713-го» и этот парень для меня совершенно не совпали: другой человек, другое лицо...

А потом — Театр на Таганке... Я пришел вместе с Борисом Хмельницким — мы учились тогда на втором курсе Щукинского училища, а еще первокурсниками мы «выпустили» спектакль как композиторы! Поэтому два года мы учились и не учились... Мы приходили в училище, за нами ходили толпы... Преподаватели спрашивали:

— А как там у вас на Таганке?

Мы не сдавали мастерство, а наши дипломы были по работам в Театре на Таганке. И в труппе тогда мы были лидерами... В общем, мы с Борисом совершенно «офигели» от этого взлета...

Однажды наша аккомпаниаторша — еще из старого театра, Соберайская, — сказала на полном серьезе:

— Ребята — гололед! Берегите себя! Не дай Бог, кто-нибудь из вас сломает руку!..

Мы рассмеялись... Но действительно — стоило Борису сломать руку, спектаклю — хана! — столько музыкальных номеров в «Добром человеке...» держалось на нем.

А потом начался прием в труппу — пришли Коля Губенко, Валера Золотухин, Володи еще не было... Они пришли в «Доброго человека...», а позже запустили «Героя нашего времени». На сцене Любшин, Губенко, Джабраилов и — появился Высоцкий на роль драгунского капитана. В этой роли — по каким-то мелким черточкам — я увидел то, что Володя делал когда-то в общаге на Трифоновской. Спектакль был неудачным, о чем лучше всех знал Юрий Петрович Любимов. Я в этом спектакле занят не был, поэтому никаких контактов с Владимиром не было.

А потом настали «Антимиры». Вот тут и началась наша сложная история. К этому времени мы с Борисом Хмельницким стали официальными композиторами Театра на Таганке. Все это знали: это было зафиксировано в ВААП... Андрей Вознесенский, совершенно обалдевший от Таганки, от молодых талантливых ребят, просил, и даже заставлял нас писать зонги на его стихи. Я помню, что мы с Борькой еще «выкобенивались»: какие-то стихи не такие... Но потом, конечно, написали.

И все мы (уже появился Володя) — стояли на сцене с гитарами, и все на этих гитарах бренчали. Но мы-то с Борисом были давно сыграны: он начнет, я продолжаю... А все остальные — только мешали, и Володя — тоже. Я орал, кричал! Однажды даже бросил гитару и ушел со сцены. А Володя жаждал играть, хотя знал тогда 3-4 аккорда. Но я думаю, дело не в этом. Тут накладывалась наша с Борисом «гоношба» — композиторы!

Володе дали читать «Оду сплетникам». Он спросил у Любимова:

— А можно с гитарой?

— Да, конечно — с гитарой...

И Высоцкий, под свои три аккорда стал «запузыривать» «Оду»... Практически, это была мелодекламация, но актерски Володя это делал прекрасно, — тут уж никуда не денешься! И Вознесенский в восторге, и Юрий Петрович:

— Как это здорово!

А у нас с Борисом — другое отношение: как это так? Мы уже признанные композиторы, а «этот», с тремя аккордами... И Вознесенский прыгает от восторга!

И при таком нашем настроении вдруг появляется в афише: «Музыкальное оформление спектакля: Васильев, Хмельницкий, Высоцкий». Нас с Борисом это глубоко задело... Мы не орали, не поднимали «хай», но внутри — «Мы написали музыку, а этот — с тремя аккордами...». Вот все это потихонечку накапливалось. Я Вам это совершенно откровенно рассказываю...

А потом... Тут Володе надо отдать должное: он умел ловить у других справедливо-негативное, скажем так, отношение к себе. Дело не в том, что он стал к нам «подверстываться», нет — но он иногда просил показать какие-то гармонии, аккорды на гитаре. У меня есть фотография: во дворе старого театра сидят Смехов и Сабинин, а мы с Володей — оба с гитарами — горланим! Рожи довольные! А орали мы тогда не его песни: «Мы идем по Уругваю...», «Мами-блю» — и кайфовали страшно! В общем, как-то само собой у нас начались разговоры, началось взаимное приятие...

Кроме одного камня преткновения, который определил наше отношение надолго... Это связано с выпивкой. Вы знаете, я в своих мнениях — экстремист. Могу потом изменить отношение, но с большим трудом.

Уже идут «Десять дней...», Володя уже в «обойме»... Уже сложилась актерская группа таких — совершенно точно — таганцев. И это было настолько серьезно, что тогда думали сократить труппу: будут работать человек 25, а фонд зарплаты останется прежним. Мы считали, что нужно десять «звезд», десять человек крепкого среднего уровня и пятерка — бродячий состав. И эти двадцать человек к тому времени более или менее определились — такой костяк Таганки.

А у Володи в это время начались срывы... И Вы знаете, я был, наверное, единственным человеком, который с пеной у рта орал:

— Уволить! Выгнать!

И, скорее всего, был прав, потому что все эти выговоры — строгие, нестрогие — мало что давали. Если бы выгнали тогда — это могло подействовать, — ведь когда он «завязывал», год-два бывали потрясающе плодотворными.

Потом, когда Высоцкий стал лидером, солистом, а театр был гнездом, куда он только изредка залетал — это уже было невозможно. А тогда без театра Владимир просто не мыслил своей жизни. И если бы мы совершили эту жестокую акцию, то, может быть, продлили бы ему жизнь... Кто знает...

А время идет... Мы едем на гастроли в Вильнюс. Тогда Таганка ударяла по столицам, что очень важно... Мы ощущали себя представителями Москвы. Гастроли идут шикарно, литовцы принимают нас очень здорово, и вдруг — Володя срывается... Сразу и резко. А я в театре был чемпионом по вводам. Первый мой рекорд был таким: за одну ночь я выучил роль Янг Суна в «Добром человеке...», заменил Колю Губенко, у которого был острый аппендицит. И в Вильнюсе — во все дырки, которые образовались из-за Володи, ввели меня. Играем дальше. Любимов и Дупак говорят — «спасибо», «я их выручил, спас», и все такое... Даже деньги какие-то выписали за это дело...

И вдруг стало известно, что через день на спектакле будут члены литовского ЦК. И сразу же бросаются Володю отпаивать, ставить на ноги — всякие препараты, уколы... И мне говорят, что этот спектакль будет играть Высоцкий. И тут я завелся:

— Ни фига! Буду играть я! Или — играю я, или — вечером сажусь в поезд и вообще уезжаю.

И самое интересное в этой ситуации — как затих весь театр... Ну не весь, конечно, — определенный круг: «Кто победит?» А я не об этом думал. Я думал об элементарной справедливости: ведь вводы — это траты и нервные, и физические. Пусть роли и небольшие — все равно трудно! Меня обрабатывает Дупак, уговаривает Юрий Петрович, а я уперся: или играю, или уезжаю!

Короче говоря, наступает день этого спектакля. В гримерную врывается Володя... В Вильнюсе — роскошный драматический театр, все гримерные — в бархате! Врывается Володя — весь зеленый... И ко мне:

— Да ты что? Да кто ты такой!?

— А-а, пошел ты...

И тут начинается... Драки не было, но близко к тому. Он выскочил из гримерной, но спектакль играл я. Злой был страшно! Даже «злой» — не то слово... И вот в таком состоянии сижу в гостинице, а тут еще Боря Хмельницкий меня подзуживает:

— Ты прав... Что это такое!?

И вдруг входит Владимир, садится и очень спокойно говорит:

— Толя, ты прости меня. Я был не прав.

И тут я внутренне рухнул! Потом я много раз ставил себя на место Высоцкого: «Никогда!» Да, никогда в жизни я бы этого не сделал! Ну, может быть, через год я бы смог... «Вот, помнишь, тогда была такая ситуация...» Но чтобы вот так сразу, сходу?! Нет!.. Все сразу понять, все сразу поставить на свои места, сделать то, что, в общем, и положено было сделать — вот это меня потрясло!

И с этого момента все, что было между нами, стало прологом, прелюдией... Начались другие, совершенно нормальные отношения... Я не говорю, что мы стали друзьями, — было нормальное общение...

А случилась ситуация — ну просто деваться некуда, — и Володя меня выручил... Подворачивался кооператив, и нужно было внести первый взнос — около трех тысяч. Я тогда очень неважно жил, и как-то случайно проболтался Володе... Сразу же — в машину, сберкасса, снимает деньги:

— Отдашь, когда отдашь.

Потом он стал денежным человеком, а тогда эти три тысячи — это все, что у него было.

Потом появилась Марина... Они снимали квартиру в конце Ленинского проспекта, — и Володя попросил меня приехать... Там была такая забавная надувная мебель, Володя купил квадрофоническую аппаратуру... А Марина хотела тогда записать пластинку — русские и советские песни. И вот мы сидели втроем: Володя, Боря Хмельницкий и я, и с наслаждением напевали в эту аппаратуру «Темную ночь...», «Эх, дороги...».

Появилась Марина, и много всякого было, что тут скрывать... Марина Влади — звезда! И наш — Вовка Высоцкий! Для всех нас он был — Володька, Вовка Высоцкий... Ведь тогда мы пели его песни, совершенно не подозревая, что они гремят по всему Союзу. Они гремели, но этот гром до нас не доходил. И вдруг — Марина Влади! И в нашем театральном воздухе повисло:

— Ну, ведь не по Сеньке шапка! И куда это его занесло? В Париж!

Был такой шелест... Вообще — люди завистливы, а актерская братия — тем более. И, что греха таить, во мне это тоже было.

Так вот, извне доходили слабые сигналы, но кое-что происходило и в самом театре... Когда Андрей Вознесенский прочитал свое послание Володе, мы были просто ошарашены! Нам даже как-то неудобно стало: только что сыграны «Антимиры», тут же сидит Володя — и вдруг Андрей прочитал свой «Реквием оптимистический»...

Да, «Антимиры»... Сева Соболев прочел свое стихотворение, а там концовка такая: «Сидят у телевизора, глядят...»

И вдруг на Володю нашел стих — он поставил скамеечку, сел и выдал:

— Ой, Вань, гляди, какие клоуны!..

В зале — обвал! Ну, просто шквал аплодисментов!

А худсовет? Вы знаете, что на Таганке был не самый хилый худсовет. Но когда пел Володя — абсолютное внимание и тишина. А Юра Буцко, который писал музыку для наших спектаклей и был членом худсовета, — он же требовал принять Высоцкого в Союз композиторов! Все это поднимало Володю на совершенно другой уровень.

А я? Мне тогда казалось, что Володя песни «подбирал с пола», легко и непринужденно. И вдруг в гримерной Володя спел: «Кто-то высмотрел плод...»

Я был поражен:

— Володя! Вот это вещь! Спой еще раз!..

— Да?!

У него была такая манера: утвердительно-вопросительное «да?!». Когда я смотрел прогон «Гамлета», подошел к нему в перерыве и сказал:

— Володя, смотрится как детектив!

Действительно, я не мог оторваться. Он ответил:

— Да?!

Я считаю, что зритель был обделен актером Высоцким. Хотя он был очень настырным человеком и буквально рвался на сцену. Конечно, не по трупам: подлости Володя никогда не допускал, но — рвался... Тут многое зависело не от него. Вот «Павшие и живые». Спектакль закрывали много раз, — и со страшной силой! Там была сцена, которую запретили напрочь, хотя Любимов дорого отдавал фразы и даже слова... Была выброшена целая новелла, посвященная Эммануилу Казакевичу. Казакевич очень больным сбежал на фронт и воевал, в сущности, незаконно. Его все время ловил СМЕРШ, а с другой стороны, его искали приказы о награждении... Володя в этой новелле играл такого сталиниста-смершевца. Играл потрясающе, поверьте мне — Володя играл потрясающе!

«Берегите ваши лица»? К этому времени я уже ушел из театра на Высшие режиссерские курсы, но бывал на репетициях. Кстати, как там была сделана «Охота на волков»! Вам не рассказывали? Это было сделано просто грандиозно! У нас был такой тюлевый задник, и когда он освещался, все шло на контровом свете. А иногда были и переливы цветов — очень красиво! Это тоже изобретение Юрия Петровича. Там появлялись пять штангетов — как нотный стан... И вот — кроваво-красный задник. Володя пел: «Идет охота на волков, идет охота!..» И самые настоящие выстрелы! А монтажники поднимали такой щит: стекло, пробитое пулей! Вроде бы очень просто, но каждый раз это действовало с невероятной силой! Все-таки Любимов — гениальный режиссер!

Петрович к Володе, конечно, менялся. Если в первые годы он кричал: «Сколько можно! Не хочу от него зависеть!..» — но сам же беспокоился и хлопотал, то уже потом у Любимова было одно: «Где и как помочь...» И мне однажды пришлось принять участие... Володя сидел на вахте совсем плохой. Ну, уже самый крайний случай: еле уговорили его в больницу. Я его отвозил. Дней через пять приезжаю — здоровый, веселый... Записывал рассказы соседей по палате. Помню, был потрясающий рассказ про «начальника Вселенной» и про «начальника Галактики». Сохранился ли он?..

А фильм «Морские ворота» — это почти самый конец нашей истории. В 1970 году я закончил режиссерские курсы, и в том же году возникла идея этого фильма. Сценарий плохой, но с фильмом запускался Сергей Тарасов — мы вместе учились на курсах, он меня и уговорил:

— Никакой серьезной роли там нет, но зато будешь петь...

Я согласился, а написать песни для фильма предложил Высоцкому. По-моему, Володя написал очень хорошие песни. Все они — про море, причем заранее было оговорено: о чем, какая ситуация... «Вы возьмите меня в море, моряки» — эту песню я должен был петь в ресторане. Там свара между старым и молодым капитанами — до драки! И чтобы их утихомирить, мой герой должен был выйти и спеть эту песню. «Два судна» — имелось в виду, что эта песня поется под окном девушки, которую я люблю, а она любит другого... В общем, смысл каждой песни был четко оговорен, но, разумеется, у Володи оставался простор для поэтической фантазии... Все было сделано, мы даже записали эти песни. Фонограммы до сих пор хранятся у меня. Но редактура сразу же встала на дыбы:

— Высоцкий? Категорически — нет!

Мы с Сергеем Тарасовым носились с текстами, доказывали, что ничего крамольного тут нет. А время идет — пора снимать, а снимать надо было уже под фонограммы. В общем, начиналась паника... Я предложил:

— Давайте обратимся к Визбору...

Юра написал тексты, Берковский и Никитин — музыку, и получились симпатичные туристские костровые песни. А Визбор потом сказал с досадой:

— У Володи неправильное отношение к песне. Сюжет в таких вещах не всегда нужен. Песня — это нечто странное...

В общем, это я к тому, что все было не так просто: Окуджава, Визбор, Высоцкий, Ким — ведь это совершенно разные люди, хотя их, конечно, можно объединить. Это поэзия, которую не печатали, но все знали наизусть. Отголоски запрещенной поэзии... Так вот, начинали они все вместе, а потом Володя основательно вырвался вперед.

Потом, когда я уже снял два фильма, мы пытались «пробить» его сценарий... Знаете сценарий Высоцкого о космонавте? Нет?! Вообще я никогда и ничего не выбрасывал, и часть моего архива еще не разобрана, вполне возможно, что там сохранился этот сценарий... По тем временам это был очень «левый» сценарий: речь шла об испытаниях космического скафандра. Крамольным там было вот что: во-первых, проект «содрали» у американцев, во-вторых, не все получается, а в-третьих, и у нас во время испытаний гибнут люди... Мы ходили к Фриду, который говорил — «да-да...», но ничего конкретного не делал. А художественный совет «Мосфильма» — чиновный и сановитый — окончательно зарубил это дело...

В июле 1980 года я сидел в Ленинграде на озвучивании фильма — нудный такой процесс. Над душой стоят с секундомером — надо уложиться во времени... И вдруг заходит монтажница:

— Володя Высоцкий умер!

Я говорю:

— Да брось ты... Сколько раз уже было... Сейчас наберу, и мне все про него расскажут.

И даже не пикнуло в сердце — ни-ни... Действительно, сколько раз его хоронили... Я пошел, попил кофе, пришел в монтажную, позвонил домой в Москву. И нарвался на рыдания жены...

Я думал: лететь или не лететь на похороны? Знаете, я в своей жизни был на похоронах трех близких людей — это так действует, это такая страшная вещь... Начинаешь говорить про этого человека, а помнишь только это — похороны, гроб... Это страшно. Я не полетел. И до сих пор не знаю — правильно я сделал или нет...»

МАРИНА ВЛАДИ

Я жив тобой и Господом храним...
В. Высоцкий

С Мариной Влади я встречался несколько раз, — дважды при довольно драматических обстоятельствах. 24 января 1988 года во внутреннем дворике нового здания Театра на Таганке устанавливается скульптура Геннадия Распопова — «Высоцкий — Гамлет». На самой установке присутствует немного людей — друзья, актеры и сотрудники театра. Вечером — торжественное открытие памятника, приезжает Марина Влади. Я записываю небольшое телевизионное интервью, — Марина говорит, что ей очень нравится работа Распопова, тем более, что он был знаком с Высоцким... Все расходы оплатила она — изготовление, отливку и установку — и эту скульптуру она дарит Театру на Таганке.

Драматизм ситуации заключается в том, что эта статуя — как бы ее ответ на надгробный памятник Высоцкому, который установлен родителями. И второе, тоже очень важное обстоятельство. В октябре 1987 года в парижском издательстве «Файярд» выходит на французском языке книга Марины Влади «Владимир, или Прерванный полет». И в этот приезд Марина привозит в Москву несколько экземпляров. Дарит их — Белле Ахмадулиной, Вадиму Туманову, Всеволоду Абдулову и Раисе Горбачевой. (Они познакомились в Париже, во время визита во Францию М.С.Горбачева.)

К этому времени и переводы различных отрывков и глав из книги появляется в самых разных периодических изданиях нашей — тогда еще великой — страны. О главах, где говорится об алкоголе и наркотиках, в этих публикациях только упоминается, но все знают, что они есть. Более того, несколько книг уже «ходят» по Москве, — «а там о родителях и некоторых друзьях такое!..»

Во время установки памятника друзья Высоцкого уже знают, что Марина собирается переводить книгу на русский язык. Они уговаривают ее выбросить или исправить какие-то вещи, устранить неточности, на что Марина неизменно отвечает «нет». «Она говорит, что во Франции получает много писем из народа. И никто на эти вещи (водка и наркотики) не обращает внимания. Всем нравится» (Г.Антимоний). Вероятно, под влиянием этих разговоров и из-за некачественных переводов, по ее словам, «безобразных и ужасных», она поступает следующим образом.

«Из договора о переводе (с издательством «Прогресс». — *В.П.*) Марина вычеркнула строки о возможных изменениях. «Никаких изменений! Если пьяный наборщик Петров выронит две строчки шрифта, то может исказить смысл целых сцен». А издательство бу-

дет платить громадную неустойку. Ей предлагают большие деньги в США, в Израиле, — она отказывается, — только в России» — это рассказала переводчик книги Юлия Абдулова.

Естественно, что все это доходит до родителей В.С.Высоцкого — уже больше трех лет они не общаются с Мариной, вернее, наоборот, она сама разорвала все отношения. Правда, от Семена Владимировича скрывают, что есть несколько страниц, прямо обращенных к нему. «Если это передут, он может покончить жизнь самоубийством». Евгения Степановна Высоцкая уже знает, что только о ней из всех близких родственников Марина написала с симпатией.

После торжественного открытия памятника и банкета в буфете театра самые близкие друзья едут вместе с Мариной Влади в мастерскую Г.Распопова — надо согласовать окончательный текст открытого письма Володарскому (см. «Дачная история»). Текст согласован, все подписали, кроме В.И.Туманова. Вадим Иванович не подписал, потому что у него было сложное положение: шел судебный процесс против газеты «Социалистическая индустрия». Кроме того, он хотел, чтобы в письме упоминались деньги, которые Володарский выплатил сыновьям.

А.Макаров: «После этого мы уехали — Марина, Олег Халимонов и я поехали к Эдику Степаняну. Я еще в такси говорю:

— Марина, ты что же это написала?! Володя — наркоман и алкоголик?

И она всю ночь переводила нам книгу, только две главы не успела. Там же совсем другой смысл... Это письма к Володе, она обращается к нему как к мужу, совершенно откровенно».

25 января 1988 года. Владимиру Высоцкому — 50 лет. В театре на Таганке восстановленный Николаем Губенко спектакль «Владимир Высоцкий». В фойе — послы западных стран, актеры, режиссеры, писатели, поэты... Я тогда работал в театре — несколько человек на добровольных началах разбирали архив Таганки, — и помню, как трудно пришлось в эти дни Николаю Николаевичу Губенко — не только потому, что последние десять дней репетиции шли ежедневно, но и потому, что многим известным людям приходилось отказывать — вся Москва рвалась на Таганку.

Так вот, в фойе Нина Максимовна Высоцкая в окружении своих друзей, Семен Владимирович с Евгенией Степановной — у них свой круг. Потом появляется Марина Влади. Это было похоже на выход королевы со свитой... Семен Владимирович позже сказал мне: «Марина прошла по фойе, даже не заметила. Глядела мимо. (Гораздо позже, когда «отгремели все бури», а Семен Владимирович занялся защитой авторских прав своего сына, он так оценил книгу: «Марина! Она же продукт капиталистической системы, ей была нужна сенсация. Володя использовал перед концертами наркотики?! Стимуляторы, может быть... И не в таком количестве, как она пишет».)

Вторая встреча в марте 1988 года, в гостинице «Националь» — уже специально для записи интервью — начинается работа над второй книгой «Живая жизнь». Марина прилетала в Москву, чтобы вместе с Юлией Абдуловой поработать над переводом своей книги. Об этой работе Юля сказала: «Это было так интересно, что можно написать роман...» Интервью было записано, но нигде не опубликовано — вторая книга так и не вышла... В этот же день Марина улетела в Париж...

И третья, самая драматическая встреча, на пресс-конференции Марины Влади по случаю выхода ее книги «Владимир, или Прерванный полет» на русском языке. Марина раздала несколько десятков книг журналистам московских газет — на пресс-конференцию пришли единицы. Полупустой зал московского театра «У Никитских ворот», несколько съемочных групп — камеры включаются только в самые острые моменты, а мой диктофон прямо на столе, за которым сидят Марк Розовский, Валерий Янклович, Эдуард Смольный и Марина Влади.

Из зала — злые, направленные вопросы:

— Зачем вы написали это? Вы обидели... Вы оскорбили заслуженного человека...

Марина оправдывается:

— Я не под судом тут... Я на пресс-конференции... Если вам не нравится моя книга, — пишите в своих газетах. Почему все это вы говорите мне?!

Наконец встает сын Высоцкого — Никита, цитирует отрывок из письма Пушкина Вяземскому: «Зачем ты жалеешь о потере записок Байрона? Черт с ними! Слава Богу, что потеряны... Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением... Толпа жадно читает исповеди, записки etc, потому что в своей подлости радуется унижению высокого, слабостям могущего». После этого Никита делает заявление, что сыновья Высоцкого за ложь и клевету, за оскорбление деда и матери — подают в суд на Марину Влади.

— Ну, что я могу ответить на это сыновьям Высоцкого, — сказала Марина и заплакала. А позже в гримерной театра я узнал, что накануне состоялись похороны Геннадия Распопова — известного скульптора, автора памятника В. Высоцкому, установленного в Театре на Таганке.

Приводим сокращенный текст стенограммы этой пресс-конференции.

«Сразу после Володиной смерти я стала задавать себе вопрос: «Что случилось? Почему он умер в 42 года?» И я опять попыталась в

своей книге, хотя бы частично, ответить на этот вопрос. Решила написать пусть горькую, но правду...

Я не говорю, что обладаю всей правдой. Напротив, считаю, что все могут рассказывать о Володе, даже судить... Но некоторые люди просто не имеют оснований этого делать: у них с Володей не было ни дружбы, ни настоящего общения...

А после его смерти начались воспоминания... Володя вдруг сделался пай-мальчиком, которым он никогда не был! Из Володи делают какого-то «миленького» человека... А надо быть резким и даже жестоким, потому что он жизнью заплатил за правду.

И именно про это надо говорить... Я могла это сделать лучше других, потому что двенадцать лет жила с ним. Ведь это важно и интересно всем! Володя был поэт и артист, и он принадлежит всем людям...

Книга пишется тогда, когда нужно, чтобы она была написана... Я решила это сделать, когда пришло время. В год Володиной смерти я не могла ее написать, было слишком тяжело... Только через пять лет показалось, что настал момент, чтобы все расставить на свои места. И сделала это, потому что знала вещи, о которых могла рассказать только я...

Ни одного серьезного сокращения в русском издании нет. Мы с Юлей Абдуловой сняли буквально несколько строк: что такое ОВИР, что значит — Совмин... Эти слова понятны всем советским людям, а французам надо было объяснить... Я согласилась убрать два четверостишия, которые могли не понравиться китайцам... Странно — ведь эти песни знают все! Во Франции эти два стиха были напечатаны, потому что песня очень смешная. А здесь — нет. Но для меня это не очень важно.

Переводы в газетах и журналах были ужасными! Какой-то деревянный язык... А потом был монтаж... Переводчики брали отрывки из разных частей книги, склеивали, и получалось нечто совсем не похожее на то, что написала я. Монтаж меняет весь смысл. И я ничего не могла с этим сделать! Хотела подать в суд, но мне сказали, что это невозможно... В Союзе все позволено, потому что нет защиты авторских прав. Я же никому не давала права на эти переводы, потому что не хотела, чтобы люди читали отрывки. Особенность этой книги: ее надо прочитать всю сразу, целиком.

Главное, я написала о том, как Володя работал, как он творил... Я написала о том, как ему не давали быть тем, кем он себя чувствовал, — большим народным поэтом! Володю безумно любил народ, и он знал об этом. А его всю жизнь просто игнорировали... Всю жизнь! Это очень важно.

Мешала бюрократия — эта влажная ватная стена... И не просто мешала! Ежедневно ему лезли — и даже плевали — в душу! Концерты запрещали, фильмы годами лежали на полке, он ни разу не видел себя по телевидению... И это любимец народа — популярный настолько, что не мог выйти на улицу!

Да, его не сажали в тюрьму или в психиатрическую больницу, его не били... Но его «тюкали» по-другому... Не давали работать, не печатали, в самый последний момент снимали песни из фильмов... Его ломали, как кусок хлеба, пока он и сам вправду не сломался...

И у Володи все-таки были проблемы с юстицией: в последний год на него было заведено три дела! Мы эти темы не очень обсуждали, тогда у нас были другие сложности... Но ведь об этом никто не говорит, как будто все было нормально!

Моя книга не исторический труд, не дневник, а чисто литературное произведение. В общем, все факты правдивы, но я иногда объединяла события... В противном случае пришлось бы писать тысячу страниц. Я бы могла это сделать про такого человека, но это физически невозможно.

Я не живу, смотря фильмы о Высоцком и слушая его песни, — это больно... Я не мазохистка. Смотрела только материалы Крымовой, а самих передач не видела... Кстати, во Франции сделали прекрасную телевизионную передачу... Интервью с Володей и мое интервью они смонтировали так, как будто мы разговариваем... Я хотела купить ее и привезти в Союз, но это стоило так дорого, что я не смогла... Надеюсь, что советское телевидение когда-нибудь покажет эту передачу.

Мы это делаем на Западе... Шемякин опубликовал три тома... Фактически в этом издании собраны все стихи и песни. Конечно, там могут быть ошибки и неточные варианты... У Шемякина не было всех рукописей. Но я ему дала все, что у меня было.

Во Франции меня часто спрашивают, зачем Высоцкому было нужно это официальное признание? Французам непонятно, что здесь все централизовано, все принадлежит государству. Володя не мог пойти в другое издательство, не мог обратиться в другую концертную организацию...

Французы хотят слушать этот необычный голос, этот нерв, этот крик! Но теперь они хотят еще знать, о чем поет Володя... Будет издание его стихов, а там знают, что делают... Они уверены, что книгу будут покупать. Предисловие согласился написать Иосиф Бродский — единственный крупный поэт, который назвал Высоцкого поэтом.

С Солженицыным Володя не был знаком. Но мы вместе в Париже читали «Архипелаг ГУЛАГ». Володя был потрясен! Он считал, что Солженицын сделал нужное дело, даже совершил подвиг, когда описал все, что творилось при Сталине... Я тоже так считаю.

Во Франции есть такой человек — Амедьюри. Он все свои деньги вложил в издание пластинок Высоцкого («Светлой памяти Владимира Высоцкого»). Там все песни, все спектакли, все интервью... Я слушала только несколько пластинок... Да, я знала об этом, он позвонил и сказал: «Я люблю Высоцкого и хочу выпустить эти диски...» А это стоит бешеные деньги! Но он сделал этот своеобразный монумент Володе. (Издание не было завершено. Вышло 9 пластинок из задуманных 40. — *В.П.*)

Хотя я и вдова Высоцкого, но считаю, что у меня нет никаких прав на то, что Володя сделал в своей жизни. Я считаю, что все должны иметь возможность делать все. Потому что Высоцкий принадлежит всем.

В заключение я хочу добавить одну вещь, и скажу очень честно... Может быть, я обидела, даже оскорбила пять человек в своей книге, но я помогла жить многим людям, которые нашли в ней надежду. Они поняли: если человека поддерживают понимание и любовь, то можно бороться — даже в самых жестоких обстоятельствах... Можно преодолеть — хотя бы на время — эти ужасные проблемы — алкоголь и наркотики. Вся наша жизнь была переплетена с этой трагедией...

Хотя я совсем не думаю, что слишком много говорила об этом... Только, чтобы было понятно, в чем дело... Я все же надеюсь, что сделала больше хорошего, чем плохого, когда написала эту книгу... Повторяю — это не биография, не дневник, совсем нет. Это мое свидетельство. Наверное, не единственное и не уникальное, просто мое...

Это двенадцать лет нашей жизни, и ничего другого в этой книге нет».

На следующий день — в малом зале Дома кино просмотр документального фильма ленинградского режиссера Петра Солдатенкова «Я не люблю». Когда в зале зажегся свет, Марина Влади встала, вытирая слезы, и сказала: «Это первый честный фильм о Володе».

В это же время возникает идея: организовать встречи читателей книги «Владимир, или Прерванный полет» и, естественно, почитателей Высоцкого с Мариной Влади, а перед встречами показывать фильм П.Солдатенкова. Дело в том, что с 1982 по 1991 год книга Марины издавалась громадными тиражами практически во всех республиках Советского Союза. Общий тираж теперь определить трудно, но он превысил 5 миллионов экземпляров!

Несколько ответов Марины Влади на вопросы из зала во время этих встреч. «Я думаю, что моя книга и дает ответы и, может быть, поставит какие-то вопросы... Я думаю, что он сам (ответил на вопро-

сы), потому что его поэзия останется, а все остальное будет смываться, как вот этот поток здесь (сель в районе Медео около Алма-Аты) смыл все...

Все эти люди, которые на нем делали карьеру и деньги, торгуя нашими личными фотографиями и письмами — это же совершенно недопустимо, но все это пройдет. Осталось около восьмисот поэтических произведений, который Володя оставил всему миру, всем людям. Это самое главное...»

Одно замечание — оно касается писем Марины Влади Владимиру Высоцкому. В одном из ранних интервью она говорила, что ее этими, пропавшими из квартиры, письмами «шантажировали». Теперь приблизительно известно, кто мог такое сделать. Но в этом случае речь идет о небольшой части писем, вероятно, найденной (украденной?) в архиве Высоцкого. Бóльшая же часть их находится у одного человека, которому В.В. передал письма лично незадолго до смерти. И этот человек готов — во всяком случае, об этом был разговор пять лет тому назад — вернуть их Марине...

Вопрос из зала:

— А что Вам дали годы жизни с Высоцким?

— 12 лет жизни с ним — это большой подарок... Это дало мне массу эмоций как актрисе. Я смотрела все спектакли Володи по много раз. А потом Володя посвятил мне много стихотворений — это тоже большой подарок... Это (жизнь с Высоцким) давало мне возможность помочь человеку, а это ведь счастье — иметь возможность кому-то помочь...

Маринка! Слушай, милая Маринка!
Кровиночка моя и половинка!
Ведь если разорвать, то — рупь за сто! —
Вторая будет совершать не то.

Маринка, слушай, милая Маринка,
Прекрасная как детская картинка,
Ну, кто сейчас ответит — что есть то?
Ты, только ты, ты можешь — и никто.

4 марта 1989 года — по первой программе Всесоюзного радио большая передача из цикла «Твоя родословная», посвященная Владимиру Высоцкому. В передаче принимали участие Марина Влади и Юлия Абдулова. Приводим фрагменты этой передачи в записи с эфира. Самое важное — это детали, рассказывающие о том, как еще в детстве формировался характер Марины...

«Марина находила в Высоцком черты своего отца — бесшабаш-

ность, отчаянность... Многое роднило Владимира с ее отцом. Основное влияние на Марину оказал именно отец, он воспитывал ее как мальчишку. В семье — четыре сестры, мама, бабушка... «Я была как мужик среди женщин». Школа кончилась, когда отец был еще жив. Его напутственные слова — пора и тебе на кусок хлеба зарабатывать... «Я тогда обиделась на отца, но потом поняла, что он был прав». С 13 лет Марина работала по 12 часов в сутки».

«Юности не было — удачи были. Я научилась хвататься зубами за удачу. А при вашей системе многое дается, но мало спрашивается. Надо воспитывать у себя ответственность за дело, даже любовь к ответственности. Порой я своих сыновей воспитывала не так, как следовало бы.

Ведущая:

— Почему Вы выбрали в переводчики книги Юлию Абдулову?

— Юлю я знаю с детства. Это человек, который знает и любит Высоцкого. Поэтому она смогла проникнуть в его мир, в наш мир. Кроме того — как это по-русски — «молодые имеют священный огонь». Всем молодым следует давать шанс.

Ю.Абдулова:

— Я прочитала книгу залпом, — подготовилась к встрече с Мариной, сделала заметки, выписки. Но для первого разговора ничего этого не потребовалось. Первый вопрос, который задала Марина при встрече — «Ну, как?» — выразил все ее чувства: и любовь, и тревогу, и надежду. Мы сразу стали союзницами, потому что чувствовали одно и то же. Марина обняла меня, и так, обнявшись, мы вошли в комнату. «Ну, что ж, теперь поговорим о деле», — сказала Марина.

Ведущая:

— Марина, как Вы воспринимаете Россию?

— Здесь, в России, я свой человек».

1998 год, январь. Шестидесятилетие Владимира Семеновича Высоцкого. К этому времени младший сын В.В. — Никита — становится директором Музея Высоцкого, и, вероятно, за его подписью в Париж направлено приглашение Марине Влади принять участие в праздновании этой даты. Она не приехала.

15 января 1998 года. Беседа обозревателя «Комсомольской правды» Ирины Руденко с Людмилой Абрамовой. Речь заходит о Марине Влади:

«И что, у Вас нет ревности к этой женщине?

— Очень это было бы нехорошо и очень было бы грешно. Ей досталось гораздо тяжелее, чем мне. У нее не двое детей, а трое, и эти дети — не Володины. И друг другу не родные братья. Там отношения были очень тяжелыми. Допускаю, что у Марины такого сильного материнского инстинкта, как у меня, не было. Она — реализованный человек. Но то, что ей было больно, это я ручаюсь. А то, что она пережила с Володей, — я 7 лет, а она 12! Да что Вы! И унижений она натерпелась несравнимо со мной. Хотя бы просто потому, что она более заметный в мире человек. О чем вы говорите?! Что Марина вынесла, за это ей можно простить и то, что она плохо относится к Никите, и к Володиным родителям, и меня недобрым словом помянула в своей книге... Это ее право. Это ее личная жизнь».

А что пришлось вынести Марине, вероятно, смогла бы вынести только она — с ее твердым, сильным характером. О своих «испытаниях» в России: об «уходах в пике», о скандалах, о больницах — она написала в своей книге. А о том, что происходило во Франции, Марина упоминает вскользь и в общих словах. М.Шемякин: «Марина однажды просто выгнала его из квартиры...» А.Глейзер: «Я был свидетелем, как Марина «воспитывала» Высоцкого... Это было тяжкое зрелище». А что пришлось испытать Марине на первом парижском концерте Высоцкого?! Вероятно, она пригласила многих людей, мнением которых она дорожила. И до самого начала не было ясно — состоится ли концерт, потому что В.В. был в очень тяжелом состоянии. И Марина с ложечки отпаивает мужа шампанским, чтобы он смог выйти на сцену....

История марсельского спектакля «Гамлет» (1977) — это тема отдельной статьи. У меня на пленке есть рассказ одного друга В.В., который во всем этом принимал «непосредственное» участие... Итак, накануне спектакля Высоцкий исчезает. Что же предпринимает Марина? Она немедленно прилетает из Парижа в Марсель и всю ночь вместе с Любимовым и Боровским ищет В.В. по всем кафе и ресторанам... На следующий день — «Гамлет». По свидетельству А.Демидовой, Высоцкий в паузах выскакивал в гримерную и его рвало кровью. А Марина руками вычерпывала сгустки крови из раковины в таз и выносила... Можно ли было спасти Высоцкого? И сделала ли Марина все, что могла бы?

А кто может сказать после смерти близкого человека, что он сделал все, что мог?! «Если бы не было Марины, то многое было бы подругому в Володиной жизни... Не говоря о том, что она продлила ему жизнь» (А.Макаров).

Марина Влади: «Без меня он бы умер в тридцать лет. И кто скажет, что это неправда, я тому просто по морде дам!»

Довольно распространенное сейчас мнение о том, что Марина Влади живет другой жизнью, не слушает записей Высоцкого, не читает книг и статей о нем, — опровергает она сама в двух последних интервью (январь, 1998 год).

«В течении 12 лет подряд я большую часть времени находилась в Москве. И это, конечно, не на пользу международной карьере актри-

сы. Но тем не менее я всегда, всю жизнь, решала как женщина, а не как актриса. Карьера — это не главное в моей жизни...

О сыновьях?.. Старший сын у меня, к сожалению, в больнице, потому что попал в страшную аварию. В госпитале он уже целый год, и теперь мы надеемся, что наконец встанет. Он живет на Таити, там все и случилось. Погибли две мои внучки. Так что в прошедшем году мы пережили тяжелые моменты. Мне и сейчас тяжело об этом говорить.

Средний сын — гитарист. Классический. Кстати, только вчера видела его по телевизору. Он играл русские мелодии на балалайке. Младший сын живет в Южной Америке, где занимается скотоводством: выращивает коров. Так что он взял совсем другой курс...

Знаете, до сих пор, — хотя прошло уже почти 17 лет, — когда я слышу записи с его голосом, разговорами со зрителями, ощущение такое, будто он где-то рядом, подойдет, возьмет за плечо и уведет меня...»

Летом 1999 года в Пятигорске отдыхал Василий Аксенов: «Да, наверное, у нее — другая жизнь... Но вот в прошлом году в Париже, на какой-то светской тусовке — как всегда, обычная болтовня, — и вдруг Марина начинает серьезно рассказывать, что чуть не сгорела... Пожар, стояла на карнизе, пожарные лестницы не доставали. И она прыгнула со словами: «Володя, Володя! Я — к тебе!»

МИХАИЛ ШЕМЯКИН

А друг мой — гений всех времен...
В.Высоцкий

Михаил Михайлович Шемякин — выдающийся русский художник — близкий друг Владимира Высоцкого. И что особенно важно — старший друг.

Шемякин был для В.В., возможно, единственным человеком, который мог сказать «нет». Их познакомил Михаил Барышников, гастролировавший в 1975 году в Париже, — это была «дружба с первого взгляда».

В 1989 году открылась первая в СССР большая выставка Михаила Шемякина, тогда и состоялся наш разговор.

— Что вас прежде всего поразило в Высоцком?

— Необычайная обаятельность и живость. Когда я знакомлюсь с человеком, я прежде всего обращаю внимание на его глаза. У Володи меня поразили абсолютно живые, ироничные глаза, мгновенно все схватывающие и понимающие.

— Можно ли сказать, что это была «дружба с первого взгляда»?

— Да, абсолютно. К этому времени и он, и я были достаточно сложившимися людьми и, в какой-то степени, мастерами. А независимо от того, в какой области мы достигаем чего-то, — этот путь в основном связан с проблемами духовных откровений... Этот путь обостряет внутреннее видение. И никакого процесса узнавания у таких людей не происходит. Когда мы сталкиваемся, все случается мгновенно.

— Совпало ли ваше представление о Высоцком, которого вы знали по песням, с живым человеком, которого вы увидели?

— Да. Но тогда я мало знал его песни. Я интересовался и занимался классической музыкой и джазом, даже играл немного в России. Я услышал несколько песен Галича, которые меня поразили. Потом мы с ним сдружились в Париже. И я прослушал несколько песен Высоцкого — и меня прежде всего потрясла «Охота на волков», Одной этой песни было достаточно для меня, чтобы понять: Володя — гений! Все, баста! В этой песне было сочетание всего. Как говорят художники: есть композиция, рисунок, ритм, цвет — перед тобой шедевр. То же самое было в этой песне — ни единой фальшивой интонации... Все было, как говорили древние греки, в классической соразмерности. Полная гармония, да еще плюс к этому — все было на высоченном духовном подъеме! Это гениальное произведение, а гениальные произведения никогда не создают мелкие люди.

Поэтому у меня не было никакого расхождения, но не было и большого шока — как будто я узнал своего хорошего знакомого.

В Париже я сделал первую и единственную персональную пластинку Алеши Дмитриевича... Моя жена часто вспоминает, как странно мы увиделись. Я приехал в «Распутин» — в ресторан, где пел Алеша, а раньше я видел только его фотографию на какой-то сборной пластинке, и все. Дмитриевич никогда меня в глаза не видел... И он все время подходил к нашему столику и смотрел... Наконец, когда все уже выпили, он долго так смотрел на меня и говорит: «Ну, что ты?!» Я отвечаю: «А ты что?!» И все! Мы обняли друг друга. И с этого вечера, с этой ночи и началась наша дружба, которая продолжалась до самой Алешиной смерти.

Кстати, я их познакомил с Высоцким, который вначале абсолютно не воспринимал Алешу. Он звонил мне: «Ну что ты тратишь деньги? Это же безобразно!» А я ему сказал: «Володя, сядь и еще раз послушай этот диск. Один раз, два раза...» Володя должен был прилететь в Париж буквально через два дня... Звонок в дверь... Он обычно из аэропорта сразу заезжал ко мне — это по пути — чем необычайно злил Марину... Володя обнял меня и сказал: «Мишка, познакомь меня с этим гением! Я понял его!» Я привез его в ресторан и они тоже сошлись вот так — сразу! То же самое.

— Круг общения Высоцкого в Париже — разумеется, Марина Влади, Шемякин, Дмитриевич...

— Володя Поляков. Его Высоцкий обожал, всегда называл его «старик» — наш старик... У нас было два старика, первый — буддист, учитель — «далай-лама», к которому мы ездили... А второй — это «наш старик», знаменитый цыганский певец, который пел еще в «Яре» — Владимир Поляков! Володя всегда привозил ему приветы от Раневской, которая еще студенткой бегала любоваться им, потому что в молодости Поляков был красавцем... Он и в старости был красив. Он был родным братом знаменитого нашего художника-абстракциониста Сержа Полякова, который до того, как заняться живописью, пел в кабаках... Володя обожал «старика».

Я сделал пластинку «Володя Поляков», и когда она вышла, ему было 96 лет... (Красавец — дико похожий на Хичкока. У меня в мастерской в Нью-Йорке висит его портрет, и все американцы спрашивают: «Это Хичкок?») Так вот, вышла пластинка, он мне говорит, басом таким: «Миша, пожалуйста, не пиши на пластинке, что мне 96 лет... Сделай 94! Я же пою А то публика придет и скажет... Ну, ты понимаешь...»

— А когда вы начали записывать Высоцкого?

— Володю я начал записывать буквально с первых дней, когда он ко мне пришел. Сразу! Я вырос в Германии, и у меня развито

это немецкое, педантичное мышление... И я знал, что это за человек, знал это «шаляй-валяй» Русской державы... А еще я слышал несколько его «сорокапяток» — тогда вышли его пластинки с этим ужасным оркестром... Я сказал: «Володя, нужно работать серьезно». И он сразу это понял. Первые песни были записаны сразу же после нашего знакомства.

А потом Володя в эту работу вошел настолько, что когда он приезжал, то у него в кармане уже были бумаги... Причем на некоторых записях идет слегка шуршание этих бумаг... Надевал очки — в последнее время он плохо видел — ставил бумаги на какой-нибудь мой мольберт — и, перелистывая, пел.

— Вы — первый человек, от которого я слышу про очки...

— Это было очень смешное зрелище — Володя в очках лежит и читает... У меня была большая квартира, а Володя не любил больших пространств. Может быть потому, что его работа была связана с большими залами. Он мне говорил: «Миша, ты любишь большие мастерские, а мне всегда хочется отгородиться, — в уголке, за столом я чувствую себя уютно».

И у меня была такая комната типа «полуприхожей», и там стоял плюшевый диванчик. Иногда приходишь откуда-нибудь — Володя в очках, при лампе что-то читает И внешне это был совсем не тот Высоцкий... — Пришел такой гигант, ударил по струнам гитары! И Володя любил, чтобы кто-нибудь был рядом... Моя супруга — Рива, она такая тихая женщина — лепит свою статуэтку, а Володя читает. У меня была большая библиотека, — а многое в то время нельзя было читать здесь, в Союзе.

— А Высоцкий работал у вас? Может быть, какие-то вещи он написал прямо в Вашей квартире?

— У меня дома, за моим столом Володя написал... Это не песня, это баллада «Тушеноши». В то время я был в Нью-Йорке, там снимали фильм обо мне — и Володя позвонил мне в отель. А я только что закончил серию «Чрево Парижа»... — Миша, я потрясен! Сижу у тебя целый день — просматриваю все — и пишу. Каждое четверостишие буду читать тебе по телефону. Ты не спишь? — Я тоже не сплю. Буду рад. .

И вот каждое четверостишие он читал мне из Парижа в Нью-Йорк по телефону Так что «Тушеноши» — это было написано ночью у меня в мастерской.

А потом, однажды после моего запоя, когда со стен стали приходить «иностранцы» — и Володя видел, как мне плохо... Он полдня провел со мной — пытался как-то помочь. А на следующее утро пришел какой-то радостный и сказал: «Миша, вот тебе за му-

чения. Только это не поется, а читается...» И прочитал мне полностью эту балладу.

— А какова история снимка, на котором Высоцкий на фоне туши быка?

— У меня была другая мастерская — не у Лувра, а через несколько кварталов — громадная мастерская. И мне привезли громадную тушу быка — 350 килограмм. Дня три мы ее поднимали, вздергивая на веревки, делая распорки... Володя пришел однажды в эту мастерскую, увидел эту окровавленную тушу. Поставил стул с другой стороны, взобрался на него — просунул голову — и сказал: «Мишка, сфотографируй, это — я!»

— «Французские бесы» — это написано на документальном материале?

— Обычно я с ним не пил. Но тогда Марина выгнала нас совершенно безобразно... Она звонит: «Володя уже «поехал»... Я приезжаю туда — у них была крохотная квартирка... Володя сидит в дурацкой французской кепке с большим помпоном, — почему-то он любил эти кепки... А я-то его знаю, как облупленного — вижу, что человек «уходит», но взгляд еще лукавый... А Марина — злая — ходит, хлопает дверью: «Вот, полюбуйся!» И она понимает, что Володю остановить невозможно. Пошла в ванную... Володя — раз! — и на кухню, я бежать за ним! Хотя знаю, что вина в доме не должно быть. Но Володя хватает какую-то пластиковую бутылку (у французов в пластике — самое дешевое красное вино), — берет эту бутылку и большой глоток оттуда — ах! И я смотрю, с ним что-то происходит — Володя весь сначала красный, потом — белый! Сначала красный, потом — белый... Что такое?! А Володя выбегает из кухни и на диван — раз! — как школьник... Но рожа красная, глаза выпученные.

Тут Марина выходит из ванной: «Что? Что с тобой?» — она как мама... Я тоже спрашиваю: «Что с тобой?» — молчит. Я побежал на кухню, посмотрел на бутылку — оказывается, он уксуса долбанул! Он перепутал, — есть такой винный уксус, из красного вина — и тоже в пластиковых бутылках. Через несколько минут и Марина увидела эту бутылку, все поняла... С ней уже истерика... «Забирай его! Забирай его чемодан, и чтобы я вас больше не видела!» А Володя по заказам всегда набирал много всякого барахла — и Марина вслед ему бросает эти два громадных чемодана!

Да, Марина... Но я только одно должен сказать, что Володя ей обязан многим. А мы все обязаны Марине тем, что он еще жил, потому что определенное количество лет — довольно большое — она просто спасала его от водки и от смерти...

Так вот я беру эти тяжелые чемоданы, — а Володи нет. Выхожу на улицу — ночь, пусто... Потом из-за угла появляется эта фирменная кепочка с помпоном! Забросили мы эти чемоданы в камеру хранения на вокзале, и Володя говорит: «Я гулять хочу!» А удерживать его бесполезно... Поехали к Татляну... Татлян нас увидел: «Давайте, ребята, потихоньку, а то мне полицию придется вызывать». Мы зашли в какой-то бар, Володя выпивает... Я ему-то даю, а сам держусь. Он говорит: «Мишка, ну сколько мы с тобой друзья — и ни разу не были в загуле. Ну, выпей маленькую стопочку! Выпей, выпей...» Взял я эту стопочку водки — и заглотнул. Но я тоже как акула — почувствовал запах крови — уже не остановишь!

Вот тогда и началась эта наша заваруха с «черным пистолетом»! Деньги у нас были, и была, как говорил Володя, «раздача денежных знаков населению». Но я должен сказать, что в «Распутине» цыгане гениально себя вели. В то время была жива Валя Дмитриевич — сестра Алеши. Другие цыгане вышли... И Володя начал бросать деньги — по 500 франков! — он тогда собирал на машину... И Валя все это собирала — и к себе за пазуху! Пришел Алеша, запустил туда руку, вытащил всю эту смятую пачку — и отдал Володе: «Никогда нам не давай!» И запел. У цыган это высшее уважение — нормальный цыган считает, что ты должен давать, а он должен брать...

А потом Володя решил сам запеть, а я уже тоже был «под балдой»... И вот он запел: «А где твой черный пистолет?..» А где он, этот пистолет? — А вот он! Пожалуйста! — Бабах! Бабах в потолок! И когда у меня кончилась обойма, я вижу, что вызывают полицию... Я понимаю, что нужно уходить: «Володя, пошли. Быстро!» Мы выходим и видим — подъезжает полицейская машина — нас забирать... А мы — в другой кабак. Значит, стрелял я в «Распутине» — меня туда больше не пускали, — а догуливать мы пошли в «Царевич»...

— И тогда же были написаны «Французские бесы»?

— Нет-нет... Володя вернулся в Москву — и здесь написал «Французские бесы». И когда он утром — радостный! — прочитал это Марине... Она сказала: «Ах, вот как! Я мучилась, а песня посвящена Шемякину?!» Они поскандалили — Марина улетела в Париж... Володя бросился вслед за ней. Прилетел, и сразу ко мне. Вот тогда он и спел эту песню.

— Высоцкий никогда не говорил с вами о желании остаться на Западе?

— Нет, никогда. Ведь Володя все прекрасно понимал и все видел... Он видел это на примере Галича, который жил при этом и умер при этом... Кстати, Володя не очень любил Галича, надо пря-

мо сказать. Он считал Галича слишком много получившим и слишком много требовавшим от жизни. А я дружил с Сашей, очень дружил. Они с Володей — совершенно разные структуры.

— А Высоцкий никогда не пробовал у вас рисовать?

— Да-да... Он частенько что-то «чирикал», правда, потом все это истреблял... Но у меня сохранилось несколько его рукописных стихотворений — не посвященных, почти все поэты посвящают свои стихи — это одно, — а написанных по поводу наших загулов. Или, допустим, «Осторожно, гризли!» — ведь многие не могут это расшифровать... И Володя почти всегда что-то рисовал на этих бумагах — они у меня остались. Он, в общем, ни хрена не понимал в изобразительном искусстве, но чувствовал нутром... Я однажды показал ему моего любимого художника — Павла Сутина. Он говорит: «А что это такое страшное? Эти куски мяса кровавые? Но как здорово!» — «А это наш соотечественник — великий художник Сутин». — «Ты знаешь, Мишка, никогда не видел и не слышал, но как здорово! Я ведь профан в этом деле...»

У меня есть одно письмо, где он пишет: «Мишка, я — неуч. Ты меня образовывай».

— А отношение к вашим работам?

— Я не знаю, насколько глубоко он их понимал, я знаю только, что он их чувствовал.

— Во Франции вы куда-нибудь ездили вместе?

— Нет. Володя часто уезжал из Парижа, но у меня, в общем, жизнь-то адская... Из-за контрактов, из-за всей моей побочной работы, которой я занимаюсь как издатель книг и пластинок... Я улетал то туда, то сюда.

У Володи была мечта: «Я знаю, что может исцелить меня!» — он где-то прочел в рекламном листке, что есть такое путешествие через всю Америку. Оно не очень дорогое: «Мы сядем на лошадей и пересечем всю Южную Америку! У нас будут разбиты задницы, будут болеть позвоночники, мы будем ночевать в пампасах и прериях... Но мы вернемся абсолютно здоровыми и уже никогда не вспомним о «зеленом змии». Но это так и не осуществилось...

— Вы были на концертах Высоцкого во Франции?

— Я был на одном концерте... Этот концерт был как раз в тот день, когда погиб Саша Галич. Володя был после большого запоя, его с трудом привезли... Никогда не забуду — он пел, а я видел, как ему плохо! Я и сам еле держался, буквально приполз на этот концерт — и Володя видел меня. Он пел, и у него на пальцах надорвалась кожа (от пьянки ужасно опухали руки). Кровь брызгала на гитару, а он продолжал играть и петь. И Володя все-таки довел концерт до конца. Причем, блестяще!..

— А были ли во Франции приватные концерты, для ограниченного круга людей?

— Нет, ничего такого не было. Он однажды пел за городом для каких-то коммунистических организаций, но вернулся чем-то расстроенный. А я особенно не вдавался в детали... Володя тогда знал, что мне плоховато, и старался не навешивать мне еще и свои проблемы.

— Вы говорили о смерти?

— В последние два года — постоянно. Он не хотел жить в эти последние два года. Я не знаю, какой он был в России, но во Франции Володя был очень плохой. Я просто уговаривал его не умирать.

А потом... Мне же никто не мог сообщить, что Володя умер. Я узнал об этом совершенно случайно. От одной американки, с которой я был в то время в Афинах... Уже газеты написали, уже Володя был похоронен... Мы сидели в ресторане, и она что-то стала меня спрашивать, сильный ли я человек. — «Вы, русские, — сильные?» Я что-то не понял: «Все мы сильные...» Но что-то меня насторожило... Она еще раз спрашивает: «Но ты — сильный?» Я схватил ее за руку: «Володя?!» Она его знала и сказала — «да». Я прочитала в газете и боялась, прятала эту газету. Это было ночью в Афинах. Потом мы все выяснили, она говорит: «Помнишь ту ночь, когда ты не мог спать, тебе было душно, ты бегал... Это было тогда».

— Сейчас много говорят, что жизнь Высоцкому укорачивало еще и официальное непризнание. Он страдал от этого?

— Я не думаю, чтобы непризнание как-то укорачивало ему жизнь. Он был достаточно упрямым, — в высоком смысле... Ему многое укорачивало жизнь, и сам себе он ее укорачивал. Но — непризнание?.. Не думаю.

Хотя... Меня поразила в одном из «Огоньков» фраза Евтушенко... Ну, безусловно — Высоцкий большой талант и прочее, и прочее... «Но для меня он — Зощенко в поэзии...» Ну, тогда для меня «Евтушенко — это Глазунов в живописи!» Сказать так о человеке, который написал такие страшные, трагические вещи, и иронически-хлесткие, и шутливые. Володя мог обнажать свою душу — разорвал грудную клетку и показал внутренности! — он мог доходить до совершенно феноменального героизма! И вот взять и похлопать по плечу: «Зощенко в поэзии...» Хотя Володя считал его большим мастером, и я очень уважаю Евтушенко — это действительно большой мастер. Но надо быть достойным самого себя.

— Михаил, извините за банальный вопрос, каким другом был Высоцкий?

— Каким другом? Как сам Володя говорил — с ним можно было пойти в разведку. Все! Другого не скажешь. Мало того, что он был верным другом... Вернейший и мужественный человек, он мог в дружбе, даже в приятельских отношениях заботиться о каких-то мелочах. Он приезжал ко мне и начинал объяснять, что кого-то ему надо женить, кого-то срочно выдать замуж. Я даже на него наорал: «Володя, ты занимайся творчеством! Ну чего ты носишься?!» Хотя, в общем, я и сам такой...

— А когда вы решили выпустить свой альбом, вернее даже не альбом, а собрание дисков?

— Это мы решили с Володей еще когда только начинали работать. А альбом я решил делать тогда, когда найду настоящего специалиста-мастера. И я нашел Михаила Либермана, который много лет проработал на «Мелодии», получал медали... Вот тогда можно было действительно на самом высоком уровне все это собрать, смонтировать, сделать. В работе большое участие принимал Аркадий Львов — редактор и составитель трехтомника Высоцкого. Я не хотел делать это, когда начался нездоровый ажиотаж. А вот когда чуть-чуть все улеглось, вот тогда мы спокойно это сделали. Это памятник Володе.

— Вы уже сказали, что считаете Высоцкого гением, а в нормальном человеческом общении это чувствовалось?

— Для меня оценка человека как гения — прежде всего по его произведениям, а не по поведению. Поведение людей, которых мы называем суперталантливыми, гениальными, — оно, в принципе, неподконтрольно... Для меня важна еще — при всей гениальности и бесшабашности — его колоссальная работоспособность. Как сказал один из философов: «Гений, который себя не обуздывает и не работает над собой, подобен разлившемуся потоку. Сначала он заполняет собой все, а кончает мелкими лужами».

И у Володи было все, что необходимо для этого «коктейля гениальности». У него была феноменальная работоспособность, колоссальное умение расслабляться... Вот некоторые думают: а-а, он был алкоголиком... Да ни черта подобного! Все его нагрузки по накалу точно совпадали — он безумствовал, когда он пьянствовал, но когда он работал, то нагрузки, которые он нес, тоже были колоссальными! Создать и отточить такое творчество!.. Это были супернагрузки. Потому что он преодолевал как бы экстерном те пробелы в знаниях, которые у него были...

Для меня Высоцкий — прежде всего, гениальная личность, цельная, как каменный якорь!

— Вы общались в Париже, а по телефону часто разговаривали?

— Да, часто... И очень смешно... Внешне казалось, что он грубый человек. И действительно, когда ему был кто-то неприятен, то Володя никогда этого не скрывал. У него появлялась такая ершистость, он мог так «запулить», что иногда даже мне — человеку довольно невоспитанному — становилось неловко. Он мог, как говорят в России, «обрезать»...

Но с другой стороны, если он кому-то открывался... Для меня Володя был одним из нежнейших людей, физически я крупнее Володи, а тогда я еще занимался спортом... Но он однажды услышал, как моя жена называет меня «птичкой», и Володе это страшно понравилось... Звонит телефон: «Птичка моя, как живешь?»

— А какова история стихотворения Высоцкого, обращенного к вам, которое лежало в июле 1980-го на вашем столе?

— Я о нем ничего не знал... Он просто написал это стихотворение и оставил. Оно лежало на столе. И когда я вернулся, я его нашел. А говорили мы с ним буквально за несколько недель до смерти. Я ему сказал: «Володька, давай жить назло». Он ответил: «Попробую». Сел в самолет и улетел.

У меня было такое... с моим отцом. Отец не знал, что меня выгоняют из России, что я уезжаю навсегда... Он занял у меня три рубля, похвастался новой формой — у него было пожизненное право ношения военной формы — и сел в такси. Он жил в Пушкине, а я на Загородном... А я-то знал, что уезжаю навсегда, и думаю: запомнить! И сделал такой стоп-кадр — вот отец... эта шинель, фуражка, погон блеснул... Ведь, может быть, я вижу отца в последний раз... Так оно и случилось.

И когда я в последний раз обнял Володьку... Я улетал в Грецию, он — в Москву, он ехал в одной машине, а я — в другой... Володя был в такой желтой курточке... Я помахал ему и думаю: «Последний раз вижу или нет?» Оказалось, что последний...

Вспоминай всегда про Вовку,
Где, мол, друг-товарищ?..

— Кроме тех стихотворений, о которых вы говорили, у вас хранятся еще какие-нибудь рукописи Высоцкого?

— Нет. Когда мы работали над трехтомником, то пользовались только копиями. После смерти Володи Марина отдала мне его так называемые «дневники». Но, в общем, там не было никаких дневников... Обрывки фраз, записи по 2-3 строчки... Там я нашел забавное: «Без зверей мы бы озверели». Но к архиву Володя относился серьезно. Он видел, что я все собираю... У меня все подписано, в папках. Мой порядок его поражал всегда. И однажды я ему сказал: «И ты точно так же должен относиться к своему творчеству». Он

согласился: да, я должен все собирать, систематизировать и прочее...

— Я видел ваш альбом с такой надписью: «Драгоценному певцу Русской идеи Володе Высоцкому от Володи Шемякина». Почему от Володи Шемякина?

— А-а... Несколько раз, когда мы попадали в какие-то газеты (и даже после Володиной смерти) — то почему-то часто писали: Михаил Высоцкий и Владимир Шемякин. Мою мать напугали... Один француз позвонил ей из Москвы и сказал: «Я не хочу Вас расстраивать, но вот сейчас появилось сообщение о смерти... Я не совсем понял, но вроде бы там написано, что скончался... ваш сын». У матери была истерика.

У меня до сих пор хранится газета — когда-нибудь я вам покажу — там снимок... Мы сидим с Володей друг против друга, и написано:

«Сегодня скончался большой бард России — Михаил Высоцкий».

А почему певец Русской идеи? Потому что для меня Володя и есть певец Русской идеи! В нем была эта несгибаемость духа!

АРКАДИЙ ЛЬВОВ

В 1988 году в американском издательстве «Руссика Паблишер» вышло первое серьезное издание произведений Владимира Высоцкого — «Собрание стихов и песен» в 3-х томах. Историю создания и выхода в свет «шемякинского трехтомника» — так его называли и называют в России — рассказывает один из редакторов издания Аркадий Львов.

«Владимира Высоцкого — верьте или не верьте — я любил всегда, полюбил с тринадцати лет, как только услышал его песня. В четырнадцать лет у меня появился магнитофон, и я стал собирать записи Высоцкого. К моменту отъезда в Штаты у меня было около трехсот песен, причем все тексты я знал наизусть.

Из Союза я выехал в конце 1979 года, а в Нью-Йорк попал в 80-м году. В июле умер Высоцкий. Я переживал страшно, как будто не стало очень близкого человека. И буквально через две недели раздается неожиданный звонок:

— Вы Аркадий Львов?

— Да.

— Я хозяин издательства «Русское зарубежье». Хочу сделать книгу о Высоцком. Не хотели бы вы принять в этом участие?

Почему он позвонил именно мне? Дело в том, что существует писатель Аркадий Львов, и тоже из Одессы. Вся разница в том, что я — Львов настоящий, а он — фальшивый. Львов — это его псевдоним. Я отвечаю издателю:

— Вы ошиблись. Я — Львов, но не писатель. Я могу вам дать телефон писателя Аркадия Львова, звоните ему. Но я всю жизнь любил и собирал Высоцкого, и если хоть чем-то могу быть вам полезным, то располагайте мной...

Через неделю этот человек звонит снова:

— Вы знаете, он отказался, и мы будем делать книгу на товарищеских основаниях. Вы согласны?

— Конечно, согласен.

Когда умер Высоцкий, в русской эмигрантской прессе поднялась волна публикаций. И, как хороший бизнесмен, этот издатель сообразил, что на этой смерти можно хорошо заработать. Борис Берест — он из второй эмиграции и, в принципе, этого человека ничего кроме денег не интересовало... Кстати, это очень отразилось на качестве того двухтомника. (В России это издание известно среди коллекционеров как «американский двухтомник». — *В.П.*)

А у меня — как и у многих других любителей Высоцкого — была мечта: сделать книгу Высоцкого. Еще в России я начал «снимать»

тексты песен, печатать их на машинке, в общем, пытался сделать свой «самиздатовский сборник». Но, конечно, не довел это дело до конца... А тут все это возникало в новом качестве, можно сделать настоящую книгу...

В общем, я начал работать. Что у нас было? Четырехтомник «Имка-Пресс» «Песни русских бардов» — там было около ста текстов Высоцкого. Я сам помнил около трехсот. Были записи, но очень плохого качества. Все это мы набрали на компьютере «Композа». Это потрясающая вещь: на экране можно исправлять и корректировать тексты. А потом выходит такая широкая лента — разрезай и монтируй страницы. С таким компьютером вполне можно иметь типографию у себя дома. И больше ничего не нужно, можешь сам издавать книги.

Я делал это совершенно бесплатно, кроме нескольких авторских экземпляров я не получил ничего. Вначале вышел первый том, потом — второй. Издатель напечатал первый тираж, потом еще и еще... Я не знаю, сколько было допечаток, но он сделал на этом двухтомнике большие деньги. Каждый том стоил пятнадцать долларов, а по тем временам это были нормальные деньги.

И сразу же стали обнаруживаться дефекты-опечатки. Громадное количество опечаток, потому что у издателя не было профессионала-корректора. Были и текстовые неточности — мы пользовались очень «грязными» фонограммами, особенно плохо было с ранними песнями. Их приходилось «расшифровывать» сквозь невероятный шум, как когда-то мы слушали «Голос Америки». В общем, когда я вносил исправления в свой рабочий экземпляр, было около шестисот ошибок! И я начал уговаривать издателя — давайте сделаем второе, исправленное издание. А его это не волновало, книги и так продавались хорошо... А тут надо делать новый набор, это расходы. «А на фига?!»

К этому времени в Штатах уже несколько лет жил и работал Михаил Шемякин. Он приехал в Нью-Йорк из Франции, где у него была неплохая карьера и хорошие деньги. Но американцев не волновали его европейские успехи, и Михаил все начал заново, практически с нуля. И за пять лет он довольно крепко встал на ноги и уже зарабатывал приличные деньги. Шемякин тоже был расстроен этой ситуацией с двухтомником, он тоже пытался по своим каналам уговорить этого Береста, подвигнуть его на переиздание. А тот вначале обещал, а потом отказывался...

Я говорю Шемякину (в это время я уже работал у него): «Миша, он никогда этого не сделает, давайте выпускать свое издание». Я знал, что у Шемякина лежат негативы архива Высоцкого, которые дала ему Марина Влади. Но тогда не было ясно, что на этих негативах — рукописи, записи или дневники? (Кстати, эта временная неясность и стала причиной распространения слухов, что у Шемякина хранятся дневники Высоцкого.) Короче говоря, мы отдали эти негативы в печать, и только печать стоила около двух тысяч долларов. В результате у нас получилось 1200 страниц рукописного архива Высоцкого. Но это не полный архив, потому что в Союзе опубликованы тексты, которых мы не знали и не видели. Они либо были пропущены при пересъемке, либо хранились у других людей... Но я думаю, что процентов девяносто рукописей у нас все же есть. Это и стало основой нашего трехтомного издания. Инициатором, спонсором и издателем был Михаил Шемякин.

Рукописи легли в основу, они не были основным источником издания. Мы исходили из того, что у Высоцкого конечный материал — песни, а не рукописи. Рукописи — это промежуточный этап... Поэтому мы работали с огромным количеством фонограмм. Использовали и пластинки, которые Высоцкий записал на Западе, их не так мало. И, конечно, «Метрополь» — единственная прижизненная авторизованная подборка. Мы говорили с Василием Аксеновым по этому поводу: он получил эти тексты от Высоцкого, который сам их отобрал и сам отредактировал. Всю эту работу с самого начала я делал с профессиональным редактором Александром Сумеркиным. Он — блестящий редактор и блестящий филолог. Последние двенадцать лет он работал в «Руссике» — одном из крупнейших эмигрантских издательств. Здесь издается, например, Иосиф Бродский. В «Руссике» Сумеркин подготовил академическое четырехтомное издание Марины Цветаевой — оно получило прекрасные рецензии во всех славистских изданиях на Западе.

А теперь подробнее о роли Михаила Шемякина в этом проекте. Во-первых, он инициатор этого издания, без Михаила эта работа никогда не была бы сделана. Во-вторых, он издатель, хотя в этом проекте принимало участие издательство «Руссика». И в-третьих, Шемякин — первый и главный спонсор. Михаил все время контролировал нашу работу, а кроме того, он сделал блестящие иллюстрации. В это издание вошли его воспоминания о Высоцком, они опубликованы в конце третьего тома. Это блестящий монолог, ничего подобного ни по стилю, ни по анализу, ни по фактам нет в воспоминаниях о Высоцком. По крайней мере, я пока не встречал.

Структура сборника. Поскольку датировка Высоцкого — вопрос чрезвычайно сложный, то у нас не было другого выхода: мы расположили тексты по тематически-жанровому признаку. В издании около 1400 страниц очень плотного текста, примерно 700 законченных произведений и более 400 набросков, фрагментов, отрывков... Выпущено два тиража — в твердом переплете с суперобложкой и в мяг-

ком, но это очень плотный глянцованный картон. Почти все американские университеты прислали заказы на это издание. Наши книги также есть во всех библиотеках Америки.

Как расходится тираж? Книги очень успешно продаются в Нью-Йорке, в магазине издательства «Руссика». Трехтомник охотно покупают советские граждане, обмен становится все шире, да и на таможне стали больше пропускать .. Разумеется, покупают эмигранты — в русской среде Высоцкий пользуется огромной популярностью — точно так же, как и в Союзе. Да, Шемякин сказал, что если трехтомник можно будет продавать в России, то он готов напечатать хоть пять миллионов экземпляров! Только чтобы это было ему хотя бы не в убыток

А в Штатах, я уверен, тираж быстро разойдется... Как прекрасно разошлись пластинки Высоцкого — импресарио Виктор Шульман сделал двойной альбом «Нью-йоркский концерт» и заработал очень хорошие деньги. Неплохо заработали люди, которые торговали первыми пластинками Шемякина, «Формулировка» и «Робин Гуд». А теперь мы реализовали проект, который назывался так· «Владимир Высоцкий в записях Михаила Шемякина»

Михаил Шемякин около пяти лет записывал Высоцкого в своей студии в Париже. Для этого он приобрел профессиональную аппаратуру самого высокого класса Михаил пригласил гитариста Костю Казанского, с которым Высоцкий записывал пластинки на Западе. Костя записал партию второй гитары, но эта идея не везде сработала. На многих записях звучит только гитара Высоцкого. Кстати, в архиве Шемякина есть фотография, где Высоцкий, Шемякин и Костя Казанский в парижской студии Шемякина, очень интересный документ. Над этим проектом мы работали вместе со звукорежиссером Михаилом Либерманом — известным мастером — около двух лет И сделали этот альбом, а точнее собрание песен Высоцкого из семи пластинок.

Альбом тоже хорошо продается в Америке. Кстати, американцы Высоцкого знают .. Когда он умер, в «Нью-Йорк таймс» была большая статья с портретом Тогда американская пресса писала о Высоцком довольно много. Недавно была большая часовая программа по тринадцатому каналу. Это такой интеллектуальный и очень популярный канал с большим количеством зрителей. В этой программе было интервью с Михаилом Шемякиным.

Американцев поразила история с Билли Джоэлом. Когда он вернулся в Штаты, то во многих интервью рассказал о том, что творилось в залах, когда он посвящал песню памяти Высоцкого. Кто-то еще помнит концерты Высоцкого в США, на всех был полный аншлаг! Кроме того, был концерт в Торонто, и там тоже вышла пластинка. Так что нельзя сказать, что Высоцкого в Америке совершенно не знают, но, конечно, не может быть никакого сравнения с его популярностью в Союзе.

И уже сейчас мы начинаем думать о втором, дополненном и исправленном издании. Шемякин будет счастлив, как издатель, если второе издание будет более полным и точным. И я думаю, что было бы разумно объединить наши усилия. Такого рода издания очень долго — годами готовятся в Союзе, а вместе мы бы могли это сделать гораздо быстрее. Конечно, чтобы выпустить серьезное научное издание, нужна большая работа, тщательная подготовка и квалифицированная редакция. А наш трехтомник можно рассматривать как подготовительный материал для этой работы. Сейчас есть почва для того, чтобы выпустить совместное советско-американское собрание сочинений Владимира Высоцкого. Действительно, почему бы и нет?!»

КГБ СССР

Мое фамилье, имя, отчество
Прекрасно знали в КГБ...
В.Высоцкий

Прошло двадцать лет со дня смерти В.Высоцкого, но его «дело» в Комитете государственной безопасности так и не открыто для исследователей. И никто из бывших (а тем более — действующих) работников КГБ не выступил с воспоминаниями на тему: «Как я «разрабатывал» Высоцкого» или «Как я осуществлял наблюдение за артистом В.Высоцким»...

Владимир Высоцкий привлек внимание КГБ («конторы глубокого бурения») достаточно рано. 20 декабря 1965 года он пишет своему другу Игорю Кохановскому: «Ну, а теперь перейдем к самому главному. Помнишь, у меня был такой педагог — Синявский Андрей Донатович? С бородкой, у него еще жена Маша (Мария Васильевна Розанова. — *В.П.*). Так вот уже четыре месяца, как разговорами о нем живет вся Москва и вся заграница. Это событие номер один. Дело в том, что его арестовал КГБ. За то, якобы, что он печатал за границей всякие произведения: там — за рубежом — вот уже несколько лет печаталась художественная литература под псевдонимом Абрам Терц, и КГБ решил, что это он. Провели лингвистический анализ — и вот уже три месяца идет следствие.

Кстати, маленькая подробность. При обыске у него забрали все пленки с моими песнями и еще кое с чем похлеще — с рассказами и так далее. Пока никаких репрессий не последовало, и слежки за собой не замечаю, хотя и надежды не теряю. Вот так, но — ничего, сейчас другие времена, другие методы, мы никого не боимся, и вообще, как сказал Хрущев, у нас нет политзаключенных...»

О содержании рассказов вспоминает Мария Васильевна Розанова: «Был у Высоцкого рассказ, который мы называли «Рассказом о двух крокодилах». На самом деле было не два, а три крокодила — один утонул, второй стал секретарем райкома, третий остался крокодилом... Совершенно дурацкая история: там еще была медведица, которая оказалась Надеждой Константиновной Крупской! (В КГБ этот рассказ сочли антисоветским и стерли, точнее, попытались стереть. Но техника и в КГБ иногда барахлила, рассказ остался, а пленка хранится в Париже в семье Синявских.) Высоцкий потом рассказывал мне, что его вызывали на Лубянку, грозили, что, если он «не заткнется», ему придется плохо. Ему было тяжело, очень тяжело в то время. Но держался он удивительно достойно».

Вероятно, с этого времени (хотя вполне возможно, что и раньше) негласный, а иногда и гласный надзор за Высоцким осуществлялся постоянно. Несколько примеров...

1970 год. Гастроли Высоцкого в маленьком шахтерском городке Зыряновске (Казахстан). И сразу же после концертов поступил запрос из соответствующего комитета: дайте характеристику-отзыв на выступления. Несколько оробевшая и чрезвычайно недоумевающая В.Свердлова, заведующая отделом культуры города, — на других артистов отзывов не требовали — дала самую благожелательную оценку.

По свидетельству Леонида Мончинского, по «наводке КГБ» даже планировалось задержание Высоцкого, когда он возвращался из Сибири. В.В. выступал тогда перед старателями золотодобывающей артели В.И.Туманова. Кагэбэшники подозревали, что Высоцкий везет золотой песок — разумеется, нелегальный. В последний момент «операцию» почему-то отменили.

Марина Влади рассказывает о попытке ареста В.В. работниками КГБ в Прибалтике (в деле об изнасиловании фоторобот дал изображение, похожее на В.В.). Хотя вполне вероятно, что этим занимался уголовный розыск: «Что касается твоих концертов во всех этих странах, — здесь ты будешь повторять в свое оправдание короткую, но многозначительную фразу: «Наверху знали». (Марина Влади. «Владимир, или Прерванный полет».)

В.Гольдман — один из администраторов Высоцкого — вспоминает о таком случае: «В Ставрополе мы работали в цирке. Перед концертом подошли товарищи из органов и сказали, что будут «гости»:

— Владимир Семенович, надо, чтобы репертуар соответствовал.

Володя ответил:

— Я буду петь то, что я пою».

Обратите внимание на твердый ответ Высоцкого представителям всемогущественного КГБ. Это уже 1978 год, у Высоцкого совершенно другой статус, на такие вещи он может не обращать внимания.

А вот после его знакомства с Мариной Влади, а особенно после заключения брака с ней (1970 год), КГБ, уже не скрывая своего отношения, вмешивается в личные дела, срывает творческие планы...

1969 год. Утверждение актеров на роли в фильме Г.Полоки «Один из нас» — история сложная и достаточно запутанная, но нас интересует только «рука» КГБ. В.Золотухин записывает в дневнике 4 октября 1969 года, передавая, вероятно, слова Г.Полоки: «Полковник Кравцов (консультант фильма? — *В.П.*) встречался с высоким лицом из КГБ — Бобковым (Филипп Бобков — генерал, на-

чальник Пятого «антидиссидентского» управления КГБ СССР). Тот пообещал оторвать башку Баскакову и Романову (тогда руководителям Госкино СССР. — *В.П.*), если те утвердят Высоцкого... и «дело не в его песнях... а в его поведении».

Еще монолог Г.Полоки на эту же тему в дневнике Золотухина (6 октября 1969 года): «Там... все ЗНАЮТ... «Советского разведчика, чекиста будет играть алкоголик, человек, скомпрометировавший себя аморальным поведением, бросивший двух детей?!.. На него несколько дел с соответствующими материалами, которые в любой момент могут быть пущены в ход». Разумеется, Высоцкого на роль Героя Советского Союза (чекиста) Бирюкова не утвердили.

За границей В.В. часто и открыто общался с эмигрантами. Это беспокоило КГБ. Поэтому Высоцкого пытались инструктировать... Вспоминает Барбара Немчик: «Володя рассказывал мне, что перед первой поездкой в США его вызвали в КГБ:

— А если вы там встретитесь с Барышниковым, то как себя будете вести?

— Так же, как в Ленинграде. Он же мой друг.

И они очень холодно посоветовали Высоцкому, как надо вести себя в Америке».

Скорее всего, именно об этом случае рассказывает В.И.Туманов: «Володе позвонили два полковника КГБ. Они встретились в номере гостиницы «Белград». Володя потом еще удивлялся: почему в гостинице? Был резкий неприятный разговор... Он сказал им:

— Я сам знаю, что можно и что нельзя. А что вы мне можете сделать, — я сам всего достиг».

В последние годы жизни — и дома, и за рубежом — Высоцкий действовал по одному принципу: «Раз ничего нельзя, то все можно».

Из воспоминаний Михаила Шемякина: «Никогда ничего не боялся. Когда я издал «Аполлон» (альбом о неофициальном советском искусстве. — *В.П.*), подарил Володе экземпляр. И он говорил об этом много, конечно, где-то его показывал, пропагандировал. И вот, помню, звонит он из Москвы и говорит: «Мишка, меня вызывали сегодня... Сказали: а вот Вы там дружите с Шемякиным. Ваша дружба нам не нравится». И вот — это было грандиозно, прямо по телефону сказано! — он им ответил: «Я дружил с Шемякиным еще в России... (А в России я его никогда не знал, и он меня тоже.) И буду продолжать дружить. Даже не говорите мне об этом». — «Да, но он сделал «Аполлон», там то, то и то». — «А что «Аполлон»? Представлены художники, которых я тоже люблю. Мне нравится. А что там плохого?» Они — так, пожались-пожались, помялись-помялись: «Ну да... В принципе-то ничего плохого нет...» На этом разговор и закончился. Володька был в тот вечер довольный и счастливый».

И про «персональную опеку» за границей, где сотрудники КГБ действовали «под крышей» советских посольств и консульств, Высоцкий, разумеется, знал. Он записывает в парижском дневнике (зима 1975 года): «Занервничали мы. Как они все-таки, суки, оперативны. Сразу передали по телетайпу — мол, был на вручении премии». (В.В. с Мариной Влади был на вручении премии А.Д.Синявскому — своему бывшему преподавателю литературы в Школе-студии МХАТ.)

Из дневника В.Золотухина (28 февраля 1975 года): «Приехал из Парижа Хейфиц. Встречался с Высоцким. Володя нелояльно повел себя: был на вручении премии А.Д.Синявскому. Там же был Солженицын и другие высланные лица. (Солженицына на церемонии не было, ошибка Золотухина или Хейфица. — *В.П.*) Би-би-си передало: «Известный артист Театра на Таганке...» Звонили Дупаку, укоряли его за воспитание труппы». Но для самого Высоцкого этот чрезвычайно смелый по тем временам поступок никаких последствий не имел.

В фильме Г.Антимония «Высоцкий в Америке» принимал участие бывший работник КГБ СССР Александр Михайлов. Он рассказал, как реагировали органы на концерты Высоцкого в США и Канаде (январь 1979 года), о которых в Союзе никто не знал: «Насколько я помню, из советских посольств в США и Канаде постоянно шли шифровки в Москву, в которых излагались факты проведения концертов. Но они были достаточно осторожными... С одной стороны, по тем временам факт был достаточно вопиющим: человек без разрешения выездной комиссии ЦК КПСС свободно перемещается во времени и пространстве. Но с другой стороны, то, как проходили эти концерты, не вызывало особой тревоги. Шифровки шли по линии КГБ непосредственно из посольств, которые информировали о пребывании заметной и популярной на Западе личности — личности, которая находится в достаточно нештатной ситуации».

Высоцкому простили и еще один, уже вопиющий, поступок: некоторое время он пользовался двумя заграничными паспортами. В 1979 году начальнику ОВИРа было послано письмо с отдельного контрольно-пропускного пункта «Москва, номер 1/693»: «Направляем Вам паспорт ОМ VIII номер 160179 на имя Высоцкого В.С., изъятый в аэропорту «Шереметьево» в связи с тем, что по прибытии из заграницы он предъявил на паспортном контроле два советских паспорта». Начальник штаба ОКПП «Москва» пограничных войск КГБ СССР полковник Тимофеев.

Известен и такой случай. В Венгрии во время гастролей Театра на Таганке один актер — друг В.В. — со сцены назвал фамилию «кирпича» («кирпич» — секретный сотрудник КГБ, «сексот» — в составе любой делегации, выезжающей за границу. — *В.П.*). Этот актер просто пошутил, но шутку не поняли. Администрация театра собиралась «принимать меры». На приеме в советском посольстве «пострадавший» стоял рядом с В.В. — они обсуждали ситуацию. Подошел ответственный работник торгпредства — разумеется, тоже сотрудник КГБ — и, узнав в чем дело, сказал: «А-а... этот лейтенантишка... Не обращайте внимания».

Шутка тоже не имела последствий.

1977 год. Франция, Марсель. Золотухин записывает в дневнике: «В консульстве семейный прием. Хорошо. Знакомые напитки и горячие сосиски. Володя пил джин с тоником. Марина в 13.00 уехала. Сможет он сегодня, а в особенности завтра, играть? Игорь Бычков (сопровождающий от КГБ) нехорошо обмолвился: «Надо бы вашего шефа один раз приложить хорошенько. В Союзе — это одно, а здесь — замена «Гамлета»...» Значит ли это, что Любимова («шефа») они могли наказать, а Высоцкого — уже нет?..

Еще одна сторона проблемы — сексоты и осведомители КГБ в самом Театре на Таганке. По уже опубликованным сведениям, каждый шестой гражданин СССР был негласным «помощником» КГБ. При вербовке на одних давили и запугивали, другим обещали быстрое продвижение по службе, поездки за границу... Если кто-то из ваших добрых знакомых регулярно ездил за рубеж руководителем группы туристов или его помощником (бесплатно или за полстоимости), значит, успешно «стучал». А ведь к этому времени вопрос уже не стоял так: лучше стучать, чем перестукиваться. Может быть, это была проверка на прочность человеческого в человеке?

10 февраля 1971 года Валерий Золотухин записывает в дневнике: «Какую-то ужасную и страшную вещь он (Высоцкий. — *В.П.*) сказал мне... Секретарша из органов будто бы видела бумаги, в которых Н. давал отчет о своих разговорах с Высоцким. Ну, как к этому относиться? Она обещала украсть лист с его (Н.) подписью и почерком...» Конечно, рано или поздно выяснится, кто писал доносы на Высоцкого (или строчил отчеты о разговорах с ним).

Рухнула тоталитарная система, и первый президент России заявил, что у нас охоты на ведьм не будет... И списки платных сексотов и добровольных «помощников» не были обнародованы...

Л.В.Абрамова, вторая жена В.В., несколько раз обращалась в архив бывшего КГБ как художественный руководитель музея Высоцкого. Ей отвечали: «Дела Высоцкого» не обнаружено». А потом вдруг заявили: «Если вы его получите, то узнаете такое!» Л.Абрамова: «И не нужна мне вся эта грязь. Мне говорили в театре, кто именно «стучал» на Володю... Но пусть это откроется через сто лет».

Уже известно, что в КГБ у В.В. были поклонники, а значит, и помощники. Например, в московском ОВИРе (организации, полностью контролируемой КГБ) работал человек, который занимал достаточно высокий пост. Он существенно облегчал и ускорял утомительные процедуры получения загранпаспортов и виз.

В мемуарной литературе о В.В. есть воспоминания о двух его концертах для работников КГБ. Знаменитый польский актер Даниэль Ольбрыхский пишет в своей книге «Поминая Высоцкого»: «Чекистам его записи понравились до такой степени, что в очередную, кажется, 55-ю годовщину ЧК — НКВД — КГБ они обратились к своему руководству с просьбой, чтобы на торжество по этому случаю пригласили Высоцкого. Предложили, между прочим, огромный гонорар. Ясное дело, Высоцкий вызов принял. На магнитофонной записи того концерта я слышал гром аплодисментов». Документально этот факт пока не подтвержден.

О втором подобном концерте кинорежиссеру Евгению Татарскому рассказывал сам Высоцкий: «Однажды приехали какие-то ребята из Армении и говорят:

— Владимир Семенович, мы бы хотели, чтобы вы у нас выступили. Мы Вам платим наличными столько-то.

И все.

Согласился — и все было очень четко: самолет, машина у трапа, битком набитый зал, отличный прием, конверт с наличными, коньяк и ящик с фруктами.

— Владимир Семенович, это вам.

— Спасибо, спасибо. Кстати, ребята, где я хоть выступал, скажите? Что за организация?

— Комитет государственной безопасности.

Я меняюсь в лице, а они:

— Ничего-ничего, все в порядке, приезжайте к нам снова...»

Александр Михайлов: «В принципе, приструнить Высоцкого, наверное, никто такой цели перед собой не ставил. И поставить просто не мог. По одной простой причине: Высоцкий был достаточно симпатичной личностью, а для людей, работающих в ГБ, — это было очень важно...»

Дмитрий Чижков в книге «Отражение» сообщает о покровительстве тогдашнего председателя КГБ Ю.В.Андропова уже мертвому поэту: помощь в организации похорон (?) и проведении вечера памяти — по существу, показа спектакля «Владимир Высоцкий».

Кстати, сам Чижков — по профессии фотограф — принял участие в судьбе рукописного архива В.В. Вспоминает В.П.Янклович: «Когда Чижков приехал на дачу переснимать архив, то сказал Марине, что он — бывший работник КГБ... И спросил — не смущает ли это ее? Марина ответила, что ей это все равно... Он все переснял, так что я думаю, что в КГБ все эти материалы были...»

Кроме фотопленок или отпечатков рукописей В.В. в том же архиве КГБ — ФСБ должны храниться все книги зарубежных издательств из библиотеки Высоцкого. Один из близких родственников собрал их в день смерти В.В. и отнес в КГБ. Его можно понять: в те времена держать в доме такие книги было опасно. А с другой стороны... Вряд ли даже КГБ стал бы устраивать обыск в доме покойного.

Так что, вполне вероятно, «Дело Высоцкого» — это не несколько папок, а несколько полок. Или, как говорят музейные работники, много «единиц хранения».

Подождем, пока откроется хранилище бывшего Комитета ГБ.

«ГОРОД ПАРИЖСК»

Вон кончен он, недлинный
Старинный рейс Москва—Париж,
Теперь уже старинный.
В.Высоцкий

В последние годы Высоцкий называл столицу Франции именно так — «город Парижск». И расшифровывал это странное ироническое словосочетание: «Париж — это провинция». Правда, это было сказано в Нью-Йорке, в городе, который Высоцкого поразил. Возникает вопрос: почему Париж, которым восхищались и «питались» несколько поколений русских поэтов, писателей и художников, стал для В.В. «провинцией»?

После первой поездки в Париж (на машине, через все Европу, вместе с Мариной Влади) — масса разнообразных впечатлений и множество рассказов близким и друзьям. И возможность сравнивать. Высоцкий скажет Туманову: «После Парижа Москва — разграбленный город».

Вспоминает Вениамин Смехов: «Первый Володин приезд из Парижа: ну, город! Сплошной праздник. Карнавал лиц, веселья, искусства, любви, истории... От радости обрушил на товарищей град подарков. Мне достался гигантский черно-серый шарф, как плед. До сих пор в нем греется зимой моя дочь. Второй приезд — и все наоборот. В обыденности растаяло очарование. Город серых клерков, скупердяй на скупердяе, жизнь посвящена добыче франка. Куда девались щедрость, доброта, безалаберность, где эта нежная влюбленность в свою историю... Будни быта, пробки на улицах, и пробкой делячества заткнуты души... Конечно, их вскроют на Рождество, и они опять вспыхнут, запенятся и снова обманут новичков расчетливым, кратким простодушием карнавала...

Расстроенный, язвительный, обманутый — таким мне помнится Владимир после вторичного посещения «вечного города».

Вначале В.В. мог ездить во Францию только один раз в год — в отпуск, потом он получил постоянный заграничный паспорт и возможность выезжать несколько раз. Марина Влади вводит Высоцкого в круг известных французских актеров, режиссеров, певцов, художников. В Париже живет самый близкий друг последних лет — знаменитый русский художник Михаил Шемякин. В 1977 году В.В. оставляет Шемякину записку, которая заканчивается так: «Мишенька! Я хотел бы жить здесь, потому что ты — здесь!» И все-таки ироническое — «город Парижск»! Почему?

Вначале мешает «языковой барьер». В «парижском дневнике» (дневниковые неоконченные записи 1975 года) читаем: «Очень меня раздражает незнание языка. Я все время спрашиваю: Что? Что?

И это раздражает окружающих». На эту же тему — из письма Ивану Бортнику (опубликовано без даты, но вероятнее всего, тоже — 1975 год): «Дорогой Ваня! Вот я здесь уже третью неделю. Живу. Пишу. Немного гляжу кино и постигаю тайны языка. Безуспешно. Память моя с трудом удерживает услышанное. Отвык я без суеты, развлекаться по-ихнему не умею, да и сложно без языка».

Это подтверждает и Марина Влади: «Ко всему прочему существует языковый барьер. Для поэта это смертельно. Ты словно стоишь двумя ногами на разных континентах, а они все дальше отходят друг от друга».

Еще в 1973 году Высоцкий пишет:

Ах, разность в языках,
Не положенье — крах!
Но выход мы вдвоем поищем — и обрящем.

И в 1977 году — во время гастролей Театра на Таганке в Париже — В.В. уже переводит вопросы французского журналиста, который интервьюирует Ю.П.Любимова. А в конце жизни, по свидетельству Марины Влади, он свободно владеет французским языком — даже записывает на французском две свои песни (в переводе Максима Лефорестье).

Вторая причина парижского «неуюта» — не пишется. Дневник 1975 года: «И думаю — зачем я здесь? Не пишется — или больше не могу, или разленился, или на чужой земле — чужое вдохновение для других, а ко мне не сходит?» Примерно в это же время Высоцкого спрашивают на концерте: «Что Вы написали в последнее время за границей?» Он отвечает: «Пожалуй, ничего. И не из-за того, что мне там пришлось много ездить и болтаться. У меня было достаточно много свободного времени, чтобы работать — мне там не писалось. Наверное, нужно, чтобы что-то отложилось. А самое главное — даже не поэтому. Я ничего не написал про Париж, например, — и особенно не хотелось».

В 1975 — здесь часто упоминаемом году — Высоцкий из Парижа едет в Лондон — там работает его друг Олег Халимонов. В.В. в гостях у Халимонова впервые спел еще не законченную песню «Письмо к другу или Зарисовка о Париже»:

А, в общем, Ваня, мы с тобой в Париже
Нужны, как в русской бане — лыжи

Вероятно, это связано с еще одним — важным для Высоцкого — обстоятельством... Вначале во Франции и вообще за границей его

воспринимали только как мужа знаменитой Марины Влади. Об этом она пишет в книге «Владимир, или Прерванный полет»: «...Ты всего лишь иностранец, в лучшем случае — любопытное существо, приводящее в восторг на вечеринке, или даже просто муж известной актрисы». И если вначале этого было вполне достаточно, то со временем ситуация меняется: Высоцкий хочет быть интересным и значимым сам по себе. Недаром он так радуется успеху своих первых импровизированных выступлений на Западе — перед актерами труппы Питера Брука и на приеме в Голливуде. Вероятно, только после выступления В.В. на этом приеме Марина Влади поняла, что теперь она при Высоцком, а не он при ней.

А вот как — глобально! — объясняет это несколько скептическое отношение В.В. к Парижу, к Франции, к французам Михаил Шемякин: «Мы немного опоздали во Францию — это уже было не время Эдит Пиаф, Шарля Азнавура... Когда я приехал в 1971 году, мне сами французы говорили: «Ты опоздал лет на пятнадцать. Это совсем другая эпоха». Собственно, и у других народов так бывает».

А в самые последние годы этот «внутренний разлад» становится еще заметнее, да и сам Высоцкий этого не скрывает. Вспоминает Михаил Шемякин: «Казалось бы — ну что еще парню надо? Живет в том же месте, где живет Ив Монтан, у жены его там колоссальное поместье, сад — деревья пострижены, и цветочки... А он мне звонит. Мишка, если не приедешь — повешусь! Потому что смотрю на эти деревья французские, и мне повеситься хочется! Что мне здесь делать?!»

Конечно, у этого «разлада» были и другие — более глубокие — внутренние причины. И, наверное, самая главная — отношения с женой. Проходит несколько спокойных лет — вначале сила воли и Марина удерживают Высоцкого от «уходов в пике» хотя бы в Париже. Потом действует «эспераль»... Но В.В. срывается раз, второй.. А в последние два-три года возникает проблема наркотиков... В 1977 практически на грани отмены первый парижский — афишный! — концерт Высоцкого в зале «Элизе-Монмартр». Марина Влади: «И уже ничто не в силах сдерживать твои разрушительные импульсы. В этом и заключается парадокс, невообразимый для нормального здорового человека: имея, казалось бы, все — ты буквально тонешь в отчаянии».

Живу, не ожидая чуда,
Но пухнут жилы от стыда, —
Я каждый раз хочу отсюда
Сбежать куда-нибудь туда.

К 1980 году их отношения уже на грани разрыва. «С Мариной уже не могу, но и без нее тоже не могу», — признается В.В. Барбаре Немчик. Почти до самого конца Марина не догадывается, что главный ее враг — уже не водка, а наркотики. Высоцкий сам признался только в марте 1980 года. Кто знает, если бы он рассказал о наркотиках раньше, то вместе они сумели бы что-нибудь сделать...

10 июня 1980 года Высоцкий в последний раз улетает из Парижа. Марина Влади: «Сил у меня больше нет. Мы далеки друг от друга... Ты в последний раз машешь мне рукой. Я больше не вижу тебя. Это конец». Так что за ироническим «город Парижск» скрывалась драма, если не трагедия...

В мае этого же — последнего для него — года, в парижской наркологической клинике Шарантон Высоцкий пишет несколько стихотворений. Одно из них начинается так:

Мог бы быть я при теще, при тесте,
Только их и в живых уже нет,
А Париж? Что Париж! Он на месте.
Он уже восхвален и воспет.

ЭМИГРАЦИЯ

Ах, милый Ваня, я гуляю по Парижу...
В.Высоцкий

Отношение Владимира Высоцкого к эмиграции (как к явлению и как к возможности уехать самому), разумеется, менялось. Менялась проницаемость «железного занавеса», до разрушения которого В.В. не дожил. Но вот парадокс (или уникальность самого статуса Владимира Высоцкого в стране развитого социализма): в конце жизни этот занавес для него как бы не существовал.. И если бы В.В. принял решение на полгода остаться за границей раньше мая-июня 1980 года, то кто знает... «Концы поэтов отодвинулись на время...»

Долгое время единственным способом навсегда уехать из СССР был брак с иностранкой (или иностранцем). При Брежневе была разрешена еврейская эмиграция, потом власти стали практиковать эмиграцию как способ избавления от инакомыслящих (диссидентов). С уезжавшими прощались навсегда — «как будто заново хоронили».

И на поездки в далеко —
Навек, бесповоротно —
Угодники идут легко,
Пророки — неохотно!..

Об «угодниках». Свидетельствует Михаил Орлов — эмигрант, хороший знакомый В.В., организатор его концертов в Ленинграде: «Причин выезда многих своих знакомых откровенно не понимал... «А ты-то что ЗДЕСЬ делаешь?» — спросил он в прошлом году после бостонского концерта одного своего московского друга».

По всей вероятности, Высоцкий относился к эмиграции как к вынужденной, крайней мере, когда ТАМ можно было сделать больше, чем ЗДЕСЬ. Из разговора В.В. с Игорем Шевцовым (утром 18 июля 1980 года): «Аксенов уезжает», — сказал я. «Да?! Жалко». — «Да тебе-то все же полегче. Ты можешь с ним встретиться и там». Он поморщился: «Я не о том. Жалко — отсюда уезжает. А там — все не то. Ему здесь надо бы...»

С другой стороны, в последние годы больше друзей и глубокого человеческого общения у В.В. было именно за границей — с теми, кого вытолкнули из страны; вынудили уехать... В.И.Туманов: «За границей Володя встречался с Максимовым, Коржавиным, Неизвестным, Некрасовым... Некрасова очень любил. Любил Синявского, много мне о нем рассказывал». С Михаилом Барышниковым В.В. был дружен еще в Союзе — часто встречался с ним за границей,

даже жил некоторое время в его нью-йоркской квартире. А самым близким другом последних лет был, конечно, знаменитый русский художник Михаил Шемякин, живший тогда в Париже.

Приведем одно из очень немногих свидетельств самого Высоцкого об общении с русскими эмигрантами в Париже (отрывок из дневника В.В., зима 1975 года): «Пошел я с одним человеком... на вручение премии А.Синявскому и всех их там увидел, чуть поговорил, представляли меня всяким типам. Не знаю — может, напрасно я туда зашел, а с другой стороны — хорошо: хожу свободно и вовсе их не чураюсь, да и дел у меня с ними нет, я сам по себе, они — тоже. А пообщаться — интересно. Они люди талантливые и не оголтелые».

Кстати, встречи Высоцкого со своим преподавателем литературы (в Школе-студии МХАТ) Андреем Донатовичем Синявским и его женой Марией Васильевной Розановой в Париже были достаточно редкими. М.В.Розанова: «Не то, чтобы наши отношения стали портиться — просто наши поезда шли в разные стороны... И расстояние все увеличивалось и увеличивалось». Мария Васильевна считает, что причина была в Марине Влади: «...Марина боялась этих встреч. Потому что тогда Марина Влади была «девушка официальная» и была заинтересована в добрых отношениях с советскими властями».

В 1975 — часто упоминаемом здесь году — заканчивается постройка кооперативного дома, в котором у Высоцкого первая в жизни собственная — большая! — квартира. Всерьез обсуждается вопрос о переезде Марины Влади вместе с двумя младшими сыновьями в Москву. А почему не наоборот? Повторим, что сделать это Высоцкому было очень просто — на вполне законных основаниях остаться в Париже у жены...

Марина Влади (в телеинтервью): «У нас даже разговора не было об этом. Володя не смог бы жить незаметной маленькой жизнью (в Париже. — *В.П.*)... Он должен был жить в России, среди русских, питаться живым словом». В книге «Владимир, или Прерванный полет» Марина приводит (по памяти) отрывок из интервью В.В. в США (программа «Шестьдесят минут» телекомпании Си-би-эс): «Уехать из России? Зачем? Я — не диссидент, я — артист... Я работаю со словом, мне необходимы мои корни. Я — поэт. Без России я — ничто».

Надо отметить, что и в КГБ считали — Высоцкий не останется на Западе. Александр Михайлов: «Я должен сказать, что здесь все-таки уверенность была, что он этого не сделает. Было такое устойчивое мнение в КГБ...»

Вспомним, что еще в 1970 году — вероятно, сразу после того, как в Москве стало известно о браке Высоцкого и Марины Влади — на

совещании армейских политработников один из выступающих заявил, что Высоцкий эмигрировал во Францию. В.В. возмущался, кому-то звонил, требовал опровержения...

Нет меня, я покинул Расею!
Мои девочки ходят в соплях.
Я теперь свои семечки сею
На чужих Елисейских полях.
.....
Я смеюсь, умираю от смеха:
Как поверили этому бреду?!
Не волнуйтесь — я не уехал,
И не надейтесь — я не уеду!

А Высоцкого как будто подталкивали к эмиграции. Юрий Герман: «Он говорил мне, что его вдалбливают, его вбивают в диссидентство». И тем, что регулярно лезли и плевали в душу, да и практическими действиями тоже. Вспоминает Бабек Серуш: «Однажды Володя приехал ко мне... Театр на Таганке тогда должен был ехать на гастроли в ГДР, и Высоцкий оттуда собирался во Францию. Володя пришел очень возбужденный, — в ОВИРе ему отказали. И он не знал, как это объяснить Марине, просил меня ей позвонить... Был очень злой тогда: «У меня такое чувство, что они хотят, чтобы я там остался. Но я же не смогу там жить». Он даже думал, что когда-нибудь его могут не пустить назад в Союз. «Вы так часто ездите, — может быть, вам проще там остаться», — что-то вроде этого ему сказали в ОВИРе. Володя был очень возмущен».

Были разговоры об этом и с Вадимом Ивановичем Тумановым: «Володя говорил: «Если останусь на Западе — вынудят — я им такое сделаю!» Да каждое его слово оттуда ловили бы. Верили бы как никому другому!» И еще одно важное свидетельство В.И.Туманова: «Володе предложили в Израиле миллион долларов за участие в каком-то кинофильме. Он отказался — боялся, что не пустят назад. Я ему говорю: «Ну и дурак, что отказался». — «Вадим, был бы ты за границей, я бы еще подумал...» — ответил он».

Говорил на эту тему В.В. и с Василием Аксеновым: «Он ко мне с Мариной приехал в Переделкино специально посоветоваться:

— Как ты думаешь, стоит ли мне уезжать на Запад? Я здесь больше не могу — задыхаюсь.

Володя еще связывал свои запои с пребыванием на Родине, наивно полагая, что там этого не будет. Во всяком случае, у него было ощущение недостатка кислорода. Он говорил, что, может быть, откроет русский артистический клуб в Нью-Йорке — именно в Нью-

Йорке, а не в Париже. Насколько помню, я Володю активно отговаривал. Это было бы, как если бы Гагарин решил остаться на Западе или космонавт Леонов перелез из «Союза» в «Аполлон» и сказал: «Прошу политического убежища».

Еще одна сторона проблемы: отношение Высоцкого к эмигрантам, у которых жизнь на Западе не сложилась, и которые просились назад. Своего троюродного брата Павла Леонидова (эмигрировал в США в 1975 году) В.В. так и не простил за то, что он сделал такую попытку: «Да как ты мог! Как ты мог проситься назад! Знаю, что не ты, что не в тебе дело. Это я слышал, но и в тебе!» Вообще монологам Высоцкого в исполнении П.Леонидова (книга «Высоцкий и другие») надо верить с осторожностью, но это их последний разговор. И разговор на тему, Леонидову не очень приятную...

В последний год своей жизни Высоцкий многим своим друзьям и знакомым говорил, что собирается на полгода (или даже на год) в Америку (вариант: во Францию) — поменять образ жизни и поработать. Добавим еще — и полечиться от наркомании.. У В.В. в самые последние дни жизни был оформлен заграничный паспорт, куплен билет в Париж на 29 июля и получена американская виза на начало августа. Вспоминает Михаил Шемякин: «Он мне говорил перед смертью, что самая его великая мечта — уехать в Америку...»

Барбара Немчик — гражданка США: «А еще Володя хотел как-то связать русскую эмиграцию с Россией, тогда это было очень трудно. И Высоцкий был, наверное, единственным человеком, который мог бы это сделать...»

Связать эмиграцию с Россией... Трудно представить себе, как это можно было практически сделать в конце 70-х — начале 80-х... Но повторим, что у Высоцкого действительно была уникальная ситуация: он мог свободно общаться и даже дружить с недавними эмигрантами. Другие писатели и поэты если и встречались со своими бывшими коллегами, то делали это очень осторожно, а часто и тайно. Ведь ездили они за границу в составе делегаций и групп...

Но в составе делегаций
С вами едет личность в штатском
Просто завсегда. .

Были, конечно, исключения, но они были очень редкими и не очень достойными... Это, во-первых, писатели, прямо или косвенно связанные с КГБ — обычно авторы романов о подвигах советских чекистов. И во-вторых, очень известные люди, которые могли позволить себе не бояться, но это считанные единицы. И, конечно, представители партийно-советской верхушки, но им было не до контактов с эмигрантами...

Здесь мы говорили главным образом об эмигрантах 70-х годов, но ведь была еще и первая русская эмиграция... Рассказывает Наум Коржавин (интервью И.Рогового), который в 1979 году побывал на концерте Высоцкого в США: «Зрителей было много, полный зал. Там, в основном, была наша эмиграция. Из старой эмиграции было меньше людей, потому что они хуже это понимают. Они и Галича хуже понимают. В массе своей они больше понимают Окуджаву».

Об этом же говорят А.Д.Синявский и М.В.Розанова, которые увезли пленки с записями Высоцкого в эмиграцию, в Париж... М.В.Розанова: «И вот одной старой эмигрантской паре мы поставили Высоцкого. Они прослушали и затем, помявшись, сказали, что это, наверное, хорошо, но Шаляпин пел лучше, потому что не хрипел и не кричал». А.Д.Синявский: «Думаю, что такая реакция была вполне естественной. Когда в эмиграции я пробовал пересказывать сюжеты песен Высоцкого — петь их я, естественно, не мог, то мои рассказы воспринимались даже враждебно».

И в заключение еще один отрывок из интервью М.Шемякина, он говорит на тему — если бы Высоцкий уехал: «В то же время он не имел такого опыта: потерять родину и вновь ее обрести. Нам, русским, кажется сначала, что мы отказались от чего-то пустякового. Проходит время, и ты начинаешь понимать, что ты потерял. У Володи этой проблемы не было...»

Но кто может сказать теперь: к счастью или к несчастью — не было этой проблемы?

ИОСИФ БРОДСКИЙ

Вначале о «странных сближениях»... Весной 1980 года — за три месяца до смерти — Высоцкий в Венеции. Трудный разговор с женой — В.В. впервые рассказывает ей о наркотиках. На катере они плывут по каналам Венеции: «Мы проплываем мимо кладбища, — пишет в своей книге «Владимир, или Прерванный полет» Марина Влади, — где находятся могилы многих знаменитых артистов. Ты говоришь: «Неплохо в качестве места вечного успокоения».

В 1996 году умер Иосиф Бродский — он не захотел жить с чужим, пересаженным сердцем. Проститься с ним пришло совсем немного людей — среди них и премьер-министр России Виктор Черномырдин. Было предложение захоронить прах лауреата Нобелевской премии в родном Санкт-Петербурге — «На Васильевский остров я приду умирать...». Потом было объявлено, что могила Бродского будет в Америке около его деревенского дома... Но после вскрытия завещания выяснилось, что сам поэт просил похоронить его в Венеции — вполне возможно, на том самом кладбище...

Отношение В.В. к ведущим русским советским поэтам было, разумеется, разным: от восторженных отзывов в молодости до горького «Они меня считают чистильщиком» (в разговоре с В.Тумановым). Еще одна важная деталь: при жизни В.В. никто из «ведущих» не считал и публично не называл Высоцкого поэтом...

Лишь к одному русскому поэту отношение Высоцкого было неизменным: он высоко ценил поэзию и личность Иосифа Бродского. Может быть, еще и потому, что Бродский не дал ни одного повода усомниться в своем высоком человеческом качестве. Вспомним по этому поводу известные слова В.В.: «Россия — единственная страна, где поэзия находится на таком уровне... И не только из-за того, что наши поэты были большими стихотворцами и писали прекрасные стихи, а из-за того, что они достойно вели себя в жизни: и по отношению к властям, и по отношению друг к другу, и по отношению к друзьям и, конечно, к своему творчеству».

Какие же отношения связывали двух самых крупных русских поэтов нашего времени? Иосиф Бродский рассказывает в интервью «Независимой газете» (июнь 1991 года): «У нас был один общий приятель. Мы познакомились у Миши Барышникова. Два-три раза, когда он (Высоцкий) сюда (в США) приезжал, мы всячески гуляли, развлекались». Это знакомство произошло, скорее всего, в Ленинграде — еще до эмиграции Бродского и Барышникова, — потому что упомянутые две-три встречи могли быть только во время поездок Высоцкого в США (1975—1979).

Но еще до знакомства Бродский знал — или, по крайней мере, слышал — песни Высоцкого. И самое интересное и интригующее: «Впервые я услышал его из уст Анны Андреевны Ахматовой: «Я был душой дурного общества».

За границей Бродский и Высоцкий виделись не только в Нью-Йорке. Бродский прилетает в Париж на гастроли Таганки и совершенно не принимает таганского «Гамлета». «Помню, Володя Высоцкий прислал мне телеграмму из Парижа в Лондон. Я прилетел на спектакль, но свалил с первого действия. Это было невыносимо». Заметим, что еще один знаменитый человек так же категорически не принял Гамлета-Высоцкого. Это был член компании на Большом Каретном — Андрей Тарковский.

После спектакля Бродский, разумеется, ничего не сказал Высоцкому. Они сидели в ресторане вместе с Ю.П.Любимовым: «Иосиф все время просил Володю петь. И замечательно он слушал: то со слезой, то с иронией... Но сам стихи не читал...»

Один из дней, проведенных вместе в Нью-Йорке, подробно описывает Марина Влади: «...На следующий день у нас назначена встреча с Иосифом Бродским — одним из твоих любимых русских поэтов. Мы встречаемся в маленьком кафе в Гринвич-Виллидж. Сидя за чашкой чая, вы беседуете обо всем на свете. Ты читаешь Бродскому свои последние стихи, он очень серьезно слушает тебя. Потом мы идем гулять по улицам. Он любит эту часть Нью-Йорка, где живет уже много лет... Продолжая разговор, мы приходим в малюсенькую квартирку, битком забитую книгами, — настоящую берлогу поэта. Он готовит для нас невероятный обед на восточный манер и читает написанные по-английски стихи. Перед тем, как нам уходить, он пишет тебе посвящение на своей последней книге стихов. От волнения мы не можем вымолвить ни слова. Впервые в жизни настоящий большой поэт признал тебя за равного».

Взаимные оценки друг друга всегда были очень высокими. Вспоминает кинодраматург Игорь Шевцов: «Об Иосифе Бродском Высоцкий всегда говорил с уважением и нежностью — да, с нежностью, это точно: «Гениально!» И похвастался: «Он мне книжку подарил». Володя покопался и достал маленькую книжку стихов Бродского — авторское издание, кажется, в Лондоне, с автографом.»

Иосиф Бродский (интервью «Независимой газете»): «Я думаю, это был невероятно талантливый человек, невероятно одаренный, — совершенно замечательный стихотворец. Рифмы его абсолютно феноменальны».

В одном из первых фильмов, посвященных памяти Высоцкого (США — 1981 год) Бродский сказал: «Принято относиться к поэтам-песенникам с некоторым предубеждением. И до Высоцкого отношение ко всем бардам у меня было именно таким. Но начав слушать Высоцкого, — более или менее внимательно — я понял, что мы имеем дело именно с поэтом. Более того, я должен сказать, что меня даже не устраивало, что это сопровождается гитарой, потому что само по себе, как текст, это было совершенно замечательно.

Я говорю именно о том, что он делал с языком, о его рифмах... Это гораздо лучше, чем Кирсанов или Маяковский, — я уже не говорю о таких людях, вроде Евтушенко и Вознесенского. Дело в том, что он пользовался совершенно феноменальными составными рифмами, а гитара помогала ему скрадывать тот невероятный труд, который он затрачивал именно на лингвистическую сторону своих песен. В принципе, они поражают людей не столько благодаря содержанию и музыке, а благодаря бессознательному усвоению этой языковой фактуры. И в этом смысле, потеря Высоцкого — потеря для русского языка совершенно невосполнимая».

Вспоминает близкий друг В.В. Михаил Шемякин: «У него было какое-то чувство неуверенности в себе, как в поэте. Об этом говорит такой штрих. Однажды он прилетел из Нью-Йорка в Париж и буквально ворвался ко мне. И такой радостный!

— Мишка, ты знаешь, я в Нью-Йорке встречался с Бродским! И Бродский подарил мне свою книгу и написал: «Большому поэту — Владимиру Высоцкому». Ты представляешь, Бродский считает меня поэтом!

Это было для Володи, как будто он сдал сложнейший экзамен и получил высший балл! Несколько дней он ходил буквально окрыленный, потому что Володя очень ценил Бродского.»

По свидетельству Марины Влади: «Книгу эту ты будешь показывать каждому из гостей, она всегда будет стоять на почетном месте в твоей небольшой библиотеке». Эта книга Бродского, как и другие книги иностранных издательств, после смерти Высоцкого исчезла из квартиры на Малой Грузинской. Только совсем недавно появились сведения, что все эти книги один из близких родственников сразу отнес в КГБ СССР. Вот как это объясняет Нина Максимовна Высоцкая в альманахе «Мир Высоцкого» (Москва, 1997 г.): «Когда Володя умер, боялись, что зарубежные издания могут конфисковать. К тому же люди, хранившие запрещенную литературу, могли быть привлечены к ответственности. Поэтому часть книг из дома унесли... По-моему, эти книги не сохранились.

Недавно, когда мы с работниками музея готовили книги к описанию, в одном месте среди всяких листочков и мелочей, связанных с Володей, я нашла две книжечки Иосифа Бродского, которые раньше не видела. Такого же маленького формата и объема, но другие. Одна — подписанная автором Михаилу Козакову, вторая, по-видимому, Василию Аксенову. Наверное, Володя не успел их передать. Кстати, книгу Бродского с дарственной надписью Володе, о которой пишет Марина, я никогда не видела».

Вспоминает Михаил Козаков: «1979 год. Я встретил Володю Высоцкого (это было вскоре после его поездки в Америку), и он мне говорит, что привез для меня книжечку стихов Иосифа Бродского с дарственной надписью... Я, конечно, очень обрадовался, а Володя пообещал в ближайшее время передать подарок. Звонит назавтра: «Миша, ты знаешь, я ее потерял. Обыскал все, и не могу нигде найти...»

Через 17 лет позвонила Нина Максимовна, мама Володи, и сказала, что, разбирая бумаги сына, она нашла эту книгу. Так через много лет я получил привет сразу от двух дорогих мне людей».

В 1987 году Иосифу Бродскому присуждается Нобелевская премия. Вскоре после этого он приезжает в Париж и выступает в Сорбонне с чтением своих стихов. Естественно, отвечает на вопросы слушателей. И один из первых вопросов — если не самый первый: «Как вы относитесь к Высоцкому?» В ответе Бродского есть неожиданные слова: «Мне обидно, что он писал песни, а не стихи».

Что стоит за этим? Очевидное — что жанр «человек с гитарой» — авторская песня — все-таки не высокая классическая поэзия... Или некоторая горечь ситуации: 1987 год — это публикация ряда сборников стихов и песен Высоцкого в России, новый взрыв его всенародной славы. А Бродский, несомненно, понимал, что в эмиграции он теряет читателей в России, а поэзия — это не только тексты, но и то, что происходит в душах читателей...

Теперь приведем ответ лауреата Нобелевской премии И.Бродского на вопрос корреспондента Н.Г.: «Переживет ли Высоцкий время?»

— Думаю, что да. Если Вертинский пережил, то он, думаю, да. Из всей этой профессии я лучше всего относился к Высоцкому. В нем было абсолютное чутье языковое, — да? И рифмы совершенно замечательные. Я по этому признаку сужу.»

В заключение отметим, что в 1981 году Бродский предлагал издательству «Ардис» издать сборник стихов Высоцкого. Вспоминает бывший администратор Театра на Таганке В.Янклович: «Бродский при мне позвонил Профферам. Ему ответили, что рынок в Америке

насыщен книгами Береста (так называемый американский двухтомник Высоцкого). Бродский сказал, что это будет совершенно другое издание. «Тогда делайте — будем издавать». А Марина уговорила Бродского стать редактором этого издания. Он согласился при условии, что все рукописи будут разобраны, а он будет редактировать подготовленный материал».

У Бродского хранилась значительная часть рукописей В.В., но, главным образом, черновые варианты. Сейчас они опубликованы в тульском пятитомнике и в германском семитомном издании.

И, наконец, на пресс-конференции 1 марта 1989 года Марина Влади говорила, что во Франции готовится сборник песен и стихов Высоцкого в переводах на французский язык. Предисловие к этому изданию согласился написать Иосиф Бродский. Неизвестно, успел ли он это сделать...

МИХАИЛ БАРЫШНИКОВ

Схвати судьбу за горло, словно посох,
И па-де-де-держись все гала кряду!
Я въеду в Невский на твоих колесах,
А ты — пешком пройдешь по Ленинграду.
В. Высоцкий

Теперь мы хорошо знаем, что Высоцкий и Барышников были друзьями еще в Союзе... Что они встречались в США, куда Барышников эмигрировал в середине 70-х годов... Но конкретных сведений об их отношениях пока не очень много...

Вспоминает друг Высоцкого, известный кинорежиссер Иван Дыховичный, который и познакомил В.В. с Барышниковым: «У них была короткая — одно лето — но очень сильная дружба. Мы были в Ленинграде, потом приехали в Москву... Миша очень живой человек, душевно живой... Может, сейчас он переменился, я знаю, что он не допускает до себя ни звонков, ни людей. А тогда образовался такой круг людей с открытой душой...»

Других сведений об этом времени пока нет, но сам Барышников рассказал в американском фильме о Высоцком, что в Ленинграде В.В. повел его на Черную речку и сказал: «Вот отсюда все начинается...»

Так получилось, что во время первой поездки в США Высоцкого и Марины Влади, они встречают Барышникова, который только что стал «невозвращенцем». (Кстати, перед этой поездкой В.В. пытались инструктировать в КГБ, и именно на случай встречи с Барышниковым.) Марина Влади: «Сидя в бассейне, мы видим, как приходят двое наших старых друзей — Милош Форман и только что эмигрировавший в США Миша Барышников в сопровождении красивой блондинки. Ты счастлив снова увидеться с Мишей. Вы совсем как маленькие мальчишки резвитесь в голубой воде бассейна... Мы возвращаемся в Нью-Йорк, где нас ждет Михаил Барышников. Он предоставляет в наше распоряжение свою квартиру».

Скорее всего, Высоцкий останавливался в квартире Барышникова два, а может быть и три раза... Первый приезд описывает Марина Влади, во второй раз Высоцкий в Нью-Йорке (1978 год) — один. Барышников не мог даже встретить — гастроли. В.В. потом сказал Нине Максимовне Высоцкой, что несколько дней был в Нью-Йорке один, без знания города и языка... «Мамочка, было немного страшно...» Еще В.В. рассказывал своей тете Александре Ивановне Высоцкой, что в России бы все бросили, разговаривали бы всю ночь... «А Миша уехал делать деньги...»

Вероятно, в этот же приезд В.В. звонит своему родственнику

Павлу Леонидову, который уже три года живет в Нью-Йорке. Леонидов приходит к Высоцкому. «Володя остановился у Барышникова, который на гастролях». Дальше он описывает квартиру: «Скромно: диван, кресла, дверные проемы в спальню; правее — на кухню, полка с книгами, на журнальном столике книга Панова с дарственной надписью Барышникову...»

Дальше Леонидов довольно нелицеприятно описывает вид и состояние В.В. и замечает, что «Володя с выключенным лицом...». Он подробно передает содержание этого последнего их разговора — все это есть в книге П.Леонидова «Высоцкий и другие» — к нашей теме это не имеет отношения...

В Париже с помощью Барышникова в жизни Высоцкого произошло очень важное событие, — он познакомился с Шемякиным. Вспоминает Ревекка Шемякина: «Нас познакомил Миша Барышников, он танцевал в тот вечер в Гранд-Опера. Танцевал всего пять минут — кажется, отрывок из «Дон Кихота» — и еще было много всяких французов. Но когда вышел Бырышников, — ох, какие были аплодисменты!

После выступления он пригласил нас за кулисы, — вот там мы и познакомились с Володей и Мариной. А позже мы узнали: оказывается эти пять минут — а как он прыгал! — летал! — эти пять минут Миша танцевал со сломанной ногой. А когда мы все вместе возвращались домой, Миша выходя из лифта, чуть не упал...»

Барышников очень быстро становится американской и мировой знаменитостью. У исполнителей такого уровня время расписано на несколько лет вперед. Естественно, что приходится от чего-то отказываться, — в том числе и от каких-то человеческих контактов... В Союз доходят сведения, что Барышников зазнался, не признает старых друзей (т.е. бывших соотечественников). Как складывались отношения Высоцкого и Барышникова в самые последние годы (79-80 г.г.) — мы не знаем...

Есть только субъективное мнение Михаила Шемякина (субъективное, потому что его собственные отношения с Барышниковым не сложились — ни человеческие, ни деловые: например, не состоялся проект постановки балета с декорациями Шемякина): «Володя был поражен, когда Барышников стал задаваться. Володя говорил: «Как же так? Я его помню мальчиком, который через окно пролезал в гримерную...» И вдруг Барышников стал большой звездой, большим американцем!

Никогда не забуду... Я принес Мише записи, и там был «Памятник», где Володя говорит пророчески о себе... И Миша, который уже стал «портиться», сидел-сидел, слушал-слушал... А песня напряженная, может быть, с нарушением некоторых ритмов... А Барышников

схватился за голову: «Ну зачем он этим занимается?! Писал бы просто...» А я говорю: «Ах, ты — щен!» И было еще покруче... По существу, из-за Володи мы и разругались».

Еще в одном «грехе» упрекает Шемякин Барышникова... Высоцкий очень хотел попробовать себя в американском кино. Известная видеозапись на учебной студии МГУ — это своеобразная проба для фильма Уоррена Битти «Красные». Вместе с Володарским В.В. написал сценарий — «Каникулы после войны». Он получает согласие Депардье и Ольбрыхского сниматься в этом фильме... В Союзе — сценарий явно «непроходной»... Наши опытные — битые! — режиссеры отказываются. Тогда Высоцкий передает экземпляр сценария — Барышникову, который обещает найти переводчика и, вообще, — помочь. Но, по словам Шемякина, он просто потерял этот единственный на Западе экземпляр.

С другой стороны, известно, что после смерти Высоцкого — Барышников, несмотря на всю свою занятость, многое делает для увековечивания памяти своего друга... Барышников принимает участие в съемках фильма о Высоцком (США — 1982 г.). Вот отрывок из его рассказа (в передаче В.П.Янкловича):

«Барышников вспомнил, что однажды сидел дома и слушал музыку. К окну подошел выпивший человек (в Ленинграде Барышников жил на первом этаже) и попросил стакан. А потом продолжил разговор:

— А ты что, музыку слушаешь? А Высоцкого у тебя нет?

— Под Высоцкого выпить хотите?

— Да, нет. Просто не хочу пить один».

Позже Барышников включает в американский фильм «Белые ночи» — по просьбе Марины Влади и Даниэля Ольбрыхского — песню «Кони привередливые». Вспоминает Д.Ольбрыхский:

«Может быть, это была не особенно удачная картина, хотя из-за Барышникова ее стоило посмотреть. Несомненно сильным был эпизод, когда Миша танцует под песню Высоцкого. Впечатление потрясающее: величайший танцовщик мира «артикулирует самим собой произведение своего покойного друга... Удивительное, необыкновенное переживание».

Вот и все сведения, которыми мы располагаем на конец 1999 года. Но будем все-таки надеяться, что звезда мирового балета Михаил Барышников найдет время и напишет — или наговорит — воспóминания о Владимире Высоцком. Судя по этим немногим фактам, ему есть что рассказать...

БАБЕК СЕРУШ

Первому из москвичей, первому из иранцев!
(автограф В.Высоцкого на диске «Натянутый канат»)

Одна из самых загадочных фигур окружения Владимира Высоцкого последних лет — Бабек Серуш. Он и из жизни ушел при достаточно таинственных обстоятельствах. Во время ужина (или обеда?) Бабеку стало плохо, его отвезли в «Кремлевку», где через два дня он умер. Это было в 1992 году, — официальный диагноз: «острый энцефалит», а широко распространенная московская версия — отравили грибами.

И жизнь Бабека Серуша складывалась необычно. Он — сын иранских коммунистов. Вначале в СССР эмигрирует его отец, — компартия в Иране запрещена. Чуть позже приезжает Бабек с матерью, вероятно конспиративным путем. Он учится в знаменитом ивановском интернате для детей иностранных коммунистов, потом — на физическом факультете МГУ.

Получив диплом, он занялся бизнесом, быстро разбогател. Мне он говорил, что занимается организацией выставок технологического оборудования и поставками его в СССР. Однако, как вспоминают люди, которые его знали, — не только этим...

А.Федотов: «Бабек... Живет в ФРГ или в Швейцарии, миллионер. Как я теперь понимаю, торговал нашим оружием, а в Союзе продавал какую-то американскую аппаратуру. У него — шикарная дача на 26-м километре Волоколамского шоссе, — там он записывал Володю».

«Бабек? — Иранец «московского разлива», миллионер. Привозил американскую электронную аппаратуру и продавал ее в Советском Союзе. По-моему, был как-то связан с КГБ, имел за это льготы и жил вольготно и шикарно. Очень любил Володю» (Эдуард Володарский).

Дмитрий Чижков: «Тут все не так просто... Бабек Серуш торговал нашим оружием, — у него была квартира в Москве, дача с бассейном. Конечно, он «работал» на нас. Вероятно, завербовали еще в интернате...»

«Не знаю, кто познакомил Володю с Бабеком, но я застал их уже близкими друзьми. Бабек приезжал почти на все гастроли Володи за рубежом. Был на знаменитом выступлении Володи в Голливуде. Бабек — особый человек в жизни Володи» (Валерий Янклович).

А познакомил Высоцкого с Бабеком — музыкант и композитор Анатолий Бальчев: «Я их познакомил примерно в 1974 году. Бабек — бизнесмен, но то у него паспорт из Таити, то из Гаити, то еще откуда-то... На Западе Володе нужен был человек, с которым он мог бы обсуждать денежные дела. Скорее всего, Бабек и был таким человеком... В 1980 году он поссорился с нашими, и считал, что перед ним должны извиниться...»

«Он заключил контракт на поставку переговорных устройств для Олимпиады, но сделка не состоялась. Он сильно погорел... Теперь в Союзе не бывает, ждет, что его позовут» (В.Янклович, 1988 год).

В конце концов, конфликт был улажен, Бабек Серуш возвращается в Москву, и снова занимается бизнесом. С начала 90-го года у него уже два офиса — в гостинице «Пекин» и на Октябрьской площади. Он материально поддерживает артистов, музыкантов, писателей, вносит крупные суммы на счет Детского фонда. 6 января 1990 года в офисе, который находился в административном здании на Октябрьской площади, и состоялся наш разговор.

— Прежде всего, что вас удивило в Высоцком?

— Он же был самым популярным человеком в Советском Союзе. Он любил приезжать ко мне домой — у меня квартира на Речном вокзале, — и обычно приезжал поздно ночью. Но прежде всегда звонил — один ли я?

Володя не очень любил большие компании, просто приезжал попить чаю... И когда у меня были люди, которые очень хотели познакомиться с Высоцким, то приходилось обманывать: «Да, я один...» А когда он приезжал, я говорил: «Пока ты ехал, тут ко мне пришли...» Он этого не любил, потому что стеснялся... Однажды мы с ним договорились встретиться у «Интуриста». К Володе подходит человек: «Извините, вы — не Высоцкий?» — «Нет. Мне все говорят, что я очень похож... Все спрашивают...»

У меня дома был такой случай... Одна соседка все время жаловалась, что у меня очень громкая музыка. Володя приехал однажды, сел за стол и стал просто петь и играть на гитаре. Соседка вызвала милицию... А когда они приехали, мы уже сидели за столом — ужинали. Заходят два милиционера: «На вас жалуются. Вы очень громко включаете Высоцкого!» Володя поворачивается и говорит: «Да? Ну, извините...» Они узнали его, опешили и так — задом, задом — стали пятиться к двери...

Еще один случай... Мой двоюродный брат прилетел в Москву. Одна организация выдала ему визу, другая не продлила. В общем, он десять дней сидел без визы. И вот мы одновременно улетали из Шереметьево — меня провожал Володя, а брата — один мой товарищ. Если бы брата не выпустили с просроченной визой, то он вернулся бы с этим товарищем. Володя спрашивает:

— В чем дело, почему вы волнуетесь?

— Понимаешь, у него виза просрочена...

— А... ерунда.

Володю там знали, и он прошел с нами через таможню к пограничникам. Я подаю свой паспорт, у меня все в порядке... А Володя стал демонстративно меня обнимать: «Ну, давай, старик... Счастливо!» Я смотрю — пограничник узнал Володю, звонит куда-то по своему телефону... Сразу пришли несколько офицеров, а Володя спрашивает: «А откуда вы меня знаете? Что я у вас, концерт давал?» И толкает моего брата... А пограничник уже не смотрит, ищет что-нибудь для автографа и, не глядя, ставит штамп. Вот так... Одно присутствие Высоцкого решило то, что не могли решить две солидные организации.

— В общем, Высоцкий в этом случае воспользовался своей популярностью...

— Это было редко... Однажды в Союз приехал мой дядя, и мы вместе должны были лететь в Тбилиси. Как раз в это время там начинались гастроли Театра на Таганке. Володя заехал за мной в Бюро, а я не стал ничего особенного объяснять своему дяде: «Знакомься, это — мой друг... Он подвезет нас в аэропорт». Я почему-то думал, что наш рейс из Внуково... Володя все время меня поторапливал, а я говорил: «Да ладно, успеем». И когда мы сели в машину, выяснилось, что самолет вылетает из Домодедово. Володя начал гнать... И его останавливает сотрудник ГАИ — сразу же узнал Володю: — А, Высоцкий... Автограф! — Мы опаздываем. Если сделаешь «зеленую волну», — дам автограф!

«Гаишник» передал по рации, и Володя до аэропорта гнал, как сумасшедший... Регистрация уже закончилась, Володя схватил наши чемоданы, и мы побежали прямо к трапу. А мой дядя спрашивает: — А кто он такой? Ему все можно? — Ну, как тебе объяснить... Володя здесь такой популярный, как Франк Синатра в Америке. — И он тащит наши чемоданы?!

И дядя сам схватил эти чемоданы...

— Вы знали Высоцкого с 1974 года. Менялся ли круг общения?

— Да нет... Он оставался примерно одним и тем же. Друзья из театра, Сева Абдулов, Валерий Павлович Янклович. Чуть позже — Вадим Туманов... Когда Володя вернулся из Сибири, где он был у Туманова, то сказал мне: «Слушай, Бабек, я с таким интересным человеком познакомился!» Потащил меня к себе домой — я иногда оставался у него ночевать — и всю ночь, до шести утра мы слушали кассеты его разговоров с Тумановым.

— В этом общении вы чувствовали масштаб Высоцкого?

— Да, конечно. Володя читал мне свои стихи, в них, как мне кажется, его масштаб проявляется больше, чем в песнях. А еще, я уже говорил об этом, его гениальность проявлялась в том, что он сразу схватывал самое тонкое, самое основное. Иногда Володя приходил

ко мне в Бюро — мы хотели куда-то поехать, а я был занят. Я извинялся, у меня еще шли переговоры в соседней комнате... И Володя прислушивался к нашим деловым беседам, а потом говорил мне: «Ну, так было интересно!» И очень точно говорил о наших коммерческих тонкостях.

— Существует легенда, что одна из гитар Высоцкого хранится у вас?

— Да, когда я въезжал в свою квартиру на Речном вокзале, то Володя к новоселью подарил мне гитару. Потом оказалось, что она очень ценная...

— Володя, ну зачем мне гитара?

— Я же буду к тебе приезжать... Чтобы было на чем играть.

Эта гитара была у меня, а потом ее надо было отремонтировать... У меня есть один знакомый композитор Леня Гарин — он и отнес ее в ремонт. Потом пришел и говорит: «Ты знаешь, это очень ценная гитара... Известного мастера...» Климова или Климкина — точно уже не помню. К сожалению, меня четыре года не было в Москве, и кто-то из моих друзей снова отдал эту гитару в ремонт. И до сих пор она где-то ремонтируется...

— У вас сохранились письма, записки, автографы Высоцкого?

— К сожалению, нет. Было несколько пластинок с автографами... Но когда Володя был жив, к таким вещам относились легко... Было очень много фотографий — я снимал его и здесь, и за границей. А сохранилась единственная фотография, сделанная в Париже. Я прилетел вечером, а утром мне позвонил Володя... Потом он зашел ко мне в номер — и как раз принес пластинку «Натянутый канат», которая только вышла... Потом мы пошли обедать в «Распутин», там я познакомил Володю с Алешей Дмитриевичем. Втроем мы сидели в каком-то кафе — прямо на улице... Я говорю: «Давайте я вас сфотографирую на память ..» А в это время проходил официант — и он испортил нам фотографию. Официант извинился: «Садитесь и вы тоже — я вас сниму втроем». И вот эта фотография, где мы втроем: Володя, Алеша и я, только она одна и сохранилась. Хотя было очень много фотографий... Но ко мне приходили друзья, а Володя был очень популярен, ну и брали... на память. Сейчас пытаюсь найти негативы. Я очень много снимал Володю в Канаде, в тот день, когда он записывал пластинку... Утром он за мной заехал в гостиницу и говорит: «Поехали!» Володя работал на студии, которая была на берегу озера — очень красивая студия, а потом на этом озере мы катались на лодке...

Это было в 1976 году, во время Олимпийских игр, Володя был в Монреале вместе с Мариной... И вот мы втроем, уже вечером, возвращаемся в гостиницу... И видим, у входа стоит Чарльз Бронсон. Володя Марине: «Познакомь меня с ним...» А к Бронсону все время:

и люди, пытались заговорить, но он от всех отмахивался... Марина: «Вот русский актер, очень известный, — хотел бы с вами познакомиться». Он даже слушать ее не стал! А Володя говорит: «Ну, ладно... Вот приедешь в Москву, я тоже не захочу с тобой познакомиться».

— Но давайте вернемся в Москву. Вы общались с Высоцким довольно часто, а о чем вы говорили?

— Мне было интересно с Володей, потому что он был совершенно из другого мира. Он мне охотно рассказывал про работу, про театр, про роли... Я же не мог его учить — как пытались другие — как играть или как стихи писать... И я для Володи был человеком из другого мира — ему было интересно узнавать про мои дела. И мы всегда общались с удовольствием...

— Многим известны «записи у Бабека». Когда и как это было?

— Володя сделал несколько записей у меня на квартире, на Речном вокзале. Причем, эти записи оказались самыми лучшими... Тогда с ним приехали двое актеров из театра с гитарами, и они втроем записали несколько песен...

А у себя на даче — специально, чтобы записывать Володю — я собирался сделать студию. Купил микрофоны, микшеры, многоканальный магнитофон... Там Володя тоже записывался — чаще всего писал новые песни. Там, недалеко от дачи, проходит железная дорога, и на одной из записей слышно, как мимо проезжает электричка.

А после смерти Володи друзья стали собирать все его записи. Я давал все свои пленки в театр, там сделали копии. И тогда возникла идея сделать альбом песен Высоцкого, — мы хотели, чтобы там были представлены все его жанры, разные периоды его работы. Я попросил Беллу Ахмадулину и Булата Окуджаву — они написали о Володе и дали мне свои рукописи. Эти тексты опубликованы в этом альбоме «Избранные песни».

— Вот теперь время поговорить о ваших встречах за границей, — где вы встретились впервые?

— Володя с Мариной ехали во Францию на машине и заехали ко мне домой — я живу в ФРГ, недалеко от Ганновера. Тогда у меня гостила младшая сестра, которая очень любила Марину Влади за ее первый фильм «Колдунья». Сестре было тогда лет четырнадцать... Я ей говорю: «Давай, готовься принимать гостей — приедет твоя «колдунья» и Володя, ее муж». Марина и Володя были у нас дня два-три и, когда они уехали, — моя сестренка говорит: «А Володя мне больше понравился. У него такой глубокий голос...» А ведь Володя тогда не пел, он просто разговаривал...

А как он разговаривал! Я так жалею, что не записал некоторые его рассказы... Когда он заходил ко мне в Бюро и начинал рассказывать — все бросали работу! Стоял такой хохот! Как я жалею, что ни разу не записал его на видео, ведь у меня дома всегда была видеокамера.

— Ваша встреча в ФРГ — это была первая поездка Высоцкого за границу?

— Нет, не первая... Я помню, что у него уже был синий «Мерседес». Мой друг Роман Фрумзон — еще раньше, в Мюнхене, — помог Володе выбрать и купить машину. А от меня они с Мариной поехали в Кельн, потом — в Париж.

— Отношение Высоцкого к машинам?

— Это, конечно, была самая большая его слабость... Я помню, что, когда он в следующий раз приехал ко мне в ФРГ, то сказал: «Ты должен продать мне свою машину! Я хочу такую, как у тебя... Я вот такую же хочу!» А у меня был спортивный «Мерседес» — его не так легко купить, надо ждать некоторое время... А Володя долбил-долбил меня и все-таки уговорил... Этот второй — маленький «Мерседес» коричневого цвета — он купил у меня. У Володи было тогда разрешение на ввоз машины без пошлины, это разрешение было подписано заместителем Министра внешней торговли Журавлевым. Существует такое правило: или вы платите очень большую пошлину и тогда имеете право продать машину кому угодно и когда угодно, или без пошлины, но и без права продажи...

А когда Володя скончался, друзья привезли этот «Мерседес» ко мне, он долго стоял, пока его не забрала Марина.

— Финансовое положение Высоцкого за границей? Например, как он мог купить автомобиль, который стоит довольно дорого?

— Он получал деньги за пластинки, которые выходили там, за концерты... Были друзья, которые помогали, если надо было.

— А на концертах Высоцкого в США вы были?

— Я был в США вместе с Володей, но на его концертах не был... Концерты были, например, в Нью-Йорке, — я тогда встречал Володю в аэропорту. Марины не было, Володя жил у Миши Барышникова, которого тоже не было тогда в Нью-Йорке. Так что мы были вдвоем — помню, как мы ходили в фотостудию, Володю снимали для пластинки...

А потом мы встретились в Калифорнии, где тогда у меня были дела. Они с Мариной летели на Гавайи и остановились на несколько дней... Один из голливудских продюсеров устроил у себя дома прием — знаменитые актеры, режиссеры... И всегда на такие приемы приглашают особого гостя — по-английски: «специальный гость». И вот таким специальным гостем был тогда Володя. Обычно присутствующие не очень обращают внимание на этого особого гостя — потому что почти каждый из приглашенных мог бы быть таким гос-

тем. И вот, когда Володя запел, — запел своим магнетическим голосом, — все замолчали и слушали его, хотя и не понимали, о чем он там поет. Такого никогда не было! Обычно слушают плохо или вообще не слушают, а Высоцкого слушали. Слушали не особого гостя, а его особый голос.

— А с кем вы познакомили Высоцкого на Западе?

— У меня был такой друг — Дик Фин. Это мой партнер по бизнесу, и я познакомил Володю с ним. Дик — американец польского происхождения, но родился он в России, в Архангельске, хорошо знал русский язык. Он тогда жил в Калифорнии, — там у него был дом, — и Володя с Мариной некоторое время жили у него.

Однажды Дик был в Москве, и мы втроем ужинали в «Национале». И вдруг кто-то прибегает и говорит: «Горит гостиница «Россия»!» А там жили наши рабочие — монтажники. Мы сразу же поехали туда, но уже было все оцеплено, и нас не пустили.

— Ваша жена Наталья — русская актриса. Я знаю, что она снялась в одном из эпизодов фильма «Место встречи изменить нельзя», — а как она туда попала?

— Это был такой смешной случай... Наталья в молодости была хорошо знакома со Славой Говорухиным. И позже, когда Слава приезжал в Москву, мы виделись. А в этот день у моего двоюродного брата было новоселье в Москве... И вдруг туда звонит Володя Высоцкий: «Слушай, у нас тут ЧП! Сняли на одну ночь ресторан, взяли официантов из «Националя» — должны снимать, а одна актриса заболела. А Слава говорит, что Наталья может хорошо сыграть эту роль...» Наталья была дома, на Речном вокзале, — стали ее уговаривать... А это было уже поздно ночью, часов в двенадцать... Она, конечно, не хотела — поздно, надо собираться, мыть голову. Она отказывалась. Но неудобно, — она и Славу, и Володю знала, — поэтому она сказала: «Мне Бабек запретил сниматься...»

Володя звонит мне:

— Так это ты запретил Наталье сниматься?!

— Я ничего не запрещал!

— Ладно, где ты находишься? Я заскочу и мы поедем за Натальей.

Мы приехали, а она говорит: «Хорошо, я поеду, но если Бабек будет со мной». А Володя: «Да это очень хорошая сцена! Это недолго будет — пару минут — и все готово...» Мы приехали. Конечно, эту пару минут они снимали до шести утра... Я даже задремал где-то в кресле. А Володя все время тащил меня в зал: «Давай, мы тебя тоже снимем!»

— Вы что-нибудь знали о трудностях, с которыми приходилось сталкиваться Высоцкому?

— Трудностей было много... Но даже в ОВИРе был один хороший человек, который очень помогал Володе... И еще одна интересная вещь. Высоцкого нигде не публиковали, пластинки не выпускали. Но стоило мне в каком-нибудь министерстве упомянуть, что я знаком с Высоцким, — сразу просили достать записи или билеты на Таганку.

— Вы общались и с Высоцким, и с Мариной Влади...

— Марина. По-моему, она открыла ему дорогу на Запад. Володя увидел мир — и не глазами туриста, а глазами человека, который там жил. А это очень важно. Потом Марина, конечно, его дисциплинировала. Если у Володи случались срывы, загулы, — он старался, чтобы она не узнала об этом.

— А вам приходилось видеть Высоцкого в таком тяжелом состоянии?

— Да, конечно. Но, вы знаете, он меня стеснялся... Когда я в первый раз увидел Володю в таком состоянии, — ему было плохо, очень плохо. — «Вот, понимаешь, поел котлет из несвежего мяса...» Он от меня скрывал.

А если Володя звонил и говорил: «Я приеду», а я понимал, что он выпил, то я прятал все спиртное. В холодильнике оставлял одну рюмочку. Но потом, когда он не пил, — любое, самое хорошее вино, — нет! Только чай.

— У вас хранится видеозапись похорон Высоцкого. Кто и как сделал ее для вас?

— По моей просьбе это сделал один мой сотрудник — Джордж Диматос. Этот Джордж — высокий такой парень — снимал обычной видеокамерой... И вдруг к нему подходит генерал МВД и запрещает снимать. Тогда я обратился к Иосифу Кобзону, который очень помог в организации похорон... «Слушай, Иосиф, тут такое дело... Нам запрещают снимать». И Кобзон подходит к этому генералу — он знал его по имени-отчеству — и говорит: «И вам не стыдно, что я — еврей Кобзон — должен просить вас, чтобы эти люди могли снять похороны русского Поэта?!»

Володю перевозили в театр очень рано, в четыре часа утра. До девяти часов я был в театре, а потом у меня была назначена очень важная встреча с Гвишиани. Назначена давно, и никак ее нельзя было отменить. И в девять часов мне пришлось ехать на эту встречу. Возвращаюсь обратно... Уже все оцеплено милицией, и никого не пускают. Как я ни пытался — ничего не получается... Ну, ни в какую! А очередь протянулась вниз — почти до гостиницы «Россия». Я чуть не заплакал. — Черт возьми! Неужели я не попрощаюсь с Володей? Там стояли автобусы... И я взял и просто прополз под автобусом...

Я поднимаюсь, а милиционер не может понять, откуда я взялся? В строгом черном костюме — из-под автобуса?!

— Ну, есть у тебя хоть какое-нибудь удостоверение?

— Есть фотография с Володей... Вот, видишь, я его друг!

И меня выручила эта фотография, которая, по счастью, оказалась у меня с собой... Милиционер меня пропустил, и я попрощался с Володей.

— А вы знаете, что есть четверостишие Высоцкого, посвященное вам?

— Я знаю, что в бумагах нашли какую-то строчку... Там есть и моя фамилия...

— Нет, есть законченное четверостишие...

Живет на свете человек
С древнейшим именем Бабек.
Друзьям хорош Бабек Серуш
Хранить богатство наших душ,
Оно ему дороже денег.

АНАТОЛИЙ ФЕДОТОВ

Мог ли я ему помочь?

Еще одна загадочная личность в самом близком окружении Владимира Высоцкого — Анатолий Павлович Федотов. В разных публикациях его характеризуют по-разному: личный врач В.В.; человек, спасший жизнь Владимира Семеновича 25 июля 1979 года в Бухаре; и, наконец, врач, проспавший Высоцкого 25 июля 1980 года.

Кандидат медицинских наук, реаниматолог, Анатолий Федотов долгое время был единственным человеком, с которым В.В. мог откровенно говорить о болезни и которому полностью доверял. Высоцкий мог позвонить Федотову в 4 утра, и Анатолий Павлович тут же мчался помогать. Это тот человек, который вечером 24 июля 1980 года открыто предложил: «Я знаю одно место, где можно достать наркотики» (это могло бы спасти или, по крайней мере, отодвинуть смерть В.В.), а другой — единственный из всех присутствующих, имевший право сказать «Да» — сказал: «Нет».

Еще одна черта А.Федотова, о которой говорят все, хорошо знавшие его люди: он был очень уверен в себе и в своих методиках лечения: «Все будет хорошо, все будет нормально...» Федотов действительно спас очень многих людей, но и до Высоцкого был еще один трагический случай, когда излишняя уверенность в себе сыграла роковую роль.

С Высоцким Федотова познакомил В.И.Туманов. Оксана Афанасьева: «Ведь Толю привел Вадим Иванович, и как бы поддерживал его своим авторитетом». А после смерти Высоцкого тот же Туманов дал по физиономии Федотову за то, что тот доставал наркотики, и не только для Высоцкого.

И смерть Федотова тоже как бы связана со смертью Высоцкого. По одной версии он пытался найти способ лечения наркомании. Попробовал его на себе и погиб. В.Янклович придерживается другой версии: «Володина смерть мучила его все эти годы, и у него не хватило сил: он сам «сел на иглу», затем пытался лечиться и умер от отмены».

С Анатолием Павловичем Федотовым я встречался несколько раз, и все разговоры записывал на диктофон. Некоторые пленки до сих пор еще не расшифрованы. Фрагменты его воспоминаний вошли в «Правду смертного часа», а основная часть предлагается вашему вниманию.

«С Владимиром Высоцким я познакомился в 1975 году. Помню, что дело шло к осени — конец сентября или начало октября... У Высоцкого поднялась температура, и Вадим Иванович Туманов вызвал

Олега Филатова. А Олег по специальности травматолог, поэтому и попросил меня... Филатов заехал за мной — вот тогда в первый раз я попал на Малую Грузинскую...

Высоцкий был с Иваном Бортником, у них резко подскочила температура — под сорок! Температуру мы сбили .. Потом я заехал еще раз, стали видеться почти каждую неделю, а чуть позже — и каждый день... И так до самой смерти.

Володя мог вызвать меня в любое время суток, иногда звонил в три-четыре часа ночи:

— Толян, приезжай!

В последние годы бывали уже приступы удушья, возникало чувство нехватки воздуха. Приходилось делать уколы. Конечно, эти ночные «телефоны» стоили нервов...

— Мне плохо! Не могу, приезжай...

Если уезжал из Москвы дня на четыре и не предупреждал Володю — он сердился:

— Толян, разве так друзья поступают!?

Вообще говоря, физика у Володи была достаточная — физически он был очень одарен от природы... Детский ревмокардит? Может быть, в конце концов, это и сказалось... Ведь главной причиной смерти была миокардодистрофия, то есть почти полная изношенность, истощенность сердечной мышцы. Изношенность от всяческих перегрузок — ведь Володя был земной человек.

Про 1969 год он мне рассказывал — открылось сильное кровотечение, давление упало до критической отметки. С кровотечением Высоцкий попал в реанимацию, целые сутки Марина сидела рядом с ним. Тогда обошлось без операции, но, конечно, не прошло бесследно... Я сам врач-реаниматор, знаю, что это такое...

Покоя и отдыха Володя не знал... Но восстанавливался быстро. Ночь почти не спит, а утром соскакивает — и вперед! Ну, тут особенности организма, но есть и ряд препаратов, которые способны восстанавливать работоспособность нервных клеток... И последние пять лет Володя был на этом «допинге». Он рано начал выпивать, а «выход из пике» у него был всегда очень тяжелым... И кто-то ему подсказал, что есть такие препараты. Володя попробовал — вначале казалось, что очень здорово... Это даже могло стимулировать творчество... Раз, два, три... А потом привык. Привыкание развивается очень быстро, организм истощается — это очень коварные лекарства... Долго на них надеяться нельзя... За все в этой жизни приходится платить...

А последние год-полтора Володя потерял контроль, перестал контролировать себя... Уже не мог обходиться без этого... И когда не было лекарства, лежал вялый, мрачный, иногда — злой... Уходил «в пике»... Это были тяжелые периоды... Было такое ощущение, что у Володи отсутствует инстинкт самосохранения. Конечно, мы пытались говорить:

— Володя, да брось ты это дело!

— Не лезьте! Это не ваше дело...

Убедить его было невозможно — однажды я попытался... Он меня просто выгнал из дома... Правда, через день позвонил:

— Толян, не обижайся... Чего не бывает между друзьями... Приезжай!

Однажды так распсиховался — всех разогнал...

— Да пошли вы все из моего дома! Чтобы больше никого здесь не видел!

А потом сам начнет извиняться: очень переживал, если кого-то обидел. В сути своей Володя был очень добрым...

Туманов несколько раз при мне ему говорил:

— Володя, надо кончать... Ты же писать хуже стал... Чем такая жизнь — лучше броситься с балкона!

Очень тогда ругался с ним... Вадим, конечно, мог повлиять, но он же постоянно не жил в Москве — появлялся налетами...

Были и светлые моменты... Конечно, были... 17 ноября 1979 года мне исполнилось сорок лет. Володя приехал. Во дворе его окружили пацаны:

— Владимир Семенович, подпишите гитару!

Привез какие-то необыкновенные напитки из «Березки». Подарил мне картину «Пиратский бриг»... Пел — гитару взяли у соседей, даже была запись... Потом дал кому-то послушать, и там ее испортили...

Как он работал, этого я никогда не видел... Иногда на столе в кабинете лежали исписанные листки... Однажды я прочитал — мне очень понравилось... Сижу и переписываю для себя... Заходит Володя:

— Брось, это еще не готово...

— А мне нравится...

С ним всегда было интересно... Но один вечер мне особенно запомнился. Я даже день помню — 30 апреля 1979 года... Володя приехал после концерта, устроил роскошный ужин... Он был такой заботливый и внимательный...

— Толян, надо твою машину сделать.

Володя умел заботиться о людях, всегда помнил, кто и что любит... Моя дочка была тогда совсем маленькой, и она просто обожала жевательную резинку... Так Володя из Парижа привез целый мешок этих «резинок»... Ребятишки во дворе окружили его «Мерседес» — он раздавал всем...

А мне он просто выбил квартиру... Это было тоже в 1979 году — мы жили практически в коммуналке. Володя вдруг предлагает:

— Давай я тебе помогу квартиру сделать. Возьми ходатайство на работе.

Буквально в два-три дня я собрал все документы. Принес, положил ему на стол. И довольно долго они там лежали. А потом на Володю «нашел стих»... У него бывали такие дни: вставал свежий, жизнерадостный. В такие дни он знал, что у него все получится...

При мне набирает приемную заместителя председателя Моссовета:

— Здравствуйте, девушка. С вами говорит Высоцкий. Вам это имя что-нибудь говорит?

— Ой, что вы, Владимир Семенович?!

— Ваш шеф у себя?

— Сейчас узнаем... Будет еще полчаса...

Володя берет свой французский диск, пишет: «Добра! На память от В. Высоцкого». Мы садимся в машину — и в Моссовет... Входим, секретарша проводит нас в кабинет... Володя говорит:

— Вот мой очень близкий друг живет в очень плохих условиях...

Человек за столом посмотрел бумаги и говорит:

— Хорошо, зайдите через неделю.

И тут Володя немного «сыграл».

— А-а... Через неделю... Значит, у нас ничего не получится...

— Владимир Семенович! Где вы находитесь?! Все будет сделано.

Через неделю Володя звонит мне:

— Толян, если ты стоишь, то возьми стул, а то упадешь... (Я действительно невольно сел.) Я тебе выбил квартиру — у тебя трехкомнатная хата!

Когда выделили квартиру, то дом еще строился. Мы приехали, познакомились с рабочими-строителями... Володя говорит:

— Ребята, это Толя — мой брат...

Они тогда мне здорово помогли... А в доме еще долго считали, что я брат Высоцкого...

Из поездок привозил самые разные истории... В Ижевске ему подарили сувенир — охотничий топорик, сделанный из хромированной стали. Володя говорил, что эти сувениры закупает одна японская фирма и делает из них бритвенные лезвия...

В каком-то городе спел «Охоту на волков»...

— Смотрю в зал... Вижу, что две трети понимают в чем дело, а одна треть — не понимает ни черта!.. А после концерта подходят люди и говорят: «Спасибо вам, Владимир Семенович! Спасибо за замечательную песню — «Охота на волков»! Благодарим вас от имени нашего общества охотников и рыболовов!» Я обалдел!

Могу вам сказать, что почти весь 1978 год Володя был в прекрасной форме. В году были срывы, но в общем держался... 1979 год — январь, февраль, март... Примерно до июля был в тонусе...

А в июле Володя собирался на гастроли в Среднюю Азию... Я знал, что с ним едут Валера Янклович, Сева Абдулов, Володя Гольдман... Высоцкий собирает вещи, я стою рядом...

— Володя, а ты не хочешь взять меня с собой?

— Толян, с большим удовольствием! Почту за счастье...

Я как раз был в отпуске, и меня оформили... артистом «Узбекконцерта». Маршрут был такой: Ташкент, Навои, Уч-Кудук, Заравшан, Бухара...

В Бухаре Володя проснулся очень рано: часов, наверное, в шесть... И пошел на рынок, чего-то там съел... Я тоже встаю рано. Вдруг прибегает Гольдман:

— Володе плохо!

Я — туда. Володя стоит абсолютно бледный: беспокойство, громадные зрачки... Клиника отравления, но не только пищевого... И на глазах ему становится все хуже и хуже. А все стоят напуганные... Я закричал:

— Ребята, он же умирает!

Володя успел сказать:

— Толя, спаси меня... Спасешь, буду считать тебя лучшим врачом в мире!

Сказал и упал...

Я успел ввести ему глюкозу, но дезинтоксикация не наступала... Остановилось дыхание, на сонной артерии нет пульсации... И уже полное отсутствие сердечной деятельности.

У меня был кофеин — ввел прямо в сердце. И стал делать искусственное дыхание: изо рта в рот. Севе показал, как делать массаж сердца... И, видимо, сердечная мышца возбудилась — сердце заработало. И минут через пять смотрю — стали появляться самостоятельные дыхательные движения... Я с таким остервенением дышал за него, что Володя, когда пришел в себя, сказал:

— Я стал чувствовать, что моя грудная клетка расширяется — чуть не разрывается...

Да, это была самая настоящая клиническая смерть... Понимаете, все это было на моих глазах, поэтому удалось его спасти. А стоило чуть-чуть опоздать — и я бы ничего не смог сделать...

Володя немного отошел и говорит:

— А концерт?

Я — ему:

— Нет, Володя, с таким сердечком и в таком состоянии твои концерты здесь закончены...

Написал записку, что делать, если приступ повторится, засунул в карман куртки... И в тот же день мы с ним улетели в Ташкент, а оттуда отправили его в Москву...

Повторю, что физически Володя был очень мощным. Но в последние годы «звоночки» были... Периодически появлялись признаки стенокардии. Вы знаете, сейчас такое время, что часто погибают сильные и молодые... Ведь после сорока надо чуть-чуть приостановиться, немного попридержать себя... Сорок лет — это уже возраст, а желания и ощущения у человека остаются, как у двадцатилетнего...

24 июля я работал... Часов в восемь вечера заскочил на Малую Грузинскую... Володе было очень плохо, он ходил — метался! — по комнатам... Стонал, хватался за сердце... Я подошел, послушал — сильное сердцебиение... Сердце к этому времени поизносилось...

Ночью Володя метался по квартире... Ах! Ох! Стонал... Ладно, думаю, может быть, обойдется... Эта ночь была для него очень тяжелой... Я сделал укол снотворного. — Час, два, три... Володя все маялся... Потом затих, ну, думаю, уснул... Он уснул на маленькой тахте, которая тогда стояла в большой комнате...

А я был со смены — уставший, измотанный... Прилег и уснул — наверное, часа в три...

Проснулся от какой-то зловещей тишины — как будто меня кто-то дернул... И к Володе! Зрачки расширены, реакции на свет нет... Я давай дышать, а губы уже холодные. Поздно...

Да, между тремя и половиной пятого и наступила остановка сердца на фоне инфаркта... Судя по клинике, все-таки был острый инфаркт миокарда. А когда точно остановилось сердце — трудно сказать, может быть, час назад, а возможно, и полчаса...

Смог бы я ему помочь? Трудно сказать, но я бы постарался сделать все...»

ОЛЕГ ФИЛАТОВ

Володя не день и не два был на грани жизни и смерти... Методики, которыми Анатолий выводил Высоцкого из тяжелых состояний, насколько мне известно, были достаточно рискованными. Ведь у Володи практически не было вен, и Толя вводил сильные наркозные вещества прямо в главную подключичную вену. Использовал и хлоралгидрат: и в клизмах, и пить понемногу давал. В общем, вводил в наркоз, чтобы Володя хоть чуть-чуть отдохнул, хоть немного пришел в себя. Федотов был достаточно квалифицированным специалистом, и вполне возможно, что эти методики тогда были единственным выходом...

Самое страшное, что люди в таком состоянии не осознают, что с ними происходит. Не понимают, что они начинают деградировать... У Володи был могучий организм, но в последнее время, повторяю, он его износил...

А лечение? Что было тогда? Примитивные наркологические кабинеты «психушки» и практически единственная методика — лечение страхом. Даже обыкновенная имплантация «эспералии» была прерогативой Четвертого управления Минздрава СССР. Володе «эспераль» привозила из Франции Марина.

Однажды я Владимиру говорю:

— Володя, ну пожалей ты себя! Ты столько делаешь для людей!

Он ответил:

— Да не могу я жить кислой жизнью! Вот я выхожу из «пике» — мне так хочется жить и творить. А вот когда вхожу — мрачнею, злюсь.

Про наркотики Володя мне сам сказал... Наверное, это было в 1978 году. У него ситуация была даже сложнее: он не только употреблял наркотики, но и «поддавал»... Когда я видел Высоцкого в последний раз, у него были обметаны губы, язык сухой, — печень была практически разрушена. Совершенно очевидно, начинался еще и цирроз печени...

В последние годы Владимир жил по такой схеме: вспыхивал и гас. Вспыхивал и гас... Где доставал? Тут все очень сложно... Все Володю очень любили, — ведь он всем делал только добро. Ну, и давали ему это «лекарство», думая, что и они делают Высоцкому добро...

Про это Володино добро... В 1977 году я дежурил в травматологии 38-й больницы. Звонит Володя:

— Олег, к вам поступит наша актриса... Очень тяжелая авария! Будь добр, сделай все, что возможно!

Поступает актриса Таганки Татьяна Сидоренко. На «Жигулях»

она врезалась в высокий парапет — лобовой удар! Почти оторван нос, повреждены губы... Ну, а для актрисы это — сами понимаете. Я «шил» ее четыре часа...

После спектакля прилетает Володя. Приехал, чтобы самому убедиться — все сделано как надо...

Однажды звонит:

— Олег, прилетает Марина, ты посмотри ее...

— А что случилось?

— Она на съемках упала...

Я приехал, начал ее расспрашивать... На съемках фильма «Багдадский вор» она «летела» на ковре-самолете вместе с халифом. Одна веревка развязалась или порвалась...

— Я летела метров с четырех! Да еще халиф на меня свалился.

Я посмотрел. Большой кровоподтек на голени... Нет, перелома там не было:

— Успокойтесь, Марина, через месяц все пройдет.

Как-то Володя рассказывал мне, как он безо всяких виз ездил в Канаду... У него были гастроли в США, а он сумел слетать в Канаду и выступить там... Да, он сказал еще, что надо было помочь Марине...

«Что я не мужик, что ли?!» — это его слова.

Несколько раз вечером я заезжал на Малую Грузинскую... Меня всегда удивляло, что на кухне обязательно стоял кипящий самовар и большая корзинка с сухариками... Но спектакли кончались поздно. А мне утром надо было на работу... В общем, «ночная жизнь» была не для меня. А Толя ко всему этому, по-моему, тянулся, ему вся эта «богема» нравилась.

Ну, а в последние месяцы Толя возился с Володей днями и ночами. Толя вытаскивал его из таких состояний! Умирал же человек...

Володя мне сам рассказывал про Бухару:

— Чувствую, что меня раздувает, как футбольный мяч... Раздувает, раздувает... Прихожу в себя, смотрю — Толя...

А с Толей Федотовым мы вместе учились в медицинском институте, вместе занимались спортом... Закончили институт. Толя поехал в тайгу — к старателям... Возможно, что его перетащил Туманов.

Вадима я знаю с 1956 года. По-моему, он только освободился — и уже тогда был живой легендой... Он собрал группу «смертников», и они первыми шли в самые опасные забои...

Володя восхищался рассказами Вадима и собирался по ним делать фильм... Потом появился Леня Мончинский... Я читал «Черную свечу», там события несколько «отретушированы»...

После концерта в Сибири, у Туманова, вышли мужики и говорят Володе:

— «Охота на волков», Володя, это песня про нас...

Ну, про это вам лучше сам Туманов расскажет.

После тайги Толя перебрался в Магадан, был заведующим анестезиологическим отделением больницы. Приехала какая-то московская комиссия, и его уговорили переехать в Москву. Это было в 1970 году. Володя «выбил» ему квартиру, скорее всего, это было в 1979 году — за год до смерти.

Да, вот еще случай... У Федотова был день рождения. Володя приехал на своем «Мерседесе». А во дворе было много ребятишек, они окружили машину:

— Дядя Володя! Дядя Володя! Подпиши!

Тянут открытки... А один притащил гитару, нашел гвоздь... И гвоздем Володя нацарапал автограф на гитаре...

Тогда Федотов был ближе к Володе, чем я... Так сложилось, да и у меня были несколько другие принципы... А Федотов с Высоцким познакомились так.

В 1976 году мне позвонил Володя... У них с Ваней Бортником вдруг поднялась температура, и они плохо себя чувствовали. Мы с Толей взяли всякие растворы и поехали на Малую Грузинскую... Вот тогда Толя и познакомился с Володей...

А Федотов был таким человеком: если перед ним больной — надо помогать! Он ведь буквально всем помогал!

Незадолго до смерти Володя мне позвонил. По-моему, это конец 1979 года. Я приехал... Он попросил вшить «эспераль»... Причем вшить всего одну таблетку, чтобы был рубец, чтобы Марина знала... Я сделал «тоннель», а «эспераль» — это десять таблеток — вшил одну... Володя говорит:

— Все, хватит! Пусть Марина увидит...

1980 год, июль... Ночью слушал «вражий голос»... Вдруг передают — умер Высоцкий! Я аж подпрыгнул — кто мог ожидать этого?!

Понимаете, говоря обо всех этих делах, нужно быть очень осторожным и деликатным... Чтобы не получилось «полоскания грязного белья» после смерти такого человека...

ИОСИФ СТАЛИН

Место и время рождения не выбирают. Время, в которое выпало жить, по глубокой мысли Ю.Карякина; — тоже родина. И самая прочная родина — это детство («То, что мы знаем в детстве, мы знаем всегда»). Детство В.Высоцкого — это победа в великой войне, гениальный вождь, который привел страну к победе... Это эвакуация на Урал и жизнь с отцом в побежденной Германии... И над всем — мудрый Сталин, который все видит и все знает.

В детстве Высоцкого, как выясняется теперь, было достаточно драм и даже детских трагедий. Высоцкий об этом вспоминал нечасто, практически никому не рассказывал. Часто и охотно он рассказывал о Большом Каретном, вспоминал и Первую Мещанскую, но о жизни в Германии подробно никогда и никому не говорил.

Марина Влади связывает это со всеобщей атмосферой страха и лжи, с «пиром победителей» — в общем, со сталинским временем: «Ты острее, чем другие ребята твоего поколения, чувствуешь на себе сталинские наставления, клевету, чванство и произвол. Ты заклеймишь все это в своих песнях». М.Влади во многом обвиняет отца В.В. — Семена Владимировича Высоцкого. Но тут трудно отделить истину от сложных отношений Семена Владимировича с Мариной...

Людмила Абрамова в книге «Факты его биографии» пишет о том, что Высоцкий очень редко — практически никогда — не вспоминал о детстве: «И мне кажется, я понимаю, почему он не вспоминал о детстве... Ведь Володя, в сущности, действительно был очень веселым человеком. И что-то страшное он просто блокировал. Как гематома — зарастало, а не рассасывалось — и в общий обмен веществ не попадало. Лежало внутри каким-то страшным грузом».

Высоцкому уже исполнилось пятнадцать лет, когда умер Сталин. Конечно, он, как и все школьники Советского Союза, стоял в траурном карауле у портрета вождя. Но не только... Вспоминает самый близкий школьный друг Высоцкого — Владимир Акимов: «Умер Сталин. Три дня открыт доступ в Колонный зал. Весь центр города оцеплен войсками, конной милицией, перегорожен грузовиками с песком, остановленными трамваями, чтобы избежать трагедии первого дня, когда в неразберихе на Трубной площади многотысячная неуправляемая толпа подавила многих, большей частью школьников.

Особой доблестью среди ребят считалось пройти в Колонный зал. Мы с Володей были там дважды — через все оцепления, где прося, где хитря; по крышам, чердакам, пожарным лестницам; чужими квартирами, выходившими черными ходами на другие улицы или

в проходные дворы; опять вверх-вниз, выкручиваясь из разнообразнейших неприятностей, пробирались, пролезали, пробегали, ныряли, прыгали, проползали. Так и попрощались с Вождем».

Вероятно, сразу после этого написано одно из первых стихотворений Володи Высоцкого «Моя клятва».

Опоясана трауром лент,
Погрузилась в молчанье Москва,
Глубока ее скорбь о вожде,
Сердце больно сжимает тоска.
Я иду средь потока людей,
Горе сердце сковало мое,
Я иду, чтоб взглянуть поскорей
На вождя дорогого чело.

И так далее... В те дни подобных стихов было написано тысячи...

А через некоторое время появляются первые освобожденные — возвращаются заключенные сталинского ГУЛАГа, — массовое возвращение начнется после XX съезда. Но вернулись, конечно, далеко не все. Сталинские репрессии не обошли и семью Высоцкого, был расстрелян родной дядя Владимира Семеновича.

Вспоминает М.Яковлев, вечный сосед и вечный друг В.В.: «Помню Сергея Серегина — брата Нины Максимовны, знаменитого летчика-испытателя. Он был репрессирован в сталинские времена». Сергей Серегин служил под командованием Я.Алксниса, по некоторым сведениям был его любимцем. Яков Иванович Алкснис родился в 1897 году. В 1926-31 годах — заместитель начальника ВВС, в 1931-37 — начальник Военно-воздушных сил РККА. Арестован в 1937, в следующем году расстрелян. С.Серегин разделил трагическую судьбу своего командира.

Кстати, в неоконченном «Романе о девочках» Высоцкий показывает обыкновенного сталинского палача. Максим Григорьевич Полуэктов — бывший старшина внутренних войск МВД — спился и опустился, но продолжает гордиться своим прошлым. Этот Максим Григорьевич мог «держать» (держат, чтобы не падали после пыток) и Тухачевского, и Блюхера, а ведь мог «держать» и Алксниса, и Серегина...

Высоцкий, в сущности, прожил в сталинском режиме до 18 лет — до XX съезда, во времени, которое жило по своим жестким законам... У одного из школьных приятелей Высоцкого — Леонида Этинбурга — мать была арестована как «враг народа» по последнему сталинскому делу «врачей-вредителей». У Артура Макарова — одного из самых близких друзей Высоцкого по Большому Каретно-

му — родители погибли в сталинских лагерях. А.С.Макаров был усыновлен С.А.Герасимовым и Т.Ф.Макаровой.

Еще одно важное обстоятельство — Высоцкий мог знать о личности Сталина и о его близком окружении не только то, что говорили все... Жена одного из близких друзей В.В. была дочерью крупного сталинского прокурора, училась вместе с дочерью Сталина — Светланой Аллилуевой, была хорошей ее знакомой или даже подругой. Первая жена В.В. Иза Константиновна Высоцкая была — и остается до сего времени — близкой подругой дочери Василия Сталина. Отец Высоцкого — Семен Владимирович — во время войны бывал по работе в ставке Сталина. Эта ставка была оборудована на станции метро Кировская. Возможно, он что-то рассказывал сыну.

Высоцкий многое знал о сталинских временах. Вообще, как заметил Фазиль Искандер, кто хотел знать правду о Сталине, тот ее знал, тем более Высоцкий с его даром общения и умением слушать. Пока неизвестно, от кого он узнал правду о Варшавском восстании и о пакте Молотова—Риббентропа, но он ее знал... М.Влади рассказывает о том, как они с В.В. впервые подъехали к Варшаве: «Ты долго разглядываешь город-мученик и рассказываешь мне, как два нескончаемо долгих дня Красная Армия ждала на этом берегу реки, пока в городе не завершится бойня — таков был секретный приказ. Тогдашнее советское правительство, иначе говоря Сталин, хотело, чтобы во главе государства оказались только польские коммунисты, прошедшие подготовку в Москве. Поэтому не следовало мешать уничтожению местных коммунистов».

Об этом же вспоминает Даниэль Ольбрыхский в своей книге «Поминая Высоцкого»: «Он много знал о Варшавском восстании, о его трагической судьбе. Слышал, что по приказу Сталина наступление было остановлено, чтобы восстание обескровилось, чтобы погибли те, кто хотел сказать миру: «Мы освободили свою страну, мы имеем право решать судьбу нашей страны». Когда-то Володя сказал мне с наивностью ребенка: «Я знаю все, даже о пакте Молотова—Риббентропа». (Т.е., грубо говоря, о разделе Европы между Сталиным и Гитлером. — *В П.*)

К этому времени Высоцкий Сталина, разумеется, ненавидел. Марина Влади пишет об одном характерном случае в Тбилиси: «Пир продолжается. В зале шумно и весело. Вдруг один из гостей громко спрашивает:

— Забудем ли мы выпить за нашего великого Сталина?

За столом воцаряется нехорошая тишина. Грузинская интеллигенция жестоко пострадала при Сталине, и если некоторые люди относятся к нему с ностальгическим восхищением, хозяин дома, как и мы сами, считает его самым настоящим преступником.

Я беру тебя за руку и тихо прошу не устраивать скандала. Ты побледнел и белыми от ярости глазами смотришь на того человека».

На окончательный вывод — Сталин — убийца и чудовище, — по всей вероятности, повлияли два обстоятельства. Первое — общение и дружба с Вадимом Ивановичем Тумановым, который сам прошел сталинские лагеря. И второе — чтение запрещенного тогда Солженицына. Марина Влади: «...Мы вместе в Париже читали «Архипелаг ГУЛАГ». Володя был потрясен! Он считал, что Солженицын сделал нужное дело, даже подвиг совершил, когда описал все, что творилось при Сталине...»

Сталин и сталинские времена в стихах и песнях Высоцкого — тема большая и отдельная. Только несколько замечаний. Еще в 1973 году В.В. в стихотворении «Пятна на солнце» ставит рядом Сталина и Гитлера.

Вон, наблюдая втихомолку
Сквозь закопченное стекло —
Когда особо припекло —
Один узрел на лике челку.
А там другой пустился в пляс,
На солнечном кровоподтеке
Увидев щели узких глаз
И никотиновые щеки

В заключение, о странных сближениях. После похорон В.В. в Москве говорили, что со времен смерти Сталина в стране не было такого всенародного горя.

ДВОЮРОДНЫЙ БРАТ

Володя, я соавтор твоих первых песен...

17 сентября 1980 года в Москве от туберкулеза умер двоюродный брат Владимира Высоцкого — Николай. По словам Нины Максимовны Высоцкой, на похоронах Николая был весь персонал больницы — его по-человечески любили...

Николай сыграл важную роль в жизни В.В. — роль практически неизвестную и совершенно неоцененную. Одной из первых сказала об этом Людмила Владимировна Абрамова: «...Про Колю надо вспоминать, ведь он был чистейшей, ангельской души человек, и ни в чем не виновный. А ведь он был осужден, сидел в лагерях. И очень много текстов — просто блатных песен — Володя знал от него. Коля вернулся не потому, что его кто-то простил, — он был комиссован как страшно больной человек... И нигде ни в чем он не озлобился, никогда в жизни не ругал тех, кто его посадил...»

Николай попал в сталинские лагеря, в сущности, по недоразумению — его попросили (или заставили) посторожить ворованную капусту...

И не только тексты лагерных песен узнал В.В. от своего двоюродного брата, — вспоминает «вечный сосед» Высоцких Михаил Яковлев (сын Гиси Моисеевны): «Хорошо помню Николая... Однажды он появился у нас на проспекте Мира, появился после сталинских лагерей. А попал он туда ни за что: кажется, с голоду украл буханку хлеба... В лагере он заболел туберкулезом.

Я даже помню, как Коля уезжал из Москвы — здоровый ухоженный ребенок — а вернулся, по существу, инвалидом. И вот мы втроем: Володя, Коля и я, иногда сидели до утра: он рассказывал нам про лагерную жизнь. Пел какие-то лагерные песни. Я глубоко уверен, что это оказало влияние на первые песни Высоцкого — так называемые «блатные»...»

Так что, знание лагерной жизни было у В.В. задолго до чтения «Архипелага ГУЛАГа» и знакомства с Вадимом Ивановичем Тумановым. Это подтверждает сам Туманов: «...Это не совсем точно, что Володя узнал про лагеря от меня, — хотя на все эти темы мы с ним подробно переговорили... У него был двоюродный брат — Николай, который сидел в Бодайбо. Володя многое знал от него».

Друзья детства В.В. хорошо помнят Николая, — разумеется, он не мог не произвести сильного впечатления и своими рассказами, и своей судьбой. Владимир Акимов: «Однажды Коля показал нам (мы еще мальчишками были) как делаются карты в местах не столь отдаленных: из газет и картошки. Масти рисуются сажей от каблука и истолченным в пыль, размоченным слюной кирпичом. Хорошие были карты — на ощупь как атласные. Володя ими очень дорожил, хотя карточные игры, в сущности, миновали нас. Коля вышел по амнистии, пробыв энное количество лет на приисках в Бодайбо».

Николай вернулся в Москву — жить ему было негде — и некоторое время он жил у Высоцких в новой квартире на проспекте Мира. В этой трехкомнатной квартире вместе жили семьи Высоцких и Яковлевых (Нина Максимовна с Владимиром и Гися Моисеевна с Михаилом). В это время В.В. начинает учиться в Школе-Студии МХАТ. Рассказывает сокурсник по Студии и друг В.В. — Г.Ялович: «Две семьи жили в одной квартире... Там Володя познакомил меня с одним человеком, который только что вернулся «оттуда»... И целый день мы сидели в комнате, этот человек рассказывал... Еще помню, что он читал свои стихи. Володя от него много узнал и, вероятно, многое взял из него. Высоцкий мог «внедриться» в другое человеческое существо, в другую человеческую природу. Мог увидеть мир «из другого человека».

Закончим словами Нины Максимовны Высоцкой: «Когда-то Николай пел Володины песни — первые. А Володя играл на гитаре. Тогда Николай говорил: «Володя, я — твой соавтор».

НИКИТА ХРУЩЕВ

Только стул подобных дел
Не терпел:
Как тряхнет — и ясно, тот не усидел.
В. Высоцкий

Хрущев умер 11 сентября 1971 года. Весь мир обсуждал и комментировал эту смерть, средства массовой информации Советского Союза хранили «гробовое» молчание. Только в день похорон, 13 сентября, в «Правде» появилось такое сообщение: «Центральный Комитет КПСС и Совет Министров с прискорбием извещают, что 11 сентября 1971 года после тяжелой и продолжительной болезни скончался бывший Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР, персональный пенсионер Никита Сергеевич Хрущев».

25 июля 1980 года все информационные агентства и радиостанции мира сообщили о смерти Владимира Высоцкого. В СССР траурное извещение было опубликовано уже двумя газетами — «Вечерней Москвой» и «Советской культурой».

Когда Н.С.Хрущев — Первый секретарь ЦК КПСС — произнес свою знаменитую речь на XX съезде, Владимиру Высоцкому исполнилось 18 лет. В этом же — 1956 году он становится студентом Школы-Студии МХАТ, — по всей вероятности, ему не до политики... Но содержание этой речи не только потрясло страну и мир, но и изменило само содержание жизни в СССР.

Вспоминает сокурсница В.В. — Марина Добровольская: «Нашему поколению вначале действительно повезло. Как произошел перелом после XX съезда, как перемешалось все в наших мозгах, — так и пошло. Многие имена и авторитеты для нас не имели никакого значения. Нас потом обманывали, водили за нос, но все равно суть оставалась. Мы были другими. ...Было ощущение, что все возможно! Хрущев ходит по улицам! Он с Тито прошел по Пушкинской — здесь, у нас. И все нормально!»

Конечно, и Высоцкий уже тогда понимал масштаб того, что сделал Хрущев. Если отношение к нему и менялось со временем, то в лучшую сторону. Людмила Абрамова, которая помнит и знает непосредственные реакции В.В. еще при жизни Хрущева, рассказала: «Сказать, что Володя его не любил, было бы неверно. Володя его уважал и очень ценил».

С этим согласна Марина Влади: «Хрущев способствовал либерализации искусства, а главное — сделал доклад о преступной деятельности Сталина».

Но это, конечно, поздние оценки. При жизни Хрущева Высоцкий несколько раз, и по-разному упоминает его в своих песнях. Впервые

в песне «Письмо рабочих Тамбовского завода китайским руководителям».

Боитесь вы, что — реваншисты в Бонне,
Что — Вашингтон грозится перегнать, —
Но сам Хрущев сказал еще в ООНе,
Что мы покажем кузькину им мать!

Это намек на скандально известное выступление Никиты Сергеевича на сессии Генеральной ассамблеи ООН, когда он стучал своим башмаком, призывая зал к вниманию.

Незадолго до своего смещения Хрущев присвоил звание Героя Советского Союза президенту Египта Гамаль-Абдель Насеру. Высоцкий пишет небольшую песню (зарисовку?) «Потеряли истинную веру...» В ней он прямо обращается к Первому секретарю ЦК КПСС:

Можно даже крыть с грибуны матом,
Раздавать подарки вкривь и вкось,
Называть Насера нашим братом, —
Но давать Героя — это брось!

В 1968 году Высоцкий пишет песню «Дурачина-простофиля» — и по поздним оценкам, речь в ней идет не о Хрущеве...

Но был добрый этот самый простофиля·
Захотел издать Указ про изобилье!

Но ведь лозунг «Догоним и перегоним Америку!» и, главным образом, по производству продуктов питания — это лозунг хрущевских времен. Почему В.В. вспомнил об этом спустя четыре года после смещения Хрущева (октябрь 1964 года) со всех государственных постов? — Может быть, он начал работу над текстом раньше?..

А теперь об исторической — безо всякого преувеличения — встрече Никиты Сергеевича Хрущева и Владимира Семеновича Высоцкого. Об этой встрече в свое время ходило много разговоров, слухов. Было несколько версий о том, как и почему произошла эта встреча...

По одной версии, Высоцкий с кем-то из друзей почти случайно оказался на станции электрички, недалеко от дачи Хрущева...

— Хочешь поговорить с Хрущевым?

— Конечно, хочу!

По другой, о встрече попросил В.В., — он хотел посоветоваться с Никитой Сергеевичем: что ему делать после газетной травли 1969 года...

Третья версия — Марины Влади: «Однажды вечером ты возвращаешься навеселе и, свалившись на диван, сообщаешь мне:

— Я был у Хрущева.

На мой удивленный взгляд ты отвечаешь, что Хрущев, с тех пор как потерял власть, живет недалеко от Москвы, что он попросту пригласил тебя, и что тебе тоже было любопытно встретиться с этим человеком, который когда-то был главой Советского Союза...»

По четвертой версии, эту встречу устроила внучка Хрущева — Юлия, которая работала тогда заведующей литературной частью Театра имени Вахтангова и хорошо знала Высоцкого...

Именно эта версия оказалась истинной. В 1990 году в журнале «Дружба народов» были опубликованы воспоминания сына Хрущева — Сергея Никитовича «Пенсионер союзного значения»... В них говорится: «В 1970 году Юля привезла к отцу Владимира Семеновича Высоцкого. Они провели вместе почти целый день. О чем шел разговор, я не знаю, в тот день Высоцкий не пел отцу и гитары у него с собой не было. Да и кажется мне, что исполнительский стиль Высоцкого вряд ли пришелся бы по душе отцу».

О содержании разговора сведения тоже противоречивые — подождем, когда выйдут воспоминания Юлии Хрущевой... Но вот что рассказывал Высоцкий своим друзьям и близким:

Никита Сергеевич говорил, что живет он хорошо:

— Хочу гулять — гуляю... Хочу рыбалить — рыбалю...

Уместно будет вспомнить свидетельство Л.Абрамовой: «Для Володи Никита Сергеевич — это, прежде всего, была речевая характеристика... Он мог просто взять газету и читать выступление Хрущева так, что за стеной соседи включали радио».

Хрущев советовал Высоцкому, что Леонида Ильича (Брежнева) бояться не надо... «Он — добрый...» А вот Михаила Андреевича (Суслова) можно опасаться...

Конечно, более точные сведения у Марины Влади, но все-таки она писала свою книгу спустя 16-17 лет после этих событий. Например, она пишет, что В.В. пел Хрущеву, мы же знаем, что это не так. Но разговор о военных песнях Высоцкого вполне мог состояться... Во-первых, Юля Хрущева могла дать послушать записи Высоцкого, а во-вторых, Хрущев мог посмотреть фильм «Я родом из детства»... Марина Влади: «Что ему (Хрущеву) интересно — так это знать, как ты пишешь песни о войне. Он предполагает, что фронтовики много рассказывали тебе о ней...».

Дальше — по книге Марины Влади — разговор зашел о знаменитой художественной выставке в Манеже: «Ты спрашиваешь о художниках-абстракционистах, выставку которых он приказал уничтожить бульдозерами (?). («Бульдозерная» выставка была при Брежневе. — *В П.*) Он еще больше краснеет и, хлопнув себя руками по коленям, прямо-таки взрывается:

— Меня обманули! Мне ничего не объяснили, я-то ничего не понимаю в живописи, я — крестьянин! — И вздохнув, добавляет: — И вообще, мне сказали, что все они — пидирасы».

Приведем подлинные слова Хрущева (по западным источникам): «Глядя на эти эксперименты, я вправе думать, что вы — педерасты... Хотите за границу — езжайте! Езжайте, до границы довезем бесплатно, а там поживете в свободном мире, пройдете школу капитализма, и вы узнаете, что к чему. А на это говно собачье мы не будем тратить ни копейки».

Хрущев много раз раскаивался в этих словах, да, наверное, и во многих других... Но, как сказала Раневская молодому актеру, который охотно снимался в плохих фильмах: «Не плюйте в вечность».

ВАЛЕРИЙ ЯНКЛОВИЧ

Любимый мой друг, Валерка!
Если бы тебя не было на этой земле —
нечего бы и мне на ней горло драть...
Будь счастлив.
Высоцкий.

— Валерий Павлович, я уже говорил вам, что начал делать книгу «В.Высоцкий. Посмертная судьба». А как вы относитесь к самой идее такой книги?

— Если ты сделаешь эту книгу точно и остро, то она может вызвать еще больший резонанс, чем «Правда смертного часа». Главное в том, что Володя всех нас объединял — друзей, родственников, знакомых... А после его смерти оказалось, что каждый сам по себе ничего не стоит.

— А Игорь Шевцов, Иван Дыховичный?

— Да, но я имею в виду близкое окружение Высоцкого последних лет. Когда исчезло объединяющее начало, то вскрылось многое... В том числе и не очень высокое человеческое качество некоторых людей. Отсюда эти ссоры и раздоры... Конечно, жаль, что уже нет в живых Артура Макарова, нет Игоря Годяева, которые сразу после Володиной смерти сыграли исключительную роль...

— Артура Сергеевича я знал хорошо, вернее, часто общался — есть даже несколько нерасшифрованных кассет наших разговоров. А Игорь Годяев умер, точнее, покончил жизнь самоубийством. Расскажите, пожалуйста, о нем...

— Игорек работал фельдшером на реанимобиле «Склифа». Он был в той бригаде, которая спасла Володю во время первой клинической смерти. Когда у него горлом кровь пошла в квартире Севы Абдулова. Я познакомился с Игорем, когда они забирали Володю в «Склиф» — выводили из запоев... Так и держалась эта связь до следующей болезни — до наркотиков. Конечно, Игорь был искренне предан Володе — служил не за страх, а за совесть. Очень близкой духовной связи, конечно, не было — другой уровень, но чисто человеческая близость была. Володя Игоря очень ценил. Ценила Годяева и Марина, ценила в прежние времена. А потом и за все эти алкогольные дела... А о последних годах Марина знала мало.

Но Игорь сыграл большую роль именно в посмертном периоде, особенно сразу после смерти. Ведь главным было — скрыть про наркотики. Если бы власти узнали про наркотики, то это во многом могло решить всю посмертную судьбу. «...А, Высоцкий наркоман! Зачем хоронить его на Ваганьковском?! Зачем потом издавать?!» Времена были еще те! И Годяев с Федотовым поехали в поликлинику и «сделали» справку о смерти. Это очень важно. А потом, когда начались дела с рукописями, с памятником, он проделывал громадную повседневную работу — черновую работу: сводил людей, перевозил материалы...

— Почему В.В. перед смертью отдал пленки с записями разговоров с Тумановым именно Годяеву?

— Этот вопрос для меня до конца не ясен. Володя мог отдать их мне, Ксении, но почему-то пленки оказались у Годяева. Может быть, потому что его дом находился в отдаленном районе... Этих кассет было три или четыре — точно никто не знает. Потом их вернули Вадиму (В.И.Туманову).

— Вот еще одна загадка: каким образом часть архива Высоцкого — в основном черновые варианты — хранились в США у Иосифа Бродского?

— Только один путь. Марина все передала Шемякину, в основном фотопленки (пересъемки рукописей. — *В.П.*). А Шемякин мог что-то отдать Бродскому.

— А Барбара Немчик рассказывала мне, что какие-то рукописи вывозили через американское посольство.

— Вряд ли... Я в это не верю. И это могли быть только копии, а не оригиналы, которые Марина передала в ЦГАЛИ, а в Штатах с микропленок напечатал Шемякин.

— Ну а первые трещины в отношениях Марины Влади с семьей — это проект памятника?

— Нет, гораздо раньше. Когда она не нашла в квартире своих писем и когда узнала о Ксении. Где эти письма — неизвестно до сих пор... (Часть писем Марины Влади Высоцкому находится у человека, который готов их вернуть законной владелице. — *В.П.*).

Что касается Ксении... Володя говорил мне, что Марина не простит ему двух вещей: наркотиков и постоянную девушку. Я думаю, что Марина, как умная женщина понимала, что при его популярности, при его успехе у женщин, у Володи не может не быть каких-то небольших интрижек, временных связей. Но она не могла предположить, что у него будет девушка «всерьез», что он будет возить ее на их дачу, «выводить ее в свет» и так далее... Она даже представить себе этого не могла. Поэтому и была такая реакция на Ксению.

— Володарский написал в «Экспресс-газете» (июль 1996 года), что Марина была готова вырыть мужа из могилы, чтобы отомстить...

— Позвольте, позвольте... А кто начал эту историю? Это его жена — Фарида. Это она увезла Марину на дачу, когда не нашлись ее письма, и там все рассказала. На следующий день я приезжаю туда, а Марина на меня не смотрит... Как будто не видит меня в

упор, как будто меня не существует вообще. Она умеет это делать — как будто смотрит сквозь человека...

И Марина устраивает буквальный допрос всех близких друзей: Севы, Вадима, Бабека, Толи, меня. У меня она спросила: «Что это у тебя за сестра? Кто это такая — Ксения? И что здесь такое было?»

Потому что Ксению представляли там моей сестрой. А Марине надо было знать все до подробностей, она умела так выпытывать, что ни один следователь КГБ с ней не сравнится! Я говорю:

— Ты что, Марина? Как тебе не стыдно?!

В общем, выяснилось, что Фарида — жена Эдика Володарского — все ей выложила. Мало того, она еще добавила, что у Володи где-то растет дочка... И тут началось такое! Володя мне говорил, что насколько Марина высока в своей духовной сути, настолько она русская баба в личностном плане, когда дело касается ее как женщины. Только после его смерти она многое в Володе поняла и очень многое сделала для увековечения его памяти.

Да, Володя еще говорил — и это могут подтвердить другие:

— Если меня кто-то разведет с Мариной, то это будет Фарида.

Так что Володарским надо бы помолчать по этому поводу. А в тот момент Марину просто нельзя было узнать. Я был в шоке, меня буквально качало. Ко мне подошел Давид Боровский и сказал:

— Валера, да наплюй ты на все это дело. В конце концов, ты был другом Володи, а теперь его нет. И все, что начинается теперь вокруг — это не его дела. И тебя это не касается. Пускай они сами разбираются.

— А как вы относились к Ксении?

— Вначале никак — вообще не воспринимал. Потом увидел, что Володя вникает в ее студенческие дела, что-то советует. Он ходил с ней на этюды — Ксения училась в институте на художника по театральным костюмам. Мог вскочить в восемь утра, чтобы отвезти ее в институт, хотя обычно вставал поздно. Я уже рассказывал, как он звонил из Парижа, когда почувствовал, что у нее что-то случилось... А у нее трагически погиб отец.

Потом эти кольца... Когда я узнал, что Володя хотел обвенчаться с Ксенией, сказал ему:

— Володя, ты с ума сошел?! Ты же женат.

— Я хочу, чтобы она знала, что это все не просто так, что это серьезно.

Ксения оставалась при всех вариантах. Если бы Володя прожил еще года два, он бы мог спокойно разойтись с Мариной и жениться на Ксении.

— Кольца эти так и не нашлись?

— Так и не нашлись... Может быть, Володя их сам кому-нибудь отдал, чтобы они не скомпрометировали ни Марину, ни Ксению, ни его... Да, вот что я еще думаю о Ксении. Ведь в первое время их отношений из Володи как будто фонтан бил. Именно в этот момент ему нужен был какой-то «мотор». Она давала ему энергию, она согревала его изнутри... Хорошо, что она так много рассказала тебе.

— Марина улетела сразу после похорон?

— Да, на «девятый день» Марина не осталась, улетела в Париж. И вскоре пригласила к себе Фариду. Что там произошло, я не знаю, но, возвратившись, Фарида всячески поливала Марину грязью. Когда Марина приезжала в Москву к годовщине, она уже во всем разобралась и перед нами извинилась. Когда выпускали спектакль о Володе, Володарских среди нас уже не было.

— Марина извинилась и перед Бабеком, которого уже нет в живых...

— Да, к великому сожалению, он умер. А тогда Бабек сказал: «Слушай, Марина, я приглашал к себе моего друга Володю Высоцкого. А кто приезжал вместе с ним, это меня не касалось».

Да, Бабек... Он был близким другом Володи, по-моему, он даже помогал ему материально. Бабек приезжал почти на все зарубежные выступления Володи. Был на концерте Володи в Голливуде. Тогда же он заметил, как зло посмотрела на Володю Марина, увидев его огромный успех. Она впервые поняла, что не Володя при ней, а она при Володе. Бабек организовал в ФРГ несколько приватных концертов, которые хорошо оплачивались. (Ошибка В.П.Янкловича. Эти концерты организовывала Нелли Белаковская — эмигрантка из СССР, тогда она работала в зубоврачебной клинике в Кельне. — *В П*)

— А отчего умер Бабек? В Москве ходили разные версии: от случайного отравления грибами до преднамеренного отравления каким-то сильнодействующим ядом.

— Меня в это время не было в Москве, и как это произошло, я не знаю. У Бабека по-видимому было инфекционное заболевание. Я с его женой Натальей потом говорил, спросил: «Может быть, таким образом его «убрали»?» Она ответила, что нет, потому что возила срезы всех тканей в Швейцарию, там сделали анализы и следов отравления не нашли.

— А после первой трещины в отношениях семьи и Марины Влади как развивались события?

— Может быть, это была еще не трещина, а так — шероховатость... Потом был период, когда родители говорили:

— Мариночка! Ты — наша единственная дочь! Мы будем без тебя скучать. Этот дом — он всегда твой...

Я же при всем при этом присутствовал и могу это засвидетельствовать. Марина, и только Марина решала все проблемы с наследством, а родители будут ей только благодарны за это. Ведь она отказалась практически от всего. Это потом, когда родители начали «выступать» и поступать, она сказала:

— Ах, вы так?! Так я тоже наследница!

Позже я выяснил, что она имела право на пятьдесят процентов наследства, а остальные пятьдесят процентов делятся между другими наследниками.

— А где в это время, то есть сразу после смерти, находился архив — собственно, «главное» наследство Высоцкого?

— У Боровского, как у самого надежного человека... Родители и в дела с архивом тоже не вмешивались, во всем доверяя Марине. Но когда она уехала, их поведение переменилось. По-моему, кто-то начал на них влиять. Они стали требовать, чтобы архив был возвращен домой. Отец вызвал меня и стал говорить о своих связях с КГБ и т.д. Родителям кто-то внушил, что вот Янклович женат на американке (Барбаре Немчик. — *В.П.*). Марина вообще живет за рубежом. И они хотят вывезти рукописи за границу и там продать.. В общем, родители сказали, что они хотели бы на архив взглянуть. Пожалуйста, мы ничего не имеем против. Привезли, они «взглянули». И тут возникло решение срочно переснять архив, а затем передать его в ЦГАЛИ.

— Среди коллекционеров есть такое мнение, что некоторые оригиналы рукописей все-таки «прилипли» к чьим-то рукам.

— Ну, в этом надо разбираться отдельно. Я знаю только, как «трудно» возвращали рукописи Акимов и Терентьев... В конце концов, по-моему, Крылов вернул часть рукописей Марине. А Семен Владимирович говорил, что остальное они вернули ему, а он передал рукописи в ЦГАЛИ бесплатно. В отличие от Марины, которая, якобы, отдала архив за деньги.

— Но в одном из выступлений Марина Влади заявила, что ее лишили права быть похороненной рядом с мужем.

— Ее не лишили этого права открыто. Родители за ее спиной оформили Володину могилу на себя. Поскольку Марина не гражданка России, они получили справку, что эта земля принадлежит им. И никто с ней не посоветовался, ничего ей не сказал. Вот этим она была просто оскорблена. Марина была уверена, что с точки зрения всех правовых норм — российских, союзных, международных — она как прямая наследница имеет право на эту землю. А оказалось, что она — никто. Вот это было главным оскорблением! После этого она собрала все вещи, ушла и больше никогда не возвращалась в свою квартиру на Малой Грузинской.

— Вы сказали, что Владимир Семенович мог бы разойтись с Мариной, но ведь 29 июля он собирался лететь в Париж?

— В последнее время он мог одно говорить мне, другое — Марине, а третье — Ксении. А с пятого августа у него была открыта американская виза Я не думаю, чтобы в Штатах он собирался жить с Мариной... Но, конечно, Марина все равно оставалась для него фетишем. Еще одна сторона в ней поражала его — он мне сказал однажды:

— Она с семнадцати лет сама зарабатывала себе на жизнь! Она трижды становилась состоятельным человеком и трижды разорялась. Сама!

Для него это было очень важно. Это она привила ему серьезное отношение к деньгам, хотя большая часть долгов была связана с ней... Она и отдавала все долги...

— А когда родилась идея спектакля о Высоцком?

— Сразу после похорон, потому что похороны — это был шок для всех. По-моему, Любимов только после смерти понял, кого мы потеряли, что главное в Володе то, что он — поэт. А это выяснилось, когда стали разбирать архив, потому что о стихах в театре никто не знал. Петрович, надо отдать ему должное, никогда не брал на себя ответственность говорить о Володе за всех, хотя и проработал с ним шестнадцать лет. Когда начали делать спектакль о Володе, он все время собирал друзей и во всем с нами советовался. Для шефа было большим потрясением убедиться, что друзья больше знали о Володе, чем он, чем актеры театра.

— Когда началась «история» с надгробным памятником? Для этой книги я сделал статью об этом памятнике, там использованы какие-то части наших прежних разговоров, но хотелось бы услышать полный рассказ.

— Сразу же о позиции Любимова: он все время говорил, что не надо торопиться, что пусть время отстоится. Памятники ведь делаются не на годы — на века... И конечно, большую роль сыграл Давид Боровский — он не только придумал эту идею с метеоритом (Д.Боровский в интервью автору говорил, что идея принадлежит Марине, а он только воплотил ее в макете), он же организовал выставку проектов, он вел все эти дела...

А Марина считала, что, несмотря на все нелады с родителями, во всех главных делах они будут слушать ее и сделают, как она скажет. Когда у родителей возникла своя идея памятника, то мы не приняли это всерьез. Ведь есть Марина — вдова Володи, и все будет так, как она решит. Она прилетела в Москву, пришла на эту выставку проектов (был конкурс на лучший надгробный памятник). Боровский хотел вывести ее на проект Клыкова. В свое время Клы-

ков сделал очень удачный памятник Шукшину, да и на этом конкурсе получил вторую премию. Но здесь у него что-то не получилось. А родители уже на конкурсе как бы «нацеливали» всех на проект Рукавишникова, но, повторяю, к их мнению тогда мы всерьез не относились. Но мы не учли, что родители здесь, а Марина — там, в Союзе бывает только наездами. А Рукавишников сам вышел на отца, или наоборот, но был заключен договор... Тут еще Вадим Туманов сыграл некоторую роль: он все время восхищался памятником Рукавишникова: «Похож! Похож!» А при чем тут: похож — не похож? Это же надгробие. Плита с метеоритом была замечательной идеей...

— А на открытии памятника вы были?

— Нет, ни на открытии, ни на банкете нас уже не было. Хотя довольно долго все держались вместе. После выпуска спектакля (25 июля 1981 года), где-то в августе, я уехал в Америку. И вернулся за три дня до смерти Брежнева, по-моему, в ноябре 1982 года. Я вернулся — и долгое время у нас с родителями были прекрасные отношения. Мы собирали видеоархив, делали программу «Творческий поиск Высоцкого». Нину Максимовну мы приглашали всегда, и всегда она была очень рада. Я до сих пор не понимаю, почему у нас с Володиной мамой расстроились отношения... После установки памятника я еще заходил на Малую Грузинскую — на Володины даты, а потом — всё.

— Какова история вашей поездки в Америку?

— Моя поездка в Америку... Это было уже в 1981 году. Там я встречался с Павлом Леонидовым, он — действительно дальний родственник Высоцкого, кажется, сын двоюродной сестры Семена Владимировича. К его книге «Высоцкий и другие» я отношусь резко отрицательно. И безо всякого доверия. А тогда он все время пытался привлечь меня к работе над этой книгой. Конечно, я отказался.

Я также встречался с Пашей Паллеем. В какой-то газете я прочел его воспоминания о Высоцком — полный бред. (Хотя сам по себе Паша — человек неплохой.) Например, он пишет, что Высоцкий умер на Таганской площади после спектакля «Жизнь Галилея». А этот спектакль сошел со сцены за несколько лет до смерти Высоцкого. Якобы Володе стало плохо после спектакля, подъехала «скорая». Но когда врачи увидели, что это Высоцкий, — уехали обратно. (?!) Они чего-то испугались. (?!) И тогда один из товарищей на своей машине повез его в реанимацию, но было поздно...

Я спросил Паллея:

— Паша, ну зачем ты все это придумал?

— А так интереснее.

От Паллея я узнал, что некий Берест собирается выпустить двухтомное собрание сочинений Высоцкого. Паша даже повел меня к нему. Берест оказался весьма неприятным типом, он — эмигрант «второй волны». Этот Берест нанял помощников — «негров», которые «сняли» тексты Высоцкого с магнитофонных записей. Эти ребята думали, что делают благородное дело. Первую книгу сделали быстро, но со множеством ошибок. И поскольку в Союзе о Высоцком тогда было гробовое молчание, то они дали еще свои комментарии — очень тенденциозные и делающие мало чести самому Высоцкому.

Но эта первая книга — с массой ошибок — разошлась очень быстро. Когда я встретился с Берестом, то сказал ему:

— Как вы могли выпустить такую книгу: ошибка на ошибке?

Он ответил:

— Дело же не в этом. Важно, чтобы хоть какая-то книга вышла.

Он предложил мне участвовать в подготовке второго тома. Я ответил:

— Я же не редактор, и к литературе никакого отношения не имею. А почему вы не обратились к Михаилу Шемякину, у которого есть переснятый архив Высоцкого? Если уж делать книгу, то делать как следует.

Позже я поехал к Шемякину (ему Марина отдала микропленки Володиного архива). Я спросил у него, почему он отдает на откуп недобросовестным людям издание Высоцкого, имея на руках такие ценные материалы. Он ответил, что сейчас у него просто нет времени этим заниматься. Кроме того, это требует больших денег: переснять с микропленок, отпечатать... Я предложил ему свою помощь: надо же издать хоть какие-то материалы в противовес изданию Береста... (Позже возникла мысль сделать фильм о Высоцком — вот эту идею Шемякин поддержал.)

При всех сомнениях в успехе этого предприятия — издания текстов Высоцкого — я все же взялся за дело. Обратился к Иосифу Бродскому, он отнесся к этому очень хорошо. Мы встретились в кафе и он при мне позвонил Профферам (это владельцы издательства «Ардис»). Они ответили, что с удовольствием взялись бы за это дело, но рынок здесь насыщен. Книга Береста вышла большим тиражом — большим для Америки. Бродский сказал, что издание задумывается совсем по-другому. Тогда они согласились: хорошо, готовьте тексты. Но, в конце концов, идея с этим изданием заглохла.

Решили делать фильм о Володе. Вначале мы собрались просмотреть материалы, все материалы были на видео. Предварительно выяснилось, что фильм будет стоить около 120 тысяч долларов. В Ко-

лумбийском университете на кинофакультете работал бывший оператор Киевской студии — Сегал. К нему мы и обратились с просьбой организовать просмотр материалов. Итак, собрались: Аксенов, Бродский, Шемякин, Паллей, Богин, Сегал. На наше счастье зашел Милош Форман (в университете он занимал должность вроде нашего декана). После просмотра материалов он сказал, что может бесплатно предоставить камеры и монтажные столы — там это очень дорого стоит. Богин пообещал снять интервью с Шемякиным, Ростроповичем, Бродским, Барышниковым, Бэллой Давидович, Алешковским и, конечно, с Мариной — если я со всеми договорюсь.

Мы рассчитывали, что все интервью будут бесплатными. Монтажер — тоже свой человек, обещал сделать бесплатно. Плюс обещание Формана, и получалось, что понадобится всего двадцать тысяч долларов.

Я позвонил Марине. Она сказала, что прилетит, если будет оплачен билет. (Это тысяча долларов.) Сегал и Паллей дали по пятьсот, и Марина прилетела. Она встретилась с Аксеновым и Бродским, они откорректировали свои выступления.

Потом снова возникли сложности с деньгами, идея как будто заглохла — я вернулся в Союз. Но фильм все-таки вышел, и только благодаря Форману.

— Когда и как была создана Комиссия по литературному наследию В.С.Высоцкого?

— Ситуация была такая... Весной 1986 года в Париже, на встрече деятелей французской культуры с Горбачевым, Марина подошла к Раисе Максимовне и начала разговор о судьбе литературного наследия Володи. Горбачева сказала, что, если произведения Высоцкого того стоят, они будут разбираться и публиковаться. Марина прилетела на очередную дату, но ничего еще не начиналось. Она пошла на прием к Маркову (в то время первому секретарю Союза писателей СССР. — *В.П.*) и сказала: «Или вы будете издавать Высоцкого в Союзе, или я сделаю это за границей». Марков предложил ей создать комиссию по литературному наследию...

Во второй раз Марина пошла к Маркову вместе с Эфросом — он был тогда главным режиссером Таганки. Ведь Марина все же лицо «частное», вдова, к тому же скоро уедет. А Анатолий Васильевич представлял официальную организацию — Театр на Таганке, в котором работал Высоцкий. Надо было составить список лиц, входящих в комиссию. От театра — Эфрос. Разумеется, его жена — Крымова, которая занималась Высоцким. От Союза театральных деятелей — Ульянов. Кого предложить председателем комиссии? Естественно, Роберта Рождественского, который составлял «Нерв».

Позвонили ему: согласен ли он? Он ответил: «Разумеется, согласен». Кого еще? Окуджаву и Ахмадулину. Ни Евтушенко, ни Вознесенскому не предлагали. Но в комиссию должны входить не только писатели и поэты, потому что случай беспрецедентный, Высоцкий — не член Союза, к тому же актер и певец. Об этом еще сам Марков сказал, что комиссия не только по литературному наследию, но по наследию вообще... Поэтому в нее вошли театральные деятели — включили еще Алексея Баталова, от фирмы «Мелодия» — Сухорадо, от телевидения — Мяцкявичус. Конечно, нужно было кого-то от Министерства культуры. И чтобы «их человек» был в то же время не совсем противный нам. Нашли такого. Сразу же активно начала действовать Крымова, именно она предложила включить Марину. Марина в свою очередь, чтобы не было распрей, предложила отца. Включили и Семена Владимировича. В общем, эта комиссия — детище Марины, начала все это дело она.

— Она же подарила Театру на Таганке скульптуру Распопова, которая, в общем, «прижилась» во внутреннем дворике театра. Это что — своеобразный ответ на скульптуру Рукавишникова?

— В какой-то мере, да. На выставке проектов памятника Володе Распопов представил маленькую скульптуру: Высоцкий — Гамлет. Марине она понравилась. Я спросил Марину: «Ты помнишь эту фигуру?» Она ответила: «Помню». Я продолжаю: «Раз уж Крымова и Эфрос взяли все в свои руки, ты скажи им, что есть такая скульптура. Что она уже готова в гипсе, осталось только отлить. И ты хочешь подарить ее театру к пятидесятилетию Володи». Марина едет к Эфросу и говорит, что хочет подарить театру скульптуру. Анатолий Васильевич отвечает: «Спасибо». Мы едем к Распопову, обо всем договариваемся. Достаем ему видеомагнитофон, чтобы он мог посмотреть живого Володю... К сожалению, у Распопова поначалу не очень получалось... В той маленькой скульптуре у него был Гамлет трагически грустный, знающий свое предназначение, а тут получалась жертвенность Павки Корчагина и Олега Кошевого. Распопов что-то поправил, и потом Марина сказала, что скульптура ее устраивает. В январе 1987 года скоропостижно умирает Эфрос, и на панихиде Крымова говорит, что последней волей Анатолия Васильевича было: установить скульптурную фигуру Высоцкого в театре. При всем уважении к памяти Эфроса и его последней воле, мы все-таки настояли, чтобы скульптура была оформлена как дар театру от Марины Влади. Только в этом был весь смысл. Это был как бы ее ответ на все случившееся: и на присвоение земли на Ваганьковском, и на памятник Рукавишникова.

— Какие были отношения у Высоцкого и Вознесенского?

— Конечно, Володя уважал его, ценил как поэта... В период репетиций «Антимиров» и «Берегите ваши лица» отношения были достаточно близкими, но это была близость автора с актером театра. Отношения были хорошие, но близкой дружбы не было. Но у меня ко всему этому отношение субъективное — я-то знаю, как «друзья-поэты» помогали...

— Но вернемся к «жизненным коллизиям», к реалиям человеческих отношений. По-моему, окончательный разрыв — размежевание, разделение на отдельные группы и группировки — произошел после 1 марта 1989 года. В помещении Театра-студии Марка Розовского Марина Влади представляла свою книгу «Владимир, или Прерванный полет». А что там произошло?

— Но ты же был там и записывал. Расшифруй и опубликуй полную стенограмму...

— Конечно. Но я помню, как заплакала Марина Влади после заявления Никиты Высоцкого о том, что сыновья подают на нее в суд за оскорбление матери и деда. Как вы стали ее защищать...

— Марина и представить не могла, что сыновья ее не поймут. Как не могла она представить, что в вопросе о памятнике дети будут против нее... Марина понимала, что вести какие-то серьезные дебаты с родителями нельзя, — старые люди, они все толкуют по-своему. В конце концов, будущее за детьми. Никого из нас уже не будет, а они будут.

Вадим Туманов тогда на меня обиделся... Что я публично сказал о наркотиках... Вадим бы хотел, чтобы и наркотиков не было, чтобы и Ксении не было... Он хочет, чтобы все думали и говорили, как он считает нужным и правильным, — в этом с ним согласиться не могу. Ведь люди разные, у каждого были свои отношения с Володей, у каждого свой взгляд на жизнь и на людей. На 25 июля была передача с Шемякиным, он говорил там, как пророк... И он имеет на это право, и я его понимаю, несмотря на наши разногласия.

Туманов снял свои материалы из твоей книги («Правда смертного часа»), а Бортник обругал... Ну, снял — не снял, какое это имеет значение! Ну, через десять, через двадцать лет все равно это «всплывет». Ты отдай в ЦГАЛИ полную копию, а потомки разберутся, кто был кто и какие были отношения. Важно, чтобы остались документы. Странные люди, они же сами тебе рассказывали...

А Ваня Бортник — особый случай в Володиной жизни. Володя с ним близко общался, находил в нем что-то близкое себе, помимо общей болезни. Ваня имел на Володю какое-то влияние. Но «чернота» в Ване была. Когда у Володи не хватало «лекарства», он говорил:

— Ах, вы так?! Тогда я поеду к Ваньке. Если у него есть, он всегда даст!

Так что Бортник свою черную роль в его жизни, конечно, сыграл. А потом все эти «круги по воде»... Веня Смехов чуть ли не пять книжек издал, Золотухин публикует... Они, конечно, имеют право на ту часть жизни, когда они были рядом. Но в последние три-четыре года я их рядом с Володей не видел, за исключением, разумеется, театра.

— А сейчас последний вопрос: вы считаете Высоцкого трагической фигурой?

— С одной стороны — нет. Я считаю, что он сделал все, что мог сделать. Все! И в творчестве, и в любви, и в дружбе, и в детях. Трагедия была в другом... Может быть, я скажу кощунственную вещь, но Володя ушел вовремя. Еще немного, и наступила бы трагедия — трагедия деградации личности. Он мог бы подвести себя и людей, скомпрометировать всю свою жизнь. Володя как будто знал все это про себя, как будто знал, что предел наступил. В конце он решил: или выскочит из своей болезни, или уйдет из жизни. Так распорядилась судьба. Я всегда говорю то, что знаю, и то, что считаю нужным, — это мое право и право каждого. Конечно, я могу ошибаться, но это моя ошибка, а не твоя. Но я всегда говорю о том, что было. Было на самом деле.

ОКСАНА АФАНАСЬЕВА

Оксана Афанасьева — последняя любовь Владимира Высоцкого, самый близкий человек последних двух лет его жизни. Она, по существу, главный независимый свидетель событий, происходивших в последние месяцы и дни жизни В.В. (см. «Правда смертного часа»). В предлагаемом интервью она впервые рассказывает об истории их отношений.

— Вы познакомились с Высоцким в конце 1977 года. Насколько я знаю, это хорошее время в жизни Владимира Семеновича...

— Да, я познакомилась с ним в довольно благоприятный момент — он неплохо себя чувствовал, не пил вообще, все в его жизни стабилизировалось. К этому времени Володя уже утвердился в качестве знаменитого человека — он мог открывать двери любых кабинетов. Володя был уже немного в другом статусе, более высоком.

Странно, но в первый же вечер было ощущение, что мы давным-давно знаем друг друга и прожили рядом много лет. Хотя Володя был старше меня на 22 года, но этой возрастной грани я абсолютно не чувствовала.

Мне тогда было 18 лет, и естественно, у меня возникла масса проблем. Можете себе представить, я влюбилась в человека, который значительно старше меня... Что тут началось! Все родственники «встали в стойку»... «Бедная девочка, что она делает! Боже мой, у него же столько женщин!»

И вначале я честно говорила: «Вы знаете, я познакомилась с таким замечательным человеком...» — но потом все это пришлось скрывать.

— Но вернемся к знакомству. Чем, прежде всего, вас поразил Высоцкий?

— Вы знаете, уже прошло много времени — и я изменилась, и многое вокруг изменилось... А тогда у меня, наверное, было немного детское восприятие. Тогда для меня были очень привлекательными две личности — Высоцкий и почему-то Григорий Распутин. Скорее всего, за счет таинственного ореола и громадного количества мифов, которыми были окружены эти имена. Такие странные люди, про которых толком никто ничего не знал...

А когда я впервые увидела Володю, меня поразила седина на висках. Я до сих пор отчетливо это помню.

— Тогда, в самом начале, Высоцкий не давил величиной своей личности?

— Он не давил, он — притягивал. У меня был жених, я должна была выйти замуж, но я поняла, что все это не то... Когда мы познакомились, Володя пригласил меня в театр, естественно, с подругой...

— Знаете, Владимир Семенович, мы не можем прийти. Вернее, Женя не может...

— Ну, и прекрасно, что Женя не может — приходи одна.

— Я, к сожалению, тоже не могу — иду в другой театр, с другой своей подругой...

И мы договорились, что Володя после «Гамлета» подъедет за мной, и мы куда-то поедем. И я сидела в другом театре, смотрела какой-то спектакль... У меня в руках была программка, и я все время ее мяла, мяла, мяла... Я жутко переживала. И даже не помню, какой спектакль я тогда смотрела .. А подруга это увидела и говорит: «Ты что, с ума сошла, это же такой интересный человек. Многие мечтают с ним познакомиться... Тебя приглашает Высоцкий!» И в этот момент я решилась... В конце концов, что тут такого страшного!?

Володя подъехал... Я была у него в гостях, мы пили чай, вели всякие светские разговоры — все было очень мило... Володя, естественно, за мной ухаживал.

И когда я приехала домой, то поняла, что замуж ни за кого я выходить не хочу, что лучше я останусь одна, и что два часа общения с Володей можно поменять на всю оставшуюся жизнь. В этот вечер для меня было решено все. Я совершенно ни на что не надеялась и ни на что не рассчитывала, у меня и в мыслях не было, что когда-нибудь мы будем вместе жить. Я даже не ожидала, что Володя будет беспокоиться, звонить — во всем этом он был очень трогательным. В общем, таких людей больше нет, и никогда уже не будет. К сожалению...

И все это у нас довольно долго длилось. Наверное, Володе было приятно и интересно. Естественно, я понимала, что ему нравлюсь. В общем, все наши встречи тогда носили романтически-платонический характер. Даже мои родители стали это понимать, и уже относились к нашим встречам совершенно по-другому.

— А с кем из своих друзей Высоцкий вас тогда познакомил?

— Сразу же Володя познакомил меня с Севой Абдуловым, с Валерой Янкловичем — у них тогда были преимущественно деловые отношения, которые еще не стали дружескими. Конечно, Валера очень помогал тогда, но близости, которая возникла потом, еще не было. Тогда же я познакомилась с Иваном Бортником, с Бабеком и его кругом людей, с Вадимом Тумановым. Когда Володя меня познакомил с ним, то сказал: «Ты понравилась Вадиму. И вообще, тебя «приняли», что бывает очень редко».

Родители... Ну, конечно, приходилось видеться и с Ниной Максимовной, и с Семеном Владимировичем. Они ко мне относились, скажем так, настороженно... Это было естественно. Нина Максимовна вначале вообще приняла меня в штыки. Она совершенно не понимала, как между нами что-то может быть... Но потом, когда были уже очень тяжелые времена, то Нина Максимовна поняла, что без меня не обойтись. И как-то смирилась с моим присутствием.

— Вам удавалось видеть Высоцкого работающим?

— Конечно. Постоянно! Он часто не мог заснуть и говорил мне: «Я закрываю глаза и вижу белый лист бумаги. И слова, слова, — как «бегущая строка». Знаете, как бывает, если долго едешь по дороге и закроешь глаза... У тебя все время перед глазами эта дорога. У Володи часто бывало такое состояние... «Просто бегут какие-то слова, слова и строчки...» Он их видел физически и мог считывать. Наверное, что-то у него складывалось в подсознании, а потом он это просто считывал. И если он находил что-то нужное, то вставал и записывал.

— А как он работал с магнитофоном?

— Я этого не видела. Но если у него что-то получалось, то мог разбудить ночью: «Послушай!» А если в квартире было много народу, то будил всех!

Причем, у Володи могло быть сразу несколько вариантов одной песни. Он мог спеть какую-то песню, а потом сказать: «А еще есть вот такой вариант...» И уже на публике он «пристреливал» эти разные варианты. Учитывал реакцию публики... Иногда бывало, что некоторые вещи ему самому страшно нравились: «Вот послушай, здесь у меня внутренняя рифма!» Я ничего в этом не понимаю, а Володя говорил, что это так редко и так красиво. Но все, что он делал, я воспринимала восторженно. И вообще, я тогда считала Володю гением... И сейчас считаю!

— Ему это было дано или он сам себя сделал?

— Конечно, это от Бога... Только от Бога.

— Как вы считаете, Высоцкий понимал, что он — Высоцкий?

— Володя прекрасно знал свое предназначение. Прекрасно понимал свою величину, — и к себе относился с большим уважением. Володя считал себя гениальным и неоднократно говорил об этом.

— На концертах вы, разумеется, бывали?

— Конечно... Володю можно было слушать сто... тысячу раз! — и каждый раз это было удивительно. Как правило, у него была своя определенная программа, но каждый раз Володя работал по-новому. И меня всегда поражала отдача, с которой он работал. И не только на концертах...

Громадное количество друзей со своими проблемами, которые должен был решать Володя. И он занимался этим с той же отдачей... Меня это потрясало... «Володя, ну, нельзя же все делать всем?! Ну надо же хоть немного экономить свое время! Ну полежи ты хотя бы один день дома на диване с закрытыми глазами!» А люди понимали, что Володя своим друзьям отказать не мог. Он мог, конечно, иногда сказать «нет», но близким друзьям — никогда. Знаете, наверное, Володя понимал, что некоторые вещи ему сделать легче. Другой тоже может, но потратит на это гораздо больше времени и сил. Володя тоже тратил и время, и силы, и нервы — но он мог зайти в один кабинет вместо пяти. Володя очень много делал для друзей.

— Давайте вернемся к концертам. Какой из них вам запомнился особенно?

— Конечно, первый. Это был концерт в Метрострое... Песни, которые я давно знала, звучали «живьем» совсем по-другому. Я помню, что хохотала как ненормальная... Рядом со мной сидела женщина — так она просто сползала вниз, от смеха у нее текли слезы! От этого я еще больше заводилась... Вообще, народ Володю принимал, ну, как явление природы — или как явление Христа... Какая-то безумная любовь и громадный интерес к личности... Просто не с чем сравнить!

— Оксана, а как складывался день Высоцкого? Попробуйте описать...

— Володя все время был в движении. Он мог заскочить домой на одну секунду — глотнуть чаю — и мчался куда-то дальше. Все время в движении, — и в этом смысле все дни были похожими. А чтобы Володя целый день просидел дома? — Такого практически не было... Скорее, это была мечта — закрыть дверь, отключить телефон, — но это было так редко! Причем, у него дома это не получалось никогда. Володя приезжал ко мне, на улицу Яблочкова, — вот там он мог немного отдохнуть.

Однажды было очень смешно... Я ехала домой на такси, и таксист мне говорит: «О-о! Сюда Высоцкий часто ездит! У него здесь «баба» живет... У него два «Мерседеса» — то на одном приедет, то на другом...» Так что Володя на нашей улице незамеченным не прошел.

И еще один смешной случай... Около нашего дома были жуткие ухабы — яма какая-то... Володя нашел рабочих, заплатил им — они заасфальтировали не только эту яму, но и всю дорогу.

В нашем доме жили нормальные простые люди... У нас не было стукачей, которые бы куда-то там писали... И все эти люди очень трогательно относились к Володе. Когда он приезжал, весь наш

подъезд затихал. Однажды ко мне осторожно постучали в дверь: «Оксана, там какие-то хулиганы вокруг Володиной машины крутятся. Так мы поставили караул, чтобы не дай Бог...» То есть люди заботились, чтобы Высоцкого не обворовали, посты какие-то выставляли.

— А как Высоцкий относился к своим машинам?

— Гордился и любовался ими. Когда он купил маленький «Мерседес», я его почему-то не полюбила. И вот однажды мы едем в этой машине, Володя ее так погладил и говорит: «Ну, прости меня... Я все равно тебя больше люблю». А машина действительно была красивая... Однажды зовет меня на балкон: «Ну, поди сюда, посмотри! Как просто и как красиво!»

Водил машины очень лихо... Очень! Однажды мы ехали в тунеле около американского посольства. Я вижу, что он едет по встречной полосе. Вцепилась во что-то, и потихоньку сползаю вниз... Ну, думаю, все! Это наша последняя поездка! Володя увидел:

— Ты что?

— Володя, ты же едешь по встречной полосе!

— Да? О-о...

Однажды на машине мы ездили в Ленинград...

— Вообще, расскажите о поездках по другим городам...

— Однажды Володя в очередной раз уезжал на гастроли в Минск. Я поехала его провожать.

— Ксюша, ну поехали со мной...

— Ты что, Володя... Мне же завтра в институт...

— Ну, поехали...

— А, ладно!

Володя заплатил проводнице и мы вошли в вагон. Настроение было прекрасное — начали разговаривать с проводницами... А они оказались женщинами веселыми и разговорчивыми. Одна говорит Володе:

— Ой, вы так похожи на одного артиста! Вот только не вспомню на кого.

— Да, ему все говорят, что он на артиста похож.

— На какого?

— Да этот, как его... В Театре Моссовета работает, фамилию вот забыла... А Володя не артист. Он — зубной техник.

— Да? Зубной техник! Вы-то мне и нужны.

Открыла рот и показывает: «У меня вот этот зуб болит, а этот шатается». Володя показывает мне кулак, а сам со знанием дела заглядывает в рот проводнице... «Да, действительно. С этим зубом у вас непорядок».

У нас была потрясающая поездка в Ленинград... Знаю запись, которая была сделана у Ласкари... Так вот, в Ленинград я ехала на практику, а Володя оттуда должен был лететь в Италию. И он решил меня проводить, устроил меня в гостиницу...

Да, там меня допрашивали в Госбезопасности! Очень смешно было... Сначала за мной ходил какой-то странный тип. А потом горничная мне сообщает: «Тут с вами хотят поговорить». Заходит человек, показывает мне удостоверение КГБ и начинает «пытать». Стал задавать разные вопросы — что, зачем, почему? А все кончилось тем, что он предложил мне выйти за него замуж... Но все-таки польза от него была, он помог мне достать билет на Москву.

Так вот, мы приехали в Ленинград, Володя устроил меня в гостиницу и днем должен был улететь. Я поехала в Пулково его провожать. И мы там потерялись... Слышу, объявляют по радио, что Володя ждет меня в медпункте. И там я разрыдалась, сидела и так плакала...

— Ну, перестань, Оксана... Ну, что ты плачешь... Что тебе привезти?

— Да ничего мне не надо... Ну, хорошо, привези мне наперсток.

— Ты что издеваешься!? Буду я там ходить и искать тебе наперсток.

— Володя, ну, правда, мне нужен наперсток! Я же шью целыми днями, и дома, и в институте. А наши наперстки... Ну, ладно, привези мне слона.

Мне нравились такие смешные надувные игрушки. Да, еще в аэропорту мне залезли в сумку и увели очки.

Володя улетел. И прошло дня три... Вдруг звонит какой-то человек и говорит, что должен мне что-то передать. Я в полном недоумении. Встречаюсь с этим человеком, он мне передает слона, очки и целый мешок наперстков... Штук, наверное, 500! Володя прилетел, тут же все это купил... Потом нашел нашу группу, которая должна была лететь в Ленинград.

Мы вместе с Володей были у Ласкари, — вот у Кирилла было нормальное человеческое общение. То есть, такое общение, которое Володя ценил больше всего. Он еще в поезде сочинял специально для Кирилла какое-то стихотворение — очень смешное! Тут же мне читал, веселился! Потом он спел его и подарил Ласкари.

— Вообще, Высоцкий охотно пел в любой компании?

— Смотря в какой компании... Отказывал, да еще как отказывал. Знаете, Володя любил рассказывать одну историю... Он был в одной компании, за столом в основном сидели летчики. Они начали приставать: спой да спой. На что Володя ответил: «А вы давай-

те полетайте, а потом я попою». А вот дома он пел охотно, когда бывали Валера, Вадим, Сева...

— А что больше всего вас поражало в Высоцком?

— Володя был такой человек... Все, что я ни делала, у него вызывало бурный восторг! Чего теперь в моей жизни нет вообще. Даже когда он раздаривал свои вещи... «Нет, этого я тебе не отдам — здесь Ксюша подшивала...» Если я что-то рисовала... «Гениально! Потрясающе!» Когда я что-то шила, то Володя говорил: «Нет, Ксюша, тебе надо ехать во Францию к Сен-Лорану...»

А с другой стороны, если вам Володя что-то делал, это должно было вызывать бурную реакцию. Реакцию удивления и восторга! И если такой реакции не было, он обижался, расстраивался... А когда это было — все в порядке!

— Ваш любимый спектакль в театре?

— «Гамлет»... Конечно, «Гамлет». Я видела этот спектакль раз 17 — и всегда это были разные спектакли. А один раз... В Москве была Марина, и мы с Володей не виделись, наверное, неделю. Но так как все мои подруги хотели посмотреть «Гамлета», то я пришла с одной из них в театр. Мест не было, и нас посадили на стульях в проходе. Идет спектакль, действие в разгаре... И вдруг сзади кто-то тянет меня за юбку. Просто самым наглым образом! Поворачиваюсь, чтобы этого человека как следует одернуть... И вдруг вижу — это Володя... «Иди сюда, иди сюда». Народ, конечно, обалдел — вдруг увидели Гамлета, который только что был на сцене! А Володя всем показывает: «Тихо, тихо...» Я говорю: «Ты с ума сошел!» А он: «Я же не знал, что ты придешь... Чувствую, что-то не то — какое-то странное состояние... И вдруг понимаю, что ты сидишь в зале. Начинаю искать глазами — увидел тебя! Ну, и побежал в зал...»

— Мне уже говорили, что Высоцкий во время спектакля видел весь зал, каждого человека...

— Да, да... Я ему даже говорила: «Ты же вживаешься в образ, ты же не должен никого замечать». Он отвечал: «Даже когда я говорю какой-то кульминационный монолог, я все равно вижу весь зал, слышу каждое слово, каждый шорох, каждый вздох... И если в зале мои знакомые, то могу сказать, кто где сидел». Действительно, это было так.

— Отношение к Высоцкому в театре?

— Почти все его не любили, и все очень завидовали! Веня Смехов... Впервые в театр меня привел именно он. Веня лечил зубы у моей тети — я была тогда еще совсем маленькая — и он стал меня приглашать в театр. Веня очень болезненно отнесся к тому, что мы с Володей стали общаться. Однажды он увидел меня в театре и говорит: «Давай я тебя подвезу...» А недалеко стоит Володя, ждет меня. — «Я не могу, потому что...» И показываю на Володю. — «А, ты с самим! Ну, где уж моим «Жигулям» против его «Мерседеса». Вот так. На уровне старшей группы детского сада.

— А телевизор часто смотрел?

— Да... Ложился вот в такой позе на диван, включал телевизор и смотрел все подряд.

— Ну, Володя, ну что ты там такое смотришь? Это же невозможно — целый день!

— Не мешай! Я пропитываюсь ненавистью!

— Я знаю, что Высоцкий хотел поменять свою квартиру на Малой Грузинской.

— Не столько квартиру, сколько этот дом! Он очень хотел жить в доме на Сивцевом Вражке. Двухэтажный кирпичный розовый дом. Если заезжать с Бульварного кольца — второй дом слева... На чердаке он мечтал сделать студию... А дом на Малой Грузинской он не любил из-за людей, которые там живут. Володя называл его «гадюшник». Но поменяться он не успел...

— И еще о том, что Высоцкий не успел сделать — снять свой фильм...

— Этим своим фильмом Володя просто бредил... Он очень хотел, чтобы все люди, которые были ему близки и интересны, работали в этом фильме. Чтобы всех объединило одно общее дело. Он хотел написать свой сценарий, рассказать свою историю — он хотел сделать свое кино. И когда Володя получил телеграмму о том, что его утвердили режиссером этого фильма — он был так счастлив! Он испытывал такой восторг!

А потом, когда главный редактор объединения «Экран» сказал: «Как! Высоцкий снимает фильм?! Кто это придумал? Нет и все!» И это так подкосило Володю. Я даже не ожидала, что он будет так переживать. И вот после этого Володя запил. Состояние его было очень тяжелое. Он часто говорил: «Я или скоро умру, или уеду на год в Америку».

— А сам Высоцкий боролся с болезнью?

— Конечно. Он очень переживал, что приходилось просить, унижаться. Ведь в последнее время с большинством людей он общался именно из-за этого. Его окружали совершенно не те люди. Володя сам часто говорил, что все его друзья умерли давно — Вася Шукшин, Лева Кочарян... Говорил, что он остался один.

А то количество наркотиков, которое он себе делал... Другой бы давно уже умер. Володя действительно был очень одаренным физически... Необыкновенной силы.

Он от меня все это скрывал вначале... И это было очень редко,

чаще всего после тяжелого изматывающего спектакля. Чаще всего после «Гамлета», потому что «Гамлет» его выматывал совершенно. И Володя делал себе укол, просто чтобы восстановить силы. И никаких таких эффектов — как у наркоманов — у него не было. Он как-то мне рассказывал, что первый раз ему сделали наркотик в Горьком, чтобы снять синдром похмелья.

— А это быстро прогрессировало?

— Очень! Но самое отвратительное, что он иногда делал себе какой-то химический наркотик — сильный и разрушительный.

— А про остановку сердца в Бухаре вы знали?

— Как знала?.. Я была в Бухаре...

— Вы были в Бухаре?!

— А кто Володю откачивал? Я его откачивала... В принципе, Володя сразу же хотел, чтобы я поехала. Но потом мы договорились, что я прилечу в Бухару... Но уже через день звонит Янклович: «Все, Володя заболел! Немедленно вылетай! Сначала полетишь до Ташкента, а потом до Заравшана».

Лечу в аэропорт... Билетов нет. Разгар лета, а еще только начался Афганистан — и везут эти первые — страшные черные гробы. То есть — ужас! Кое-как долетела до Ташкента... А как я добиралась до Заравшана — это целая отдельная история.

Приезжаю. Жара такая, что каблуки вязнут в асфальте... За колючей проволокой работают заключенные, на улицах ни одного прохожего — пустой город. Прямо на улице останавливаю «Запорожец»: «Ребята, вы не знаете, где живет Высоцкий?»

Они говорят, что у Высоцкого сейчас концерт, а один из них показывает мне паспорт, в котором через две страницы Володин автограф. Приезжаем к этому кинотеатру, я захожу... Володя без голоса, что-то говорит... Петь он не мог, что-то рассказывал...

Потом Бухара. Там была самая настоящая клиническая смерть. Я ему дышала, а Толя Федотов делал массаж сердца... Володя, когда очнулся, сказал: «Я вас видел и чувствовал... Но как в кино. Ты дышишь, а Толя массирует...» А через полчаса Володя был как ни в чем не бывало. Уже подошли Гольдман, Валера, Сева и говорят: «Да... Наверное, все три концерта ты, Володя, не отработаешь... Один придется отменить». Вот сволочи! Тут я устроила скандал: «Какие концерты! Вы что, с ума сошли! Он же умирал... Никаких концертов!» А Володя как-то так... «Да, наверное, надо...» Я чувствовала, что он на моей стороне, но отказать им он не мог.

— Почему не мог?

— Ну, он же всех их собрал, они на него рассчитывали... Ведь все на Володе зарабатывали... Он мог заработать в любом месте, а они — нет. А тут — все билеты проданы, верный заработок.

В Москву Володя вернулся в хорошей форме, но потом... Самое тяжелое началось как раз в его день рождения. Какая-то жуткая депрессия. Я очень хорошо это помню, потому что у меня было какое-то страшное предчувствие. Как раз перед Новым годом я видела сон, который и рассказала Володе... А мы верили в предчувствия, в сны, в судьбу — и часто об этом говорили. Причем относились к этому довольно серьезно. Так вот мне приснился сон...

Лето, страшная жара, солнце просто испепеляющее — и абсолютно пустая Москва. Честное слово! Такое ощущение, что город эвакуирован или объявлена воздушная тревога. Я иду по Москве все быстрее и быстрее, а по Садовому кольцу уже бегу... От площади Восстания бегу к Володиному дому. И вдруг вижу — к его дому, огибая зоопарк, стоит очередь, все люди в черном. И эта очередь делает такой звук: «м-м-м-м». . Сжав губы, тихо-тихо. Я бегу и спрашиваю: «А что случилось? Что это — война?» И один мужчина в черном пальто и черной шляпе поворачивается и говорит: «Неужели вы не знаете, что это год белой обезьяны и повышенной солнечной активности!» Я понимаю, что что-то случилось, и бегу к Володиному дому...

И когда умер Володя, все было именно так... Была жуткая жара, и почти пустой город. И когда рано утром 28 июля мы подъезжали к дому — выносили гроб — был остановлен транспорт, а у дома стояли люди в черном. И вот с того времени у меня было какое-то постоянное беспокойство, депрессия... А Володя мне говорил: «Ксюша, ты должна меня поддерживать... Все время от тебя шли какие-то хорошие импульсы. А теперь с тобой что-то происходит тяжелое, и мне страшно...» В общем, мы друг от друга были в какой-то тоске.

Потом он сделал гемосорбцию — очистку крови — было ужасное состояние... А весной улетел в Париж, как раз перед гастролями в Польше. И когда Володя был в Париже, я места себе не находила, — и не могла понять, отчего же это происходит. Однажды ночью со мной просто случилась истерика — я то плакала, то хохотала... В семь утра приехала моя тетя и сказала, что умер папа. А я чувствовала, что будет еще что-то более страшное и ужасное... Уж, казалось бы — ну, все! — умер отец... — куда страшнее! И я занималась всеми этими похоронными делами, — не самыми приятными в этой жизни, — а Володя в Париже лежал в госпитале...

Вначале он постоянно звонил, потому что был автомат, но потом этот автомат ликвидировали. А Володя все равно — и к себе домой, и ко мне. И Валера Янклович, который в это время жил в Володиной квартире, говорил мне: «Я устал врать... Володя все

время звонит и спрашивает: «Что случилось? Где Ксюша?» Он там что-то почувствовал и очень беспокоится... Я ему вру, что ты на даче или в институте...» А я сказала Янкловичу, что потом все объясню сама.

Когда мы похоронили отца, Валере позвонил Миша Шемякин, он тоже спрашивал: «Что случилось, Володя очень волнуется?» Янклович ответил: «Да нет, все нормально... У нее трудные экзамены, и она готовится на даче». И когда после похорон я первый раз вошла в свою квартиру, тут же раздался звонок: «Наконец я тебя поймал! Что случилось?» Я чувствую, что он в какой-то панике, но не могу врать — у меня льются слезы, комок в горле... «Володя, ты знаешь, умер мой папа. Я только что его похоронила...» Он сказал: «Все, вечером я буду в Москве». И Володя прилетел, пробыл в Москве сутки — и улетел в Польшу...

— Высоцкий вернулся из Польши, его встречали Янклович и Шехтман, а как он себя чувствовал?

— Тогда умер Колокольников и у Володи начался тот последний запой, из которого он уже практически не выходил. Тогда Федотов пытался вывести его... Они заперлись в квартире, он положил Володю под капельницу... Но мне уже казалось, что ничего из этого не получится.

А вообще, то, что делал Федотов... Знаете, мне тогда было 20 лет — совсем девчонка — и сейчас, наверное, многие вещи я бы делала по-другому, но все же... Так вот Федотов... Я говорю ему: «Толя, как может выносить организм, если, предположим, человеку говорят — стоять! — и тут же — лежать! Но ведь невозможно...» А он говорит: «Да ладно... Все нормально, все отлично! Он еще нас с тобой переживет». Федотов брался за все, он настолько был в себе уверен, что, наверное, за счет этой уверенности он и вызывал какое-то доверие. Но мне кажется, что это была ложная уверенность...

— А когда вы впервые столкнулись с этими тяжелыми состояниями?

— Впервые... Мы прожили год — Володя вообще ничего не пил. Он мог выпить глоток или два шампанского и больше ничего! А первый запой... Я так тяжело это переживала... Физически у меня было такое ощущение, что из меня вытягивают жилы! Я видела и знала многих алкоголиков... Папа у меня был пьющий — даже запойный человек... Вот папа в таком состоянии становился злым. А Володя совершенно другим. Сначала у него было такое очень хорошее настроение... Потом, он тоже мог немного помучить... Что-то закрадывалось ему в душу. А ведь мучают чаще всего тех, кто ближе всех... «Вот, я старый для тебя... Я не могу тебе ничего дать

в этой жизни...» В общем, все, что его волновало — начинало вылезать на белый свет. Но и это было недолго...

А потом... Потом ничего, кроме безумной жалости, отчаяния и горя — я уже ничего не чувствовала. И мне так хотелось ему помочь! Когда Володя пил и ему было очень плохо — в такие моменты он был совершенно «никакой»... Тут же звонили мне. А у меня был еще институт, и надо было заниматься. И приходилось жить на два дома... Ведь в такие моменты Володя никому не был нужен. Конечно, все — взрослые люди, у всех свои проблемы, у каждого — своя жизнь. И пока Володя нормальный и здоровый, и может что-то сделать — он нужен всем. Но как только ему становилось плохо... Да, все приходили, но приходили отметиться... Вот — мы друзья, и мы пришли. Один посмотрит журнальчики, другой — пластиночки послушает, третий чайку попьет на кухне... Они пришли, отметились — и ушли, — а я оставалась. Ведь никто не хотел ни сидеть с ним, ни возиться... Захожу — Володя падает в коридоре, а друзья мне говорят: «Да ладно, он прекрасно себя чувствует! Это он при тебе начинает «понты гнать»... Чтобы ты его пожалела...»

— В общем, вам на себе приходилось...

— В последнее время — да. Ему было очень плохо! Очень! Я уходила буквально на одну минуту — мне звонили соседи: «Оксана, Володя не дает никому спать. Приезжайте».

Было время, когда я вообще не спала несколько дней, Володя мне не давал... И все это время — последние дни — как страшный сон... Как один страшный сон. Он все время держал меня за руку — крепко-крепко. Когда Володя умер, у меня несколько дней на руке был черный синяк — отпечаток его пятерни...

— Ну хоть кто-то мог остановить все это?.. Марина Влади?

— Не знаю... В последнее время у Володи испортились отношения с Мариной...

Мое отношение к Марине... Она — Володина жена, Володя ее любит — значит, это очень хороший человек. Вообще, все люди, которые были близки Володе, которых он принимает и держит около себя — это замечательные люди, и они этой близости достойны. И Марина — прежде всего...

Но в последнее время Володя наших отношений не скрывал, он даже их афишировал. Володя мне говорил: «Ну, хочешь, я разведусь с Мариной... Хочешь, я сейчас ей позвоню и скажу, что мы разводимся...» Я умоляла его не делать этого... Я страшно переживала и понимала, что Марина для него — несмотря на все сложности в их отношениях — человек близкий и нужный. И ломать их отношения ни в коем случае нельзя.

— В последний день он все время был дома?

— Да... Хотя, может быть, он поднимался к Нисанову, но я этого не помню. В квартире была мама... Но Володя меня вообще не отпускал. Каждую секунду я должна была быть рядом... А Володя же ничего не ел. Утром я все же сходила на рынок, купила клубники и немного покормила его клубникой со сливками.

Кто-то пришел, надо было сделать чай... А Нина Максимовна говорит: «Нет, нет, я сама сделаю, вы идите к Володе». Володя ходил, стонал, орал... И я ходила вместе с ним. Потом я сделала ему ванну, — 37,5 градусов... Это снимает боль. Его же ломало, он все время метался — не мог себе места найти.

— А Федотов приехал позже?

— Да, он приехал... Или нет? Они же сидели все вместе на кухне, выпивали... Володя тогда лежал еще в кабинете. Я сидела около Володи, а Толя подошел и говорит: «Ты иди, поспи хоть часа два, а я с ним побуду». Я не видела, как он его перетащил в гостиную. Ушла в спальню и сразу заснула. К тому времени Володя затих, я подумала, что он заснул. Когда он там рычал, я еще не спала... Толя все время ему что-то колол... И когда он затих — заснула и я. Все это длилось не больше часа... Толя переставил кровать, перенес Володю в гостиную. Наверное, чтобы он был поближе к нему. Ведь Толя тоже заснул на диване в гостиной... А когда он проснулся, то увидел, что Володя мертвый.

— А потом, ночью, вы уехали домой?

— Я никуда не уехала, я осталась. Толя ведь истерик — ничего не мог делать... Я позвонила Боровским, позвонила Янковичу. Все стали приезжать... Приехала мама. И друзья не нашли ничего лучшего, как послать меня встречать маму. Я пошла, встретила Нину Максимовну, сказала, что умер Володя...

Да, часов, наверное, в 10 приехал папа... Замечательный Володин папа... Мы сидели в кабинете, и папа начал отбирать книги, которые он заберет с собой. Стоя спиной ко мне, он говорил:

— Оксана, я думаю, вам не стоит приходить на кладбище...

— Почему же?

— Ну, вы, наверное, будете бросаться в могилу...

— Знаете, Семен Владимирович, я в ваших советах не нуждаюсь. Я сама решу, приходить мне на кладбище или нет.

А еще папа подошел к Давиду Боровскому и сказал: «Я знаю, что Володя дал Ксюше три тысячи, пусть она вернет их». А позже родные еще долго выясняли — откуда у меня кооперативная квартира? А у меня — никакая не кооперативная квартира — обыкновенная нормальная квартира.

— У вас остались письма или записки Высоцкого?

— Да, у меня есть какие-то Володины наброски, даже рисунки... Володя пробовал меня рисовать. Есть какие-то варианты песен. В общем, все, что Володя писал у меня дома, — это и осталось.

— Но опубликовать надо когда-нибудь...

— Да, может быть, когда-нибудь... Это настолько мое, что я пока не хочу, чтобы это читали другие. У меня даже сохранилась запись телефонного разговора с Володей — совершенно случайно один мой приятель записал это на магнитофон. Очень трогательный разговор... Все это — моя память.

Знаете, я никуда не хожу и никуда не рвусь. Ведь необязательно ходить на все эти сборища, чтобы вспомнить Володю. Я просто каждый день его помню... Не бывает дня, чтобы я не думала о нем. А собираться раз в год на день рождения и еще раз — в день смерти, и нести при этом всякую фигню... Мне кажется, что Володя в гробу переворачивается. Не знаю... Но я думаю, что все это должно быть внутри — в сознании, в памяти, в поступках.

А почему я все это вам рассказываю... Знаете, когда из ситуации или из события изъята одна часть — один человек — то правды не получается... Или это будет не вся правда.

ИГОРЬ ШЕВЦОВ

Мы можем прийти в студию,
записать и показать в другое время,
подчистив, придав этому нужную форму.
Так что появился новый вид искусства — телевидение.
В.Высоцкий, Пятигорское ТВ, 14 сентября 1979 года.

Игорь Константинович Шевцов — кинодраматург, вместе с В.В. работал над сценарием «Зеленый фургон». По просьбе Марины Влади уже в августе 1980 года написал воспоминания о Высоцком, которые опубликованы во второй книге «Живая жизнь» (Москва.: Вагант, 1992). И.Шевцов — первый собиратель видеозаписей В.Высоцкого.

Все это началось в Театре на Таганке у Валерия Янкловича: тогда была создана — еще неофициальная — Комиссия по литературному наследию Владимира Высоцкого. Туда вошли: Любимов, Боровский, Янклович, Артур Макаров... На первых заседаниях я не был, меня позвал Янклович, а может быть, я пришел сам, — точно уже не помню. Но помню, что я предложил создать видеоархив Высоцкого.

А тогда мы знали только о существовании записи для «Кинопанорамы». Поэтому первой задачей стало: узнать судьбу этой пленки. Я пошел в Останкино, зашел в редакцию «Кинопанорамы». Обратился к Рязанову, который сказал, что про судьбу записи ничего не знает. Еще в редакции был разговор с Ксенией Марининой — режиссером этой передачи. Она вообще сказала, что у нас ничего нет...

— Нет, нет, ни в коем случае! Это все давно приказано стереть.

Был такой приказ или нет — я этого не знаю.

Да, еще знал о существовании кинопробы для фильма Швейцера «Бегство мистера Мак-Кинли». Я хорошо помню, что разыскал Михаила Абрамовича на выходе из «Мосфильма». У него спустило колесо у машины, и я еще бегал в мастерские «Мосфильма», чтобы отремонтировать это колесо, знаком я с ним был «шапочно» и боялся потерять контакт. Я ему сказал:

— Михаил Абрамович, съемка-то пропадет, сделайте, пожалуйста, копию.

Он ответил:

— Да-да. Я сделаю, обязательно сделаю.

Дело в том, что кинопробы долго не хранят, а, как правило, очень быстро «смывают». Но, в конце концов, мне он так ничего и не дал. Но ролик сделал, даже показывал на своих творческих вечерах. По крайней мере, я надеюсь, что подтолкнул его к этому...

А в Останкино я ходил несколько дней — тогда, в 80-м году, у меня еще были там контакты — искал людей, которые могли хоть

что-то сказать о записи для «Кинопанорамы»... В редакциях никто ничего не знал, и я пошел по аппаратным (тогда они назывались АВЗ). И там стал спрашивать у технических работников:

— Вы знаете, мы в театре собираем видеозаписи Высоцкого...

Никто ничего не знал, но все-таки мне подсказали, что надо обратиться в такое-то АВЗ, кажется, там видели эту запись...

Я пошел туда: тоже никто про запись не знает. Но я вижу, что один парень делает мне какие-то знаки. Я быстро сворачиваю разговор и выхожу в коридор. Он тоже вышел — симпатичный такой парень, немного лысоватый, — и спрашивает:

— А что вы конкретно ищете?

Я объясняю, а Миша — мы уже познакомились — мне говорит:

— Я знаю, где хранится этот рулон.

— Вы мне поможете?

— Конечно.

— А что для этого надо?

— Ничего... Ну, бутылку водки для охраны...

Короче говоря, дня через два он где-то достал «исходник» (оригинал видеозаписи. — *В.П.*), переписал его в аппаратной, а писали тогда на громадных рулонах с широкой пленкой. Потом у него была длинная и сложная история с выносом, но все-таки он этот просто чудовищный рулон пронес. А в те годы из Останкино маленькую аудиокассету нельзя было вынести без специального разрешения, а он пронес эту громадную бобину.

Ну, вытащил Миша эту бобину, а смотреть ее негде. Стали искать такое место, нашли какую-то военную академию, где были эти стационарные видеомагнитофоны «Кадр». Мы договорились, нам поставили рулон, и мы с Янковичем начали смотреть. Смотрим... И все это такое живое, все это происходило совсем недавно, совсем близко... (Передача «В.Высоцкий. Монолог» впервые была показана по ЦТ 23.01.87 г. Режиссер К.Маринина. — *В П.*)

Этот рулон долго хранился у нас, потом сделали копию на «Юматике», в МГУ у Юрия Николаевича Дроздова. А получилось так: совершенно случайно у одного своего приятеля я узнаю, что на факультете журналистики МГУ, в учебной студии тоже была видеозапись Высоцкого. Я пришел в МГУ — тоже никого не знаю — стал спрашивать у студентов:

— Ребята, где тут у вас учебная студия и кто там начальник?

Мне показали человека, я с ним познакомился, это и был Юрий Николаевич Дроздов. Говорю ему, что мы собираем видеозаписи Высоцкого. Дроздов отвечает:

— Да, мы записывали Высоцкого...

Вот так была найдена вторая видеозапись — университетская.

(Эта запись для знаменитого американского кинорежиссера Уоррена Битти, которую Высоцкий сделал в качестве кинопробы для фильма «Красные». Апрель 1979 года. — *В.П.*) Валера Янклович про нее знал, но где и когда она была сделана — забыл.

Потом — Таллин. У меня была знакомая сценаристка Соня Давыдова, она умерла два года назад... А у Сони в Таллине жила приятельница — кинокритик. Эта приятельница рассказала Соне, а Соня мне, что на Таллинском телевидении прошла передача о Высоцком и что это было в начале 70-х годов. А вел эту передачу известный в Эстонии тележурналист Мати Тальвик. Я позвонил ему из Москвы, он сказал:

— Конечно, конечно — все сделаем. Приезжайте.

Я поехал в Таллин — тогда еще никаких проблем с поездками в Эстонию не было — пришел на телевидение, и Мати Тальвик сделал мне черно-белую копию таллинской записи. (Передача называлась «Встреча с актером Театра на Таганке Владимиром Высоцким». Была записана на Таллинской студии телевидения в мае 1972 года. Во время записи в студии находилась Марина Влади. — *В.П.*)

В это время мы нашли Сэма Рахлина. Сэм — человек очень интересной биографии, родители его из России, и он сам когда-то жил здесь. Отец и мать его — евреи, о чем нетрудно догадаться по фамилии — при Сталине отсидели свое где-то на Колыме, а потом каким-то образом эмигрировали. Это было давно — во время самой первой еврейской эмиграции, еще при Голде Мейер. В конце концов они осели в Дании. И бывший московский пионер Сема Рахлин доучивался уже в Дании, там же получил журналистское образование. В конце 70-х годов он работал в Москве корреспондентом датского телевидения. Сэм снимал похороны, хотя Высоцкого при жизни не знал и никогда не видел — просто проявил журналистскую оперативность. Рахлин сам пришел в театр и поговорил с Петей Леоновым. (Петр Леонов — заведующий литературной частью Театра на Таганке, первый директор Дома-музея Высоцкого. — *В.П.*) А уже Петя передал его координаты мне. Я думал, что у Сэма много записей, но у него кроме съемки похорон ничего не было.

Потом... Я все время говорю «потом», хотя на самом деле многое шло одновременно. Так вот, Валера Янклович вспомнил, что шли переговоры с Ленинградским телевидением и что Володя ездил туда сниматься. Мы нашли Славу Виноградова, и Слава безо всяких разговоров и условий сам привез пленку. Так была найдена последняя съемка поющего Высоцкого. (14 апреля 1980 года в Малом зале БДТ, съемка режиссера В.Виноградова для телефильма «Я помню чудное мгновенье». Материал в фильм не вошел. — *В.П.*)

В общем, вначале мы, конечно, занимались видеозаписями, потому что с кино все было проще. Документальный фильм с участием Высоцкого был всего один — «Срочно требуется песня», там он спел «Парус», и мы его нашли. Вадим Туманов рассказал, что видеозапись была в Пятигорске. По-моему, ты сам ее привез, но это было позже. (После смерти Высоцкого Ю.П.Любимов позвонил на Пятигорскую студию телевидения: «Мы заплатим любые деньги — найдите видеозапись с Володей». Но к этому времени запись по указанию сверху уже была стерта. А сделана она 14 сентября 1979 года, ведущий В.Перевозчиков. Магнитная запись была передана в театр, часть ее использована в спектакле «Владимир Высоцкий». Фрагмент видеозаписи — сохранилось всего семь минут — я привез в Москву в 1986 году. — *В.П.*)

Но вернемся к Сэму Рахлину. Он в это время делал телевизионный фильм о Володе — самый первый фильм, делал для датского телевидения. И мы передали ему все материалы, которые у нас уже были. Он сделал фильм, который успешно прошел на Западе. И в благодарность Сэм привез нам сюжет австрийского телевидения, который, естественно, снимался здесь, в Москве. А еще американскую съемку — вернее, сюжет для программы «Шестьдесят минут».

Потом — Болгария. Мы знали, что болгары много снимали Володю во время гастролей Театра на Таганке, снимали Высоцкого дома, на Малой Грузинской... Доставали все это через Болгарское представительство в Москве, там очень помогла одна симпатичная женщина. Я говорю:

— Ну очень! Очень надо.

Она ответила:

— Хорошо, постараюсь.

Договорилась со своими, и болгары прислали кинопленку! Два телевизионных фильма. А позже пришел третий сюжет, тоже с помощью этой женщины.

С Венгрией было так... Венгерские съемки — а это, пожалуй, самая профессиональная запись песен Высоцкого — доставал Любимов. У него же с Венгрией особые отношения, его вторая жена — венгерка. (Вторая жена Ю.П.Любимова — Катя — во время гастролей Театра на Таганке в Венгрии работала переводчицей. По словам Юрия Петровича, Катя помогала в организации этой съемки. — *В.П.*) Просто Петрович позвонил в Венгрию, и ему привезли пленку. Он отдал ее Дроздову, а мы с ним потом менялись. Так что все делалось на уровне личных контактов и симпатий, практически ничего по нормальным, официальным каналам мы не получали.

Потом — ФРГ... После 28 июля немецкое телевидение дало по «Евровидению» сюжет о похоронах Высоцкого, но наши, конечно, его не показали. Но записали. Тот самый Миша из Останкино мне

его переписал. Мы посмотрели: там похороны, отрывки из спектаклей — и вдруг синхронный фрагмент песни «Пророков нет в отечестве своем...». Я как человек немного разбирающийся в кино, понял, что если есть маленький кусок синхрона, значит снимали много. Потому что ради маленького фрагмента песни синхрон тратить не будут. (Синхронная съемка в кино: отдельно снимается изображение и одновременно отдельно записывается звук. Потом изображение и звук «сводятся» на одну пленку. — *В.П.*) То есть где-то есть запись специально организованной съемки. Стал искать. Конечно, я не знал, какой канал ТВ ФРГ это делал, но совершенно случайно вышел именно на тот, который был нужен. Через своих знакомых — история очень долгая — нашли кусок, который хранился в Союзе, потом достали всю съемку. Пленка оказалась очень интересной: несколько песен и интервью. Причем немцы заверили нас, что подарили все это театру. (Вероятно, это сделал Фриц Пляйцген — корреспондент первой программы ТВ ФРГ в Москве, ведущий этой передачи. Съемка кинооператора Ю.Королева — он трагически погиб в 1994 году — состоялась летом 1976 года. В начале интервью в кадре вместе с В.В. Белла Ахмадулина. — *В.П.*)

Дальше. Однажды мой приятель, режиссер Алик Шеин, говорит мне:

— Ты знаешь, я был на дне рождения Людмилы Максаковой, и муж ее — Ульрих — снимал все это. Был Высоцкий — и даже пел.

Я сказал Любимову, он позвонил. Говорил с Ульрихом или с Максаковой — точно не помню. (Мать Л.Максаковой и мать первой жены Ю.Любимова — Людмилы Целиковской — пели в одном церковном хоре. — *В.П.*) Ему ответили:

— Да, пленка есть. Сделаем для вас копию.

Действительно, сделали звуковую цветную узкопленочную копию — съемка любительская... «Оператор» Ульрих снимал в основном свою жену. Но и Володя попал. Несколько песен, и разговор по телефону с Мариной, а в основном застолье...

Все это накапливалось, накапливалось. Хранилось у меня дома, а что-то в гараже у Севы Абдулова. Лежало практически мертвым грузом, — показать все это было невозможно. А тогда в моде были всякие вечера... И какая-то девочка из Дома архитекторов сказала мне:

— Давайте сделаем ваш вечер.

— Давайте. Только не мой — я покажу одну свою короткометражку, а потом Высоцкого — у меня есть потрясающие съемки.

На кино были венгерские ролики, а там, повторяю, все очень здорово снято. Девушка вначале испугалась:

— Ой, как мне страшно! Но давайте попробуем... Только про Высоцкого я ничего объявлять не буду.

Но, конечно, она кому-то рассказала, и по Москве это пошло... А я никогда со сцены не выступал, если не считать «кушать подано» в каком-то школьном спектакле. Приходим, а в зале — «лом» — забит битком. Сам понимаешь, выйти на сцену, а пришла в основном интеллигенция, страшновато... Ну я что-то провякал, показал свою картину, а потом — Высоцкий. Был просто бешеный успех! Успех, конечно, не мой, а Высоцкого.

Вот после этого Валера Янклович сказал:

— Давайте сделаем программу. Другого способа показывать все это — нет.

На широкой кинопленке у нас было всего двадцать минут, все остальные съемки были на видео. На студии документальных фильмов работал мой приятель Саша Иванкин — тот самый, который когда-то снимал «Гамлета» (сохранились только фрагменты спектакля «Гамлет», снятые разными операторами, последняя съемка 18 июля 1980 года — за пять дней до смерти! — оператор Петр Солдатенков. Поиски полной записи — болгарской, японской, югославской — пока ни к чему не привели. — *В.П.*). Тоже долгая история, но так или иначе, мы перевели на кинопленку запись для «Кинопанорамы» — все песни и даже некоторые рассказы Высоцкого. Таким образом, мы собрали уже какой-то репертуар — песен 15-20. Начала складываться программа «Творческий поиск Владимира Высоцкого».

Валера Янклович стал пробивать все это через общество «Знание», от которого в свое время начинал официально работать Володя. Я помню, что первый просмотр устроили в ЦДРИ, в маленьком зале. Проекционной аппаратуры не было, притащили откуда-то передвижку. А нужно было, чтобы программу одобрили, приняли и дали какую-то бумажку. И мы подготовили такую патриотическую программу: побольше военных песен, побольше благородных слов... Ведь это 1982 год, я помню, что еще был жив Брежнев — Высоцкий «персона нон грата»: ни публикаций, ни передач... Да, у нас еще были рецензенты, которые написали отзывы на программу. Мы взяли Игоря Яцкова — ныне покойного — он был лауреатом Ленинской премии. Очень интересный человек был: смешной, остроумный, талантливый. И всем известную Наталью Крымову. Принимали программу не самые высокие начальники, а дамы-референты, которые в «Знании» составляли расписание выступлений. Но и они решали многое. Естественно, рецензентами и нами были сказаны именно те слова, которые были нужны. Нам все это утвердили и дали какие-то мизерные лекторские ставки. Вначале программу вел я, а Сева Абдулов читал стихи. И сразу нас стали запускать. Очень энергично, потому что программу брали везде — только свистни! «Знание» делало на нас хорошие деньги, а мы получали гроши.

И Валерий Янклович стал суетиться, что-то пробивать по своим каналам... А уже появился Гарик Антимоний, стал выходить на сцену, в общем, нас стало четверо... Валера занялся филармониями, и вначале нас «взяла» Магаданская филармония, что было очень выгодно: северные надбавки и накрутки. Там нам сделали актерские ставки, так что у меня есть ставка — 13 рублей 50 копеек. Янклович и Абдулов выбили себе ставки побольше, но на самом деле мы все делили поровну. Выступали и в Норильске, объездили чуть ли не всю Колыму... Но где бы мы ни работали, а выступали по всей стране, раз в месяц обязательно летали в Норильск: сдать деньги и отчитаться. Тратили на эти перелеты бешеные деньги, но отчитывались... Ну, обыкновенный советский идиотизм.

Потом мы перешли в Северо-Осетинскую филармонию, и когда мотались у вас по Кавминводам, то узнали о существовании записи в Грозном. Да, это уже мы с тобой занимались... Помнишь, нашли в санатории директора Грозненской студии, который, конечно, сказал, что ничего не знает. (Еще мы с Игорем звонили в Грозный редактору передачи, которая, по-моему, сказала, что на студии был пожар и рулон с записью сгорел. — *В.П.*) Тогда все всего боялись, и записи мы не получили. А достал ее Рязанов, которому я дал координаты — это уже был 1987 год — и рулон ему передали в Москву. (Значит, и в Грозном были поклонники Высоцкого... Дело в том, что было распоряжение по Гостелерадио Чечено-Ингушской АССР: «Фрагмент с участием В.Высоцкого в передаче «Телевизионная гостиная» в эфир не выдавать, видеорулон размагнитить». Но съемка сохранилась, она явилась основой для телепередачи «Летела жизнь» — В.Высоцкий в Чечено-Ингушетии», премьера которой по ЦТ состоялась 25.01.1990 г.)

Эльдар Рязанов делал тогда передачи «Четыре вечера с Высоцким». Я дал ему «наводку» на итальянскую запись, и, по-моему, ЦТ эту пленку купило. Мексиканская передача как-то сама пришла в Москву. Я слышал, что работники мексиканского телевидения приехали и подарили эту запись музею. Через Таню Сидоренко — актрису Театра на Таганке — мы узнали о югославской записи. У Татьяны муж из Югославии. Когда Высоцкий снимался в кинофильме «Единственная дорога», там была сделана очень хорошая запись. Рассказывали, что Володя пел, сидя в лодке или на причале, но этой пленки я не нашел и не видел.

А когда мы с программой были в Новосибирске и сидели у Юры Гурова, просто подошли ребята, и кто-то из них сказал:

— Вы знаете, мы работаем на Новокузнецком телевидении, а практику проходили в Ленинграде, там тоже была запись Высоцкого. У нас есть небольшой фрагмент.

— Съемка Виноградова?

— Нет, совершенно другая.

И потом они это прислали: половина песни «Диалог у телевизора». Запись, конечно, была большая, но ее стерли, и остался лишь этот кусок.

После передач Крымовой и Рязанова, в которые мы давали наши материалы, программа «Творческий поиск Высоцкого» сама собой сошла на нет, точнее, потеряла свою актуальность. Вот, Валера, и вся наша история... Да, и уже самое последнее: мы узнали, что Володю снимали японцы, но никаких концов я тогда не нашел. (Позже эта запись появилась в Музее Высоцкого. — *В.П.*)

А что с Музеем? После того как программа наша закончилась, я предлагал все материалы Музею (там уже крутился Жильцов). С Андреем (А.Бартельс — бывший директор Дома-музея Высоцкого на Таганке, теперь директором является младший сын В.В.Никита. — *В.П.*) много раз говорили об этом... А всего-то надо было сесть на машину и перевезти пленки из Севиного гаража, а можно было принести и пешком. Они этого не сделали...

А сейчас время другое... Недавно позвонил какой-то мужик — пьяный и очень заикается, и вдруг обращается ко мне «на ты»:

— Привет! Слушай, у нас появились венгерские пленки очень хорошего качества. Мы их дадим тебе, а ты нам то, что у тебя есть...

— Стоп! А с кем я разговариваю?

— А, ну да... Это Роговой Игорь.

— А кто это такой?

— Как это кто?! Я в Музее работаю.

И снова стал перечислять, что им нужно... Говорил просто похамски. Ну, я его и послал. Потом трубку взял молодой парень, который говорил вежливо и толково. Я ему объяснил, что мы с 1980 года собирали эти записи, легальными, а чаще нелегальными путями — через знакомых и друзей. Все права на эти передачи и съемки имеют их создатели, вот с ними и договаривайтесь. То, что мы давали эти записи Рязанову и Крымовой, ни о чем не говорит. Они сами решали или не решали проблемы авторского права... Я могу только дать вам все координаты. Но ко мне никто не обратился...

ЮРИЙ КАРЯКИН

Юрий Федорович Карякин — литературовед, философ, автор известных во всем мире книг о Ф.М.Достоевском. В августе 1980 года по просьбе Марины Влади он написал пронзительную статью о Владимире Высоцком, которая в тысячах «самиздатовских» копиях разошлась по стране.

Наш разговор с Юрием Карякиным состоялся в Переделкино 5 октября 1996 года.

— Юрий Федорович, вначале расскажите, пожалуйста, о художественном совете Театра на Таганке.

— Этот совет можно назвать легендарным. Достаточно сказать, что мы — сюда я отношу еще Женю Евтушенко и Андрея Вознесенского, — так вот, мы тогда, сравнительно молодые, смели выступать только последними. Мэтром совета был Николай Робертович Эрдман — человек просто гениальный: и состоявшийся, и несостоявшийся Гоголь. Человек поразительного ума, остроумия и мудрости. Александр Абрамович Аникст — ну, его и представлять не нужно, всемирно известный шекспировед. И композиторы: Дмитрий Дмитриевич Шостакович (под его музыку идет спектакль «Галилей»), Альфред Шнитке, Эдисон Денисов... Участвовали в совете Эрнст Неизвестный, Капица — сначала старший, а потом и молодой...

Вот такая «академия» — и для участников совета, в первую очередь, но и для актеров — тоже. Каждое заседание само по себе было гениальным представлением — вот если бы тогда догадались их записывать!

Это был закрытый совет, в том смысле, что собирались единомышленники. Ведь практически каждый спектакль Таганки принимался с десятого раза, а иногда вообще запрещался. «Живой» Бориса Можаева — эта история длилась лет 15, наверное, а ведь был гениальный спектакль. «Берегите ваши лица», «Борис Годунов»... Казалось бы, уж куда патриотичнее — спектакль «А зори здесь тихие», но и его тоже чиновники разрешили с громадным трудом. Поэтому мы очень много времени тратили на пробивание всяких инстанций. Приходилось с какими-то замечаниями соглашаться, что-то якобы исправлять, а на самом деле этих принимающих ждали новые сюрпризы. В общем, художественный совет Таганки был достаточно боевым органом, повторяю, это был совет единомышленников. Но в то же время нам не хватало времени на обсуждение собственно художественной стороны, — очень много сил уходило

на пробивание спектаклей. При том, что это был такой уникальный художественный совет — КПД был меньше, чем мог бы быть. Вот сейчас вспомнил, что Константин Симонов сыграл большую роль в пробивании «Мастера и Маргариты».

— Почему именно в Театре на Таганке возник такой уникальный художественный совет?

— Я думаю, потому, что Таганка была легальной возможностью собираться таким людям. И главная заслуга в этом, конечно, Юрия Петровича Любимова. Он дружил с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, который часто бывал на наших заседаниях. Впервые я познакомился с ним именно на Таганке.

— И даже работники международного отдела ЦК КПСС входили в состав худсовета...

— Международный отдел ЦК в то время считался гнездом «ревизионизма». Состав его тоже был уникальным. Большинство прошло школу журнала «Проблемы мира и социализма». Попадали в редакцию такими монолитными «булыжниками пролетариата», а там нас «отгранивали». Потому что в Праге (где располагалась редакция журнала) мы встречались с другими точками зрения и на мир, и на социализм. С этими точками зрения нам приходилось считаться, что как-то нас формировало. Было тогда такое выражение, пущенное, по-моему, членом Политбюро ЦК КПСС Демичевым: «пражский хвост». Через этот журнал прошли Арбатов, Загладев, Делюсин, Шахназаров, Черняев — будущий помощник Горбачева...Они очень много делали, чтобы пробить спектакли Таганки.

Лев Петрович Делюсин — очень интересный человек, заведовал тогда Институтом восточной культуры и брал к себе людей, которых отовсюду гнали. Один из самых близких друзей Юрия Любимова, и с Высоцким у него были хорошие отношения. Володя же обладал огромным тактом, интеллигентностью, не знаю — врожденной или выработанной. Он всегда умел держать почтительную дистанцию. В те времена у нас с Высоцким была разница в восемь лет, и тогда она казалась очень большой. А когда речь шла о Делюсине, Володя буквально теплел. Пожалуй, более надежного, более преданного Таганке человека просто не было.

— Однажды вы назвали Высоцкого своим младшим учителем. Почему?

— Я вообще очень счастливый человек. Старшие друзья — Солженицын, Сахаров, Лидия Корнеевна Чуковская — только недавно она ушла из жизни... Лидия Корнеевна — человек прежде всего гениальной нравственности и страстный ревнитель классического русского языка. Боря Можаев, Юра Любимов...

А младшие, — на первом месте, конечно, Володя. Я в полном смысле этого слова считаю себя его учеником. Равно, как и Толю Якобсона. Поэт, переводчик, критик первоклассный, он уехал за границу, и там покончил с собой. И я был в таком перекрестье: и сверху — лучи, и снизу (здесь я имею в виду только возраст). И вот, когда свои «аккумуляторы» садились, всегда можно было «подзарядиться» от этих людей. Тут трудно было, даже невозможно поступить дурно, шло такое своеобразное соревнование — кто чище, умнее, смелее.

— А ваше личное знакомство с Высоцким, когда оно началось?

— Это был 1964 год. Я приехал из Праги в отпуск. И мы с моим другом шатались по театрам. Пошли на «Марию Стюарт» во МХАТ — это был абсолютно «нафталиновый» спектакль. И вдруг Камил Икрамов, тоже один из моих друзей, узнав, по каким театрам мы ходим, взорвался и сказал: «А вы были на Таганке?» А мы про Таганку и не слышали. Пошли туда — и это действительно оказалось чудом. Хотя до полного разворота, расцвета Таганки было еще далеко. Шли только «Десять дней, которые потрясли мир» и «Добрый человек из Сезуана». После спектакля Юрий Петрович пригласил нас к себе. И я запомнил такую сцену: спектакль уже закончился, а Володя где-то в коридоре пел. Просто так, для себя — как певчая птица. А потом начались чудеса... Очень часто у Любимова, у Левиной (она работала тогда завлитом театра), на чьих-то днях рождения Володя нас радовал песнями, что называется, «с горячей сковородки» — только что написанными. А дальше самое счастливое время общения с ним — это работа над «Преступлением и наказанием». (В Театре на Таганке был поставлен спектакль «Преступление и наказание» — инсценировка Ю.Ф.Карякина. — *В.П.*)

Это был 1978 год. Володя уже откалывал свои «номера» — он уехал куда-то, по-моему, в Америку, и уехал полулегально. Никому ничего не сказал и махнул в Америку. А уже остается месяца два до премьеры. Ну, теперь-то я знаю — после вашей «Правды смертного часа» — чего ему это стоило и физически, и духовно. У меня тогда и подозрения не было... И, к сожалению или к счастью, я сам тогда принимал участие в «бражничестве».

Володя вернулся, приехал ко мне, и там произошла забавная история. Это был такой большой девятиэтажный дом, окруженный пятиэтажками. У нас и еще у кого-то были машины, три-четыре машины стояли у дома. И пацаны из пятиэтажек регулярно прокалывали нам шины. Помните, у Володи есть такая «Песня автозавистника»? Систематически прокалывали шины. Вдруг приезжает

Высоцкий, уже на «Мерседесе», а я его встречаю. Сам Высоцкий — на «Мерседесе»! Ну, пацаны окружили нас... А потом их атаман дал приказ: «Этому не прокалывать!» И мне перестали прокалывать шины. Я Володе говорю: «Ты знаешь, сколько денег мне сэкономил?» А он: «Платите проценты».

И вот мы сидели часами, репетировали и, прежде всего мне, это много давало. Во-первых, я был потрясен, как мгновенно он вошел в роль. По-моему, я человек не надменный, но все-таки тогда относился к нему как к младшему. И чем я был потрясен — к этому времени Володя был уже зрелым мастером. В основе лежало мощное ремесло — в старинном, высоком смысле этого слова. Мгновенно он вошел в роль, и уже мне открывалось что-то новое. Во время одной из репетиций мы вышли из служебного входа покурить, и я простодушно спрашиваю: «Володя, я не понимаю, как ты вошел в роль Свидригайлова?» Если вы помните, Свидригайлов в спектакле Театра на Таганке пел, пел романс... А произошло это совершенно неожиданно, сюрпризно — во время репетиции. И большая часть присутствующих просто завопила: «Какое безобразие!» Я точно помню, что Любимов и я сразу были в восторге.

Так вот, я спрашиваю: «Как ты вошел?» И он мне рассказал такой эпизод... В школе, на переменке, стояли пацаны и играли в «слабó»: это сделать — слабо, то сделать — слабо... И вдруг один мальчишка говорит: «А слабо перо в глаз воткнуть?» Никто опомниться не успел, как он подозвал какого-то первоклассника — и воткнул перо прямо в глаз. И Володя говорит: «Как будто мне! И вот мне, чтобы войти в роль, надо прежде всего найти боль». Это было как мороз по коже. Это мне как-то сразу многое открыло в Высоцком. Помогло понять, почему многие думали, что Володя сидел, воевал, водил тяжелые грузовики, был альпинистом...

Из театральных ролей (это, конечно, мое субъективное мнение) самые мощные у Высоцкого — Гамлет и Свидригайлов. Я много видел Свидригайловых и читал, как играли другие актеры, но у Володи это была великая роль. Когда Володя выходил на сцену в обшарпанном халате, все менялось, вся структура спектакля — все начинало вращаться вокруг него. Там есть такой эпизод: Раскольников эдаким петушком нападает на мощного, великого, все уже пережившего преступника, — как раз накануне его смерти. Так вот, петушком Раскольников — его играл Саша Трофимов — нападает на Свидригайлова и идет такая фраза: «Вот вы меня обвиняете, а сами подслушиваете!» И тут Володя делает совершенно фантастическую паузу и говорит своим мощным голосом: «А-а, подслушивать — нельзя?! А старушонок лупить чем попало по голове в соб-

ственное удовольствие — можно?!» Я, конечно, не в состоянии все это передать, всю эту мощь... И тут Саша Трофимов, почти детским, плачущим голосом говорит: «Ну не могу я с ним... Он меня забивает». А мы с Любимовым чуть не в голос: «Да так и надо! Так и нужно!»

Я ходил на этот спектакль, по-моему, раз 50, ходил, конечно, на Володю. И там произошла такая забавная история (Володя о ней знал). У меня как у члена худсовета театра была «бронь» на билеты. А билеты на Таганку тогда были валютой, просто настоящей валютой. На «Мастера и Маргариту» один билет с рук продавали за 50 рублей, а тогда это были большие деньги. На «Преступление» — поменьше — 20 рублей. У меня всегда на этот спектакль было десять билетов. И какие-то люди это знали, приходили и брали «для Карякина». Потом приходили мои, те, кому билеты предназначались, — а уже все билеты проданы. И я стал делать так: выписывал билеты «на Раскольникова — два» и т.д. Володя, когда узнал про эту историю, очень смеялся. Это было счастливое время...

А сейчас я вернусь к вашей книге. И сразу скажу: я еще больше зауважал Высоцкого. Как ни парадоксально, мне еще больше открылась его мощь, потому что с таким грехом, с таким пороком — он продолжал играть и творить. Ведь за последние его месяцы проделана гигантская, просто невообразимая работа. Да, конечно, трагедия — но и мощь! Мне понятна боль родных, это понятно и это свято. Они пережили то, что, как мне кажется, для них не было открыто. Я понимаю Вадима Туманова, который против (публикации книги «Правда смертного часа». — *В.П.*)... Но это было! Было! Без этого — другой Высоцкий! Еще раз скажу: я еще больше зауважал его как мужика. Это уважение было всегда, но после вашей книги — в еще большей степени.

— Вы мне говорили в прошлый раз, что готовите к публикации свои дневники...

— Да, я уже начал разбирать, много уже разобрал. Там много о Володе, причем я записывал не события, а какие-то его слова, мысли. Там много и об Эрнсте Неизвестном. Сейчас я прервал эту работу, потому что должен закончить книгу о Достоевском.

Кстати, еще одну историю могу вам рассказать. Я однажды летел в Америку, и со мной рядом сидела очень красивая пожилая женщина. Она на меня так странно посмотрела — узнающе. Выяснилось, что это теща Солженицына. И мы разговорились, хотя на самом деле все эти 14 часов в воздухе говорила в основном она — я ее расспрашивал и слушал. И один из вопросов был такой:

«А как Александр Исаевич относился к Володе?» И она рассказала мне, что сыновья Солженицына, зная его классический вкус, разработали такой план. Сами они обожали песни Высоцкого, и постепенно, постепенно давали слушать Солженицыну. И он полюбил Володю. Очень полюбил.

Когда Володя умер, я писал статью к сороковинам «По чьей вине?». Жил я в это время в Малеевке, в Доме творчества Союза писателей. А рядом жил такой строгий пурист Лазарь Лазарев — сейчас главный редактор журнала «Вопросы литературы». Человек исключительного вкуса и слуха — к тому же скептик. И вот он надо мной немного посмеивался, что у меня такая влюбленность в Высоцкого. В конце концов меня это разозлило, и мы с ним поспорили на коньяк... «Вот я тебе делаю программу, ты слушаешь Володю, а потом честно скажешь: ты сдался или укрепился в своем невежестве». Мы сели, я ему поставил больше военных песен, конечно — «Баньку», «Охоту на волков» и «Купола». Он слушал, слушал и все больше уходил в себя. Вы знаете, он даже прослезился. В общем капитулировал перед этим напором.

— А история этой вашей знаменитой статьи?

— По-моему, на поминках меня попросила написать Марина Влади, написать к сороковому дню со дня смерти. Все эти дни я спал часа по три-четыре. День и ночь я слушал Володю — и писал. Игорь Шевцов мне очень помогал: привозил записи, фотографии, тексты. Но тогда статья не была опубликована, пошла в «самиздат». Через год Лавлинский опубликовал ее в «Литературном обозрении». Причем Володя сам себя пробивал. Лавлинский тоже вначале скептически относился к Высоцкому. И я так же, как и Лазареву, принес записи... Он послушал и сказал: «Ладно, цензуру беру на себя». И статья вышла.

— Почему сейчас все реже и реже Высоцкий звучит по радио и на телевидении?

— Вы знаете, это пройдет. Я не хочу сам прослыть пуристом, но все эти шлягеры на девяносто процентов — это же муть. Чистая муть, играющая на самых высоких человеческих инстинктах. Бездарно и глупо. Володя, Окуджава, Галич, Визбор, Юлий Ким — это же общение с душами, это же душевная пища. Время Высоцкого — это время нашего поколения, мы вместе с этой любовью и умрем. Но время Высоцкого еще наступит — я в этом уверен.

— Посмертная судьба Высоцкого, как вы считаете, она сложилась счастливо или несчастливо?

— Вот уже десятка два изданий вышло — в этом смысле, конечно, счастливо. Но, конечно, тоска берет, что все это — после

смерти. Я помню, как мы с Натальей Крымовой (известный советский театровед, вдова режиссера Анатолия Эфроса) в МГУ проводили семинар по Высоцкому. Тогда это казалось такой «ересью», что проводилось чуть ли не подпольно. А сейчас, в 60-летие Володи, хотят сделать международную научную конференцию об истоках творчества, о поэтике, о Высоцком, как о поэтическом явлении, стоящем в одном ряду с Есениным, с Цветаевой. Он же — из круга тех, которые навсегда. А что меньше его транслируют и, соответственно, меньше слушают... Повторяю — время Высоцкого еще настанет.

НАТАЛЬЯ КРЫМОВА

Нужна, выраженная голосом Высоцкого,
страстная тоска по лучшей жизни.
А.Эфрос

Наталья Анатольевна Крымова — критик, искусствовед, автор многочисленных книг о театре, — ответственный секретарь Комиссии по литературному наследию В.С.Высоцкого.

Н.А.Крымова — автор самой первой прижизненной статьи о В.В., многочисленных аналитических публикаций о его творчестве, составитель двух сборников стихов Владимира Высоцкого. Ей принадлежит идея книги «Правда смертного часа».

— Наталья Анатольевна, было ли что-то, что поразило вас в Высоцком?

— Да, я хорошо помню один случай, который меня просто поразил. Володя ехал на машине, по-моему, по Козицкому переулку, — там, где институт искусствознания. То есть, я его уже знала и, очевидно, он меня тоже знал, но близкого знакомства не было. Машина остановилась, Володя выскочил и вдруг встал на колени...Я тогда ничего не знала про болезнь, но он был за рулем и был абсолютно трезвым. Так вот, он встал на колени и стал говорить: «Спасите меня!» Потом, когда я рассказывала это его друзьям, они как-то с удивлением и недоверием слушали меня. Однако это было. Причем там не было никакой мелодрамы или показухи, — это была очень конкретная просьба, но почему она была обращена ко мне?! Я слышала тогда, что Высоцкий сильно пьет, а мы лечили тогда одного своего знакомого... Я не помню точно фамилию врача. И вот я в растерянности сказала, что вот, может быть, вам поможет Белоконь, а он так с досадой отмахнулся — что-то вроде, я уже это прошел... (По свидетельству В. Золотухина В.Высоцкий действительно в апреле 1968 года прошел амбулаторное лечение у профессора Рябоконя. — *В П.*) Но это был момент, когда мы уже были знакомы.

— А его реакция на вашу статью? (Н. Крымова, «Я путешествую и возвращаюсь...» // Советская эстрада и цирк. — 1968. — №1.)

— Выяснилось, что эта статья была первой о нем. Этого я просто не знала очень долго. Это выяснилось, когда Володи уже не стало.

— То есть, реакцию Высоцкого вы не знаете?

— Нет, реакцию его я знаю. Володя был в Париже и оттуда позвонил домой, стал меня благодарить. И как-то мне дома об этом сказали, я подумала, что за ерунда... А мне сын говорит: «Ну, как же ты не помнишь, что Володя звонил и благодарил тебя». (Начало 1968 года было для Высоцкого очень сложным: несколько «срывов» под-

ряд, больница, увольнение «по статье». Он мог звонить либо из Ленинграда, где заканчивался монтаж «Интервенции», либо из Одессы. — *В.П.*)

— А вначале Высоцкий для вас — актер Тетра на Таганке?

— Да. Но сейчас я понимаю, что когда написала «поэт, рожденный театром» — это неправда. Я не знаю, как он родился как поэт, но с театром были сложные отношения. И не случайно от театра Володя отходил в последнее время. Так что это не так — «рожденный театром». Поэт, просто большой поэт.

— А первые спектакли?

— Первые? Это, конечно, Брехт, потом «Десять дней»... Было впечатление чего-то прочного и твердого, и что он держит это и от этого не отступит. Ощущение силы — оно так и осталось навсегда. Однажды Высоцкий был у нас дома, когда он что-то делал с Анатолием Васильевичем (Эфросом. — *В.П.*). Володя пришел к нам домой и Толя говорит ему, немного застенчиво: «Володя, а ты не можешь нам дать кассету с некоторыми своими песнями?» Володя сказал: «Анатолий Васильевич, да что кассета! Давайте я прямо у вас напою». — «Ну, здесь же Первая Брестская, здесь же ужасный шум!» — «Да я вам любую Брестскую перепою!» Но мы тогда как-то постеснялись это предложить, и такой пленки, к сожалению, не существует. Но вот что я еще заметила. Толя сказал, что ему нравятся некоторые песни — «серьёзные», как он выразился. Я заметила, что Володя это слушает, а у него так немножечко желваки ходят. (Вероятно, это было в 1976 году, когда А.В.Эфрос сделал на радио инсценировку романа Джека Лондона «Мартин Иден». Роль Идена исполнил В. Высоцкий. — *В.П.*)

И была работа над «Вишневым садом» — это было замечательно. На репетициях я не была — болела и жила тогда в Переделкино. Толя приезжал туда и рассказывал, как поразительно все изменилось, когда в спектакль пришел Высоцкий. Как он замечательно слушал, как он точно все делал. Вообще, я могу вам сказать, что работа Высоцкого с Эфросом — это совершенно отдельная глава, потому что это было прекрасно. Из всех актеров, которые работали у Толи, Володя, вероятно — идеальный случай, потому что было полное взаимопонимание. У Высоцкого был такой слух — не только музыкальный — а слух с большой буквы: мгновенное понимание любой мысли, любой трактовки. Это происходило чрезвычайно быстро. По-моему, как Володя играл в «Вишневом саде» — это лучшее, что у него было в театре.

— Как вы узнали о смерти Высоцкого?

— Узнала о смерти на прогоне спектакля Сергея Юрского. Он ставил Островского в Театре Моссовета. Мне сказали об этом — я не поверила. Я сказала Юрскому — он тоже не поверил: «Я это слышу уже не в первый раз». Но потом люди нас как-то убедили.

— А похороны?

— Я помню, как мы прошли Радищевскую, а люди расступались, пропускали нас... И Толя мне сказал: «Первый раз мне было не стыдно, что я работаю в театре».

Мне и сегодня трудно выговорить то слово, которое было у меня в голове, потому что это слово «праздник». Оно не имеет отношения к горю, но мы увидели громадное количество нормальных человеческих лиц — таких сосредоточенных и замечательных. Это, конечно, забыть невозможно!

— В восьмидесятых годах вы так много сделали для издания текстов Высоцкого, для увековечивания его памяти, а потом ушли. Почему?

— Почему? Вы знаете, я не могу ответить на этот вопрос. Меня просто вытолкнули обстоятельства, которые меня тогда двигали, и двигали в другую сторону.

— Но вначале все было так замечательно...

— Вы имеете в виду эту компанию друзей Высоцкого? Знаете, как мне кажется, там у каждого был свой интерес. У меня, как вы понимаете, никакого конкретного интереса и быть не могло. Но вот когда что-то нельзя, а делать надо — вот тогда мне очень хочется. Во всяком случае, так было — и на это хватало сил. Я помню, что они меня совершенно измучили и измотали — все эти друзья Высоцкого, потому что даже фотокопий рукописей было невозможно достать. Нужно было работать над книгой (Владимир Высоцкий. Избранное. — М.: Советский писатель, 1988), и тут началась какая-то странная свистопляска: до какого-то времени у меня ничего не было на руках. Все было почему-то у Антимония. Кстати, вы ничего не пишете о нем в книге «Правда смертного часа». Он, вероятно, возник уже после Володиной смерти... Но, конечно, Антимоний и Сева Абдулов работали, но в каких-то страшных конфликтах. Я иногда просто не знала, как себя вести. Вот этот наш дом был прокурен и «проспорен» до предела. Однажды я решила все это бросить, именно из-за отношений с ними. Но позвонил Анатолий Васильевич — он был где-то на гастролях, это было осенью, вероятно, 1986 года — и спрашивает: «Как там дела с книгой?» Я отвечаю: «Решила все это бросить». — «Не принимай никаких глупых решений без меня. Это дело святое». Я это хорошо запомнила: «Это дело святое, бросать это нельзя». Ну, вот я и не бросила. Как раз в Москве была Марина. Она сказала такую замечательную фразу, когда я и ей сказала об этом: «Марина, я больше не могу, ты меня прости». Это было в день съемки передачи. Мы встретились у дома Севы Абдулова, и она так смешно сказала: «Ты не уйдешь, потому что по полу, возрасту и

уму — сможешь только ты». И мы пошли сниматься. А Марина — человек достаточно закрытый. Но когда есть цель, она действует очень точно. Тогда Юля Абдулова только садилась за перевод её книги, готовились передачи... То есть, тогда цель была, и ей нужно было, чтобы все делалось, чтобы все колесики крутились. Но измучена я была очень, и уже для себя знала, что будет эта книга, будет статья — и больше ничего не будет. Больше ничего и не было.

— В прошлом нашем разговоре вы употребили такое выражение «махровый непрофессионализм»...

— В общем, это было тогда... Одни любили Володю, другие чувствовали какой-то свой интерес, но был это явный непрофессионализм. Но вот теперь — вы же были на этой научной конференции — подключились и профессионалы.

— Вы работали над книгами В.Высоцкого, над телепередачей, часто встречались с Мариной Влади. У вас сложились и личные отношения?

— После смерти Толи она сразу позвонила мне и сказала: «Приезжай ко мне. Немедленно». А у меня ни на что не было сил: «Я даже чемодан не могу собрать...» — «Не надо никакого чемодана. Приезжай просто так». Вот так я оказалась в Париже, а там как раз шли гастроли Таганки. И Марина, никак не общаясь с Театром, приезжала в гостиницу, забирала меня к себе. Тогда мы как-то очень сошлись.

— Ваше отношение к ее книге?

— Совершенно спокойное. Она человек честный, через многое ей пришлось пройти, и многое было под секретом. Она очень буквально и точно описала то, что ей довелось пережить. Это надежный источник.

— Высоцкому не повезло после смерти?

— Ну, как не повезло, если столько изданий. Я не знаю, как сейчас издают тексты — мое дело было открыть дверь. Туда пошли другие люди, и что они делают сейчас, я не знаю. Тогда на меня все это обрушилось, я как-то сказала Белле Ахмадулиной: «Я же не текстолог-профессионал. Я не знаю, как работать?» Она ответила: «Доверьтесь своему внутреннему слуху». Я говорю, что знаки препинания невозможно поставить — они меняют значение стихов... А где они стояли у Высоцкого, неизвестно — рукописей нет. Как быть? — «Вот как слышите, так и делайте». Это я насчет текстологии Высоцкого. А вообще текстологи всегда воюют друг с другом.

ВЛАДИМИР НОВИКОВ

— Владимир Иванович, здесь, в МГУ, вы слушали Андрея Донатовича Синявского, а ведь он был учителем Высоцкого — преподавал литературу в Школе-Студии МХАТ...

— На духовное развитие Высоцкого Синявский повлиял самым прямым образом. Я бы сказал, что Андрей Донатович пробудил в Высоцком модернистские — в хорошем смысле — импульсы. Высоцкий получал их и от Театра на Таганке, и от поэзии Вознесенского, Ахмадулиной и Евтушенко... И не следует обижаться на «меньшого брата» Вознесенского — это ведь происходило исторически, — младший иногда оказывается самым гениальным. А потом, Высоцкий всем шестидесятникам приходился «меньшим братом», и когда В.В. говорил на одном из последних концертов, что ему ближе Гоголь, Свифт и Булгаков — это отчетливое влияние Синявского, как литературоведа и писателя.

— Но, как известно, Синявский больше ценил первые песни Высоцкого, как вы думаете — почему?

— Это происходило со многими, — дело в том, что большое видится на расстоянии... Сходную точку зрения высказывал и Андрей Тарковский в 1981 году. Так, как Володя пел в самом начале, он больше не пел никогда... Видите ли, многие за Высоцким просто не угнались.

— Потому что эволюция была слишком стремительной?

— Совершенно верно. Стремительная эволюция, — как Тынянов сказал о Пушкине: «катастрофическая эволюция» — не в негативном смысле, а подчеркивая эту стремительность. Высоцкий очень быстро шел к духовному бессмертию и физической гибели. И те, кто полюбил его раньше, продолжали любить его ранние песни. Это тоже говорит в пользу Высоцкого — его начало не было разминкой перед настоящим творчеством.

А у литературоведов и высоцковедов, которые занялись его творчеством, после 1980 года встречается совершенно противоположная точка зрения: вот «Райские яблоки», «Памятник» — это настоящий Высоцкий, а ранние песни — это «шалости гения». Понимаете, с одной стороны, испытываешь огромную зависть к людям, которые находились в прямом контакте с Высоцким, а не слушали его на концертах или видели в спектаклях Театра на Таганке — как я, например, — хотя теперь и это надо ценить. Грешным делом, я иногда думал, что надо было при жизни встретиться и поговорить, надо было пораньше написать о нем — у меня уже тогда были определенные мысли... Но я понял — особенно после того, как про-

читал вашу книгу («Правда смертного часа»), что есть свои плюсы в том, чтобы наблюдать великого человека на расстоянии.... Я понял, что это очень болезненный процесс — общение с человеком, который сжигает себя, который становится невыносимым для небольшого круга близких людей.

Все, кто близко общался с Высоцким, сейчас находятся в болезненной ситуации... Замечательно, что большинство из них успели высказаться для ваших книг «Живая жизнь», потому что чем дальше Высоцкий уходит от нас, тем более закрытыми становятся его прижизненные спутники. Вот каково Юрию Петровичу Любимову?! Он думал, что Высоцкий останется, потому что работал в театре Любимова, а получается, что Театр на Таганке останется потому, что там работал Высоцкий. Понимаете, какая ситуация — поэзия более долговечна, чем театральное искусство. И кому хочется остаться в комментарии, быть сноской в биографии великого человека...

А те, кто играл с ним на сцене, — тут ревность просто неизбежна. Как сказал Василий Аксенов: «Писатель — животное завистливое», и это относится к представителям всех искусств. Поэтому я думаю, что люди, близко стоявшие к Высоцкому, его позднего творчества просто не сумели вместить, — достаточно было того, что они успели понять в свое время.

— Соотношение личности и творчества в судьбе Владимира Высоцкого?

— Недавно вышел фильм о Высоцком немецкого режиссера Гюнтера Коте, я видел его, правда во французском переводе. Гюнтер — умный и живой человек — обратился ко мне с просьбой рассказать о Высоцком. Я отказался. Пока живы родные, друзья — их надо опрашивать и снимать, а я и в письменном виде могу высказаться. Его, западного человека, смутило то, что происходит у нас по поводу любой выдающейся личности — склонность к идеализации. А мне просто хотелось напомнить стихотворение Пушкина:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
Молчит его святая лира,
Душа вкушает сладкий сон
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он

Ведь сейчас пришло время решать такие задачи не только в связи с творчеством Высоцкого. Все эти старые мифы о том, какие замечательные и безупречные люди были Пушкин и Лермонтов, и как Николай I убил их на дуэли, переодеваясь то Дантесом, то Мартыновым... Эти мифы сейчас подвергаются основательной ревизии. Пришло время говорить, как это было на самом деле, собирая и публикуя самые разные версии. Я понимаю, на какой риск вы пошли, публикуя «Правду смертного часа» в то время, когда живы многие свидетели и участники этих событий. Но методологически я нахожу эту книгу абсолютно правильной. Приведены все свидетельства, все версии, а sapienti sat (умному достаточно), чтобы самому все проанализировать и понять... Сейчас нужны факты и факты, а от красивых концепций культура несет только убытки.

— В конце века дневники, воспоминания, письма — то есть, «человеческие документы» вызывают больший интерес, чем художественная литература. Вы согласны с этим?

— Эта тенденция конца века объясняется очень просто: природа как-то очень отдохнула на литературе 80-х—90-х годов. Смерть Высоцкого в 1980 году, смерть Трифонова в 1981 году — это две символические смерти. Два следующих десятилетия не были временем новаторства в литературе — в области творчества, природного творчества. Это были годы собирания культуры, поэтому повышенный интерес к факту, а не к вымыслу.

Но что мне нравится в нашем времени — люди вообще поумнели. Они не ждут сказочек о том, каким хорошим был Володя Высоцкий, как он всех любил и гладил по головке — они готовы принять правду такой, какая она есть... Мне нравится эта тенденция нашего времени: стремление к правде не идеологизированной, не приспособленной под какие-то концепции.

— А какова сейчас ситуация в авторской песне?

— Я стараюсь следить за самыми новыми бардами... Это высокообразованные, высококультурные поэты. И когда они печатают свои стихи на бумаге, к ним никаких претензий не возникает. А вот слушаешь новых бардов — в их песнях нет ошибок, а ведь ошибка иногда создает обаяние. Взять Кукина, Клячкина: у них и культуры, и образованности было гораздо меньше, но у них было обаяние неправильности, смелой трансформации языка.

— А кто останется, как говорил Чуковский, вместе с Высоцким, Окуджавой и Бродским?

— Что касается Бродского, то тут я придерживаюсь крамольных взглядов. Я не считаю вклад Бродского в русскую поэзию созидательным. Это, скорее, завершение каких-то общекультурных тенденций, — тупиковая линия, но не гениальная — без прорывов в космос, в запредел.

Много ведь есть замечательных поэтов... Возьмем знаменитую троицу — Ахмадулина, Вознесенский, Евтушенко, которую вначале ценил и Высоцкий. Ведь не хватает книги о них, но если она будет написана, то захватит лишь узкий период. После того, как «смежили очи гении» (это сказал Самойлов) — Пастернак, Цветаева, Ахматова, — останутся три поэта, как ни странно, пришедшие из авторской песни: Окуджава, Высоцкий и Галич. Через их сравнение можно понять не только какие-то эстетические и поэтические процессы, но можно увидеть всю духовную жизнь России.

В последнее время мы немного ударились в эстетизм, в качество языка, но мало кто может сравниться с Окуджавой, Высоцким и Галичем по содержанию стиха. Существует еще и материал искусства, существуют идеи, осмысление времени. И мне кажется, что в истории русской поэзии 60-х—70-х годов — и далее везде — духовная жизнь Окуджавы, Высоцкого и Галича продолжается. И именно по этим поэтам можно понять, что с нами происходило и происходит.

— А кроме того, они оказывали нравственное воздействие на общество...

— Да, и эту давящую тяжесть им просто трудно было выдержать. Ведь нравственность — это не индульгенция на безгрешность, а прежде всего груз, тяжкий груз. Нравственным можно стать только одним способом — взвалив на себя чужие грехи, чужую трусость, низость, глупость. Это Высоцкий сделал с особенной смелостью, с особым риском, — вот в этом его нравственное воздействие. Потому что поучать: не будьте плохими, а будьте хорошими, — это может любой. А петь от имени плохих, да еще так, чтобы люди думали, что сам Высоцкий такой... Чтобы люди, слушая эти песни, становились лучше, становились людьми — это трудное воздействие. У Высоцкого это — от способности к перевоплощению, от огромного интереса к людям, к жизни, чего, к сожалению, у нынешней культурной поэзии нет.

На факультете журналистики МГУ я читаю спецкурс, который называется «Окуджава, Высоцкий, Галич — поэзия и время». Я очень рад, что молодые люди, которые, может быть, не слушают, но читают этих поэтов — высказывают о них необыкновенно свежие суждения. Поэтому все разговоры, что популярность их отошла, мне представляются пустыми... Отошла, но не более, чем популярность Пушкина, Блока, Мандельштама.

— Вы бываете за рубежом. А помнят ли там Высоцкого?

— Совсем недавно в Норвегии был такой семинар «Андрей Тарковский и Владимир Высоцкий» — вот такое сближение. Норвежцы, в основном, говорили о Тарковском, а сопоставление этих фигур пришлось проделать мне. Потом я прочитал несколько лекций на эту тему. Биографических контактов было немного — вы это хорошо знаете, — но само соотношение Тарковского и Высоцкого оказалось очень интересным и важным.

Не везде понимают Высоцкого — очень труден перевод, — но интерес к нему есть. Этой весной я еду во Францию в город Экс ан Прованс, в течение семестра буду читать там два курса. Первый — это Пушкин, которого я очень люблю, и второй, что мне чрезвычайно приятно, — это «Высоцкий, Окуджава и Галич».

В общем, я думаю, что у Высоцкого хорошее международное будущее, потому что ему есть, что сказать людям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Растащили меня, но я счастлив, что львиную долю
Получили лишь те, кому я б ее отдал и так.
В.Высоцкий

Да, искра Божия, небесный дар, но и поручение. А еще внутренняя потребность, от которой никуда не денешься, — траты и утраты.

И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.
Б.Пастернак.

Когда библейский пророк замолчал, то пламень стал сжигать его изнутри... Натан Эйдельман рассказывал историю тайного заключенного Петропавловской крепости, прорицателя монаха Авеля, предсказания которого неизменно сбывались. Авель говорил: «Хоть раз совру — свой дар утрачу».

Не единою буквой не лгу...

Но дар — не только трата (кстати, Высоцкий любил слово «тратиться»), это еще и «высокая болезнь» — вдохновение. Восторг поэта, повторившего акт творения. «Стихотворение гения — живое существо» (В.Гордеев). В этом восторге поэта, вероятно, и заключена его высшая награда: «Ай, да Пушкин! Ай, да сукин сын!» — завещание всех гениальных поэтов.

В завещании Владимира Высоцкого есть трагическая строка — это около двух лет жизнь в аду. «Остро чувствовалось дыхание смерти, сил уже не хватало. Нужны были допинги, и они нашлись, вначале в виде алкоголя, а впоследствии и наркотиков» (Е.Канчуков).

Слишком много он взвалил на плечи
Нашего, и сломана спина.

Напомню мысль А.А.Ахматовой, что поэта без трагедии не бывает... Трагедия, когда искру Божию приходится добывать подручными средствами. Ю.Нагибин в своем знаменитом дневнике пишет о другой стороне этой трагедии, имея в виду наркоманию Галича и Высоцкого: «Это их не ослабляло, а усиливало в той борьбе, которая вела против них всесильная власть. У власти была одна цель: заткнуть им рты, а они пели, пели вопреки всему... И казалось, хряк победил: сжевал Высоцкого, а Галича отринул в изгнанничество и гибель. Ан, нет, песни остались, победа за певцами».

В эти последние два года Высоцким, очевидно, двигала «энергия отчаяния» — то внятная близость смерти, то надежда на чудо.

«Все напрасно! Чудес не бывает»...

По мысли Рильке, для героя, как и для творца, смерть позади, впереди — вечность. «Не родился, не умер — побывал на земле...» И в этом узком промежутке между двумя вечностями Высоцкий успел сделать очень много. Жизнь Высоцкого — пример невероятного взлета и пример строительства самого себя, своей личности, своей судьбы.

Вся жизнь и все творчество Владимира Высоцкого — завещание. Может быть, только для нашего поколения? «Для нас Высоцкий и не уходил. Мы и умрем вместе с ним» (Ю.Карякин). Но его живого теперь нет — и нам предстоит разгадывать его тайны и загадки. Этому будет посвящена следующая книга «Неизвестный Высоцкий» — «Тайны биографии Владимира Высоцкого».

1998—2000

Автор благодарит за помощь в подготовке этой книги Л.Абрамову, С.Бочарова, Ю.Гурова, В.Дузь-Кряченко, Н.Ермолину, А.Ковановского, Н.Маслову, И.Рахманова, П.Солдатенкова, И.Шевцова, В.Шкуратова (Новосибирск), В.Янковича.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВДА СМЕРТНОГО ЧАСА

Вместо предисловия ... 7
Январь ... 9
Февраль ... 35
Март ... 57
Апрель ... 74
Май ... 90
Июнь ... 108
Июль ... 132
Вместо послесловия ... 234

ПОСМЕРТНАЯ СУДЬБА

Вступление ... 239
Прощение продолжается ... 242
Посмертная маска ... 247
Последний следователь ... 250
Последняя песня ... 254
Прошу принять меня... ... 258
Гений? ... 260
Аркадий и Никита ... 262
Памятник ... 267
Долги ... 273
Дачная история ... 276
Слухи и легенды ... 282
Виталий Войтенко ... 288
Анатолий Васильев ... 293
Марина Влади ... 301
Михаил Шемякин ... 311
Аркадий Львов ... 321
КГБ СССР ... 326
«Город Парижск» ... 333
Эмиграция ... 337
Иосиф Бродский ... 342
Михаил Барышников ... 347
Бабек Серуш ... 350
Анатолий Федотов ... 359
Олег Филатов ... 365
Иосиф Сталин ... 368

Двоюродный брат ... 372
Никита Хрущев ... 374
Валерий Янклович ... 378
Оксана Афанасьева ... 390
Игорь Шевцов ... 404
Юрий Карякин ... 412
Наталья Крымова ... 419
Владимир Новиков ... 423
Заключение ... 428

ПОЛИТБЮРО